

9(с154)
16283
-47200-

М. М. БАТМАЕВ

КАЛМЫКИ

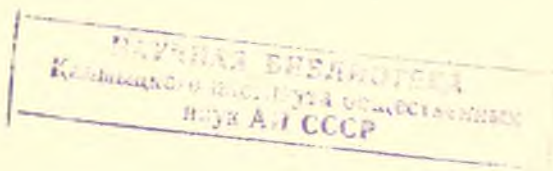
в XVII — XVIII веках

М.М. БАТМАЕВ

КАЛМЫКИ
в XVII - XVIII веках
События, люди, быт

В двух книгах

- 47200 -

Элиста
Калмыцкое книжное издательство
1993

ББК 63.3 (2Р - 6Ка)
Б 283

Б 0503020200-033 -93
М 126(03)- 92

ISBN 5-7539-0275-8

© М. М. Батмаев, 1992 (книга I-я)

© М.М. Батмаев, 1993

© Г. Л. Горяев, оформление, 1993

ОТ АВТОРА

Различным сторонам прошлого калмыков посвящена сравнительно обширная литература. Не последнее место в ней занимают исторические труды, увидевшие свет в дореволюционное и советское время. Не все периоды и проблемы калмыцкой истории изучены и освещены с достаточной полнотой; тем не менее нет никакого сомнения в том, что историография Калмыкии существует и продолжает пополняться новыми работами.

В последние годы История в очередной раз пристально и с повышенной пристрастностью всматривается в себя перед зеркалом современности, на этот раз нашими с вами глазами — глазами людей, обремененных нелегкими заботами и размышлениями. Пожалуй, впервые за многие годы делает она это не с тем, чтобы, отыскав на своем лице нежелательные морщины и следы буйных излишеств прошлого, попытаться скрыть их белилами и румянами, а скорее всего с тем, чтобы с беспощадной ответственностью и прямотой выявить именно негативные явления и сложные проблемы.

Подобное явление — еще раз подтверждая истину, что оно характерно для чрезвычайных, переломных эпох — сопровождается пересмотром старых и появлением новых тем, взглядов и оценок. Многие страницы истории нашей страны и населяющих ее народов, особенно советского периода, подвергаются новому прочтению и серьезному переосмыслению. Не является исключением и история калмыцкого народа дореволюционные периоды которой, по крайней мере часть их, также нуждаются в определенных корректировках концептуального и содержательного характера.

Не умаляя значения вклада авторов XVIII века (П.И.Рычков, И.И.Лепехин, С.Г.Гмелин, П.С.Паллас, И.Г.Георги), следует признать, что более или менее систематизированные зарисовки истории калмыцкого народа появляются с 30-х годов XIX столетия. Относительно изучения событий XVIII—XVIII вв. круг проблем и источниковая база в XIX — в начале XX вв. существенно не были расширены. Ориентиры и тональность были надолго заданы трудами Н.Я.Бичурина, и в этом смысле не было большой разницы между, скажем, "Подробными сведениями" Н.А.Нефедьева и "Краткими замечаниями" А.В.Попова. Справедливости ради надо отметить, что появлялись сочинения авторов (например, М.Г.Новолетова), пытавшихся освежить устоявшиеся взгляды и положить в документальное основание новые "кирпичики", но в целом они не могли существенно изменить общей картины.

Исследования советского периода также не лишены ряда недостатков. В первую очередь, они страдают излишней социологизированностью и схематизмом: крайне обобщенное изложение нередко завершается выводами, вытекающими не столько из рассмотренного материала, сколько из общих методологических установок — истинность которых в ряде случаев подвергается ныне сомнению. Надо вернуть в историческую панораму богатство событий, конкретную обстановку, в

которой они протекали, идеологические установки и духовные чувствования людей того времени. От этого картины прошлого не исказятся, а наоборот, наполнятся новым содержанием и заиграют свежими красками. Еще один недостаток, который нужно преодолеть, — это тенденция обходить "неудобные" по тем или иным соображениям, но всегда далеким от подлинной научности, факты и явления прошлого.

В предлагаемой работе автор пытается решить три взаимосвязанные задачи. Во-первых, осветить события калмыцкой истории XVII—XVIII вв., особенно те, которые еще не нашли достаточного отражения, или же связанные с ними проблемы, которые являются до сих пор дискуссионными. Во-вторых, обрисовать людей далекого прошлого с их чаяниями, думами, стремлениями и практическими действиями, создавая при этом индивидуальные портреты ряда исторических деятелей, активно участвовавших в описываемых событиях, а нередко и определявших их направление и итоги. В-третьих, дать представление о конкретной бытовой и общественной обстановке, в которой действовали люди различных сословий; это тем более необходимо, что не в последнюю очередь и характер событий, и действия людей определялись обстановкой, которая складывалась на тот или иной период.

Работа состоит из двух книг. Первая из них была издана Калмыцким книжным издательством в 1992 г. Так как она пользуется до сих пор определенным спросом (автор относит это не столько к достоинствам своего труда, сколько к отсутствию достаточного числа новых книг по истории Калмыкии), решено переиздать ее вместе со второй. В настоящем издании вторая часть первой книги дополнена главой "Административно-управленческая система Калмыцкого ханства". Имея в руках обе книги, читатель не преминет заметить, что в них почти не затрагиваются вопросы традиционного мировоззрения калмыков, их культуры, роли ламаизма и т. п. Пишущий эти строки лстит себя надеждой посвятить названным сюжетам отдельное исследование.

Данная работа рассчитана на широкий круг читателей, в связи с этим автор позволил себе в некоторых случаях отступить от принятого оформления научно-справочного аппарата. Если приводятся взгляды и сведения исследователей, труды которых хорошо известны специалистам, соответствующие упоминания даются в тексте без постраничных ссылок. При пользовании данными некоторых опубликованных материалов в тексте изложения называется соответствующий сборник и, при необходимости, порядковый номер цитируемого документа. Опущены иногда и ссылки на архивные источники, если приводимые из них сведения не носят принципиального характера, имеют аналогии в существующей литературе или же из-за своей типичности не нуждаются в особых доказательствах. Разумеется, автор полностью отвечает за точность сведений, памятуя о предупреждении Цицерона: "... первый закон истории заключается в том, что автор да не осмелится сообщать что-либо, за исключением правды".

КНИГА ПЕРВАЯ

В двух частях

**ВОСХОЖДЕНИЕ
НА ГОРУ СУМЕРУ**

Часть I. ВСПЛЕД ЗА СОЛНЦЕМ

ЛАБИРИНТЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

На рубеже XVI-XVII столетий калмыки отделились от ойратов- западно-монгольской народности, обитавшей на степных просторах Джунгарии. Во многих источниках термин "ойрат" употребляется в сочетании с "дэрбэн-ойрат", со значением первого слова в монгольских языках - "четыре". Происхождение и значение этнонима "ойрат" до сих пор не получили общепризнанного объяснения. Одни полагали, что этноним образован от слова "ойра" - "близко", и понимали его как "близкий", "союзник": соответственно "дэрбэн-ойрат" как "четыре ойрата", или "союз четырех ойратов". Другие утверждали, что "дэрбэн" и "ойрат" обозначают названия отдельных племен. Бурятский ученый прошлого века Д.Банзаров высказал предположение, что загадочный этноним образован из слов "ой" и "арат", что означает "лесной народ".

Известно, что не все разделяют взгляд на калмыков как на особую, сложившуюся в XVII в. народность, и в связи с этим противопоставление их как потомков, а ойратов как предков. Согласно этой точке зрения, калмыки - те же ойраты, отделившиеся от основной массы и получившие от иноязычных соседей свое особое название, ставшее само-названием, и никаких принципиальных языковых, культурных и т.п. превращений они не претерпели в последующем, чтобы их считать особой, вторично сложившейся народностью: короче говоря, калмыки - это часть ойратов в их непрерывном эволюционном развитии.

Думается, что и эта гипотеза имеет под собой определенные основания, хотя можно вспомнить о немцах и австрийцах, англичанах и англо-американцах, египтянах и иракцах и т.д., которые говорят на одном языке, не отличаются в экономическом, культурном и т.п. отношениях, но считают себя и считаются разными народами. Сказанное означает, что проблема образования калмыцкой народнос-

ти - в том числе ее временной аспект, какой бы очевидной она ни казалась, сложна и нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

События до начала XVII в. выходят за рамки нашего изложения, поэтому лишь несколько штрихов, необходимых для лучшего понимания последующих сюжетов. История нашего народа, как и любого, уходит своими корнями в глубины "седой древности", которая, по словам Ф.Энгельса, "при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего, более высокого развития". (Энгельс Ф. "Анти-Дюринг". Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т.20. С. 118.)

Относясь на "родословном древе" человечества к монгольской ветви народов, предки калмыков долгое время развивались в лоне протомонгольских племен. По вопросам о древнейших стадиях развития существует несколько гипотез. Не имея возможности останавливаться здесь на освещении каждой из них, отсылаю интересующихся к работам Л.Л.Викторовой "Монголы. Происхождение народа и истоки культуры." (М., 1980) и Э.А.Новгородовой "Древняя Монголия. Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории". (М., 1989). Остановлюсь лишь на одном из вариантов происхождения протомонгольских племен, согласно которому древнейшие следы их надо искать не на территории Монголии и даже не в ближайшем соседстве с ней.

По гипотезе о ностратических языках, для научного обоснования которой очень много сделал выдающийся советский языковед В.М.Иллич-Свитыч, устанавливается отдаленное родство между индо-европейскими, семитохамитскими, уральскими, алтайскими (куда входит и монгольская группа) языковыми семьями. Более того, В.М.Иллич-Свитыч включал в ностратическую макросемью картвельские и дравидийские языки. В последнее время к алтайской семье, кроме тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, относят японский и корейский языки. Некоторые ученые, признающие ностратическую теорию, место формирования и распада этой семьи языков видят в Юго-Западной Азии. Предполагается, что названное распадение произошло примерно в XII-XI тысячелетиях до н.э., т.е. в конце верхнего палеолита или в начале мезолита. Необходимо, наконец, отметить, что носители этого предполага-

емого праязыка в расовом отношении являлись европеоидами.

По поводу алтайской языковой семьи существуют две точки зрения. Одни лингвисты считают, что она является общностью, образовавшейся в результате постоянных контактов живших в тесном соседстве носителей входящих в нее языков. Другие предполагают, что алтайские языки имеют в основе один праязык, т.е. связаны генетически. Прародину данного этноязыкового единства ищут в районах Северного Ирана и Средней Азии, а распад его относят к промежутку между X-YIII тыс. до н.э., но где конкретно и когда происходило отделение одних языков от других — сказать трудно. Если верно предположение, что алтайская общность была европеоидной, то в ходе своего продвижения с запада на восток носители ее все более поглощались в антропологическом отношении местным монголоидным населением, вместе с тем сохраняя свои языки и ассимилируя, очевидно, часть коренных жителей осваиваемых регионов. Монголы и тунгусо-маньчжуры в конце концов окончательно стали монголоидами; процесс этот был очень длительным, захватив и 1 тыс. н.э. (кстати, напомним, что Чингисхан был рыжебородым). В связи со сказанным, не могу не вспомнить попытки Г.Е.Грумм-Гржимайло проследить судьбу "белокурой расы" — динлинов в его труде "Западная Монголия и Урянхайский край" (Том II, Л., 1926).

Выделение протомонгольских племен в особую общность исследователи относят к неолитическому времени, к Y-III тыс. до н.э. Как полагает К.В.Вяткина, к этому же времени относится существование у них тотемного (тотемизм — вера в родство групп людей с определенными видами животных и растений; каждый род носил имя своего тотема) материнского рода, а это значит, что уже тогда сложились система и термины родства, до сих пор сохранившиеся у ряда монгольских народов. В эпоху бронзы и раннего железа у жителей Центральной Азии выделились три хозяйственно-культурных типа: земледельческий у племен юго-востока, охотничье-рыболовческий в северной лесной зоне, а в степях происходит постепенный переход к кочевому скотоводству. Связать перечисленные хозяйственно-культурные типы с конкретными этническими общностями на раннем этапе пред-

ставляется затруднительным, позднее же кочевое скотоводство стало основным занятием большинства монгольских племен¹.

Последние века до н.э. и первые н.э. характеризуются в истории древнемонгольских племен, известных под именами дунху и сяньби, борьбой с хунну, которых все большее число историков относит к предкам тюрков. Долгое время борьба шла с переменным успехом, в ходе которой одни древнемонгольские племена надолго подчинялись хунну, другие откочевывали с насиженных мест, но со II в. н.э. намечается явный перевес сяньбийцев над северными хунну. Все они часто тревожили своими стремительными и опустошительными набегами Северный Китай. Последний, устав отбивать нападения "северных варваров", пытался отгородиться от них знаменитой стеной, но и она не оправдала возлагавшиеся на нее надежды.

Затем наступает время последовательного расцвета и крушения жужанского, тюркского и уйгурского каганатов, каждый из которых начинал с разбрасывания, а кончал собиранием камней предыдущего, но, не сумев закончить всю работу, уступал место более удачливым разбрасывателям: уже тогда бесспорной была истина, что ломать легче, чем строить. В состав названных каганатов так или иначе входили и древнемонгольские племена.

Уйгурский каганат, центр которого располагался вблизи р.Орхон, в 840г. пал под ударами енисейских кыргызов. Воспользовавшись благоприятной политической обстановкой, древнемонгольские племена киданей образовали свое государство, в которое вошли и другие родственные им группы. Кидане были разгромлены в 1125 г. тунгусо-маньчжурскими племенами чжурчженей, после чего остатки их мигрировали на западную границу своей бывшей империи, где образовали государство кара-китаев.

Существует предположение, что выделение протоиранских племен (или племени) из общего массива монгольских племен ("шивэй" китайских источников, "отуз-татар" древнетюркских орхоно-енисейских надписей) произошло также после событий 840г., когда древние монголы освободились из-под власти Уйгурского каганата. Г.О.Авляев считает, что после выделения ойраты продвинулись (откуда?) в Прибайкалье и верховья Енисея, вытеснив оттуда курыкан и туматов, а позже, во второй половине XIII в., переселились на территорию Алтае-Хангайского нагорья в Западной Монголии².

Конкретных и бесспорных сведений по этому поводу в источниках нет. Однако в ряде монгольских летописей, — включая и "Сокровенное сказание", создание которого относят к 1240г., — имеются сходные данные, на которых и строятся гипотезы, подобные вышеприведенной. В них сообщается, что у потомка легендарного прародителя монгольских ханов Бортэ-Чино Торголджин-Баяна (по другим данным — Борджигидай-мэргэна; счет поколений от Бортэ-Чино до Торголджин-Баяна колеблется от 8 до 12) было два сына: старший Дува-Сохор и младший Добу-Мэргэн. После смерти старшего брата четверо его сыновей — Донай, Догшин, Эмнэг и Эрхэх, не признавая дядю старшим в роде, отделились и откочевали прочь. Они образовали род дербенов и стали предками дербенов.

Опираясь на источник "Алтан-Тобчи" Лубсан Данзана, Г.С.Горохова делает вывод, что это "самое первое и самое раннее по времени упоминание в нашем источнике одного из самых древних ойратских родов дербэнов или дэрбэтов"³. Хотя чуть ниже Г.С.Горохова вроде бы видит в откочевке "дербэнов" отделение предков ойратов от общемонгольского массива племен, можно также предположить, что она в уходе четырех братьев видит отражение возникновения одного из ойратских родов — дербетов, а не отделения протоойратских родов или племен вообще.

Не противоречит подобному предположению и утверждение "Алтан Тобчи" Мэргэн-гэгэна, что потомки четырех братьев находятся среди дэрбэн-ойратов. Однако в "Эрдэнийн Тсбчи" Саган Сэцэна говорится, что сыновья Дува-Сохора стали родоначальниками четырех ойратских родов: огэлэд, багатуд, хойт и кэргуд. О дербетах как об одном из древних ойратских родов ни слова не говорится в указанных источниках. Очевидно, что нет достаточных оснований считать известие о возникновении четырех ойратских родов как свидетельство об обстоятельствах появления рода позднейших дербетов.

Вместе с тем можно предположить, что в основе рассказа о строптивых племянниках Добу-Мэргэна лежат действительные события, связанные с очередным расколом древнемонгольской общности и выделением из нее протоойратских родов или племен. Из имеющихся источников нельзя уяснить с достоверностью, в чем причина раскола и куда откочевали предки ойратов?

Что касается времени раскола, то сообразуясь со счетом поколений или от легендарного прародителя Бортэ-

Чино, или от времени жизни Чингисхана, а также исходя из других известных данных, можно с определенным основанием приурочить отделение древних ойратов от родственных племен к событиям, связанным с падением Уйгурского каганата. Разумеется, и сведения источников не бесспорны, и подсчеты приблизительны, но нет дыма без огня: ветер исследований уносит дым гипотез, раздувая угольки истины.

При описании деятельности Чингисхана по объединению монгольских племен, источники, в частности "Сокровенное сказание", упоминают имена ойратских Худуха-беки и Хара-Хиту. Первый, будучи главой племени хойтов, в 1201 г. вошел в коалицию, враждебную Чингисхану и поддерживавшую небезызвестного Джамуху. После разгрома Джамухи уцелевшие сторонники его разбежались по своим кочевьям, что счел за благо сделать и Худуха-беки и "двинулся в сторону Шигшига, пробираясь лесом". Когда в 1207г. Джучи двинулся по приказу отца на завоевание "лесных народов" и неминуемо должен был пройти через кочевья ойратов, Худуха-беки благоразумно решил не испытывать судьбу вторично, "добровольно" присоединился к завоевателям и даже указывал дорогу.

По этому поводу выясняется, что ойраты на тот момент кочевали в верховьях Енисея и его притоках и не входили в состав "лесных народов". За свою покорность Худуха-беки был пожалован: за его сына Иналчи была выдана дочь Чингисхана Сэчэй ген, а за другого сына Торолчи — дочь Джучи Холуйхан. Что касается Хара-Хиту, он был одним из девяти орлюков, то есть ближайших советников "потрясателя Вселенной".

В эпоху Монгольской империи ойраты входили в ее состав, управлялись своими владетельными князьями, позднее носившими титул тайшей (китайский термин — "великий наставник"), сохранявшими в той или иной мере самостоятельность по отношению к центральной власти. Как и во всей империи, у ойратов развивались и упрочивались феодальные отношения, хотя степень их зрелости и содержание остаются не совсем ясными. Существовала у них и система деления на десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч (тумены), введенная Чингисханом. Во второй половине XIII в. ойраты, как уже упоминалось, с верховьев Енисея и Прибайкалья переселились на территорию Алтае-Хангайского нагорья в Западной Монголии.

После падения династии Юань и изгнания монголов из

Китая в 1368г. в Монголии усилились противоречия между различными группировками феодальной знати. Борьба за власть над зависимыми людьми, владение пастбищными территориями и выгодными торговыми путями лежала в основе длительных столкновений восточно-монгольских и ойратских феодалов, в которые оказались втянутыми народные массы. Борьба отличалась ожесточением и коварством, шла с переменным успехом. Поводами для очередной вспышки ее были претензии ойратских тайшей на почетные общемонгольские титулы, а значит и привилегии, с ними связанные, угон табунов, захват пастбищ, и случалось, даже красавицы — вроде Ульдзейту-Гоа, которая, согласно описаниям, была "белее снега, а ее ланиты — как кровь на белом снегу".

Военный перевес и возвышение ойратое падают на время правления тайшей Тогона и его сына Эсена из владетельного рода Чорос (Цорос) в первой половине XV в. Им удалось объединить под своей властью почти всю Монголию, нанести ряд поражений другим своим соседям; после одного сражения в руки Эсена попал даже минский император Китая. К концу своей деятельности Эсен объявил себя общемонгольским ханом, но, на свою беду, обидел своих недавних сподвижников из числа ойратских тайшей, был ими разбит и после недолгих скитаний убит восточным монголом по имени Баху⁴.

После гибели Эсена в 1455 г. в Джунгарии наступает длительный период феодальной раздробленности. История ойратов второй половины XV и почти всего XVI века получила у исследователей название "темного периода", так как сведения о нем в источниках скудны и противоречивы. Ряд интересных новых данных, взятых в основном из китайских источников, приводит в своей недавно вышедшей работе А.И.Чернышев (Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990). К сожалению, имена большинства упоминаемых ойратских деятелей XV-XVI вв. даются автором в китайском написании, так что трудно уяснить, о ком именно идет речь, к какому объединению они принадлежали, каковы их родственные связи с известными предыдущими и последующими представителями владетельных ойратских домов?

Известно, что в этот "темный" период почти прекратились прямые торговые отношения с Китаем, а доступ на рынки Средней Азии затрудняло государство Могулистан. В середине XVI в. обострились отношения с казахскими

феодалами. Неблагоприятная внешнеполитическая обстановка и внутренние столкновения ослабили ойратов, чем не замедлили воспользоваться восточно-монгольские соседи, где временами возвышались правители отдельных владений, пытавшиеся вновь объединить всю Монголию, в связи с чем неоднократно вторгались и на земли ойратов.

Под натиском с востока последние вынуждены были продвинуться с районов р. Орхона на запад, в верховья Иртыша. В последние десятилетия XVI в. усилиями Шолоя Убаши-хунтайджи на северо-западе Монголии (Халхи) была создана держава Алтын-ханов, перешедшая в планомерное наступление на ойратов. Затруднительное положение теснимых позволило казахскому хану Тевеккелю на время подчинить какую-то часть их владений, так что с 1594 г. он позволял себе именоваться "Царем казахским и калмыцким".

Победа объединенных сил ойратов над Шолоем Убаши-хунтайджи в 1587 г. и другие частные успехи в борьбе с активизировавшимися противниками не улучшили решительно положения. Потеря значительной части пастбищных территорий, разгром ряда улусов обострили в ойратском обществе междоусобную борьбу знати за перераспределение подвластных и кочевий. Вместе с тем перед лицом грозной опасности — потери самостоятельности — в тех же феодальных кругах, не говоря уже о народных массах, в первую очередь страдавших от внешних нападений и внутренних неурядиц, стала вызревать мысль о необходимости сплочения, претворившаяся вскоре в реальные действия отдельных дальновидных и решительных тайшей.

Номинальным главой всех ойратских владений в конце XVI — начале XVII вв. считался глава хошутов Байбагас-хан, обладавший крупными военными силами и пользовавшийся авторитетом как глава общеойратского чуулгана-съезда знати. В это же время восходила звезда предприимчивого чоросского Хара-Хулы, активно и целенаправленно подчинявшего своей власти более мелких владельцев и очень быстро становившегося реальным соперником Байбагаса. Нерешительность последнего, доходившая порою до самоустранения, привела к тому, что Хара-Хула вскоре крепко взял в свои руки дело объединения ойратских владений.

В конце XVI в. ойраты делились на ряд феодальных объединений (Батур-Убаши Тюмень называет их "анги" — отдел, часть) — чоросов (они нередко именуются в источ-

никах и "джунгарами", "зюнгарами"), хошутов, торгутов, дербетов и хойтов — во главе которых стояли крупные тайши. "Анги" делились на ряд более мелких владений — улусы, возглавляемые тайшами рангом пониже "больших" тайшей. Надо думать, что старая туменная система сменилась обрисованной выше в XY-XVI вв. В литературе названные объединения именовались по-разному: "поколения", "племена", "роды".

На сегодняшний день общепринята точка зрения, что они, особенно к началу XVII в., не были ни родовыми, ни племенными. В основе их лежали не кровнородственные, а исключительно территориально-административные и хозяйственные связи. Правда, в силу специфики территориальности кочевого общества, хозяйственно-экономической и социальной организации, традиций и политики феодальных кругов, идея кровнородственности, происхождения от единого предка, фикция родовой взаимопомощи играли немаловажную роль в существовании подобных объединений как единого и устойчивого социально-политического организма.

Необходимо также отметить, что традиции кровнородственности, свойскости и простолюдинов, и феодалов одного улуса или объединения были живучими и действенными не только потому, что их искусственно возрождали и поддерживали господствующие слои ради своих корыстных целей. Скорее всего они искусно пользовались их существованием, приспособлявая для своих нужд.

Логичнее предположить, что упомянутые традиционные взгляды, убеждения и вытекающая из них практика были моментом необходимости, внутренне присущей кочевым сообществам. Слабость реальных хозяйственно-экономических и территориальных связей заставляла компенсировать их связями мифическими, чтобы сохранить целостность группировки или этноса по отношению к внешнему миру с целью противостоять его неблагоприятным воздействиям; короче говоря, слабость связей бытия укреплять силой связей сознания. Сказанное не отрицает, разумеется, существование реальной кровнородственной связи на уровне мелких общественных структур, например, хотона или группы хотонов.

Вернемся в Джунгарию конца XVI в. Неблагоприятная внешнеполитическая обстановка, ухудшение хозяйственно-экономического положения, воинственная активность главы чоросцев создавали там нервную обстановку. В

этих условиях ряд дербетских, торгутских и хошутских тайшей в самом начале XVII в. начал откочевку вместе со своими подвластными с насиженных мест. Объективная реальность складывалась в ту пору таким образом, что движение большей части их направлялось на север, в пределы Российского государства, где имелись относительно слабо заселенные территории с неплохими пастбищными и охотничьими угодьями, а также городки и крепости, где можно было вести торговые операции.

ЗАГАДКИ ВЕКОВ

Ойраты под именем калмыков были известны в России и до появления их на ее территории. Этноним "калмык" встречается в одном рукописном сборнике первой трети XVI века. В статье "Татарским землям имена" составление сборника исследовательница Н.А.Казакова относит к началу XVI в., среди прочих "земель" упоминаются и "Калмакы". Весьма интересна последовательность перечисления "земель": "...Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, Калмакы, Ногай, Шибаны, Казань". Если вспомнить, что ко времени написания статьи и составления сборника действительных калмыков между Азовом и Ногайской ордой еще не было, остается неизвестным, кого автор называл "калмаками" и какую конкретно "землю" они занимали⁵.

Несомненно, об ойратах под именем калмыков идет речь в жалованной грамоте Ивана Грозного от 30 мая 1574 г. на имя купцов-промышленников Строгановых, владения которых к тому времени распространялись и по р.Тоболу. В этом документе говорится, кроме прочего, о мирных торговых отношениях с соседними народами и их регулировании: "А когда станут в те крепости приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды, и иных земель с какими товары, и у них торговать повольно, беспошлинно"⁶.

Происхождение термина "калмыки", ставшего самоназванием народа, когда и почему им стали называть ойратов, остается невыясненным. Пытались вывести его из собственно монгольской языковой почвы: от мобильности, "летучести" (халимаг) ойратов; от названия головного убора "халмаг" и даже от слова "хольмг" — "смешанный". Наиболее основательной и аргументированной представляется все же гипотеза, выводящая происхождение этнонима "калмык" из тюркоязычной среды. Известно, что слово

"калмысы" в значении "оставшиеся" встречается в надгробной надписи уйгурского кагана Моюнчуря середины VIII в.

Действительно, если не вдаваться в подробности аргументации сторонников той или иной точки зрения, остается неоспоримым тот факт, что интересующий нас термин впервые появился в тюркоязычной и персоязычной литературе примерно в начале XVв., хотя реально он употреблялся, видимо, и ранее этого времени. В.В.Бартольд, считавший, что слово "калмык" на заре своего возникновения было географическим понятием, отмечал: "Термин калмык или калмак, каково бы ни было его происхождение, употребляется мусульманскими авторами в несколько более обширном значении, чем термин ойрат". От себя добавим, что в начальный период его существования им обозначали, может быть, вовсе и не ойратов.

В анонимном "Родословии тюрков", составленном не ранее середины XV в., повествуется о событиях в Золотой Орде в правление Узбек-хана (1312-1340гг.), в том числе и о принятии ислама от миссионеров Зенги-Ата и его ученика и преемника Сейид-Ата. Рассказав об этом, неизвестный автор сообщает: "Когда Султан-Мухаммед Узбек-хан вместе со своим илем и улусом достиг счастья (удостоился) милости бога, то по указанию таинственному и знаку несомненному, святой Сейид-Ата всех их привел в сторону областей Мавераннахра, а те несчастные, которые отказались от преданности святому Сейид-Ата и остались там, стали называться калмак, что значит "обреченный оставаться". А когда каждого из тех людей, которые вместе со святым Сейид-Ата и Султан-Мухаммед-Узбек-ханом выступили в поход и шли (в Мавераннахр), спрашивали, кто эти идущие, то они избирали (для ответа) имя предводителя и царя своего, которое было Узбек. По этой причине с того времени пришедшие люди стали называться узбеками, а люди, которые остались там — калмаками".

Если учесть, что в конце XIII — начале XIV веков, когда происходили названные выше события, Золотая Орда занимала огромные степные просторы от Пруто-Днестровского междуречья на западе и до Иртыша на востоке, а Мавераннахром назывались земли между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей (от араб. Заречье), последователи Сейид-Аты могли переселяться только с северо-запада или севера на юг, то есть из степей Нижнего Поволжья, Приуралья и Северного Казахстана (называемых в восточных источни-

каж Дешт-и-Кыпчаком — Половецкой степью) в пределы Средней Азии. Таким образом, "обреченные оставаться" — калмаки, могли оставаться именно в Дешт-и-Кыпчаке. Без сомнения, никакого отношения к этим событиям ойраты иметь не могли, да и, насколько известно, никто не пытался вводить среди них учение пророка Мухаммеда.

Кроме прочего, приведенный выше отрывок нуждается в существенных уточнениях. Мусульманство стало государственной религией в Золотой Орде действительно при Узбек-хане — и тогда же его безоговорочно приняла феодальная знать. Однако народные массы, особенно на окраинах государства, еще долгое время исповедовали шаманизм. Узбек занял золотоордынский престол в 1312 г., а Сейид-Ата, — не говоря уже о его предшественнике и учителе Зенги-Ата, — умер по одним данным в 1291/1292, а по другим сведениям в 1310/1311 годах и был погребен в низовьях Аму-Дарьи. Все сказанное позволяет сделать предположение, что деятельность наших миссионеров протекала еще до официального признания мусульманства в Золотой Орде и им удалось обратить в свою веру и увести за собой на юг небольшую группу своих последователей. Если это предположение верно, то ушедшие могли назвать калмаками основную часть населения по крайней мере восточной части Золотой Орды, называемой также Белой Ордой. Наконец, остается отметить, что движение действительных узбеков, кочевых племен тогдашнего Казахстана, началось на юг, в пределы Мавераннахры, на рубеже ХУ-ХУІ вв. Как видим, и эти события также не имеют отношения к ойратам.

В "Зафар-наме" ("Книга побед", закончена в 1424/1425 г.) Шараф ад-дина Йезди сообщает, что в 800 г. хиджры по мусульманскому календарю (=24-IX-1397—12-IX-1398 г.) к знаменитому Тимуру (Тамерлану) прибыли послы Тайзи-оглан от калмыков и Шейх-нур-ад-дин из Фарса. Чуть ниже автор уточняет, что Тайзи-оглан — потомок Угэдэя (сына Чингисхана), а как известно, среди ойратской знати не было потомков этого хана. Еще больше запутывает дело предшественник Шараф ад-дина Йезди-Низам ад-дин Шами, писавший свою "Книгу побед" в 1403-1404 гг. при жизни и по велению "железного хромца", сообщая, что Тайзи-оглан "прибыл послом из Хатая". Что подразумевал Низам ад-дин Шами под Хатаем или, другими словами, какую территорию жители Средней Азии конца ХІУ — начала ХУ вв. называли Хатаем? Был ли это собственно Китай, а может быть это

Монголия, часть которой когда-то входила в государство киданей (китаев), или же так называли территорию государства кара-китаев, существовавшую до монгольского нашествия и занимавшую земли Джунгарии и Могулистана?

В.В.Бартольд сообщает, опираясь на вышеназванные и другие источники, что Тайзи-оглан, поссорившись с монгольским ханом, бежал от калмыков, затем вернулся обратно и стал преемником монгольского хана Улджэй-Тэмур, но через несколько дней был убит⁷. Время правления Улджэй-Тэмур (Ульдзей-Тэмур) по "Шара-Туджи" — 1407-1415 гг., по "Эрдэнийн Тобчи" — 1404-1410 гг. О Тайзи-оглане в известных мне монгольских источниках упоминаний нет. Ответить на вопрос: кого называли в XIV- начале XV в. калмыками — опираясь на сведения "Книги побед" затруднительно, так как Тайзи-оглан не ойрат, а восточный монгол, да вдобавок еще и чингисид.

Ойраты только с начала XV в. стали вытеснять могулистанцев с территории Джунгарии, теснимые, очевидно, восточными монголами. В первой половине этого же века ойраты активизировались и продолжили расширение своих владений, в том числе и на западе. Можно предположить, что в более ранний период их не называли калмыками и что это имя они могли получить лишь после занятия Джунгарии, входившей до XV в. в состав Могулистана, население которого (или часть его) и называлось калмыками. По каким-то пока для нас неясным причинам название это, очевидно, перешло на ойратов и стало обозначать только их. Во всяком случае, авторы исторических сочинений XVI в. Масуд бен Усман Кухистани, Мирза Мухаммед Хайдар доглат и другие под калмыками подразумевают несомненно ойратов (отрывки из этих сочинений читатель может найти в "Материалах по истории казахских ханств XV-XVIII веков", вышедших в Алма-Ате в 1969 году. Плодотворной и нуждающейся в дальнейшей разработке является и упоминавшаяся выше гипотеза В.В.Бартольда, что территория Джунгарии и сопредельных областей, еще до освоения их ойратами, называлась "Калмак", тем более, что она опирается на сообщение того же Шараф ад-дина Йезди.

В послеюаньский период в среде ойратов происходили значительные этно-административные изменения. Вспомним, что четыре сына Дува-Сохора явились родоначальниками четырех ойратских родов: огэлэд, багатуд, хойт и кэргуд. Во времена Тогона место кэргудов занимают ойра-

ты, понимаемые в данном случае не как собирательное имя, а как название одного из этнических или этно-административных подразделений. Со второй половины XV в. начинают упоминаться дербеты и торгуды, хотя, очевидно, их сложение относится к более раннему времени. Габан Шараб сообщает, что хошуты свое название получили от Тогона, тем самым относя их появление как самостоятельной группы на политической арене также к XV веку. К концу XVI в. перестают упоминаться огэлэды, багатуды, ойраты (в смысле особой этнической единицы), поглощенные, видимо, новыми объединениями джунгаров (чоросов), торгутов, дербетов, хошутов.

Необходимо заметить, что проблема состава ойратов на том или ином этапе весьма запутана и развязать тугой узел противоречий в настоящее время не представляется возможным. В подтверждение сказанного позволю себе привести два примера, два свидетельства источников. Монгольская летопись XVII в. "Шара Туджи" утверждает, что ойраты "в нынешнее время имеют шесть омоков" ("омок" — в древности род, родовая группа; судя по смыслу, автор летописи подразумевает под омоком отдельное феодальное владение или же владетельный дом): у Далай-тайши омок Дурбэт, Байбагас соправитель омока Уджиэт, у Хутхайту (Хара-Хулы) — Чорос, у Дзу-Чинсана — Багатут, у Хи-Мэргэна-Тэмэнэ — омок Хэрэит. Не составляет особого труда заметить, что здесь перечислены владетели дербетов, хошутов, джунгаров, хойтов и торгутов, но столь же легко обнаружить, что автор таинственным образом потерял при перечислении шестой омок.

При дальнейшем повествовании "Шара Туджи" еще больше запутывает вопрос, сообщая нам следующее: "Так называемые Дурбэн ойрат, Харият, один из них Огулэт, ставший теперь народом под именем Сархис. Один из них хошут, торгут, джунгар — четверо, соединившихся в одно. Один из них Барагу, Багатут, Хойт — вот четыре тумэна ойратов". Сходное утверждение содержится и у Габан Шараба, согласно которому из четырех ойратов первые — элэты (элэд), вторые — хойты и батуды, третьи — баргубуряты и четвертые — дербеты, зюнгары, хошуты и торгуты. Интерес представляет замечание, что из названных четырех объединений первое — т.е. элэты, подстрекаемые "желтым дьяволом", откочевали неизвестно куда. Не имея возможности подробнее остановиться на противоречиях данных сообщений, советую склонным "зреть в корень",

как выражался Козьма Прутков, приостановиться и поразмышлять над ними, мы же с остальными читателями продолжим ход нашего слабого пера по трудным путям строк, как любили говаривать в старину на Востоке.

Не поддается пока убедительному решению и загадка происхождения названий торгуты, хошуты, дербеты и сущности первоначальной основы охватываемых ими общностей. По второму вопросу разрешение задачи предполагает аргументированный ответ: являлись ли составные части ойратов, называемые вышеприведенными терминами, этническими, административно-территориальными или же, наконец, политическими объединениями; если же в ходе развития они последовательно изменяли свою сущность, то когда, как и почему это происходило? По первому же вопросу двуединой задачи вырисовывается не менее важная задача — что лежит в основе наименования той или иной группировки: название древнего или ведущего племени, этнической группы, имя правящего рода или династии, а может быть здесь сыграли роль какие-то иные обстоятельства?

И.Я.Златкин склонен считать, что названия ойратских объединений идут от имени правящего рода, княжеско-нойонской династии. Версия эта вроде бы не лишена оснований; ведь наименование одной из таких групп — чоросов, происходит, по показаниям ряда источников, от имени правящего рода, названного так по своему легендарному прародителю. Правда, как мы уже видели, их еще называли "зюнгарами", "джунгарами" (от выражения "левая рука") — по месту, занимаемому ими или при построении войска в боевой порядок или же по расположению их кочевий.

Ойратские тайши ревностно сохраняли свои родословные, имевшие, к слову, особенно в их древней части легендарный, мифический характер. Хошутские нойоны вели свой род от младшего брата основателя монгольского государства Хабуту-Хасара, хойтские возводили свою родословную к самому Чингисхану, торгутские к керейтскому Ван-хану, который якобы был одной "кости" с тем же Чингисханом. Так как происхождение предка последнего Бортэ-Чино было связано с "предопределением Высшего неба", то и родословные указанных нойонских семей поднимались на ту же высоту.

Джунгарские и дербетские нойоны не могли по каким-то причинам похвастаться родством с Чингисханом, но и

здесь не обошлось без небесных сил. Габан Шараб и Батур-Убаши Тюмень — два калмыцких автора, оставившие потомкам исторические сочинения, рассказывают (расходясь лишь в несущественных деталях), что в незапамятные времена некий безымянный охотник нашел под деревом младенца мужского пола. Ствол дерева напоминал формой цорго-трубку для перегонки молочной водки, потому якобы и дано было мальчику имя Цорос.

По некоторым приметам, маловразумительным для нас, но бесспорным для очевидцев и современников чудесного события, было признано, что найденный является близким родственником (по одной версии — внуком, по другой племянником) тенгрия-небожителя. Правда, — что, видимо, связано с соперничеством нойонов разных объединений — Габан Шараб (торгут) неожиданно заключает свой рассказ предположением Алдар-Гавцу (духовное лицо, жил в первой половине XVIII в.), который "охотником найденное дитя полагает быть дьявольским". Не отстал от своего предшественника по перу и Батур-Убаши Тюмень (хойт), закончивший свой рассказ о мальчике парадоксальной фразой: "Вот отчего произошел злобный зюнгарский нутук". Из предыдущего и последующего текста его повествования нельзя понять, в чем заключалась злобность джунгаров.

Оставляя в стороне сверхъестественные детали, надо обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, мальчик Цорос (или Чорос) и его потомки стали нойонами воспитавшего их народа; во-вторых, дербетские нойоны имели общее происхождение с зюнгарскими владетелями, но впоследствии отделились от них. Из сказанного следует, что объединение чоросов получило свое название (или одно из названий) от имени управлявшего ими нойонского рода. Отделившаяся от них на определенном этапе часть родов, или феодальная группировка, получила название дербет. Можно предположить, исходя из значения слова "дербет" (в собственно калмыцком произношении — "дервуд") — "четыре", "четверные", что после разделения зюнгаров и дербетов последние насчитывали какие-то четыре единицы. Может быть, они состояли из четырех родов, четырех феодальных групп, четырех хозяйственно-административных объединений, наконец, возможно, они возглавлялись четырьмя братьями, наподобие четырех сыновей Дува-Сохора.

Столь же неясно происхождение названий "торгуты" и

"хошуты". Если следовать мнению И.Я.Златкина, то мы окажемся в затруднительном положении, так как в истории ойратов не известны нойонские владетельные роды с подобными названиями. Существует точка зрения, что торгуты происходят от гвардейцев-тургаутов времен Чингисхана и его ближайших потомков, "а термин "хошут" есть производное от слова "хошун" в значении передняя часть войска, острие, клюв, построение войск "мордой" и т.п."⁸. По этому поводу возникает ряд вопросов. Каким образом "командированные по избранию от тысяч гвардейцы турхауты" (Сокровенное сказание, стр.169), а значит, принадлежавшие к различным монгольским племенам превратились в этническое образование именно ойратской языковой общности? Почему и как чисто войсковое специальное подразделение трансформировалось в хозяйственно-административную единицу? Известно, что гвардейцы — тургауты комплектовались в основном выходцами из феодальных кругов: каким образом они оказались зависимым податным населением, подвластным, если верить родословной торгутских нойонов, потомкам кереитского Ванхана? Вопросы, вопросы... удастся ли на них ответить?

Не имея возможности сосредоточиться специально на этих проблемах, считаю все же своим долгом отметить, что в некоторых монгольских летописях наряду с гвардейцами-тургаутами упоминаются и этнические, вероятно, группы с созвучными названиями. Когда Чингисхан отделился от Джамухи, к нему стали стекаться различные роды, в том числе "пришли также пятеро тархутов — тархутский Хадаган Далдурган со старшими и младшими братьями". В другой раз, когда Чингисхан находился в местности Торгуте, к нему присоединился "кереитский" Джига Гэмбу, чтобы стать ему товарищем".

Когда основатель Монгольской империи раздавал своим сподвижникам и родственникам уделы, он обратился к одному из них со следующими словами : "Ты, Унгур, сын Мэнгэту-киана, со своими гурбан-тохургутами, табун-торхутами, чангшигутами и байагутами составлял один курень". По этому же поводу он отдал распоряжение сыну Тулуу : "Оставайся командовать людьми, самим тобою ныне отобранными и присоединенными к торхутам, что составит особую тысячу"⁹. Как ни заманчиво, нужно очень осторож-

но относиться к попыткам протянуть нить преемственности от древних "дербенов" и "торхутов" к ойратским дербентам и торгутам.

Итак, в истории ойратов, а значит и в истории калмыцкого народа имеются слабо освещенные источниками периоды, вследствие чего остаются не вполне ясными некоторые события и обстоятельства. Бесспорно, однако, то, что ойраты прошли сложный, многовековой путь исторического развития, на котором было немало трудностей, испытаний и поворотов. Особенно переломным был рубеж XVI-XVII вв. В это время в силу ряда причин часть ойратов покинула земли предков и двинулась в туманное далеко. Для этих ушедших дорогой в дальнейшую историю оказалась дорога на северо-запад, а затем на запад. Эти новые скитальцы шли путем, задолго до них проторенным подобными им кочевниками, но если для большинства предыдущих кочевых орд это была дорога войны, грабежа и разрушений, то для наших путников дорога эта в целом была дорогой мирных поисков спокойного, безопасного пристанища. Они шли на запад, шли вслед за солнцем, как бы не желая отстать от его животворных лучей и оказаться в темноте идущей за ними ночи.

ПУТИ И РАСПУТЬЯ НА ЗАПАД

16 июня 1607 г. тарский воевода князь Сила Иванович Гагарин принимал калмыцкого посла тайшу Кугоная Тубиева, которого сопровождала свита в 20 человек. Всматриваясь в обветренные лица степняков, критически оценивая их далеко не роскошные одеяния, воевода с беспокойством думал о том, что все большее количество их с семьями и скотом располагается на "государевых землях", что все чаще они тревожат жилища ясачных татар и русские городки, оттесняя с охотничьих и рыболовных угодий, сенокосов и пашен. Будучи одним из первых тарских воевод, Сила Иванович хорошо знал предысторию отношений с калмыками.

После знаменитого похода Ермака Тимофеевича правительство стало направлять в Сибирь военные отряды во главе с воеводами и стрелецкими головами. Отряды, закрепляясь на территории бывшего Сибирского ханства, основывали укрепленные остроги и городки. В 1586 г. на месте татарского городища Чинги-Тура, известного с XIV в.,

была основана Тюмень, в следующем году начал отсчет своей истории нынешний Тобольск. В 1594 г. полуроты-отряд стрелецкого головы А.Елецкого поднялся на стругах вверх по Иртышу и близ устья р.Тары основал одноименный острог (в 1669 г. Тара была перенесена на нынешнее место), ставший форпостом, выдвинутым далеко в степь.

Разбитый, утративший власть и большую часть владений хан Кучум, окруженный своим большим гаремом и многочисленными верными людьми, скитался в Барабинской степи, обращаясь за помощью то к ногайским мурзам, то к своим родичам Шейбанидам в Бухару. В августе 1598 г. помощник тарского воеводы А.Воейков выступил в поход с целью окончательного разгрома сибирского хана. Удалось разведать, что Кучум обосновался в урочище Черные воды, а в двух днях конного пути от его кочевья сосредоточились значительные силы калмыцких воинов, намерения которых оставались неизвестными. 20 августа А.Воейкову удалось нанести Кучуму поражение, от которого тот уже не смог оправиться. Дальнейшая судьба хана не вполне ясна. По словам его сына Каная, сказанным в 1601 г., бухарцы "отца де их Кучума, заманив в колмаки оманом убили". По другим сведениям, Кучум после поражения пытался угнать табуны у калмыков, но был настигнут и еще раз разбит, после чего искал убежища у ногайцев, но был убит последними¹⁰.

До калмыцких тайшей и нойонов доходили, вероятно, сведения о действиях казаков Ермака, а затем и правительственных отрядов. Еще лучше они были осведомлены о скитаниях хана Кучума; остается неясным лишь их отношение к событиям. Вполне возможно, что их не совсем устраивало то обстоятельство, что вместо сравнительно слабого Сибирского ханства отныне их соседом становилась сильная Россия, возможности которой были продемонстрированы относительно легким подчинением владений сибирского хана. Позже три сына Кучума — Алей, Азим и Ишим — со своими домочадцами долгое время жили в калмыцких улусах, а Ишим даже был женат на дочери главного тайши торгутов Хо-Орлюка.

С начала XVII в. уже целые улусы стали обосновываться на территории, принадлежащей Российскому государству, и по всему было видно, что они не собираются с нее уходить. В 1604 г. С.И.Гагарин, обеспокоенный появлением больших масс калмыков, часть которых вела себя, мягко

говоря, не совсем миролюбиво, организовал поход тарских служилых людей на их кочевья. В результате его много улусных людей было взято в плен и распродано в разные руки. Вместе с тем, выполняя правительственные указания, воевода искал и мирные пути взаимоотношений. В этом же направлении действовали тайши, нуждавшиеся, по крайней мере на первых порах, в расширении политических и торговых связей. 20 сентября 1606 г. Хо-Орлюк прислал в Тару посла Катачея Бурулдуева просить, чтобы царь его "пожаловал, воевати его не велел и велел ему кочевати на нашей земле по Камышлову и по Ишиму, и торговати б им приезжать в город на Тару, и нашего (царского — М.Б.) посла к нему послати". С такой же просьбой, видимо, обратился и глава дербетских улусов Далай-Батыр, хотя документального подтверждения первоначального его обращения в материалах нет¹¹.

С.И.Гагарин, воспользовавшись просьбами тайшей, послал к Далай-Батыру и Хо-Орлюку посланцев с предложением принять российское подданство и прислать в Тару для шертования (принесения присяги) самых "лучших людей". Отправленные к главе торгутов служилый казак Томила Алексеев и татарин Урдубай пропали без вести, и только в 1608 г. стало известно, "что тех послов... убили и в воду посадили в Урлюкове улусе". Более удачной и результативной оказалась поездка ясачных татар "Енобая-князька да Куготая с товарищи" к Далай-Батыру. Именно от него и тайши Изеня и прибыл Кугонай Тубиев, которого встречал Сила Иванович 16 июня 1607 г. Просьбы были прежние: принять под царскую высокую руку и разрешить кочевать вверх по Иртышу к соляным озерам. Тайши шли даже на определенные уступки, соглашаясь платить ясак лошадьми, верблюдами и коровами.

Посол поведал, что "большие де у них люди тайши Баатырь Янышев (Далай-Батыр — М.Б.), да Ичиней Уртуев, да Кугонай Турбеев, да Ужен Конаев, да Юрикты Конаев... Да с ними ж де кочуют тайшей 45 человек. И теми де тайшами владеют де они ж, тайши Баатырь с товарищами". Всего, по свидетельству Кугоная Тубиева, в их группировке насчитывалось 12 санов, а в каждом сани по 10000 человек. Из этих данных следует, что объединение перекочевавших в пределы России дербетских и примкнувших к ним улусов состояло из 120 000 человек. Остается только неясным, имелось ли в данном случае вообще все население улусов или лишь мужская половина. Если предполо-

жить, ничуть не противореча традиции тех времен, что женщины не учитывались, то мы должны к вышеприведенному числу людей прибавить примерно такое же количество. Это дает нам в сумме 240 000 человек; считая, что в среднем калмыцкая семья включала 4 человека, мы можем сказать, что всего прикочевало вместе с Далай-Батыром 60000 кибиток. Вышеприведенные подсчеты не должны заслонить нам весьма интересное обстоятельство. Как нетрудно заметить, Кугонай Тубиев, говоря о санах, оперировал категориями военно-административной системы, введенной еще Чингисханом; ведь под саном подразумевается не что иное, как тумен. Возникает вопрос: насколько действенной была эта система в ойратском обществе начала XVII в. или же это последние отголоски изжившей себя старины? К сожалению, источники не дают ясного ответа.

Кугонай Тубиев дал шерть (присягу) на подданство от имени всех тайшей своей группировки, за исключением Хо-Орлюка и Курсугана, которые за три года до описываемых событий отделились от общей массы и кочевали отдельно в верховьях Иртыша. Воевода, отпуская посла в улусы, направил к ним своих посланцев во главе с литвином (в Сибирь направляли на службу и ссыльных, в том числе пленных литовцев, поляков и др.) Болданом Болкачем. Новый ответ тайшей не заставил себя ждать. 21 сентября 1607 г. на Тару приехали от пяти тайшей — Далай-Батыра, Изеня, Уженя, Урюкты, и Узюрюка — 4 посла: Баучин, Девлет Тахабакшеев, Арлай Алаков и Кесенчак Чиганов. Отправленные С.И.Гагариным в Москву, они оказались первыми калмыцкими послами, увидевшими столицу Российского государства, побывавшими 7 февраля 1608 г. на приеме у дьяка В.Г.Телепнева в Посольском приказе и, наконец, удостоившимися 14 февраля видеть "царские пресветлые очи" В.И.Шуйского.

Сохранилось описание церемонии приема послов. На двор, где они были размещены, прибыли за ними приставы и толмач, которые сопровождали их в Посольский приказ, где они дожидались царского выхода в Посольской палате. Когда настало время идти на прием, их повели площадью и средней лестницей на Красное крыльцо. Представлял их царю упомянутый В.Г.Телепнев, он же оглашал и ответы от имени царя. После представления "государь пожаловал послов к руке", после чего последние изложили "челобитье" тайшей. Завершая церемонию, послов одарили

подарками "и государь пожаловал..., подавал им в ковшех мед".

Тайшам было передано, что им разрешается кочевать по рекам Иртышу, Оми, Камышлову и в других соседних местах "где похотят", быть в подданстве "навеки неотступными", в обмен на что их самих и их улусы будут охранять от всех недругов: "от Казацкие (казахской — М.Б.) орды и от Нагай и от Алтын-царя". Ясак предполагалось брать с них лошадьми "сколько дадут". Выражалось, наконец, пожелание, чтобы "лутчие тайши" ехали лично в Москву, за что царь обещал пожаловать их "великим своим жалованием".

Посольством 1608 г. было официально оформлено начало добровольного вхождения калмыков в состав России. Процесс этот не был единовременным актом. Он шел длительно и в сложных условиях, определяемых устремлениями царского правительства и калмыцкой знати, конкретной политической обстановкой в Джунгарии, изменениями во взаимоотношениях калмыков и вообще всех ойратов со своими непосредственными соседями и т.д. Учитывая объективные факторы, влиявшие на ход событий, нельзя забывать и субъективные моменты.

В первую очередь, на наш взгляд, здесь нужно вспомнить о чувстве Родины. Как отдельный человек не всегда охотно меняет привычное местожительство, устоявшийся быт, так и в целом было и целому народу вдруг потерять знакомые пастбища и водопои, священные горы, могилы предков, урочища и реки с духами-покровителями, которым не раз приносились обильные жертвоприношения. Дело не меняется от того, что калмыки были кочевым народом. Вряд ли имеет основания негласный взгляд, что у кочевых народов слабо было развито чувство родины, что они были вечными бродягами, не задумываясь бросавшими насиженные места и переходившими с места на место, с меланхолическим безразличием оглядывая все новые и новые дали. Хотя мы знаем массу примеров движения кочевых народов древности и средневековья на тысячи километров, но все они в конечном счете были следствием или неблагоприятных климатических изменений, или, чаще всего, политических катаклизмов: поражений в борьбе с соседями, нашествий более сильного противника, внутренних междоусобий. Кочевание же на одной и той же территории также никогда не было беспорядочным движением, а устоявшимся передвижением по одним и тем же маршрутам, со сменой мест расположения по временам года.

В первое время после вынужденной перекочевки из Джунгарии калмыки расположились по рекам Иртышу, Оми и Камышлову и неоднократно просили согласия правительства на предоставление занятых земель в их распоряжение. Северная граница калмыцких кочевий проходила в 3-4 днях конного пути от Тары, южную же определить не представляется возможным. Таким образом, первые 10-15 лет калмыки кочевали на территории нынешних Омской, Новосибирской и Павлодарской областей и соседних с ними пределов. Шерти, в большом количестве дававшиеся различными тайшами в первые десятилетия русско-калмыцких отношений, не имели под собой прочных экономических и политических оснований и очень часто нарушались. Достаточно было положительного для калмыков изменения в их отношениях с Алтын-ханами, казахами, временного примирения между самими ойратскими феодалами, как тайши нарушали принятые на себя обязательства и откочевывали порой настолько далеко, что правительственные посланцы не могли до них добраться и возвращались ни с чем. Характерным в этом смысле примером являются события, последовавшие вслед за посольством 1608 г.

Послы, бывшие в Москве, благополучно добрались до Тары, откуда были отпущены в улусы 23 августа 1608 г. С ними вместе отправились к тайшам посланцы тарского воеводы во главе с конным казаком Аникой Черным передать от имени царя тайшам, "что мы их пожаловали, велели им быть под нашею... рукою и велели им кочевать на нашей земли и ясак с них велели иметь на нас, что у них ведетца, верблюды и лошади и коровы и овцы. И сами большие тайши Изеней, и Баатырь, и Ужен, и Урлюк ехали на Тару и заклады для укрепления дали. А меньшие б тайши и все улусные люди были к шерти на Омь реку или на Камышлов..."

Оказалось, что на Таре не до конца были осведомлены о положении калмыков. Между тем здесь произошли существенные изменения. В первой половине года тайши, прекратив распри, объединили силы и совершили удачный, по всей вероятности, поход на Алтын-хана, а у казахов в это же время начались междоусобицы. Эти обстоятельства существенно улучшили положение улусов, что сразу же отразилось на переговорах с посланцами тарского воеводы. Изеней, Далай-Батыр и Хо-Орлюк, выступавшие теперь единым фронтом, заявили Анике Черному, что

царскому жалованию рады и в подданстве быть хотят, но "ныне де они были в походе, ходили Алтына-царя воевати, и им де осенью к шерти быть неколи, снега упали, и с торгом в Тару послати немочно". Далее они заявили, что на Тару для дачи шерти "быти не хотят...", а ясаку де они преж сего никому не даывали".

Еще более недвусмысленный ответ получил другой тарский посланец Поспел Голубин летом 1609 г. К этому времени умер один из старших дербетских тайшей Изеней, и, по словам П.Голубина, "владеет де всеми тайшами и всеми улусными людьми Изенеева жена Абай да Кошевчей-тайша". По поводу посольства П.Голубина тайши организовали съезд, где тарский посланец передал правительственные условия о подданстве, кочевьях, ясаке и шерти. Абай, Кошевчей и Хо-Орлюк от имени всех тайшей заявили в ответ, что никуда для шерти в российские города они не поедут и для торговли людей не пошлют, "потому что де ныне в Казацье (казахской — М.Б.) орды промеж себя секутца, и они де идут на них войною". Выдвинув затем ряд заведомо неприемлемых контрусловий, отказавшись даже говорить о выплате ясака на том основании, что они "ясаку никому не даывали, и сами з Белых Калмаков (телеутов — М.Б.) ясак емлют, и вперед де ясаку давати никому не хотят", тайши, желая пресечь всякие попытки нажима на них, решительно подчеркнули: "А люди де они кочевные, а не месные, где похотят, тут и кочуют".

В приведенном ответе тайшей выделяются две особенности, надолго ставшие характерными в отношениях их с российским правительством. Во-первых, калмыцкая правящая знать довольно часто принимала ответственные решения под влиянием сиюминутных выгод сложившегося положения, не умея или не хотя заглянуть в более отдаленную перспективу. Подобные необдуманные решения и, хуже того, практические действия осложняли русско-калмыцкие отношения, приводили к ответным жестким мерам правительства, от которых в конечном итоге страдали народные массы. Так случилось, например, вскоре после посольства П.Голубина, когда в 1612-1613 гг. в ответ на недоброжелательные действия тайшей подверглись разгрому некоторые улусы, погибло много людей, а ряд тайшей и их родственники попали в плен. Неудачи заставили тайшей Тюргена (Турген) и Далай-Батыра "бити челом, чтоб нам (царю — М.Б.) их пожаловати, прежние вины их отдати

(т.е. простить — М.Б.) и по своей вере нам шертовати, что им под город и на волости войною не приходити".

Во-вторых, калмыцкая знать чрезмерно уповала на особенности кочевого образа жизни, на мобильность своих улусов, которая, по их мнению, давала возможность при неблагоприятном стечении обстоятельств или при чрезмерном нажиме правительства уйти из-под его влияния, сменить территорию обитания. Как прочно укоренился подобный взгляд, говорит тот факт, что много лет спустя, в 1691 г., хан Аюка, сообщая о столкновениях с башкирами, донскими и яицкими казаками, заканчивал свое послание уже известной нам угрозой: "А буде уйму им не будет, он... пойдет и сыщет себе иную землю, не малые они дети, разумеют, и им де, великим государем, о том о всем известно ж"¹².

Справедливости ради надо заметить, что правительство не исключало возможности подобного шага. В частности, если говорить о времени Аюки, в указах из центра местной администрации не раз подчеркивалась нежелательность крутых мер, чтобы "ево, Аюку, с улусами от его государской милости и ис подданства не отогнать". С сожалением приходится отметить, что упование на уход из пределов России как на панацею от всех бед, доведенное до логического конца, претворенное в действие, привело к событиям 1771 года. Однако не будем забегать вперед, а вернемся к событиям начала XVIII в.

К 20-м гг. XVIII в. калмыцкие улусы вследствие очередных неудач в столкновениях с Алтын-ханом и казаками продвинулись далее на северо-запад, приблизившись к городам Тобольск, Тюмень, Тара и Уфа. Проследить конкретнее маршруты движений, локализовать места кочевий тайшей и их улусов на тот или иной период — задача трудная для исследователя. Трудность обусловлена отрывочностью показаний источников, частыми передвижениями тайшей, порою значительной удаленностью их друг от друга, приблизительностью показаний очевидцев о местах расположения улусов. В период интенсивных движений 20-х гг., вызванных очередным натиском неприятелей и, как следствие, междоусобицей, тайши, большие и малые, давали многочисленные шерты с условием быть в подданстве России и вести себя мирно, которое, как и прежде, не всегда выполнялось.

С 1623 г. основная масса улусов, в том числе тайши Далай-Батыр и Хо-Орлюк, вновь отходят на старые кочевья, к Иртышу, Камышлову и Оми. В 1624 г., по известиям

разных лиц, Далай-Батыр с детьми и Байбагас зимовали, "боясь от мугальских людей утеснения, в Казацье (казахской — М.Б.) орде на рубеже и хотели воевать Казахьи орды Ишима-царя (хан Есим — М.Б.)". Поехавшие к ним летом того же года тобольские посланцы нашли Далай-Батыра "от Бухар (здесь: Восточный Туркестан — М.Б.) в 3 неделях на урочище на речке на Юнкеле". Хо-Орлюк кочевал в это же примерно время по р. Камышлову и вел переговоры с тарской администрацией о разрешении кочевать по обе стороны Иртыша, по Камышлову и Оми или же, если там не разрешат, то вверх по Иртышу на р.Каратуне.

С начала 30-х гг. основная масса тайшей и их улусов вновь передвигается на северо-запад, занимая пастбищные территории в Тюменском уезде, по р.Эмбе и т.п. Например, в 1630 г. Далай-Батыр и Гуши (сын Байбагаса — М.Б.) кочевали "на Каракуме, от Енбы ходу с месяц к Юргенчи (Ургенч — М.Б.)". В связи с очередной передвижкой у калмыков начались столкновения с башкирами и ногайцами. Стремясь предотвратить их, царское правительство при переговорах и шертовании тайшей требовало от них отвести свои улусы "вдаль", "на прежние кочевья".

Первоначально на территории России кочевали торгутские и дербетские улусы, возглавляемые Хо-Орлюком и Далай-Батыром. Власть названных тайшей была далеко не абсолютной. Далай-Батыр делил власть над группировкой улусов с Изенеем до смерти последнего, а после этого определенный период бразды правления держали в руках вдова последнего Абай и тайша Кошевичей (Хошоучи). Взрослые сыновья Хо-Орлюка не всегда подчинялись ему: Шункей одно время входил в группу Далай-Батыра и кочевал отдельно от отца; Дайчин долгое время кочевал со своим тестем Чокуром и отошел к отцу только незадолго до разгрома улуса тестя в 1630 г. Позже, когда в 1632 г. послы Хо-Орлюка давали в Тюмени очередную шерть "за Урлюка-тайшу и за детей его и за внучет и за иных тайшей, которые с Урлюком вместе кочуют", то из этого перечня они исключили Дайчина. Здесь же дается и причина исключения: "А за Тайчу-тайшу потому не шертовали, что он, Тайча, кочует о себе и отца своего ни в чем не слушает".

Основная часть ойратов, — состоявшая из хошутских и джунгарских улусов (в источниках кроме названных четырех групп упоминаются еще хойтские и батутские улусы), возглавляемых Байбагасом и Хара-Хулой, — кочевала на юго-восток от ушедших, в районе верховьев Иртыша, и не

вступала на первых порах в отношения с российским правительством. Со временем от этой группировки стали по тем или иным причинам отделяться некоторые сравнительно мелкие и средние тайши со своими подвластными и уходить к отошедшим улусам: в 1614 г. — Чокур, в 1620 г. — Байбагиш и Тегурчей, все трое сыновья Хара-Хулы. В 1621 г. — Хара-Хула и Мерген-Темен (торгут, троюродный брат Хо-Орлюка), потерпев поражение от Алтын-хана, прикочевали к Оби и в устье р. Чумыша построили укрепленный лагерь: впоследствии Мерген-Темен дошел до Яика. Еще позже в пределах России появляются такие крупные тайши, как хошутские Кунделен-Убаши и Гуши (Туру-Байху).

В 1625 г. вспыхнула усобица между Чокуром и Байбагишем из-за раздела оставшихся после смерти их старшего брата Чин-Тайши 1000 кибиток подвластных. В нее оказались втянутыми Хара-Хула, Далай-Батыр и ряд более мелких тайшей. И.Я.Златкин считает, что "события 1625 г. положили начало глубокому расколу северо-западной группировки ойратских владетельных князей, от которой начал отходить и в конце концов совершенно отделился дэрбэтский Далай-тайша. Его место занял торгоутский Хо-Урлюк". Чуть ниже И.Я.Златкин еще раз подчеркивает: "Русские источники дают основание утверждать, что после 1625 г. Далай-тайша, возглавлявший основные дэрбэтские владения, окончательно порвал с торгоутской группировкой Хо-Урлюка и начал сближаться с юго-восточными ойратами Хара-Хулы. В это же время Хо-Урлюк с сыновьями и большей частью торгоутских владетельных князей ускорили продвижение в район Астрахани, куда привели и улусы некоторых примкнувших к ним неторгоутских правителей". Далее, опираясь на показания Габан Шараба и Батур-Убаши Тюменя, И.Я.Златкин относит отделение торгутов от остального ойратского общества к 1627-1628 гг.

Утверждения известного исследователя истории Джунгарского ханства нуждаются в уточнении. Слишком категоричными представляются и выводы М.Л.Кичикова, делящего движение калмыков на Волгу на два этапа: 1608-1630 и 1630-1637 гг. Не совсем ясно, почему разделительной гранью взят 1630 год? Кроме того, определение первого этапа как времени поселения калмыков в пределах Иртыша, Ишима и Тобола также представляется не совсем правомочным¹³. Период этот был скорее не временем поселения на указанных реках, а более всего временем

интенсивных передвижений, переживания стечения неблагоприятных обстоятельств, без ясного и очевидного намерения поселиться в пределах России и вообще принять окончательно российское подданство.

Габан Шараб, повествуя об этапах продвижения своих соплеменников к Волге и об инициаторах этого движения, сообщает следующее: "В году шорой-лу (1628) известили (торгоуты) дербен-ойратских нойонов о своем намерении расстаться с ними, а в году шорой-могой (1629) расстались. В году темур-морин (1630) Лоузан переправился за реки Урал и Волгу и покорил мангатов (татар — М.Б.); в это время ставки Хо-Орлека и Дайчина находились на той стороне (левой — М.Б.) р.Урала. В году усун-мечин (1632) ставка Дайчина расположилась при р.Волге". Прожив 14 лет (начиная с 1629 г.) в удалении от сородичей, продолжает дальше ученый эмчи, и вспомнив клятву о соединении, данную на съезде 1640 г., торгутские нойоны решили вернуться в Джунгарию и уже было снялись с места, но на пути встретила их родственница их, за которой гнался муж, дербетский Дайчин-Хошоучи, находившийся, очевидно, в ссоре с ней. Хо-Орлюк и Иельден разбили его отряд, а самого убили в сражении. Это неожиданное обстоятельство прекратило начавшуюся перекочевку торгутов, так как родственники и союзники Дайчина-Хошоучи (сын Далай-Батыра), кочевавшие в Джунгарию, не могли оставить его разгром и убийство без мщения.

Мнение, что именно Лоузан первым из владельцев со своими подвластными достиг берегов Волги, а затем к нему стали подкочевывать его ближайшие родственники, было достаточно устойчивым и распространенным. В 1765 г. Байсхалантуин Убаши (или, как его еще называли, Моомот-Убаши) писал Н.А.Бекетову о своем прапрадеде, то есть о том же Лоузани, что он первым вышел к Волге, куда и остальных призвал. Как сообщает Н.Н.Пальмов в первой части своих "Этюдов по истории приволжских калмыков", 8 марта 1774 г. трое демчеев (судей) составили для академика П.С.Палласа, исследовавшего Астраханскую губернию, памятную записку, являвшуюся ответом на вопросы академика. В ней среди прочего говорилось: "Сказывают, что на Яик и на Волгу вышел прежде владелец Лоузанг, а в котором точно году, — мы ни от кого не слыхали. Да еще слыхали от престарелых людей, что Хо-Орлюк и Дайчин вышли на Волгу в году усун-мечин (1632 — М.Б.), но точно ли в том году или нет, неизвестны, ибо у нас, калмык, за

неимением разных канцелярий летописи хранились только у главных правителей народа, каковые наместник с собою при побеге увез".

Нам, конечно, приходится сожалеть, что исторические коллизии лишили нас возможности пользоваться названными летописями, значение которых было бы неоценимо. Также тайной за семью печатями остается для нас, а были ли в этих летописях сведения о приходе на Волгу и его инициаторах? Габан Шараб, составивший свой труд за 33 года до ухода, имел возможность воспользоваться данными летописей: взял ли он свои сведения об этапах движения к Волге и о Лаузане из них или же он также пользовался информацией "престарелых людей"? Увы, и на это нет достаточно уверенного ответа. Правда, Н.Н.Пальмов уверял, приводя соответствующие примеры, что на народную память можно твердо положиться. От себя добавим, что хотя пример 72-летнего Бебе Габан-Цойчжиева, информатора Г.С.Лыткина настраивает на оптимистические выводы о глубине и точности народной памяти, вопрос все-таки остается открытым.

Существовала и другая точка зрения о времени прихода на Волгу по крайней мере части калмыцких улусов. Неизвестный автор "Истории калмыцких ханов", составленной, по мнению А.В.Бадмаева, не ранее конца XVIII в., сообщает, что когда в Джунгарии начались междоусобицы, Хо-Орлюк, "не желая расстроить своих подвластных, откочевал далее к народам чуждого происхождения, которых он и завоевал". Решив двигаться дальше на запад, он в 1618 г. "послал добрых людей высмотреть берега Каспийского моря". Узнав, что там земли никем якобы не заняты, "он взял своих подвластных торгоутов, также хошоутов и дербетов — всего 50 000 дымов или кибиток" и в 1628 г. двинулся в путь, и, завоевав по пути ембулуков, ногайцев, хатай-хабчиков и джетысан, "в году темур-морин (1630) прибыл к берегам р.Волги".

7 апреля 1774 г. астраханская губернская канцелярия, письменно отвечая на различные вопросы о калмыках П.С.Палласа, между прочим сообщала: "А по справке в Калмыцкой экспедиции оказалось: 1-е. О разных калмыцких владельческих племенах родословных грамот по делам не отыскано, а есть обыкновенное родословие, начало имеющее от владельца Хорлюка, которой, как по оному ж родословию значит, первой вышел в Россию в 1630-м году с пятьюдесятью тысячами кибиток калмык из гор называе-

мых по-калмыцки Алык-Улу". Итак, перед нами две версии, первоначальный источник которых нам неизвестен. Остается обратиться к документальным данным, чтобы попытаться восстановить реальные события многовековой давности.

Необходимо сразу же отметить, что основной целью наших разысканий является не поиск того или иного нойона, первым увидевшего Волгу, а определение времени начала оседания основной массы улусов в приволжских степях и окончательного здесь поселения, что и явилось действительно историческим событием для будущего калмыцкого народа. В этом вопросе я целиком присоединяюсь к мнению Н.Н.Пальмова: "Не так важно искать годы, когда калмыки увидели Волгу в первый раз..., но гораздо важнее определить тот удобный политический момент, которым воспользовались калмыки, и, подойдя к Волге, почувствовали себя господами положения в такой степени, что перестали опасаться за свою дальнейшую судьбу и порешили остаться здесь".

Еще в конце XVI в. ногайцы опасались калмыцких набегов. Последовавшее в дальнейшем продолжение калмыков на запад не могло не привести к столкновениям их с ногайцами. Об этом имеются показания источников. Например, в 1616 г. Т.Петров и И.Куницын, побывавшие в калмыцких улусах, показывали в Посольском приказе: "А нагайских людей колматские люди многих ежеле побивают, и ныне пошли на них воевать". Вполне вероятно, что отдельные калмыцкие воинские отряды, преследуя ногайцев, в 10 — 20-х гг.XVII в. переправлялись через Яик и даже достигали берегов Волги. В обстановке военных действий, когда основная часть ногайцев не была еще окончательно вытеснена на правобережье Волги, вряд ли было возможно постоянное поселение улусов (с женами, детьми и скотом) в междуречье Яика и Волги. И действительно, источники говорят о сравнительно медленном движении калмыцких улусов к Волге.

Выше упоминалась усобица между сыновьями Хара-Хулы Чокуром и Байбагишем, в которую оказались втянутыми и крупные тайши. Последствия событий 1625 г. сказались значительно позже. Осенью 1628 г. Далай-Батыр, Хо-Орлюк и другие тайши вновь выступили против Чокура, которому ничего не оставалось, как спастись бегством. В конечном итоге Чокур и его союзники торгутские Мерген-Темен и Хандер оказались оттесненными к Яику. В 1629 г.

они в союзе с алтыульским мурзой Шейдяком совершили набег на кочевья ногойских мурз Каная и Каракел-Мамета, а на следующий год сами были разбиты Далай-Батыром и Гуши. В зиму с 1629 на 1630 г. приходили калмыцкие воины на Яик и осаждали Солёный городок, а в 1632 г. "приходили под Астрахань на нагайские и на едисанские и на юртовские улусы войною калмыцкие тайши Дайчин-тайша с товарищи". Вряд ли в таких условиях возможно было прочное и длительное поселение улусов в междуречье Яика и Волги.

Весной 1630 г. в Москве побывали послы Балта и Баучин, присланные Далай-Батыром "бити челом, чтоб государь его, Талай-тайша, з братьею и з детьми пожаловал, велел его принять под свою царскую руку в холопство и велел бы кочевать блиско Уфинского города". Еще раньше сын Далай-Батыра Доржи (Мерзи) — тайша лично шертовал в Уфе за отца, братьев и всех улусных людей. По словам послов "кочюет деи тайш их Талай в Енбинских вершинах в большом займище на /Черном/ песку близ Юргенчи з детьми своими". Позже в конце 1630 г. уфимский воевода И.Г.Желябужский обратился к Далай-Батыру с предписанием, чтобы он со своими улусами кочевал в верховьях Иртыша, а не по Яику, Эмбе и Тоболу, где неминуемы столкновения с башкирами и ногойцами.

Приведенные сведения показывают, что после событий 1625 г. Далай-Батыр и Хо-Орлюк не порывали отношений и даже предпринимали совместные действия. До середины 30-х гг. глава дербетских улусов продолжал кочевать на территории России, поблизости от Уфы, Тюмени и Тобольска, сравнительно далеко от улусов Хара-Хулы, умершего в 1634 г.

Данные относительно группировки Хо-Орлюка также не подтверждают категоричный вывод об ускоренном продвижении ее к Волге после 1625 г. Сразу оговорюсь: никаких известий о приходе Лаузана на Волгу в 1630 г. в архивных материалах, кроме вышеназванных предположений, обнаружить не удалось. Не известны мне и источники, опираясь на которые К.Ф.Голстунский утверждал, что Хо-Орлюк в 1632 г. "избрал ставкой" урочище Монтохой, находившееся ниже Царицына (Волгограда) на левом берегу Ахтубы, а А.А.Гераклитов, историк Саратовского края, называл годом прихода главы торгутов на Волгу 1634 г. Обратимся к фактам и свидетельствам современников тех далеких событий.

В 1628 г., когда "большие тайши", в том числе Далай-Батыр и Хо-Орлюк, собирались громить непоседливого Чокура, последний "побежал за Ишим реку" в надежде перезимовать на Тоболе. Выходит, что противники Чокура находились в это время на правой стороне Ишима, очевидно, в междуречье Ишима и Иртыша. В 1631 г. тюменский воевода С.И.Жеребцов посылал сына боярского С.Поскочина к тайшам с выговором, "что они, колмацкие тайши, и их улусные люди делают негараздо, своими улусными людьми кочуют блиско Тюменского уезду, и у наших у ясачных людей зверовые промыслы и рыбные ловли и бобровые гоны отнимают". Тайшам предлагалось со своими улусами идти "прочь на старые свои кочевья", т.е. в район верховьев Иртыша. Хо-Орлюк, у которого побывали посланцы воеводы, отвел от себя обвинения, переложив ответственность на подвластных Далай-Батыра, но в данном случае важен факт, что предводитель торгутов кочевал около Тюмени, откуда до Волги было достаточно далекое расстояние.

Кроме того, С.Поскочину удалось разузнать, что к Хо-Орлюку присылал из Астрахани своего человека мурза Канабей, содержащийся там в аманатах (заложни, ах). Как видно, бездеятельное сидение надоело мурзе и он искал острых ощущений, а потому предлагал Хо-Орлюку, — как только его выпустят из аманатов и реки покроются льдом, — совершить нападение на Астрахань, "а он, Канабей-мурза, с своими улусными людьми под Астрахань войною будет же". Информатор С.Поскочина утверждал далее, что якобы тайша "хотел послать под Астрахань войною с людьми внука своего Батмута". Наконец, до тюменских посланцев дошел слух, что Дайчин оповещал отца о подготовке набега на русские городки. Остается неясным, где в это время кочевали дети Хо-Орлюка, и в первую очередь, не подчинявшийся в это время отцу Дайчин и Лаузан. Как бы там ни было, вполне возможно, что слухи, дошедшие до С.Поскочина, были не беспочвенны, и тайши довели задуманное до реализации, так как по более поздним показаниям в 1632 г. "приходили под Астрахань на ногайские и на едисанские и на юртовские улусы войною калмыцкие тайши Дайчин-тайша с товарищи".

Ногаец Худайберды, вышедший из калмыцкого плена (пленен был под Астраханью в 1635 г.) в 1636 г., объявил, что Дайчин "с товарищи" кочует со всеми улусами на урочище Сакпаре в верховьях Яика, а отец его на р.Ембе

в 10 днях пути от кочевий сына. Перед побегом Худайберды приезжал к Дайчину астраханский толмач А.Борисов, чем очень обрадовал тайшей, так как они весьма желали торговать под Астраханью и, если удастся договориться с русскими властями, "зимовати вверх по Волге о урочище... Манатове, т.е. Монтохое. Можно думать, что желаемая зимовка не состоялась, так как в дальнейших переговорах с астраханским воеводой на требование дать в город "добрых аманатов" тайши ответили отказом, мотивируя его тем веским, на их взгляд обстоятельством, "что они, калмыцкие тайши, сами Чинкиза хана дети". Важно отметить, что в ходе переговоров Дайчин продвинулся к урочищу Камыш-Самаре, от Астрахани в семи днях конного пути¹⁴.

Несомненно, что в 30-х гг. XVII в. в междуречье Яика и Волги появлялись не только калмыцкие воинские отряды, но и улусы; вместе с тем кочевание здесь некоторых улусов, — как правило в верховьях Яика, подальше от Астрахани, — было временным, непрочным: при нежелательном для них изменении политической ситуации улусы уходили на восток, далеко от Яика, а тем более Волги. В 1639 г. в Тюмени были получены известия, что Дайчин зимовал "на Каракуме в бухарской стороне, а по-русски ...назвать Каракум — черные пески, а отец де ево, Тайчинов, Урлюк зимовал под Бухары... А весною... как снег сшел, прикочевал Тайчин да с ним брата ево Карасанова жена к Уфе к сибирским городам ближе..., а братья де... Тайчиновы, 4 их, кочуют от него неподалеку ж врознь, а Карасан... Урлюков сын, поехал провожать зятя своего Оботая, Талаева внука". Здесь же сообщается, что сам Хо-Орлюк с детьми и ногайский мурза Салтанай, отошедший из-под Астрахани и примкнувший к калмыкам, кочуют "вверх по реке по Тоболу". Посланцы, побывавшие в этом году в улусах Хо-Орлюка, шли "до Тобольска валовым ходом 3 недели, а наскоро мочно поспети в 2 недели и меньше". У тобольских властей сложилось мнение, "что однолично присылает Урлюк-тайша в Тоболеск послов своих лазутничать, так же как и в Астрахань высматривать людей и разведывати всяких мер".

В конце цитированной отписки тобольский воевода П.И.Пронский добавлял весьма существенное для понимания внутренней обстановки в калмыцких улусах сообщение, что в 1636-1638 гг. "колмацких воинских приходов под

твои государевы города и на уезды, и на волости, и под слободы не было для того, что они были 2 годы в войне в Мугальской и в Китайской земле и в Кутанах (очевидно, ханство Хотан в Восточном Туркестане — М.Б.), а во 146 (1638 г. — М.Б.) году пошли под бухарские города"¹⁵. Судя по контексту, в названных походах участвовали военные силы всех крупных тайшей, а подобное было возможным лишь при достаточно миролюбивых отношениях между ними. В такой обстановке вряд ли группировка Хо-Орлюка стремилась как можно быстрее двигаться к Волге.

И действительно, как явствует из отписки томского воеводы С.В.Клубкова-Мосальского, при его предшественнике И.Ромодановском в 1638 или 1639 г. Дайчин присылал послов в Томск "бить челом" о подданстве и о разрешении улусным людям торговать в Томске скотом и "мяхкою рухлядью", т.е. мехами и шкурами пушных зверей. В июне-сентябре 1642 г. посланец воеводы Я.Буголаков из Тобольска был на соляном оз.Ямышево, где его предупреждали подданные хунтайджи: "Торгуйте де вы и соль емлите бережно, а берегитесь де от Орлюковых людей, а какое худо над вами от них станется, и мне де их унять не уметь, потому что де они не контайшины и не мои (Култайши — М.Б.) люди и унять де мне их некем".

Как ни парадоксально, разлад в среде ойратских феодалов, а в связи с этим окончательное отделение группировки Хо-Орлюка и уход ее на Яик, а позже и далее к Волге произошли вскоре после знаменитого съезда монгольских и ойратских феодалов 1640 г., который как раз и задуман был для примирения и сплочения их. Трудно сказать, каковы были первоначальные непосредственные причины и поводы натянутых отношений, но в 1643-44 гг. разразилась ойрато-казахская война, внесшая еще больший раскол в среду ойратов.

Дело в том, что в походе на казахов, организованном Батуром-хунтайджи, отказались участвовать дети Далай-Батыра и хошутский Конделен-Убаши. Участие людей Хо-Орлюка было минимальным, но извиняющим его обстоятельством было то, что основная масса его улусов кочевала к тому времени на Яике и в Яицко-Волжском междуречье. Разбитый казахским ханом Джангиром, Батур-хунтайджи вернулся с жаждой отомстить не поддержавшим его тайшам. С этой целью он обратился к Хо-Орлюку,

предлагая ему принять участие в походе против дербетских улусов, но посланцы и письмо к главе торгутов были перехвачены Конделеном-Убаши.

В свою очередь, у хошутских Конделена-Убаши и Аблая (дядя и племянник) также появилось желание разорить улусы Хо-Орлюка. Русское правительство, которому стало известно их желание, обещало им помощь войсками, так как у него не вызывала энтузиазма перспектива занятия торгутами земель между Яиком и Волгой. Правительство пыталось втянуть и Батура-хунтайджи, но тот отговорился: "Дочь де ево, Урлюкова, за ним, контайшею — на отца де дети коли войною ходят? И чтоб де ты, государь, ево, контайшу, пожаловал, велел бы мимо ево, контайши, над ним, Урлюком, промышлять, а ему де на Урлюка войною не хаживать. Да и иные де тайши, друзья ево, на Урлюка войною не пойдут же".

Между тем в группировке Хо-Орлюка происходили драматические события. Столкновения калмыков с башкирами и ногайцами за рыболовные, охотничьи и пастбищные угодья, организация тайшами нападений на городки и селения вынудили правительство принять решительные меры. В 1643-44 гг. в результате похода уфимского воеводы Л.А.Плещеева калмыки были разбиты в степях под Саратовом и большая часть улусов откатилась на восток от Яика. В довершение бед Хо-Орлюк в 1644 г. организовал поход в Кабарду, главной целью которого, очевидно, было преследование ногайцев, и был разбит объединенными кабардино-ногайскими силами. Погибли около 10 000 человек, сам Хо-Орлюк, некоторые дети и многие другие менее крупные тайши, но об этом подробнее будет рассказано в главе "Хо-Орлюк".

Несколько лет после печальных событий калмыки кочевали в основном на восток от Яика и в одно время даже собирались откочевать к "дальним большим калмыкам", т.е. в Джунгарию, потому что, по их же словам, "как де пришли кочевать к Волге, и они де только людей перетеряли". Отход к "дальним калмыкам" не получился, и постепенно калмыцкие улусы вновь стали занимать земли на правобережье Яика, но даже и в 1653 г. уфимские посланцы нашли тайшу Мончака "на Кииле-реке от Илецкие соли в полднище, а от Яика-реки в дву днищах, а от Уфы в 10-ти днищах." Все сказанное выше показывает, что путь калмыков к

Волге был длителен и непрост, на этом пути было много зигзагов, колебаний и отступлений. Не будет большим преувеличением, если сказать, что финал движения калмыков — приход на Волгу и поселение в приволжских степях — был предопределен логикой развития событий, а не был логическим завершением заранее задуманного плана. В связи с этим не будем останавливаться здесь из-за их явной надуманности на утверждениях ряда дореволюционных историков, что движение калмыков к Волге было хорошо задуманным завоевательным походом, своего рода попыткой повторить нашествие Бату-хана.

ДАЛАЙ - БАТЫР

До середины 30-х гг. XVII в. одну из главных ролей во взаимоотношениях тайшей с русским правительством играл дербетский тайша Далай-Батыр. Подобное обстоятельство заставляет более внимательно, насколько позволяют источники, взглянуть на его личность.

В описании приема на Таре тайши Кугоная Тубиева в 1607 г. Далай-Батыр назван Янышевым, что предполагает, что его отца звали Янышем. Калмыцкая владетельная знать — что, впрочем, было характерно для феодальной знати и других народов — выводила свои родословные от выдающихся личностей, суверенных правителей древности и даже от небесных, сверхъестественных сил, претендуя тем самым на богоизбранность, а значит на бесспорность и вечность своей и потомков власти над подвластными. Выше уже было вкратце сказано о подобных генеалогиях тайшей основных ойратских объединений. Здесь же я попытаюсь выяснить, насколько возможно, родословную Далай-Батыра, а вместе с тем вопросы образования дербетской группы улусов. Кроме того, за скупыми, часто напрочь лишенными эмоций строчками документов хочется разглядеть по возможности живое лицо тайши, взглянуть на него не только как на политического деятеля, владетеля улусов, а просто как на мужа, отца, семьянина; короче говоря, как на конкретного человека со всеми его достоинствами и недостатками.

Чоросские и дербетские нойоны не могли, как уже сказано, вывести свою родословную от Чингисхана и его ближайших родичей и поэтому, возможно, вынуждены были сочинить версию о происхождении своем от тенгрия-

небожителя. Калмыцким авторам XVIII-XIX вв. не были известны древние поколения названных нойонов. Габан Шараб, отметив, что "о роде дербетовых и зюнгоровых владельцев с начала до двадцать первого колена описание находится у зюнгоров", переходит к перечислению джунгарских тайшей и хунтайджей от Тогона до Галдан-Церена. Родословную же дербетских нойонов он не дает, ограничившись замечанием: "Дербеты с зюнгорами одного происхождения, но с которого колена дербеты от зюнгоров отделились за неимением точного известия здесь и не описываю"¹⁶.

Более подробен Батур-Убаши Тюмень: он начинает родословную дербетских нойонов от некоего Бу-Ахая, от которого происходил Удунтай-Бида-тайши. Потомком последнего являлся Далай-тайши (т.е. Далай-Батыр), у которого было 13 сыновей. Из них Б.-У.Тюмень называет только троих: Солом-Церена, Тойна и Дайчин-Хошучи.

Остазляя перечисление потомков названных трех сыновей, приведенное Батур-Убаши Тюменем и большинство которых известно нам по другим источникам, попытаемся определить предков Далай-Батыра и время отделения дербетов от джунгаров или чоросов. Г.С.Лыткин, которому мы обязаны переводом ряда калмыцких исторических сочинений на русский язык, сообщает, не ссылаясь на источник: "Известно, что в XVI в. Чоросский дом при сыновьях Есена разделился на два дома: зюнгарский и дербетский". Видимо, Г.С.Лыткин обмолвился насчет XVI в.; если разделение произошло при сыновьях Эсена, то это могло быть только во второй половине XV в.

П.Пельо, прекрасный знаток источников по истории монголов и ойратов, в приложении к своей работе "Критические заметки по истории калмыков", изданной посмертно в Париже в 1960 г., приводит подробную родословную джунгарских и дербетских нойонов, опираясь в основном на данные "Илэtxэл шастир", свода кратких родословных и биографий монгольских, ойратских и туркестанских князей, составленного китайской администрацией и впервые изданного в Пекине в 1779 г.

Родословная эта также оставляет открытым вопрос о происхождении и "племенной" принадлежности родоначальника. Первым в сравнительно длинном ряду стоит некий Бохан (очевидно, это и есть Бу-Ахай Батур-Убаши Тюменя). Далее следуют (каждый последующий является сыном предыдущего) Улинтай-Бадан-тайши (Удунтай-Бида-

тайши Б.-У.Тюменя), Гхохай-Дайо (Хутхай-Тафу монгольских летописей), Орлук-нойон, Батулан-чингсен (по другим данным Батула-чинсанг сын Хутхай-Тафу), Эсен-тайши (здесь отсутствует отец Эсена Тогон-тайши, сын Батулы-чинсанга). У Эсена показаны два сына: старший Боро-Нахал (Боронагал; по И.Я.Златкину Бороайялху) стал родоначальником дербетских, а младший, Эсмэт-Дархан-нойон, джунгарских нойонов.

Попытаемся определить степень исторической реальности возникших перед нами лиц. Различные монгольские летописи рассказывают, расходясь лишь в несущественных деталях, что ойратский сановник Хутхай-Тафу из рода Чорос при удобном случае на охоте обратил внимание монгольского Эльбек-хана (1392-1399 гг.) на красоту невестки Ульдзейту-Гоа. Хан не смог устоять перед этой красотой и возникшим искушением, убил своего сына и завладел его женой. Оскорбленная красавица сумела отомстить вскоре коварному ойрату, инсценировав попытку изнасилования. Эльбек-хан, введенный в заблуждение, казнил Хутхай-Тафу, а когда истина открылась, призвал сыновей последнего Батулу-чинсанга и Угэчи-хашига и назначил их правителями четырех ойратских туменов. Награжденные вскоре "отблагодарили" хана, убив его. Таким образом, реальность Хутхай-Тафу и его ближайших потомков не вызывает сомнений.

По-другому обстоит дело с Бу-Ахаем и Удунтай-Бидатайши, известий о которых в монгольских летописях нет. Вспомним о сверхъестественном появлении на свет родоначальника джунгарских и дербетских нойонов — Чороса. По мнению С.Ю.Неклюдова "имя Чорос (Цорос), первоначально только этноним, имеет тюркское происхождение и значит "герой", "богатырь". "В этом сюжете, — продолжает тот же автор, — совмещаются архаические мотивы, известные еще генеалогическим мифам монгольских народов древности и средневековья, с более поздними, обосновывающими сакральность верховной власти".

В некоторых вариантах рассказа чудесно появившийся на свет герой называется Господин (тайши) Удун-Бадан (Удунтай Бадантай). Если принять во внимание, что "удун" в переводе значит "ива", а "будун", по П.С.Палласу, это "мгла", "туман", "непогода", то нетрудно заметить, что здесь явно ощущаются следы шаманской идеологии, так как ива или береза играют большую роль в шаманской мифологии. Тот же П.С.Паллас записал легенду, где один

из подобных героев родился от связи жены богатыря Йобогон-мергена с чародеем Бо-ханом. С.Ю.Неклюдов предполагает тождественность Бо-хана (хан-шаман?) с Бо-Аханом (Бо-Ахаем). Наконец, в тюркской легенде о происхождении Чингисхана родоначальниками калмыцких ханов названы Бодентай и Болектай¹⁷.

Итак, легенды о Удунтае Бадантае и Бо-Ахае несут в себе явные следы шаманской мифологии, причем тюрко-монгольского происхождения, и как раз в силу этого вызывают большие сомнения в реальности существования когда-либо упоминаемых в родословной дербетских нойонов Бу-Ахая и Улинтая (Удунтая) -Бадан-тайши. Возвращаясь вновь к ней и не касаясь джунгарских нойонов, проследим дербетскую линию. Она выглядит следующим образом: Боро-Нахал, Эшигэ-тайши, Яныш-тайши, Тэргэту, Далай-тайши. Как видим, в родословной П.Пелля Яныш дед Далай-Батыра; трудно сказать, где неточность — здесь или в отписке С.И.Гагарина за 1607 г.

Уже отмечалось выше, что нет достаточных оснований выводить позднейших дербетов от древних дорбен (дэрбэтов), упоминаемых в связи с сыновьями Дува-Сохора. Традиция относит появление их как особой группы в составе ойратов ко времени сыновей Эсена, т.е. ко второй половине XV в. Имеется известие, что при Тогоне, в первой половине XV в., четыре тумена ойратов состояли из собственно ойратов, — понимаемых в данном случае как одно из подразделений, "племени" всего народа, — огэлэтов (элэтов), багатудов (батуты) и хойтов. Позднее ойраты в смысле отдельной группировки, особого феодального объединения перестают упоминаться, и тотчас за ними появляются названия "зюнгары" или "чоросы" и "дербеты". На этом основании В.П.Санчилов считает, "что дэрбэты и джунгары — это и есть потомки древних ойратов".

Однако все не так просто, и обстоятельства появления на исторической арене дербетов вызывают много вопросов, почти на каждый из которых нет положительных ответов. Лубсан Данзан сообщает, что незадолго до гибели Эсена разбили ойратские же владетели Алаг-Тэмур-чинсанг из правого крыла и Хатан Тэмур из левого крыла за то, что Эсен, став ханом, не отдал им титул тайши. Из дальнейшего описания выясняется, что Тэмур-чинсанг был "из рода чорос из туметских энгутов". Из этого рассказа можно сделать вывод, что представители владетельного рода Чорос разделились на отдельные ветви еще при Эсене

или даже раньше и управляли различными феодальными объединениями. Значит ли это, что и дербеты могли отделаться от зюнгаров раньше времени, приписываемого традицией?

Весьма загадочна фигура Боро-Нахала (Боронагала). В "Илэтхэл шастир" утверждается, что предком дербетов является Боронагал, который был братом предка джунгар Эсмэд-Дархан-нойона. Другие известные нам источники ничего не говорят о Боронагале. Габан Шараб называет только одного сына Эсена — Юштюмюй Дархан-нойона (очевидно, это Эсмэд-Дархан-нойон). По Батур-Убаши Тюменю сын Эсена — Ештеме-нойон. Боронагала — сына Эсена — они не знают. Правда, Батур-Убаши Тюмень упоминает Боро-Аялху, но как сына Ештеме-нойона; почему И.Я.Златкин называет Боро-Аялху сыном Эсена, остается неизвестным. Вывод из вышерассмотренного вытекает один — проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Нам не известно время рождения Далай-Батыра, но принимая во внимание, что он был одним из главных дербетских тайшей, пользовался достаточным авторитетом в ойратском обществе, имел 13 сыновей, можно предположить, что закончил он земные дела в достаточно преклонных летах. В источниках упоминаются братья Далай-Батыра: Галдан, Бо-Иельден (Ирке-Ильден), Мангит, Ноенбаш и Исентур. Все ли они были родными братьями, какова их последовательность по старшинству — остается неясным. Габан Шараб и Батур-Убаши Тюмень, приводящие факты из биографий крупных ойратских нойонов, их знаменательные высказывания и поступки, очень скупо говорят о Далай-Батыре. Вызвано ли подобное обстоятельство отсутствием громких дел или же это результат забвения — судить не берусь.

Можно думать, что по обычаю и распространенной практике в среде калмыцкой знати XVII-XVIII вв. Далай-тайша имел несколько жен. Мы знаем только об одной — сестре Хо-Орлюка. По упоминавшемуся свидетельству Батура-Убаши Тюменя Далай-Батыр имел 13 сыновей, из которых названы по имени трое: Солом-Церен, Тойн и Дайчин-Хошучи. В "Илэтхэл шастир" утверждается о семи сыновьях: Минджу, Чойн, Тойн, Омбо-Дайчинг-Хошочи, Гомбо, Даян-тайши и Дархун (Тархун) -тайши. В русских документах начала XVII в. упоминаются старший Доржи (Мерзи), Даян-Омбо (унаследовавший верховную власть над дербетскими улусами после смерти отца), Малдышер, Чово-Мерген, Дайчин, Токчю и Кокун.

Очевидно, к концу жизни Далай-Батыр был убежденным приверженцем ламаизма, активное распространение которого среди ойратов относится к первым десятилетиям XVII в. По примеру других крупных тайшей он посвятил одного сына в тойны (лама из аристократической семьи). Сын этот, впоследствии так и называвшийся Тойном, не прельстился монашеской стезей, вернулся к светской жизни и женился на Ечжи-Цаган, дочери хошутского нойона Цукера. Кстати, его потомком был Чучей Тундутов, ставший по воле Павла I на короткий срок (1800-1803 гг.) наместником ханства.

Габан Шараб и Батур-Убаши Тюмень свидетельствуют, что ойратские ханы и нойоны собрали съезд по поводу сочинения Уложения. Выясняется, что это не знаменитый съезд 1640 г., так как среди съехавшихся был и Далай-Батыр, который умер в 1637 г. Согласно подсчетам Батур-Убаши Тюменя, событие это произошло или в 1616, или 1617 г. Г.С.Лыткин, проанализировав соответствующие статьи законов 1640 г., поддерживает дату предыдущего съезда. Заканчивая свои скупые заметки о Далай-Батыре, просвещенный хошутский нойон сообщает, что он "двум старшим сыновьям своим (Цойну и Тойну) отдал одну часть, среднему Дайчин-Хошучию отдал другую, а сыну (Солом) Церену ничего не дал".

Габан Шараб вносит дополнительные черты в облик дербетского тайши, который вопреки обычаю "двум старшим сыновьям наделу менее, а меньшему Дайчинг Хошоуче более дал, а прочим каждому по мере, сыну же, называемому Церину, совсем ничего не дал". Далее оказывается, что он "улусы потерял, отдавши во власть жене, другие утверждают потеряние улусов за умерщвление сына, называемого Манзу, другие ж уверяют, что лишился улусов по приключившейся ему болезни".

Наконец, в определенной мере противореча предыдущему, Габан Шараб замечает: "Далай же тайшу, что он жену свою властью уполномочил, ойраты похвалили". Впрочем, последнее не удивительно, так как история ойратов сохранила немало имен женщин из нойонского сословия, прославившихся с точки зрения феодальной морали умом, находчивостью и достойными делами. Кроме известия ученого эмчи в документах нет сведений о потере Далай-Батыром улусов, об отстранении его от управления ими.

Более того, внимательный анализ совокупности сведе-

ний о Далай-Батыре показывает его человеком реалистически мыслящим, достаточно последовательным, не шарахающимся из крайности в крайность. Когда не в меру горячие тайши хотели, захватив, расправиться с Хара-Хулой, недовольные его централизаторской политикой, Далай-Батыр обронил фразу: "Вьюк большого верблюда годовалый верблюжонок поднять может ли?" — что охладило страсти. В отношениях с русским правительством и администрацией сибирских городов Далай-Батыр также был достаточно ровен, старался придерживаться принятых обязательств и не допускать нежелательных эксцессов. Сказанное, разумеется, не значит, что он был последовательным сторонником окончательного принятия российского подданства. По мере изменения обстановки он все больше сокращал связи с русской администрацией, а к концу жизни передвинулся с улусами ближе к Джунгарии.

В русских документах имеется ряд сведений, конкретизирующих образ главы дербетов и рисующих, хотя и скупое, отдельные черты образа жизни калмыков, которые принадлежат побывавшим в улусах тайши правительственным посланцам. Они ценны тем, что принадлежат очевидцам, но, к сожалению, скупы и отрывочны. В начале апреля 1616 г. тобольский воевода Иван Семенович Куракин послал в улусы к Далай-Батыру Т.Петрова и И.Куницына. Посланцы ехали до тайши два месяца. Т.Петров и И.Куницын были встречены тайшами приветливо, прожили при ставке Далай-Батыра месяц и многое успели заметить и разведать. В своем отчете они сообщали, "что в Колматцкой земле ныне в подданстве и в послушанье Казачья Большая орда да Киргизская орда, и тем обеим ордам колмаки сильны". В свою очередь калмыки, по словам посланцев, подчинялись Алтын-хану и китайскому императору, причем "емлют с колмаков китайский царь и Алтын-царь ясак по 200 верблюдов да по 1000 лошадей и овец на год со всякого тайша, с лутчих тайшей, опричь мелких тайшей".

Пытливые и любознательные посланцы, действовавшие, впрочем, по данной им инструкции — "памяти", интересовались бытом, религией, вооружением и военной тактикой. Они сообщали, что калмыки живут "в своей земле кочевьями, а городов у них нет, а избы все полстяные (войлочные — М.Б.), возят на верблюдах. А на приезде они у большово тайша были в шатре, а шатер был бухарский с полами. И у иных больших тайшей шатры есть бухарские ж". Касаясь религии, они неточно отмечают, что вера у

людей Алтын-хана и китайского государства одинакова, и что к этой вере они приводят и калмыков, "и кобылятины есть и молока кобылья пити по своей вере им не велели. И ныне большие тайши, которые выучились их грамоте, и жены кобылятины не едят и молока не пьют". Верно подметив то обстоятельство, что в это время началось распространение ламаизма среди калмыков, посланцы в своем донесении отразили еще неполное утверждение его в умах новых приверженцев. "А в Колматцкой де земле оне ныне у большого тайша (т.е. у Далай-Батыра — М.Б.) веру видели ж сами, что оне молятся шайтаном же, а выливаны в серебре и позолочено нарасно, и оболочены в атласы и в камки (в ткани — М.Б.), а ставят на стенах и почитают их гораздо... А понедельник чтят добре, не пьют в него, ни едят, а поста имеют во весь год 4". Несмотря на сказанное, калмыки, оказывается, также усердно почитали и взятые при набеге у русских пленных "образы угодников божиих многих святых", считая, что "коли они руских людей милуют, и они де и их учнут миловать".

Вооружение калмыков состояло из луков, копий и сабель. Пищали хотя и были, но не хватало пороха, который в основном получали тем или иным путем у бухарцев. Защитное вооружение состояло из железных куюков (панцирей) и шишаков (вид шлема). По описанию выше названных информаторов, "в куюках доски железные шириною пол-ладони, стрела из лука и сабля не имет (не прорубает — М.Б.)". Тактика в бою состояла из трех "напусков" — атак: "первой напуск с луки, другой с копья, 3-й с сабли. А только де они в 3 напуска на бою каких людей нибудь не сломят, и они отходят прочь".

По приказу все того же И.С.Куракина, добивавшегося от тайшей принятия русского подданства, 29 мая 1617 г. к Далай-Батыру выехали атаман Иван Савельев и служилый литовец Первушка Петров, сопровождая посланцев тайши, побывавших в Тобольске в ответ на посольство Т.Петрова. Двигаясь водой по Иртышу 6 недель, они достигли калмыцкой "мечети", называемой "Давыдово кладбище" (что понимается под мечетью, сказать трудно; возможно — развалины какой-то каменной постройки), откуда повернули на запад и шли в сторону "Казахской орды" до кочевий Далай-Батыра 10 дней сухим путем "меж гор". "Да туто же около его тайшева кочевья обошли озера Улюкаба, озеро велико, и иные озера и острова многие, где он кочует", а ставка Далай-Батыра располагалась "меж каменных гор на

речке". В ставке насчитывалось 17 кибиток, из которых одна была хурульная, а другая специально для приезжих гостей и посланцев.

Прежде чем посланцев допустили в кибитку Далай-Батыра вышел навстречу служитель татарин, переписал и забрал все подарки и товары. Все подарки положили перед тайшей, и только после этого посланцев допустили в кибитку, "а Богатыр сидел в ызбе на земле на полсти (войлочном ковре — М.Б.), согбав ноги, а около ево сидели дети 2 сына..., да 2 лабы (ламы — М.Б.), по-русски попы. А подле Богатыря-тайши зделано место дощаное складное, кабы по-русски кровать, и укрыто коврами. И подле тое кровати з другую сторону сидела тутю ж в — ызбе жена ево большая".

Во время произнесения царского титула и чтения царской грамоты Далай-Батыр встал и слушал стоя, после чего разговаривал уже сидя. После переговоров посланцев кормили и угощали молочной водкой. Посуда была деревянная и "ценинная", т.е. фаянсовая или фарфоровая. Результатом поездки И.Савельева явилось ответное посольство от Далай-Батыра. Послы Буга и Ковадан 20 марта 1618 г. были в Москве на приеме в Посольской палате, а затем и у царя. При отъезде послам была вручена жалованная грамота Михаила Федоровича Далай-Батыру от 14 апреля 1618 г. о принятии его в русское подданство.

Несмотря на то, что глава дербетов в течение нескольких десятилетий кочевал на территории России и имел активные отношения с царским правительством, неоднократно давал шерти на подданство, ему не суждено было стать инициатором окончательного вхождения калмыков в состав России. Трудно сказать, удалось ли ему увидеть берега р.Зя (Яика), но волжскую воду он определенно не пил. Однако он незримо присутствовал в степях При-волжья в последующие времена, так как его потомки по линии сыновей Солом-Церена и Тойна, присоединившихся к торгутам Хо-Орлюка, оказались на Волге, где и протекала их дальнейшая деятельность.

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Так как в дальнейшем придется не раз касаться биографических данных и набрасывать характеристику деятельности того или иного исторического лица, оставившего заметный след в калмыцкой истории, а документальных

сведений о них сохранилось, к сожалению, не так уж и много, считаю необходимым для конкретизации и оживления исторической картины описать, насколько позволяют источники, семейные отношения и нормы их регулирования в среде феодалов и так называемых простолюдинов. Кроме всего прочего, это даст возможность полнее и зримее представить внутреннюю жизнь калмыцкого общества, которая, без сомнения, влияла на их отношения и со внешним миром. Описание относится к XVII-XVIII вв., но в связи с тем, что не все детали семейного быта можно воссоздать по одновременным источникам, т.е. относящимся к той же эпохе, придется прибегать к методу ретроспекции, дополняя недостающее деталями более позднего времени, если можно с достаточной степенью уверенности предположить, что они существовали и в более раннее время примерно в таком же виде.

Рождение мальчика, а тем более первенца встречалось в любой калмыцкой семье с радостью; правда, если рождалась девочка, то это событие не считалось особой трагедией. Более того, если она была первенцем или же родилась после долгого ожидания детей, то соблюдались все церемонии, производимые при рождении младенца мужского пола: снятие шапки с отца и требование символического "выкупа", прием поздравляющих и их угощение, дарение монет со стороны гостей и т.п.

Если природа уготовила всем людям одинаковое начало жизненного пути, одинаковый первый шаг, то сразу же вслед за этим пути расходились сообразно сословной принадлежности, имущественному положению родителей, а порою и простого везения, стечения обстоятельств (вспомним сироту, жену шведского трубача Марту Скавронскую, ставшую императрицей Екатериной I). Если отбросить случайность, жизнь того времени не баловала благосклонностью представителей трудовых масс, протекала она незаметно и буднично, не привлекала внимания царской администрации (кроме чрезвычайных обстоятельств), потому и очень слабо отражена в источниках, чего нельзя сказать о представителях калмыцких феодалов, особенно знати.

По всей вероятности, научившийся ходить ребенок простолюдинов был чаще всего предоставлен самому себе, подвергаясь минимально необходимому контролю, и проводил время в обычных детских забавах, приглядываясь к действиям взрослых. "Босоное" детство кончалось

рано, и в 7-10 лет мальчик, уже отлично сидевший на лошади, начинал помогать в пастьбе скота и прочих мужских работах, а девочка становилась помощницей матери в домашнем хозяйстве.

Нойонские же отпрыски обоего пола поручались после рождения заботам мамки-кормилицы и дядьки-воспитателя, причем переходили жить в кибитку последнего. Институт подобных воспитателей известен у многих народов, например, аталычество у ряда народов Северного Кавказа. "Дядьки", которым нойонские дети отдавались "на пропитание", т.е. на содержание, происходили, как правило, из среды зайсангов, хотя имеются сведения о таковых лицах из духовенства или даже из зажиточных простолюдинов. Известны и имена некоторых воспитателей. У хана Аюки дядькой был некий Дудары, у дербетского нойона Четера зайсанг Церен-Дондук, у дочери хана Дондук-Омбо Санжигелюнг и т.д.

Иногда и нойоны брали на воспитание детей своих родственников. 13 февраля 1767 г. у наместника ханства Убаши родился сын, которого взял на воспитание дядя наместника — Яндык. Об этом он довольно витиевато уведомлял тогдашнего руководителя Калмыцких дел полковника И.А.Кишенского: "Для забывения всегда верной в делах справедливости докладывал я Убаше об одной птице. По божию милосердию, что в мысли содержано было, и по определению свершилось. Потом за милость, во первых, господина ламы и знатных всех людей оказуемой ко мне, принесся благодарение и с подлинною моею радостью я месяца лу 29, то есть февраля 16 дня в свою подлую кошовую кибитку принел".

Дядьки-воспитатели — древний институт у монгольских народов. Рашид-ад-дин сообщает, что некоего Илукэ, сына "эмира" Казана из племени Джалаир, Чингисхан "отдал вместе с войском своему сыну Угедей-каану, так как он был дядькою /атабеком/ последнего во время его детства и имел о нем отеческое попечение. Во время Угедей-каана /Илукэ/ был почитаем и /был/ уважаемым /старцем/ и эмиром войска". За пять последующих веков дело существенно не изменилось.

Известный В.М.Бакунин, очевидец и хороший знаток внутренней жизни калмыков, особенно знати первой половины XVIII века, утверждал, что "дядьки их во владельцах своих имеют полную свою волю, яко в детях своих"¹⁸. Если это и преувеличение, остается бесспорным тот факт, что и

став взрослыми, нойоны не порывали связей со своими воспитателями, заботились о них и охраняли их честь. В 1758 г. на Дону был задержан беглый зайсанг Замсо Оным и на допросе показал, что жил при хане Дондук-Даши, и случилось ему поехать на ханской лошади в степь на охоту. По возвращении в ставку "ханский первый человек, называемый ханский отец, Абу Намсын, бранил его за ту лошадь, напротив чего и он бранился", а тот пожаловался хану. За обиду первого при нем человека, дядьки-воспитателя, хан решил провинившегося подарить или продать в Кабарду в вечное владение, о чем узнав, Замсо Оным с родным племянником и двумя верными ему людьми бежал на Дон¹⁹.

С малых лет к детям нойонов приставлялся большой штат служителей — котечинеров, которые продолжали обслуживать их до самой смерти. Среди них были различные категории: некоторые из них занимали высокие должности и пользовались авторитетом. Делились они по выполняемым поручениям и обязанностям: "чаеварители", "которые котлы держат", копыеносцы, "кухмистры" — повара, "придверники" — удечи, птичники-шобучинеры, конюхи — мори-чи, казначеи — хазаначи, охранники — каанары и т.п. Подобный штат служителей имели не только дети нойонов мужского пола, но и девочки, а затем взрослые девушки и жены. Так, внучка Дармы-Балы, последней жены хана Аюки, Тютяра имела до своего крещения "называемых котечинеров двести кибиток, с коих никаких податей не берется, а состоят только для одних услуг".

В источниках нет конкретных свидетельств о специальном обучении детей нойонов грамоте и прочим школьным премудростям, но подобное вполне вероятно, так как большинство взрослых нойонов, известных нам в XVIII в., умели, по крайней мере, читать. В законах Дондук-Даши середины этого же века перечисляются штрафы со знатных, "многим известных" и "низкого звания" людей, дети которых не обучаются. После взимания штрафа законы предписывают отдавать детей в обучение учителю. Надо думать, что статьи закона остались простой декларацией, потому что источники не позволяют говорить о массовом обучении молодежи. Тем не менее были случаи, когда в специальное обучение к монахам отдавались даже дети простолюдинов, как, например, некий Санжи Джамчоев, который был "отцом отдан в малых летех для учения грамоте их калмыцкому попу".

Не останавливаясь более на детстве и юношестве феодалов и простолюдинов, которое у первых проходило, вероятнее всего, в обучении грамоте, подготовке к военному делу, участию в облавных охотах и прочих приличествующих их происхождению забавах, а у вторых — в помощи по хозяйству, перейдем к такому важному в жизни целого века событию, как женитьба или замужество. В источниках нет указаний, с какого возраста предписывалось женить сына (по данным И.А. Житецкого второй пол. XIX в. — 18-19 лет). Что касается девушек, то в законах 1640 г. говорится: "Следует брать в жены девиц, имеющих более четырнадцати лет; о меньшем возрасте должны засвидетельствовать дэмчеи и шуленги. Кто нарушит это постановление, дочь того взять и отдать замуж без скота (т.е. без выкупа)".

На практике не всегда придерживались этого установления. В середине XVIII в. Джап, Гецулева дочь, была выдана замуж в 10 лет, прожила с мужем 5 лет, потом ее забрал зайсанг их аймака и держал при себе в качестве наложницы, а женившись официально на другой, содержал ее в "холопстве", во время которого она "блудно" прижила с посторонним мужчиной сына.

В брачных обычаях, особенно при выборе невесты, ощущались отголоски (если не более) экзогамии. Запрещалось брать в жены не только сравнительно близких, но и весьма дальних родственников по отцовской линии; проще обстояло дело при счете по материнской линии. Нойоны, за редкими исключениями, никогда не брали жен из своего объединения: т.е. торгутские женились на дербетских и хошутских нойонских дочерях, дербетские — на торгутских и хошутских и т.д. Постоянные брачные контакты между названными феодальными домами приводили к тому, что, по нашим понятиям, вступающие в брак могли оказаться близкими родственниками. Судите сами: дочь дербетского нойона от жены торгутки могла быть выдана за торгутского нойона, приходящегося родственником его матери и т.п. Например, дочь известного хошутского Цецен-хана Цаган-лама после разгрома улусов отца в междоусобной борьбе в Джунгарии ушла на Волгу к своему дяде Аюке-хану, где была выдана замуж за своего двоюродного брата (мать Цаган-ламы была сестрой Аюки) Чакдорчжаба²⁰.

Как обстояло дело у зайсангов и простолюдинов, сказать трудно, но встречаются сведения, что, например, простолюдины из торгутов ездили к дербетам "брать кибитку" (гер авх), т.е. жениться, или что в "давних годах" некий

Шазга женился на дербетке Боги. По данным XIX в. рядовые калмыки брали невест, как правило, в своем объединении, но из сравнительно отдаленных хотонов. Иногда нойоны женились не на калмычках; в подобных случаях роль играли политические расчеты. Аюка был женат на кабардинской княжне Абухане, сын его Чакдорчжаб — на черкешенке, внук Аюки Дондук-Омбо — на кабардинской княжне Джан.

В виде исключения нойоны женились и на простолюдинках. Так, внук Аюки Нитар-Доржи в 1724 г. взял из улуса своего родного брата Баксадая-Доржи "черного калмыка дочь". У другого внука Аюки, Чакдорчжабова же сына Яндыка, законная жена ушла в 1771 г. вместе с Убаши, прихватив с собой и сына. По словам прошения четырех зайсангов Яндыковского улуса от 6 июля 1789 г. на имя кавказского наместника генерал-майора С.А.Брянчанинова, Яндык "остался без жены уже не молодых лет и, имея склонность к вину, обращался в пьянстве и влюбился в одну из подвластных ему подлю (т.е. простолюдинку — М.Б.) безмужною женку Бютюку, у которой был сын, и держал ее при себе"²¹. Впоследствии после смерти Яндыка Битюка успешно выдержала ожесточенную борьбу с улусными зайсанами за право называться владелицей и получать соответствующее содержание.

Случались отклонения от принятых норм женитьбы или замужества. До нас дошел один случай, когда торгутский нойон был женат на своей близкой родственнице по отцовской линии. Сын хана Аюки от последней жены, джунгарки Дармы-Балы, по всей вероятности Галдан-Данжин (имя в документе не указано), взял в жены дочь Дондук-Омбо, т.е. в данном случае дядя был женат на дочери своего племянника. Женились, в первую очередь простолюдины, чаще всего по распоряжению своих зайсангов и нойонов, на пленных женщинах различной национальности, на купленных девушках и т.п. Встречаются случаи, которые трудно объяснить однозначно. От второй половины XVII в. дошло известие о Мергене Мунжуеве и некоей Истинчейке, живших в своем улусе "блудным воровством" и бежавших к юртовским татарам под Астрахань. Кто знает, быть может за этим скрывается драма влюбленных, не надеявшихся соединиться в законном браке из-за жестоких обычаев, когда согласия молодых не спрашивали, а все решали родители или владельцы.

Практиковались похищения девушек (чаще всего с их

согласия) для последующей женитьбы на них. В 1765 г. "незаконнорожденный" брат торгутского нойона Бамбара (Бамба) Логи увез дочь дербетского нойона Сампил-Норбо (сын Лабан-Дондука) Ани, что не вызвало никаких жалоб и действий со стороны ее родственников (отца ее уже не было в живых). Наводивший по этому случаю справки переводчик Я.Самсонов докладывал по начальству: "Да и они, калмыки, как знатные, так и подлые (простые — М.Б.) все объявляют, что у них такое обыкновение издревле состоит, что холостые люди как владельцы, так и подлые в жены себе девок увозят, чего де для и он, Логи, ее, Аню, увес, чтоб ему на ней жениться"²².

Многоженство не возбранялось и регулировалось более всего имущественным положением и хозяйственно-домашними потребностями. Нойоны, как правило, имели несколько жен, причем можно было после смерти отца жениться на мачехах и на женах умерших старших и младших братьев. Большинство таких супружеств диктовалось чисто материальными соображениями: новоявленные мужья таким способом прибирали к своим рукам улусы умерших родственников. Правда, такой способ приобретения новых подвластных был возможен лишь в том случае, если у вдовы не было взрослых сыновей или же они были малолетними, а, значит, временно недееспособными. Необычным, пожалуй, даже и для тех времен, было стремление Дондук-Омбо связать себя узами Гименея с Дармой-Балой; ведь речь шла о внучке и, хотя и неродной, бабке. Стараниями соперников, боявшихся его чрезмерного усиления, и царской администрации планы расчетливого и не в меру энергичного жениха были пресечены.

Обычаи и корыстные расчеты создавали оригинальные комбинации, вызывали кипение страстей, плели хитроумную паутину интриг. Нойонша Даши-Бирюнь была замужем последовательно за тремя братьями, сыновьями Аюки: Гунчжабом, Гунделеком и Чакдорчжабом. После смерти последнего ее руки стали добиваться сыновья бывших мужей: Досанг, Баксадай-Доржи (дети Чакдорчжаба), Дондук-Омбо (сын Гунчжаба), а также их дядя Церен-Дондук (сын Аюки). Развернувшееся между ними острое соперничество легко объясняется, если учесть то обстоятельство, что под временным управлением Даши-Бирюнь находилось по одним данным 5000, а по другим 1000 кибиток Багацатановского улуса.

На вполне объяснимое недоумение мѣстной русской

администрации по поводу предмета соперничества один из претендентов, Дондук-Омбо, не менее резонно со своей точки зрения ответил: "У нас вера такая калмыцкая, берут мачих и бросают". Вдова со своей стороны весьма холодно и неприязненно взирала на суету искателей ее руки, а заодно и управляемого ею улуса. Дело в том, что у нее был малолетний сын, которому она и мечтала по достижении совершеннолетия передать владение, на что предусмотрительно выпросила дозволение престарелого Аюки. Кроме того, ей, видимо, смертельно надоело переходить из рук в руки помимо ее желаний, и трудно усомниться в искренности ее слов, когда она при встрече с астраханским губернатором А.П.Волынским заявила, что была замужем за тремя мужьями, а счастья так и не видела, а за четвертого "и ходить уже не для чего". К сожалению, не повезло ей и дальше.хлопоты о судьбе сына заставили ее усыновить Дондук-Даши, "чтоб сыну ее был за брата", объединить свой улус с его улусом, "дабы от насильства и от неприятелей защищал" до возраста ее сына Дамрин-Балбара. Не довольствуясь этим, она стала первой калмыцкой владелицей, побывавшей при дворе в Москве, где неоднократно представлялась императрице Анне Иоанновне, но при сборах в обратный путь заболела оспой и умерла 24 января 1732 г., так и не увидев больше ни сына, ни родные степи.

Пикантность обрисованной выше ситуации заключалась еще и в том, что в это же время Досанг сватался к другой своей мачехе Габиле, дочери дербетского Мункотемира. В отличие от Даши-Бирюнь эта последняя просила русские власти содействовать выходу замуж за пасынка, так как Досанг держал под стражей ее сына и улусных зайсангов. Ее замужество освобождало их из-под ареста; о влиянии же предпринимаемого шага на личную жизнь у нее заблуждений не было, так как "она в том как себе, так и улусом своим кроме неволи никакой пользы получить не надеется". Пессимистически был настроен и Бодонг, говоривший посланцу губернатора В.М.Бакунину, "что им то не находка, что мать их выдет замуж за Дасанга, и они того не желают, понеже тогда ими Дасанг будет действовать по своей воле так, как детьми своими".

Если знатные нойоны могли иметь до девяти жен, как Чакдорчжаб (правда, такое количество было редкостью, чаще нойоны ограничивались 2-3 женами), то возможности зайсангов, а тем более простолюдинов были ограничен-

ными. Упоминания о двоеженстве или многоженстве среди простых калмыков в источниках весьма редки. Однако делать на этом основании категоричный вывод о чрезвычайности, единичности подобных фактов было бы преждевременным. Надо учитывать, что повседневная жизнь трудовых масс мало привлекала внимание как калмыцкой феодальной знати, так и местной русской администрации. Сведения о ней попадали в переписку и официальные документы лишь в исключительных случаях: при совершении преступления, неповиновении и т.п. Если мы читаем в одном источнике, что некто из простых калмыков из Багазюнгорова улуса бежал в 1759 г. на Дон "обще з двумя женами ево, Сагою и Некеем, да з детьми"²³, это значит только то, что подобные ему двоеженцы никуда не бежали, а тихо и мирно жили в своих хотонах.

Приведенные факты, а число их легко умножить, не позволяют поддержать выводы ряда дореволюционных и советских историков, что калмыки "ни в чем не изменили своей старине, родным обычаям и предписаниям религии, повелевающим только единоженство"²⁴, что "многоженство не бытовало в калмыцком обществе" (У.Э.Эрдниев). Положение, сложившееся в этой сфере к середине, а более всего во второй половине XIX- начале XX вв. нельзя безоговорочно переносить на более ранние времена.

В семейной жизни калмыков рассматриваемого периода имели место явления, порою весьма драматические, в определенной мере расшатывавшие устои патриархальности, беспрекословности подчинения главе. Уже законы 1640 г. предусматривали наказания за избиение и убийство отца или матери, за нанесение невесткой побоев свекру или свекрови, за убийство жены женой (при двоеженстве). Недвусмысленна и статья, по которой "отец должен выделить своим сыновьям наследство по обычаю". Хотя за избиение детей и снох "ради нравоучения" наказание не предусматривалось, тем не менее перед нами предстает картина не совсем, мягко говоря, суровых патриархальных внутрисемейных отношений, хотя, разумеется, и "вольности" домочадцев, особенно женской части, преувеличивать нельзя.

Жены нойонов кочевали собственной кибиткой и со штатом различных служителей отдельно не только друг от друга, но и от мужа, часто на значительном отдалении. Каждой из жен муж выделял, как правило, определенное количество кибиток-семей "на пропитание" (служители-

котечинеры в это число не входили). Подобные хозяйства простолюдинов обязаны были снабжать свою госпожу продовольствием, работниками по дому и хозяйству, верблюдами для перевозки грузов (в основном домашнего скота), кошами и прочим для ведения кочевой жизни, выплачивать подать деньгами. Муж поочередно или другим порядком посещал жен, среди которых особое место занимала старшая (главная) жена, не обязательно старшая по возрасту или первая по выходу замуж. К некоторым женам по неприязни или по старости последних нойон переставал ездить, как это случилось с первой женой Дондук-Омбо Соломой вскоре после его женитьбы на молодой кабардинке Джан. Во время длительного отсутствия или болезни мужа жены, и в первую очередь старшая жена, могли решать различные хозяйственные вопросы.

Разводы не были редкостью в калмыцком обществе XVII-XVIII вв. и могли вызываться различными причинами: от бездетности или длительной болезни одного из супругов до тривиального "не сошлись характерами". Инициатива, судя по свидетельствам, чаще всего исходила от мужей и реже от жен. Некоторые супруги расставались со своей половиной без всяких видимых причин и объяснений. Были случаи, когда жены насильно разлучались с мужьями; короче говоря, встречались различные, порою курьезные, порою драматические ситуации.

В 1701 г., во время междоусобицы в ханской семье, дербетские улусы ушли на Дон. Аюка выдал за их старшего тайшу Четеря дочь свою Бунтар и тем вновь соединил их с собой. После ее смерти Четерь женился на другой Аюкиной дочери Даши-Церен, которую в 1717 г. бросил и взял в жены дочь Чакдорчжаба, вдову хошутского нойона с двумя малолетними сыновьями. Оскорбленный хан некоторое время содержал бывшего зятя при себе под строгим контролем, но Чакдорчжаб помирил Четеря с отцом, а на Даши-Церен женился Четерев сын Лабан-Дондук.

В июле 1789 г. в Калмыцкую канцелярию обратилась с жалобой Улюмжи Джалганова, что муж ее, зайсанг Шарап-Джамба, "с коим она прижила ребенка, поехав от нее тому уже два года для пригону скота, чтоб взять ее к себе не бывал, и к себе не берет и не отказывает, почему и просит учинить рассмотрение". Примечательна супружеская одиссея Гересун Ижилевой, сироты, воспитанной теткой и в 15 лет выданной замуж. Прожив с мужем два года, она заболела и проболела целый год, вследствие чего "по

калмыцкому обыкновению оной муж ее от себя ее отрешил". Выздоровев, она вторично вышла замуж и прожила три года, а потом и второй муж, неизвестно по какой причине, "от себя ее отрешил же и дал в том разводное письмо за свидетельством посторонних людей"²⁵.

На этом фоне обыкновенные семейные ссоры, размолвки и т.п. были частым делом, особенно в среде зайсангства и простолюдинов, улаживание которых передавалось в руки ссорящихся сторон.

Что касается семейной жизни нойонов, то от середины и второй половины XVIII в. осталось много свидетельств о длительных, порою очень ожесточенных столкновениях между знатными супругами.

В длительной ссоре находились, например, хошутский нойон Тукчи с женой Эсенью, дербетский Галдан-Церен с Оджей, Замьян с Данарой (Дан-Араши), причем во всех случаях обе стороны шли на довольно решительные действия. Так Галдан-Церен зайсангов, поддерживающих Оджу, бил плетью, зашивал руки в мокрые кожи (при высыхании они больно стягивали тело), жег огнем животы и т.д., а жену ставкой отвел вдаль и оставил без пропитания, так что последняя вынуждена была просить 30 баранов на питание у икицохуровского нойона Маши. Жены же Тукчи и Замьяна устраивали нападения на своих мужей, а Замьян на короткое время даже был посажен под домашний, так сказать, арест²⁶.

Вполне понятно, что родственники подобных жен не могли хранить стоическое безразличие, тем более, что некоторые из них происходили из более знатных семей. Например, Данара была сестрой хана Дондук-Даши, Оджа его дочерью, а Эсен внучкой Доржи Назарова. Как бы там ни было, родственники с обеих сторон так или иначе бывали втянуты в улаживание семейных ссор, что в конечном счете приводило к натянутым отношениям уже между целыми улусами, а это не могло не волновать и представителей царской администрации.

Тот же Н.Г.Спицын в донесении Коллегии иностранных дел от 23 ноября 1747 г., характеризуя семейные отношения нойонов, сообщал, что "ныне вошло у них в обычай, что от многих знатных владельцев жены своевольно отходят и выходят в замужество за других, за ково пожелают" и испрашивал инструкций на этот счет. В улаживание ссор оказывались втянутыми и высшие сановники государства, как канцлер М.И.Воронцов, советовавший хану Дондук-

Даши вернуть Замьяну улусных людей и сына, отошедших от него вместе с Данарой. Даже сама Екатерина II вынуждена была обратиться к наместнику Убаши с грамотой от 12 августа 1762 г. Отметив факт, что владельцы приходят в ссору с женами, отчего и между родственниками с обеих сторон начинаются столкновения, грамота предписывала все подобные семейные дела решать в Зарго — общекалымском судебно-административном органе, недавно перед этим реорганизованном по плану правительства. Для разбора бракоразводных дел разрешалось привлекать сверх постоянных членов суда дополнительное количество людей с обеих сторон, сколько нужно будет для беспристрастного решения²⁷.

Чрезвычайно важным общественно-семейным делом было выделение взрослых сыновей, раздел скота и имущества, довольно часто сопровождавшиеся спорами, обидами и судебными разбирательствами. Подобной процедуры можно было избежать в том случае, если у родителя был единственный сын, которому при жизни отца наследство не выделялось. Особенно хлопотной была эта процедура в семьях нойонов, так как речь шла в первую очередь о разделе улусов, о выделении определенной части подвластных со скотом и имуществом, за счет эксплуатации которых и должен был в дальнейшем существовать отделявшийся нойонский отпрыск.

Мне не известны законодательные установления или предписания обычаев, определявшие возраст, необходимый для выдела. Скорее всего здесь играла роль женитьба сына, добрая воля родителя или родителей, настойчивые требования желающего отделиться, а также другие резонные обстоятельства. Дербетский Лабан-Дондук, например, сообщал канцлеру А.П.Бестужеву-Рюмину, что сын его Сампил-Норбо "требовал от меня принадлежащих ему в наследие улусов", почему он и выделил, — добавлю от себя: скрепя сердце, — полагающуюся ему часть.

Не вполне ясны правила раздела улусов между детьми нойонов, особенно в XVII в. Законы 1640 г. лаконично утверждают: "Отец должен выделить сыновьям своим наследство по обычаю" — но в чем состоит обычай, не раскрывают. Можно было бы предположить, что он хорошо был известен современникам составления законов, однако высказывания их на этот счет, дошедшие до нас, и действия страдают противоречивостью. Если верить Габан Шарabu, Далай-Батыр, о чем уже упоминалось, "двум

старшим сыновьям наделу менее, а меньшему Дайчинг Хошоуче более дал, а прочим каждому по мере, сыну же, называемому Церину, совсем ничего не дал". Батур-хун-тайджи разделил улусы на две части, из которых одну отдал только одному сыну, а другую остальным восьми сыновьям; Кунделен-Убаши и Аблай выделили сыновьям улусы по равной части. Одни нойоны отдавали детям большую часть улусов, оставляя себе меньшую, другие поступали наоборот. По этому поводу Дайчин говорил: "Я не понимаю, зачем родители отдают сыновьям большую часть подвластных?", на что Кунделен-Убаши с грустью отвечал: "Ты по своей мудрости взял себе большую часть народа и живешь по-прежнему в силе, но я, предоставив все управление сыновьям своим, обессилил себя". Кстати сказать, Хо-Орлюк, отец Дайчина, разделил между шестью сыновьями только 1000 кибиток.

Более определенные сведения о правилах раздела подвластных людей между сыновьями владельцев, о приоритетах и пропорциях выдела имелись в XVIII в. В это время принималось во внимание старшинство между братьями. Самый старший сын имел право на так называемый "гаргу". В письме на имя Елизаветы Петровны от 8 ноября 1749 г. дербетский нойон Тундат, отец известного Чучея Тундутова, сообщал, что отец, Солом-Доржи, считая своих детей равными, "дал мне такую ж равную часть, каковую и большой ево сын, а мой брат, получил. И тако я тем с большим моим братом, которому бы по старшинству и гаргуй надлежал, стал быть сравнен". На полях текста перевода письма Тундата переводчиком сделано примечание к слову "гаргуй": "то есть при разделении отцовского наследия старшей сын сверх надлежащей ему части получает из улусов десятую долю, а из пожитков панцырь или хорошую пищаль". Как видно из этого примера, правило выдела "гаргу" не всегда соблюдалось. В данном случае старший брат Тундата, Джал, не желая обострять отношений, не стал настаивать на "гаргуе", но, надо думать, не все вели себя столь податливо, что являлось одной из причин столкновений в нойонских семьях.

Из дошедших до нас документов и свидетельств выясняется ряд других обстоятельств, которые принимались во внимание, по крайней мере в XVIII в., при выделе улусов сыновьям нойонов. Дондук-Даши сообщал в письме В.Н.Татищеву, что хан Аюка разделил улусы следующим образом: Чакдорчабу, старшему сыну от первой жены, выделил 8

тысяч кибиток; Церен-Дондуку, старшему сыну от Дармы-Балы, также 8 тысяч; Гунчжабу, сыну от Уанджал (Ванджил), приходившейся, кстати, мачехой Аюке, 7 тысяч — на одну тысячу меньше, чем старшим сыновьям от других жен потому, что он был рожден не от "настоящей" жены: в чем заключалась эта "не настоящесть", Дондук-Даши не разъясняет.

Третьему по старшинству после Чакдорчжаба и Гунчжаба (если не принимать во внимание Араптана, рано умершего, и Санчжаба, ушедшего в 1701 г. с 15 тыс. кибиток в Джунгарию и возвращенного обратно к отцу только с несколькими кибитками служителей) сыну Гунделеку полной части дано не было, а только 1000 кибиток "кормителей", так как он принял духовный сан с намерением навсегда уехать в Тибет. Наконец, младшим сыновьям Галдан-Данжину и Галдан-Церену отец выделил по 6 тысяч кибиток.

Однако и выделение равного количества подвластных старшим сыновьям от разных жен тоже не всегда соблюдалось. Это видно из раздела, произведенного Чакдорчжабом. Хотя старшим сыном его был Бату, тем не менее ему было выделено всего 400 кибиток, так как он был рожден от наложницы; очевидно "не настоящесть" матери Гунчжаба заключалась в подобном же положении. Старшему сыну от первой законной жены Досангу было выделено 1000 кибиток, но другим двум старшим сыновьям от следующих двух жен, Дондук-Даши и Данжин-Доржи, только по 400 кибиток. Более того, младшему брату Досанга от одной матери, Баксадаю-Доржи (в крещении Петр Петрович Тайшин) отец выделил 500 кибиток. Младшие сыновья при жизни отца выделены не были и кочевали вместе с отцом, у которого после выдела 6 сыновей оставалось около 4000 кибиток. Обиды на несправедливость раздела возникли у части сыновей Чакдорчжаба, особенно у Дондук-Даши, еще при жизни отца, но до поры до времени они, скрепя сердце, сдерживали себя. Как только умер отец, долго сдерживаемые эмоции хлынули наружу и началась длительная полоса междоусобных столкновений братьев, в которую оказались втянутыми все нойоны со своими улусами.

Каким образом определялось количество кибиток, выделяемых тому или иному сыну, или, другими словами, какими правилами руководствовались в определении пропорций в размерах владений старших и младших брать-

ев? Затруднительно дать на эти вопросы однозначный ответ. Пролить на них определенный свет может раздел Багацохуровского улуса, произведенный 31 августа 1743 г. наместником ханства Дондук-Даши между сыновьями бывшего хана Дондук-Омбо. По произведенному подсчету оказалось в названном улусе 2420 кибиток, которые должны были быть разделены между Галдан-Норбо от первой жены и четырьмя сыновьями от ханши Джан: Рандулом, Додьби, Асараем и Джубасаром. "По калмыцкому обычаю", как явствует из соответствующего документа, наместник совершил раздел следующим образом: двум старшим сыновьям Дондук-Омбо от разных жен по шесть долей, а трем младшим братьям Рандула по четыре доли каждому. Вследствие этого двум первым досталось по 604 кибитки подвластных, а трем последним по 404 кибитки²⁸. Галдана-Норбо к этому времени уже не было в живых, а потому его часть была передана его вдове Никбе с малолетними детьми, причем справедливость и законность раздела не вызывали с ее стороны сомнений или протеста. Таким образом, нетрудно подсчитать, что Дондук-Даши предварительно разделил количество семей-кибиток подлежащего разделу улуса на 24 доли и дал старшим детям на 2 доли больше, чем младшим. В этом безупречном с чисто арифметической точки зрения разделе неясны два момента: почему Дондук-Даши выделил именно 24 доли и почему старшим сыновьям дано именно на 2 доли больше?

Так как зайсанги не были наследственными владельцами, а только управляющими аймаками, они не могли делить их по своей воле между своими сыновьями. Правда, с разрешения нойона аймак мог быть поделен между отцом-зайсангом и его старшим сыном или несколькими сыновьями, но это бывало в том случае, если аймак был достаточно большим, а семья зайсанга влиятельной и даже знатной, каковыми в конце XVII-XVIII вв. являлись зайсанги Эркете-невского улуса, предки которых вплоть до известного Мазан-Батыра были нойонами. В конце XVIII в., когда после ухода части калмыков за пределы России происходило перераспределение улусов и аймаков, последние нередко вследствие споров претендентов на управление ими делились между двумя-тремя представителями того или иного зайсангского дома.

Итак, хотя по установившейся традиции управление аймаком, как правило, наследственно закрепилось за членами одной и той же зайсангской семьи, большинство ее

представителей было отстранено от непосредственного управления, являясь, как их позже было принято называть, безаймачными зайсангами. Вследствие этого большинство зайсангов, а тем более простолюдинов, в случае семейного раздела могли передать своим сыновьям только часть имущества и скота. К сожалению, в источниках мало данных, позволяющих определить, насколько часто родитель выполнял требования обычая о выделении сыновей и насколько успешно последние могли добиваться отделения. Скорее всего, как можно судить по косвенным данным, взрослые женатые сыновья, хотя и жили со своей семьей в отдельных кибитках, но продолжали кочевать совместно с родителями и вести общее хозяйство.

В 1732 г. ряд нойонов доводил до сведения царской администрации, что в прежние времена за переправу через Волгу на дощаниках и лодках, принадлежавших местному русскому населению, платили с большой кибитки по 10, а с малой по 5 копеек²⁹. По этому поводу можно высказать два предположения: под большой кибиткой подразумевается жилище, в котором проживали совместно семьи родителей и семьи взрослых сыновей или же она была средоточием совместной хозяйственной деятельности, местом совместной трапезы большой семьи, малые семьи которой жили в отдельных кибитках. В любом случае это предполагает совместное ведение хозяйства, а значит и отсутствие раздела.

О том, что в рассматриваемое время существование большой семьи было, по крайней мере, не редкостью, говорит и следующий факт, относящийся к 1783 г. Некто Джалчин, подданный икицохуровского нойона Маши, ведущий беспорядочную жизнь, оказался по уши в долгах. Владелец и зайсанги, осаждаемые жалобами заимодавцев, решили в уплату забрать весь скот должника, что катастрофическим образом ударило по положению младшего брата Джалчина Аю, который был с ним не в разделе и совместно владел скотом. Ни конфискация скота, ни отдача Джалчина с женой и сыном заимодавцу "головой" не погасили всего долга, ликвидацию которого продолжали требовать от Аю. Несчастный, пришедший в отчаяние, взмолился нойону, "что для чего ему, порядочно живущему человеку за мота и картежника, старшего ево брата погибать". Если уж братья после смерти отца продолжали совместно владеть скотом, то не приходится сомневаться, что еще чаще такое положение встречалось при здравствующих родителях, и

что именно последние держали в руках нити совместного хозяйства. Наконец, большая семья с нераздельным имуществом продолжала существовать и в XIX в.; предполагая, что основные черты были присущи ей и в XVIII в., позволю себе привести ее описание.

Упоминавшийся выше Г.И.Небольсин по делам службы в 1851 г. прожил 4,5 месяца в Астрахани, откуда ездил в калмыцкое кочевье на р.Ашулук и пробыл там около 3 недель. Впечатления поездки и изучение дополнительных материалов послужили основой для написания "Очерков быта калмыков Хошоутовского улуса". По его наблюдениям, "если сыновья хозяина переженились и живут своими кибитками (в отличие от которых отцовская кибитка, если отец умер, то кибитка матери, называется "большою кибиткою"), то все они довольствуются пищею из родительского котла, а в собственных своих помещениях не имеют уже ни съестных припасов, ни очага..., жены сыновей занимаются работами в большой же кибитке, и старуха-мать освобождается от всех трудов по хозяйству, которое переходит в главное заведывание старшей снохи". У нас нет особых поводов сомневаться в том, что о такой именно "большой кибитке" шла речь в 1732 г. и что так или примерно так было организовано и хозяйство.

Говоря о разделах, П.И.Небольсин сообщает, что родители имеют полное право на свое имущество и делят его между сыновьями по собственному усмотрению. Если родители умерли, не оставив завещания, то 9/10 всего имущества и скота делятся поровну между братьями, а старшему сверх того выделяется 1/10 часть (это не что иное, как упоминаемый выше "гаргу"). Если у родителей остались одни дочери, то имущество делилось между ними на равные части, но при братьях дочери ничего не наследовали, зато братья при выдаче сестры замуж должны были общими силами справить свадьбу и снабдить приданым. В случае рождения у сестры сына дядья обязаны были сообща выделить племяннику имущество и скот в количестве, равном части наследства каждого из них. Племянник, не получивший соответствующего выдела, мог добиваться искомого насильственным путем, то есть путем воровства и отгона скота. Обычай этот, называвшийся "зебярдык йосун", был вполне легализован, и исполнитель его не нес никакого наказания, если он не преступал границ дозволенного, и даже оставался в нормальных отношениях с пострадавшим. Надо думать, что подобный

обычай имели в виду законы 1640 г., где провозглашалось, что "(чей-либо) сын не должен иметь долговых счетов с родственниками по матери, если племянник что-либо украдет у родных по матери, то штрафу не подвергается, а только обязан платежом". Так, на наш взгляд, перекидывался мостик с века XVII в век XIX.

Как бы ни был продолжителен жизненный путь со всеми его взлетами и падениями, как бы усердно ни возносил человек молитвы, прося вышние силы о продлении земной юдоли, с которой, как бы тяжела она ни была, неохотно расстается всяк из нас, неумолимо бьет роковой час. Но даже миновав границу, отделяющую живых от мертвых, уйдя уже в мир иной, покойник продолжает нести на себе печать своего происхождения или занимаемого при жизни положения. Умершего калмыка-простолюдина с соблюдением принятых обычаем церемоний предавали погребению, а случалось, что просто-напросто бросали в воду или оставляли в степи, особенно если причиной смерти явилась какая-либо заразная (теперь бы сказали — инфекционная) болезнь, например, оспа, которой в XVII-XVIII вв. калмыки панически боялись, так как она очень часто кончалась смертельным исходом. Другое дело — смерть представителя знати.

Погребение через сожжение считалось почетным и полезным для скорого достижения счастливой жизни в загробном мире, т.е., по понятиям буддистов, для скорого возрождения в достойном обличье. Такого великого счастья удостаивались нойоны, зайсанги и верхушка духовенства. Описание церемонии сожжения трупа в материалах за XVII-XVIII вв. обнаружить не удалось, и поэтому вынужден воспользоваться таковым, сделанным в конце XIX в. И.А.Житецким, предполагая, что в существенных чертах процедура сожжения не претерпела изменений по сравнению с предыдущими веками.

Итак, по описанию И.А.Житецкого, около хурула рыли яму в сажень глубины и в рост умершего в длину, со стороны головы и ног вырывали еще две маленькие ямы одинаковой глубины с первой и соединяли их со средней. В центральную яму ставили таганы и клали хлопок или другие легковоспламеняющиеся материалы и все это обливали маслом. Покойника обмывали, одевали в особый костюм и шапку с нарисованными на ней бурханами, облепляли весь труп написанными текстами молитв, сажали на скамейку и, поддерживая в таком положении, несли

в сопровождении духовенства и народа, при звуках хуральной музыки, сначала вокруг хурула, а потом к ямам. Здесь покойника снимали со скамейки, надевали на него мешок из коленкора, с головой закрывающий тело и клали в большую яму на таганы. Во время начавшегося богослужения с чтением молитв гелюнги касались покойника длинными шестами с горящей на концах ватой, а затем зажигали хлопок в яме. Богослужение продолжалось до полного сожжения трупа. После этого над ямами ставили кибитку, и в ней оставались на ночь несколько человек. На другой день из золы выбирали кости, а ямы засыпали; кости пережигали, толкли и наполняли ими сделанные из теста сосуды в виде храмов и хранили в ящиках как святыню. Впоследствии этот своеобразный порошок минимальными дозами давали есть больным³⁰.

Несомненно, описанный выше обряд был связан с ламаизмом. Монголы эпохи Чингисхана и его ближайших потомков придерживались другого способа погребения, который, может быть, в общих чертах существовал и в среде калмыцкой знати до принятия ими ламаизма, завершившегося в первой половине XVII в. Я позволю себе привести описание похорон Бату-хана, сделанное в "Насиловых разрядах" Джужджани: "Похоронили его по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дсма или ниши, сообразно сану того проклятого (автор — перс, неприязненно относился к завоевателям — монголам — М.Б.), который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, да (того) человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места (погребения). Этот обычай их известен всем народам мусульманским"³¹.

Особо отличившимся при совершении погребального обряда родственники умершего предоставляли различные льготы. Так, простолюдин Иома имел на руках увольнительные письма ханов Церен-Дондука и Дондук-Даши, которыми за услуги хану Аюке и за то, что старший Иомов брат Серке "в сожжении и собрании хана Аюки пепла оказал немалые труды, он, Иом, с родственниками в 21 кибитке, от податей и подвод уволен и велено ему в природных

Баготовых улусах находиться с покоем". В другом случае дербетский нойон Галдан-Церен и мать его Аба сообщали об одном своем подвластном, что "оной Явки издревле у нас показал услугу, некоторых умерших владельцев кости сохранял, за что таковые по нашим обычаям от зайсангов их свободными учинены бывают, чего для он, Явка, вольным от нас и учинен был".

Практиковалось посвящение людей буддийским божествам для поминовения и спасения души усопшего, для благополучного перерождения к новой счастливой жизни. Например, гелюнг Дамбо из Багацохуровского улуса был пожизненно освобожден ханом Дондук-Даши от податей и других повинностей, так как после смерти того же Аюки "для поминовения его, хана, отдан вечно бурханам их". Останки знатных лиц, и в первую очередь ханов, по возможности старались переправить в Тибет для захоронения, как это сделал Аюка в 1699 г. для своей супруги³² и как это сделали для самого знаменитого хана.

После обряда сожжения трупа устраивались богатые поминки, жертвовались в хурулы тысячи голов скота и большие суммы денег. Сын Чакдорчжаба Досанг сообщал царской администрации, что в связи со смертью отца "чрез десять тысяч манжиков поминки мы отправляем". Дондук-Даши истратил на поминки жены Деджиты 3000 рублей, а жена икицохуровского нойона Маши, Саин-Кюн, 1100 рублей; большие по тем временам деньги.

Последствия смерти одного из знатных супругов были различны для здравствующей половины. Если умирала первой жена, то муж, отдав ей последние почести, совершив необходимые обряды и выждав положенное время, вновь женился, если не был безнадежно глубоким старцем. В остальном его положение не претерпевало никаких изменений. Сложнее складывались обстоятельства для вдовы. Если у нее были взрослые сыновья, она могла оставаться с одним из них, чаще всего с младшим, который в этом случае становился хранителем отцовского очага, что предопределялось древними обычаями. Если вдова оставалась с малолетним сыном или сыновьями и если она не выходила вновь замуж, то она могла управлять улусом мужа до совершеннолетия детей.

Если у нее не было собственных детей, то ее дальнейшее положение зависело от характера отношений с пасынками, улусными зайсангами и других обстоятельств. Это хорошо было известно царским властям. Так, в указе

Коллегии иностранных дел астраханскому губернатору И.А.Брылкину от 24 декабря 1746 г. сообщалось для сведения: "А по их калмыцким правам ежели оставшиеся бездетные вдовы с пасынками своими и улусными людьми имеют согласие, то при улусех быть могут, а буде не в согласии, то отсылаются возвратно к родственникам их". Дошедшие до нас известия подтверждают слова указа. Приведу некоторые из них.

Сестра Дондук-Даши Нойн-Абу была замужем за дербетским нойоном Четерем, и после смерти мужа пасынком Лабан-Дондуком возвращена была к брату. Причем выясняется, что в этом случае ей должны были вернуть все приданое, в том числе семьи котечинеров, несколько кибиток которых обыкновенно давались в виде приданого нойонским дочерям. Упомянутый выше Тундат после смерти отца, Солом-Доржи, мачеху Эсен "отогнал прочь", не дав ей никакого содержания. По сообщению князя А.Ф.Дондукова (крещеный сын Дондук-Омбо Додьби), аймачные люди эркетеновского зайсанга Аксахала вдову его "яко бездетную, по правам и обыкновению своему, вь слали, почему она в улусе моем и находилась, питаясь от тех улусных моих людей". Еще более решительны были подвластные Тундата, которые во время смертельной болезни своего владельца, не дожидаясь предопределенной развязки, жену его, сестру наместника Убаши, "стреляя и ружей и ис стрел, ис ставки мужа ее выгнали".

Сказанным выше не ограничивается, понятно, все многообразие семейно-бытовых отношений и обычаев. Истоки многих из них лежали в глубокой древности, другие появились и стали нормой уже в XVII-XVIII вв., во время проживания в России. Необходимо вообще сказать, что длительное проживание по-соседству с русским населением, — со все более расширяющимися взаимоотношениями в различных сферах, — соответствующие мероприятия царского правительства, а также внутреннее развитие самого калмыцкого общества вносили различные, порою существенные изменения в материальную и духовную культуру калмыков. Показателем такого процесса являясь, в частности, сдвиги в системе правовых норм и судопроизводства, рассмотрению которых посвящен следующий раздел. Переход именно к этой проблеме связан еще и с тем обстоятельством, что знаменитый правовой кодекс — "Великое уложение" — был принят в 1640 г., т.е. в то примерно время, когда наши далекие предки продвигались к Волге.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

3 июня 1640 г. выехал из Тобольска сын боярский М.Ремезов, с которым были посланы Батуру-хунтайджи и другим джунгарским тайшам различные подарки. Посланец, проехав Тару, Ямышевское соляное озеро, Белые озера, приехал в улусы к старшей жене главы Джунгарского ханства Дара Убасанче, дочери Хо-Орлюка. Эрдени-Батура дома не оказалось; по словам его ближних он находился "в походе против мугал", т.е. восточных монголов. Хунтайджи приехал в улус 10 октября в ночи и на следующий день принял М.Ремезова. На приеме присутствовал сын Хо-Орлюка Йельден, шурин Батура. Во время переговоров хунтайджи повторил прежнюю свою просьбу прислать к нему "куров индейских и собачек маленьких и свиней числом по десятку, да 2 петуха, да 2 борова некладеных и песиков". Интересно было бы порассуждать, зачем хунтайджи понадобилась перечисленная им живность, но важнее проследить другое.

Когда М.Ремезову говорили, что Батур "в походе против мугал", его, мягко говоря, дезинформировали. Известно, что в начале сентября этого же года в урочище Шибегийн-Улан-Бура у Тарбагатайских гор состоялся съезд монгольской, ойратской и калмыцкой знати. Съезд — инициатива созыва которого одними историками приписывается Батуру-хунтайджи, другими халхаскому Дзасакту-хану — призван был примирить враждующие группировки и сплотить их перед лицом ожидавшейся маньчжурской агрессии. Результатом съезда явилось принятие знаменитых "Монголо-ойратских законов 1640 г." (по-калмыцки Цаажийин бичик). На съезде присутствовал и Хо-Орлюк с сыновьями Дайчином и Йельденом; последний, видимо, именно оттуда приехал вместе с зятем навестить сестру.

Не останавливаясь на подробном анализе содержания законов 1640 г., ограничимся несколькими общими штрихами. После небольшого традиционного вступления с обращением к буддийским божествам и святым, перечисления ханов и нойонов, участвовавших в составлении, следует текст законов. Несколько первых статей регулируют ряд вопросов монголо-ойратских отношений, затем составители переходят к проступкам и заслугам во время походов и сражений и наказаниям и наградам за них. Достаточное внимание уделяется защите чести и достоинства представителей феодальной знати, чиновничества и духовенства,

перечислению штрафов за невыполнение государственных и владельческих повинностей.

Нашло в законах место и регулирование внутрисемейных отношений, определение размеров выкупа и приданого, нарушений обычаев в процессе сватовства. Много места в законах уделяется перечислению размеров штрафа и других наказаний за различные преступления и провинности: за воровство, нанесение имущественного и хозяйственного ущерба, нарушение нравственных норм, оскорбление чести и достоинства, драки, нанесение телесных повреждений, убийства и т.п.

Характерной чертой законов — значение которых для изучения калмыцкой истории трудно переоценить, — является тот факт, что большинство наказаний определяется штрафами в виде того или иного количества различного скота. Денежные штрафы, что характерно, скажем, для "Русской Правды", совершенно не упоминаются. Встречаются, правда очень редко, наказания морально-психологического плана — надевание женского безрукавного камзола на проявивших трусость в бою или же экзотические типа "щелчка по срамному месту". Весьма редко применялось битье кнутом, один раз упоминается отрезание ушей (когда убьет жена жену при двоеженстве). Наконец, смертная казнь назначается в двух случаях: если кто-то во время сражения покинет своего князя и при несообщении о "значительном неприятеле". Впрочем, сразу же надо отметить, что жестокость наказаний быстро прогрессировала. Уже в дополнениях Галдана Бошокту-хана называется отрубание рук, заковывание "в железа".

Слабым местом законов 1640 г. для исследователей, разумеется, а не для составителей, является почти полное отсутствие сведений о методах дознания, следствия, о судебных органах и процессе судопроизводства. Фактически о способах дознания говорится в трех случаях: в разделе о приводе следов, при решении встречных исков о долгах и в упоминаниях о свидетельстве. Нет в тексте сведений о Зарго, хотя такие должностные лица, как судьи, называются неоднократно.

Текст законов 1640 г., привезенный на Волгу Хо-Орлюком и его сыновьями (впоследствии к нему добавлялись, видимо, и другие списки, куда вошли и дополнительные указы Галдана Бошокту-хана, последний из которых, попавший на Волгу, датируется 1678 г.), — сравнительно долгое время не привлекал внимания российского правительства

и местной царской администрации, а на первых порах, по крайней мере во второй половине XVII в., возможно, и не был им известен. Освоение калмыками степных пространств от Яика до Дона и от Кумы до Самары повлекло за собой все увеличивающееся расширение политических, хозяйственных, торговых, бытовых и культурных связей и взаимоотношений их с соседним населением. Будучи в основе своей мирными, доброжелательными, они вместе с тем сопровождались и недоразумениями, столкновениями, а порою и различного характера преступлениями.

Перед царским правительством и его администрацией на местах, с одной стороны, и перед руководящими кругами Калмыцкого ханства, с другой, вставала со всей остротой и сложностью задача регулирования указанных взаимоотношений. Дополнительную сложность в решении данной проблемы создавала несхожесть правовых норм в русском и калмыцком законодательствах. Нестыковки начались довольно рано.

В 1650 г. Дайчин на требование наказания улусных людей, ходивших с его братом Лаузаном походом под Астрахань, отвечал: "Я де их по своей вере велю переграбить, а инова де наказанья никакова у нас не бывает". На настойчивые требования уфимского посланца И.И.Онучина применить к провинившимся смертную казнь, тайша твердо ответил отказом: "У нас де тово не повелось, што смертью казнить, и никакова де наказанья не чинят, окроме тово, что животы (имущество — М.Б.) грабят". В этом же духе писал Чакдорчжаб астраханскому коменданту М.И.Чирикову в 1713 г.: "Которые ваши люди пропали и тех людей мы заплатим; а которые ж люди в воровстве приличены будут и тех людей смертию казнить худа, а хорошо б вместо тех пропалых людей вашим и нашим людям чинить платы, о этом деле изволь послать в Казань (губернатору — М.Б.), а я пошлю посыльщика к хану (Аюке — М.Б.), чтоб за убитых людей платить пени, и о етом положить надобно по совету пример".

Очень важно обратить внимание на последние слова в письме Чакдорчжаба: в них сквозит неприкрытый призыв сблизить позиции, выработать какое-то взаимоприемлемое решение, на основе которого можно было бы решать судебные дела, возникающие между русским и калмыцким населением. Несколько позже эта мысль получила законченную форму и вылилась в требование правителей ханства выработать особое право. В 1735 г. Дондук-Омбо, только

что назначенный наместником ханства, уведомлял правительство, что раньше спорные дела между русскими и калмыками решались "по древнему обыкновению", но во время междоусобий периода 1724-1735 гг. "то вышло из памяти". Ныне русская администрация судит по своим, а калмыцкие владельцы по своим законам, и оттого "обидным обоим сторонам довольства не чинится". Новоиспеченный глава ханства просил далее, "чтоб вновь на мере постановлен и в народ был опубликован указ и особое право, каким образом между россияны и калмыки суд производить".

Просьба получила положительный отклик в правительственных кругах. Решено было начать подготовительную работу по составлению просимого права, а для этого требовалось изучение калмыцкого законодательства. Вот тут-то и понадобилось детальное знакомство с законами 1640 г., которые в русских документах и переписке назывались калмыцким Уложением. В связи с этим возникает вопрос, а имелся ли до этого момента текст законов на руках у правительства или же у представителей царской администрации? Как оказывается, ответить на него не так просто.

В 1743 г. наместник ханства Дондук-Даши в ответ на требование В.Н.Татищева, — знаменитого историка, а в то время астраханского губернатора, — сообщал следующее: "Полное наше Уложение во время междоусобия нашего утрачено, однако ж оставшее от того буду отыскивать, а как отысчу, впредь до вас пришлю, точию полного сыскать невозможно". Сообщение наместника вновь поднимает ряд вопросов. Неужели полное Уложение существовало в единственном экземпляре? Если же было несколько списков или копий, как могло случиться, что все они оказались утраченными, тем более, что некоторые улусы, например, дербетские и Доржи Назарова (так называемые "табун отоковы", т.е. пятиотоковые), не принимали активного участия в междоусобиях, возникших после смерти хана Аюки, и не подвергались разорению и разгрому. Далее, что понимал Дондук-Даши под "оставшимся"; отдельные фрагменты, сокращенные варианты или что-то другое?

В следующий раз, вновь отвечая на тот же запрос, наместник внес очень существенное дополнение: "Уложения половина имелась у асессора Василия Бакунина, которого полнее и у нас сыскать не уповаю"³³. В.М.Бакунин, оставивший нам прекрасное "Описание калмыцких

народов, а особенно из них торгоутского, и поступок их ханов и владельцев, сочиненное ... в 1761 г.", в 1720 г. был определен астраханским губернатором А.П.Волынским переводчиком калмыцкого языка и посещал лично улусы и вел переговоры с владельцами до конца 1725 г., после чего вместе с А. П. Волынским отбыл в Казань, а позже стал работать в Коллегии иностранных дел. После этого он был в улусах только в 1731 г., когда сопровождал второе китайское посольство к калмыкам. Можно с твердой уверенностью сказать, что обстоятельства в 1731 г. складывались для В.М.Бакунина таким образом, что он не мог заняться поисками Уложения, а тем более заголупить хотя бы часть его. Остается думать, что подобное могло случиться до 1725 г., когда В.М.Бакунин часто бывал в улусах с поручениями А.П.Волынского и даже имел нескольких "доброжелателей" из числа калмыков, снабжавших его различными сведениями. Судьба "половины Уложения", если она и была в руках В.М.Бакунина, остается неизвестной.

Тем временем подготовка к сочинению особого права шла своим чередом. Руководителю Калмыцких дел полковнику В.Г.Беклемишеву поручено было составить для готовящегося права "приемлемые пункты", что последним и было сделано. Однако В.М.Бакунин, к тому времени секретарь Коллегии иностранных дел, высказал мнение, что "пункты Беклемишева отступают от древних калмыцких обыкновений". Коллегия, прислушавшись к мнению В.М.Бакунина, несомненно хорошего знатока калмыцкого языка, обычаев и законов, поручила В.П.Беклемишеву добыть подлинник или на худой конец копию Уложения. Такой ход событий заставляет задуматься: имелась ли копия "половины Уложения" у В.М.Бакунина, и если была, почему Коллегия ею не воспользовалась; а может быть она посчитала имеющийся у секретаря текст не полным, требующим уточнения и дополнения, надеясь получить в улусах более полный текст?

Выполняя предписание Коллегии, В.П.Беклемишев направил в улусы ханши Дармы-Балы, вдовы хана Аюки, и Дондук-Даши, внука того же хана, переводчика Я.Самсонова с заданием достать Уложение и снять с него копию. 23 августа 1736 г. переводчик прибыл в улус Дондук-Даши на урочище Бузан, и здесь ему посчастливилось при содействии дарги (судебно-управленческая должность, от монг. "дару" — давить) зайсанга Арсланга достать Уложение, бывшее у бакши Чюрюма. На всю операцию Я.Самсонов

затратил 15 рублей: 10 рублей получил Арсланг, 4 рубля Чюрюм и 1 рубль писарь Унзат Гецюль (скорее это тоже духовные должности писаря), который списывал копию Уложения³⁴. Полученная таким образом копия была отправлена В.П.Беклемишевым в Коллегию, однако дело на время заглохло.

Дондук-Даши, — назначенный наместником ханства грамотой от 16 августа 1741 г. и официально провозглашенный таковым В.Н.Татищевым при съезде калмыцкой знати в урочище Харабали 16 ноября того же года, — будучи при императорском дворе, письмом от 6 июля 1742 г. вновь просил о сочинении права, "понеже между россиан и калмык... суд и расправа производится не одинаково, но разными образы и по подобию жребия, от чего... калмыцкий народ несет великую тягость, и хотя россиане нашего человека явным образом убьют до смерти, то мы в том справедливости получить не можем..."

Правительство вновь положительно откликнулось на очередную просьбу, тем более, как говорилось в указе В.Н.Татищеву от 31 августа 1742 г., что оно понимало выгоду сочинения требуемого права и для собственных целей. К губернатору был послан из Коллегии иностранных дел перевод законов 1640 г. (видимо, с беклемишевского списка) со следующими разъяснениями: "1) у них за убийство человека положена плата, а смерти нет; 2) за кражу вместо наказания вора великая плата же; 3) если кто покраденного скота след приведет в чей улус, который того следа в другое место не отведет, то оный платить должен". Здесь же выражалось мнение, что в новом праве необходимо установить наказание по российскому законодательству, за кражу назначить еще больший денежный штраф и добавить "жестокое наказание" сверх платы, а третий пункт оставить по-прежнему.

В.Н.Татищев взялся было за подготовительную работу, затребовал от царицынского коменданта П.Ф.Кольцова необходимый документальный материал из архивных дел, отложившихся при А.П.Волынском, а непосредственную работу по составлению текста возложил на поручика С.Неклюдова, к которому также был послан из Коллегии иностранных дел перевод Уложения. Остается неизвестным, что успел предпринять С.Неклюдов и почему он оказался отстраненным от этого дела, потому что 1 января 1745 г. В.Н.Татищев, по его словам, из-за болезни, приказал руководить Калмыцкими делами коллежскому асессору

Ф.Черкесову, которому указом Коллегии поручалась и работа по составлению права.

Хотя в мае этого же года В.Н.Татищев сообщал новому руководителю Калмыцких дел Н.Г.Спицыну, что уже "много сочинено", но к этому времени у него сложились натянутые отношения с наместником, а вскоре его отозвали с губернаторства; все потуги кончились тем, что Дондук-Даши уже в сентябре 1746 г. вынужден был с горечью объявить тому же Н.Г.Спицыну, что хотя неоднократно указывалось сочинить новое право, "но Татисчев за своими непристойными делами не сочинил". Впоследствии, на протяжении некоторого времени предпринимались, главным образом со стороны наместника, попытки реанимировать вопрос о составлении права, но дело постепенно было спущено на тормозах.

Пожалуй, последним отголоском несостоявшегося дела была беседа Н.Г.Спицына с одним из самых авторитетных и приближенных к наместнику зайсангов Даши-Дондуком 26 августа 1750 г. Во время разговора руководитель калмыцких дел напомнил, чтобы для решения судебных дел между русским и калмыцким населением "наместник приказал дать списать с их калмыцкого права копию", на что получил ответ, "что бывших ханов калмыцкое их право в замешательство калмыцкого народа растерено, а ныне наместником сочиненное хотя и есть, точию небольшое"³⁵. Последние слова зайсанга требуют самого пристального внимания.

В анонимной "Истории калмыцких ханов" говорится: "Имея в виду, что великое уложение сорока (монголов) и четырех (ойратов) хотя и было пригодно для монголов и ойратов, но как у калмыков, много лет тому назад отделившихся от них и живущих среди многочисленного и чуждаго народа, изменились нравы и привились многия хорошия и дурныя качества, прежде у них не бывшия, то настоиit надобность в новых постановлениях и законах, а потому Дондук-Даши признал необходимым написать новые законы (токтол) и пополнить старое уложение". Неизвестный автор довольно точно охарактеризовал, на мой взгляд, причины появления законов Дондук-Даши, хорошо известных специалистам-историкам, юристам, этнографам, изучающим историю Калмыкии.

Впервые отрывки из них, вместе с вариантом (списком) законов 1640 г., были опубликованы на немецком языке П.С.Палласом в 1776 г. К.Ф.Голстунский, издавший калмыц-

кий текст и перевод на русский язык законов 1640 г., дополнительных указов Галдана Бошокту-хана и полный текст законов Дондук-Даши, пытался определить время создания последних и пришел к выводу, что это могло произойти между 1741 и 1753 годами. Еще более неопределенно высказывался Н.Н.Пальмов, считавший, что законы Дондук-Даши могли быть составлены не позднее 20 февраля 1758 г., так как их составитель ни разу не назван в тексте ханом, а пожалование ему этого титула произошло именно в вышеуказанные день и год. Наконец, А.Лебединский в 1922 г., проанализировав ряд косвенных свидетельств, пришел к убеждению, что законы появились на свет не ранее декабря 1749 г. и не позже февраля 1758 г. Мне кажется, что зайсанг Даши-Дондук, говоря о "небольшом" праве, сочиненном наместником, имел в виду именно рассматриваемые законы Дондук-Даши, а потому можно с большой долей вероятности предположить, что они были составлены не позже состоявшегося выше разговора, т.е. 26 августа 1750 г., но когда именно — сказать трудно.

А теперь вернемся опять к А.Лебединскому. Аргументируя свое мнение о дате появления законов Дондук-Даши, он ссылаясь на письма наместника астраханскому губернатору И.А.Брылкину от 17 и 31 декабря 1749 г. (эти письма сохранились до наших дней), где говорилось, что хотя часть совершивших преступление калмыков сыскивается, "но мы их штрафуем по древнему нашему обыкновению, отчего им подлинно уняться и в чувство притти не можно". В другом письме наместник выражал "страх и стыд" за преступления своих подвластных, особенно за грабеж правительственных курьеров и вновь повторял, что хотя они и штрафуются по калмыцким законам, но "научась" из-за междоусобий и бедности "худым нравам, от того не унимаются". В обоих письмах проводилась мысль, что именно потому он и просит сочинить особое право. Надо заметить, что особое право требовалось правителям ханства не для внутреннего судопроизводства, а только для разбора взаимных преступлений между калмыками и соседним русским населением. Так вот ход рассуждения А.Лебединского следующий: если по законам Дондук-Даши преступники приговаривались к телесному наказанию и лишению свободы, а не к штрафам, значит до декабря 1749 г. этих законов не было.

Телесные наказания и смертная казнь, хотя и редко, но упоминаются уже в законах 1640 г. Но давайте зададимся

вопросом: так ли уж скрупулезно выполнялись установления Цаажийин бичик и наказания в основном ограничивались штрафами скотом и в последующие времена, вплоть до законов Дондук-Даши? Как известно, всякое право фиксирует то положение, которое в основных чертах сложилось до его оформления, а это значит, что виды наказаний, зафиксированные в законах середины XVIII в. (битие кнутом и нагайкой, клеймение, надевание колодок, денежный штраф, продажа в рабство, удары по щекам), существовали и до их принятия. Обратимся к фактам на этот счет, а заодно посмотрим, насколько позволят источники, на судебно-следственный аппарат.

Известная уже нам ханша Дарма-Бала сообщила В.П.Беклемишеву в 1734 г. по поводу наказания винских в грабежах калмыков: "...хороших (т.е. более знатных, богатых и т.п. — М.Б.) к присяге приводила, а худших плетью наказала". В 1737 г. за кражу лошадей у русского населения тем людям, из виновных в преступлении, которые были познатнее, дано было по 50 ударов плетью. В январе 1740 г. тогдашний руководитель Калмыцких дел Л.В.Боборыкин был при ставке хана Дондук-Омбо на р.Куме, и два казака из сопровождавшего его отряда ездили в ближние хотоны для покупки на продовольствие баранов, где были начисто ограблены. По приказу хана виновных отыскивали и подвергли наказанию — "всем троим переломили по руке, а одному из них еще нос и ухо отрезали, и вместо пограбленного ими, калмыками, у тех казаков, учинена довольная заплата верблюдами".

В том же 1740 г. за совершение набега на соседние уезды "при собрании знатных и подлых (простых — М.Б.) калмык на публичном месте наказаны" два зайсанга ломанием по руке, остальные 30 человек 30 ударами плетью, а затем водили их по всем улусам "с публикацией". В июне 1740-го же года Дондук-Омбо по случаю заключения мира с Турцией амнистировал "воров, осужденных за чинимыя ими между своим же калмыцким народом воровства и смертныя убивства по их правам к наказанию и к смертной казни". В 1744 г. некоему Манхану за убийство туркмена, подвластного наместнику Дондук-Даши, "по калмыцким правам" выгнали клеймо на левой щеке и обязали выплатить 100 рублей родственникам убитого.

Чрезвычайно знаменательно донесение Н.Г.Спицына в Коллегию иностранных дел от 5 декабря 1745 г.: "А в протчем ныне в калмыцких улусех обстоит благополучно, и

наместник воровским калмыкам без всяких упущений чинит наказание битьем плетью и ломанием рук и для знака каждого пятнает горячим железом на лбу и на щеках". Дондук-Даши и позже оправдывал характеристику "благополучной" обстановки в улусах, данную Н.Г. Спицыным. В 1750 г. он собрал в своей ставке нойонов и зайсангов по поводу ограбления русского каравана, шедшего из Оренбурга в Москву. Разысканным четверем виновным калмыкам нанесли по 50 ударов плетью и выкололи шилом по правому глазу, а их аймачный зайсанг был лишен аймака и своего звания.

Упоминаются в источниках и такие наказания, как отдача преступника в "холопство" потерпевшему, отрезание языка (при оскорблении наместника), сажание на месяц на "хонгур аджиргу" (подразумевается шейная колодка), разорение и т.п. Были и оригинальные виды наказания: например, за воровство скота привязывали к шее седло, спускавшееся на грудь, и в таком виде водили целыми днями по аймакам и улусу. Анализ фактов, подобных вышеприведенным, показывает, что более жестокие наказания, связанные с членовредительством, назначались чаще всего при совершении преступлений против соседнего населения. Не довольствуясь этим, правительство стремилось по возможности распространить на калмыков действие общероссийских законов.

В инструкции астраханскому вице-губернатору Л. Соймонову от 7 ноября 1736 г. предписывалось калмыков, пойманных на воровстве внутри царицынской укрепленной линии или при российских деревнях и селах, допрашивать самим представителям администрации при калмыцких поверенных, и пока не возместят ущерба, не отпускать из-под заключения. Виновных же в совершении убийства после "пристойного" уведомления хана — подвергать смертной казни. Подобная практика, когда нормы калмыцкого права подменялись общероссийским законодательством и судебное разбирательство передавалось в руки царской администрации, вызывала недовольство нойонов, но правительство хотя и постепенно, но настойчиво добивалось своих целей.

Так, канцлер А.П. Бестужев-Рюмин в письме к Дондук-Даши от 7 сентября 1755 г. настаивал, что виновных в умышленном убийстве нужно наказывать по русским законам, а после наказания и ссылки в каторжные работы уже не требовать заплаты жене и детям пострадавшего, как это

предусматривалось по калмыцким нормам. Более того указом Сената в Коллегию иностранных дел от 30 сентября 1757 г. предписывалось отныне и впредь осужденных "к смертной казни и политической смерти и к вечной ссылке на каторгу колодников трухменцов, калмык и прочих магометан (которых по указу Правительствующего Сената 1751 года августа 28 дня велено определять в тягчайшие казенные работы на казенные ж заводы), где оные есть ныне, таковых высылать" в крепость Рогервик. Из приведенных примеров видно, что как предыдущая судебная практика, так и законы Дондук-Даши несли на себе, без сомнения, печать влияния российского законодательства.

Известно, что в Калмыцком ханстве функционировал особый судебно-административный орган — Зарго. Прекрасное описание его принадлежит В.М.Бакунину, и хотя отдельные выдержки из него уже приводились в исторической литературе, но вследствие чрезвычайной важности его необходимо более подробно рассказать об этом судебно-следственном органе.

"Зарго, на их языке суд, бывает всегда при доме ханском, и присутствуют в особливой кибитке ханские первые и вернейшие зайсанги, между которыми бывают и из попов по человеку и по два, на которых верность хан надежду имеет, а всех по их древнему обыкновению больше восьми человек не бывает, по столько ж человек бывало в Зарге и у зенгорских ханов и главных владельцев, которых они называют еке нойон, то есть великий князь. При том суде бывает по несколько человек нарочно определенных писцов, приставов, разсылщиков и других служителей. В той же кибитке хранится и Уложение их, писанное на белой камке (шелковая материя — М.Б.)." Ниже В.М.Бакунин останавливается на краткой характеристике должностных лиц Зарго и соответствии их чинов рангам российского чиновничества.

Действительные, так сказать, члены Зарго носили звания тусалакчи и заргучи (в архивных документах их чаще называют "заргачинарами"), приравниваемые В.М.Бакуниным к чином советников и судей. Вместе эти две категории назывались "сайт, то есть министры" (в документах их называют "сайдутами"). Наконец, писцы назывались "бичачи", а приставы — "яргучи". О сути последней должности дополнительное разъяснение можно получить из одного документального свидетельства. 21 сентября 1765 г. зайсанг Доржи-Гецуль доводил в Астрахани до сведения

местной администрации, что он и зайсанг Маргаш "к той Зарге по их калмыцкому обыкновению самим наместником приставлены яргачеями, то есть в пример прокурора, и должность их всегда собирать в Зарго судей и представлять просителей и о сем производстве весть письменную записку"³⁶.

"От той Зарги, — продолжает В.М.Бакунин, — зависит правление всего калмыцкого народа, и в оной сочиняются отправляемые ко двору императорскому доношения, и к ближним от них командирам российским письма, и указы ханския к калмыцким владельцам о публичных (общественных — М.Б.) делах, и черныя (черновые — М.Б.) приносятся к хану для апробации (утверждения — М.Б.), и потом переписываются набело, , и припечатываются ханскою печатью, которая хранится у первейшаго и вернейшаго его зайсанга". В описываемом же учреждении разрешались различные судебные дела, принимаемые к производству по устным и письменным заявлениям. Если по какому-либо делу было затруднительно принять решение из-за несогласия судей или же дело представлялось важным, окончательный приговор зависел от мнения хана. Решения по судебным делам между калмыками принимались только устные и не фиксировались письменно.

Если в суде рассматривались дела между нойонами или между нойоном и его женой, то в дополнение к судьям призывались поверенные с обеих тяжущихся сторон. В случае жалобы кого-либо из зайсангов на улусного нойона, то от стороны последнего также выделялись поверенные. В обоих перечисленных случаях "к обыкновенным присутствующим членам прибавляются еще в судьи некоторые из их попов". Наконец, случалось, что в подобных обстоятельствах к судьям, поверенным и представителям духовенства добавлялся от имени хана один из нойонов. Все названные дополнительные лица привлекались временно, только для решения особых дел, касавшихся нойонов, в остальное время обычные дела решались постоянными членами Зарго.

Во времена хана Аюки от каждого знатного нойона — улусовладельца выделялись "депутаты" из числа зайсангов, которые в продолжение летнего периода пребывали при ставке хана, переменяясь погодно, и по требованиям своих владельцев обращались в Зарго для решения дел, касавшихся их улуса. "В той же Зарге, — свидетельствует далее В.М.Бакунин, — при присутствии оных депутатов,

каждой весны и осени определяемо было, где которому нойону с улусом своим летовать и зимовать". После раздела и назначения ханом пастбищных территорий для каждого улуса, об этом давалось "знать чрез тех депутатов и нойонам их, в чем и споров не бывало. Тем наипаче что во время их праздников Цаган-Сара, а паче Урюс, едва не все нойоны к хану Аюке съезжались".

После смерти знаменитого хана при его преемниках Церен-Дондуке, Дондук-Омбо и Дондук-Даши произошли некоторые изменения в составе, а возможно и в функциях и процедуре решения дел в Зарго. Отменено было пребывание при нем специальных представителей ("депутатов") от каждого нойона, "и в том Зарге присутствовали от каждого хана вновь определенные зайсанги и их дети, а особливо при Дондук-Омбо некоторые были из рядовых калмык в зайсанги и попы произведены, и в Зарго определены, что природные зайсанги почитали себе за крайнюю обиду". Я думаю, что это достаточно подробное описание нет нужды комментировать. Остается сказать, что в 1762 г. по решению правительства Зарго было реформировано.

Зарго, функционировавшее при ставке хана, было общекалмыцким учреждением, хотя, несомненно, решало различные проблемы судопроизводства и управления собственно ханских улусов. А как обстояло дело во владениях других крупных нойонов? Были ли в них судебные учреждения типа Зарго, решавшие внутриулусные дела? П.С.Паллас отвечал на этот вопрос положительно и утверждал, что сходные учреждения существовали и при улусных владельцах "для отправления правосудия между своими подданными" и также назывались Зарго. В архивных материалах прямых свидетельств, подтверждающих слова известного ученого, обнаружить не удалось, но ряд косвенных данных позволяет с доверием отнестись к ним (т.е. словам). Например, когда юный дербетский нойон Цебек-Убаши вместе с икицохуровским Асархо и Яндыком отъезжал в столицу, он уведомлял письмом от 17 ноября 1772 г. астраханского губернатора Н.А.Бекетова, что поручил управлять улусом родственнику нойону Цендену, четырем судьям-"заргачеям", а при них "для вспоможения по всем касающимся делам определяются два яргачея". Не правда ли, состав судей и яргачеев, призванных помогать Цендену в управлении улусом, весьма напоминает Зарго. Вполне возможно, что во владельческих судах, в отличие от общекалмыцкого Зарго, количество судей было меньшим.

Тяжущиеся стороны вызывались в суд специальными

посланцами-элчи. По свидетельству упоминавшегося Асархо, если истец по троекратному вызову не являлся в суд, то дело прекращалось и в иске отказывалось. Если какое-либо дело за неимением свидетелей и достаточных доказательств нельзя было решить обычным путем, назначалась процедура принесения присяги посторонним знатным человеком, причем выбор такого человека находился в руках судей; истец и ответчик не имели права выбора присягающего. Если выбранный присягал в невинности ответчиков, то истцу отказывалось в иске, "а буде тот человек, на кого присяга положена, ко оной не пойдет, то уже те люди, за коих он к присяге призван будет, винными признаются и, не приемля более от них никакого оправдания, все с них взыскивается"³⁷.

Присяга (шахан) подразделялась на два вида: при шертовании, в частности на подданство, и при вышеуказанных случаях. На заре русско-калмыцких отношений, когда российские власти, особенно в центре, плохо представляли обычаи калмыков, думный дьяк И.Грамотин во время приема посла тайши Байбагаса Абыза Букенеева в Посольской палате 3 марта 1621 г. выпытывал: какова у них процедура шертования? Посол отвечал, "что шертуют оне тем обычаем: лижут нож да кладут на голову стрелу и прикладывают к сердцу". Впоследствии, по мере утверждения ламаизма процесс шертования претерпел определенные изменения.

Тайша Мончак (другое имя Пунцук), сын его Аюка и дербетский Солом-Церен, давая шерти в 60-70-х гг. XVII в., молились статуэтке бурхана (божества), целовали шутен (рисованное изображение святых и религиозных сцен), сутры или бичик (священные книги) и четки, лизали нож или саблю, прикладывали их на голову и к своему горлу. При выполнении указанных действий шертовавшие произносили следующие слова: "Если мы... чем-нибудь шерть свою нарушим, то да будет на нас божий гнев и огненный меч и тою саблею, которую я, вынув из ножен, на голову и к горлу прикладывал, от неприятеля своего да буду зарезан по горлу своему и в сем и в будущем веке да будем прокляты по своей калмыцкой вере".

У монголов был еще обычай во время торжественных клятв и присяг "пить золото". Вероятно, он был связан с шаманистскими верованиями. Известно, что в более ранние времена он употреблялся при оформлении побратимства, когда названные братья — "анда", поочередно пили из

чаши вино или воду, в которую клали мелкие кусочки золота. Согласно Б.Я.Владимирцову, впоследствии "пили золото" для подтверждения договоров, клятв и т.п. В частности, когда томские посланцы Я.Тухачевский и Д.Агарков были в 1633-1634 гг. во владениях Алтын-хана Бадма Эрдени — хунтайджи (известен и под именем Омбо Эрдени), то требовали от шертовавших за Алтын-хана его ближних людей "пить золото", причем золото было посланцев. Алтын-хановы люди потребовали и от томичей "пить золото". Разгорелся спор, но в конце концов томские послы сделали вид, по их же словам, что они "пьют золото", а фактически только пригубили. Остается неизвестным, бытовал ли этот обычай среди ойратов и калмыков. В некоторых случаях при произнесении шерти рассекали саблей желтую собаку, символизируя этим, думается, возможную кару за нарушение клятвы.

Перейдем ко второму виду присяги, даваемой при судебных разбирательствах. Единственная подробная зарисовка этого вида "шахана" принадлежит П.И.Небольсину. За неимением других воспользуемся ею, тем более, что сам автор замечает, что "шахан" "нынче давно уже вывелся из употребления". Значит в существенных чертах он был таковым в более раннее время, по крайней мере в XVIII в. Для принесения присяги в особой кибитке на специально устроенном возвышении помещалось изображение бурхана, перед которым курилась благовонная свечка-"кюдже". По сторонам бурхана развешивались рисованные докшиты (свирепые божества), места под ними занимали гелюнги и другие духовные лица с музыкальными инструментами.

На полу кибитки расстилалась шкура совершенно черной коровы, облитая ее же кровью, причем подсовывалась под дверь и растягивалась колышками таким образом, чтобы одна половина находилась внутри, другая вне кибитки, снаружи. Внутри, сверху и немного справа над дверью подвешивалась голова зарезанной коровы: глаза у нее были раскрыты, язык вытянут и завернут на сторону, кожа с черепа содрана и вся голова вымазана кровью. Рядом с коровьей головой по другую сторону дверей подвешивался человеческий череп. Внизу укреплялось на сошках заряженное ружье со взведенным курком. Вне кибитки по обе стороны от дверей становились посредники и истец с ответчиком. Человек, избранный к присяге, предлагал тягущимся кончить дело миром и не доводить его до

исполнения предстоящего ему дела. Если он получал на свое обращение отрицательный ответ, то приступал к исполнению неприятной процедуры.

"Присягающий, — пишет П.И.Небольсин, — снимает с себя все платье и, оставаясь только в одной рубаше и исподнем белье, босыми ногами становится перед дверьми на растянутую кожу, делает три земные поклона и переступает через порог. В эту минуту гелюнги начинают трубить в трубы, звонить в колокольчики, дуть в раковину, бить в тарелки и производить торжественные, но оглушительные аккорды. Лишь только присягающий приблизится к бурхану, шум инструментов стихает, и начинается тихое чтение молитв, в которых могильные звуки басов торжественно разносятся по кибитке и снова поражают воображение присягающего неведомым трепетом.

Вошедший, подойдя к бурхану, должен затушить горящую перед ним кюджю, нагнуться к стоящему с ней рядом блюду, на котором лежит вырванное из зарезанной коровы сердце, взять это сердце ртом, обернуться к дверям кибитки и, встретив омертвевшие, бездушные взгляды повешенных тут окровавленной головы и человеческого черепа, вынести обличительную ношу вон из кибитки".

Смысл этого несколько сумрачного обряда заключался в том, чтобы на оболочке вынесенного в зубах сердца не было повреждений, покусов и т.п. В таком случае обвиняемый оправдывался и истец обязывался уплатить ответчику пеню, плату за бесчестие, сумма которой оговаривалась предварительным взаимным условием. Если же лицо, выбранное для присяги, откажется от нее или же во время процедуры шахана повредит оболочку сердца, тогда ответчик бесспорно считался виноватым со всеми вытекающими последствиями.

Заканчивая вопрос о присяге, необходимо привести одно сообщение от XVIII в., которое свидетельствует, что и в то время шахан обставлялся условиями, о которых нам поведал П.И.Небольсин. В 1766 г. дербетский зайсанг Чиданг по доносу донского старшины Краснощекова обвинялся в словах, что не будет подчиняться указам правительства. Дело разбиралось в Зарго; Чиданг, естественно, отрицал обвинение. Решено было положить присягу на судью от цохуровских улусов Джамбу, который, в свою очередь, должен был привести к присяге знатных дербетских зайсангов. Если последние присягнут, то Чиданг невиновен, обвинение с него должно было быть снято, в

противном же случае, т.е., если зайсанги не пойдут к шахану, злополучного зайсанга требовалось наказать; "аймака лишить и со всем домом и скотом разорить, выключая из одного наказания токмо сына ево с надлежащею наследною частию"³⁸.

Привлекает особый интерес и то обстоятельство, что в некоторых затруднительных случаях, когда не обнаруживались ни прямые, ни косвенные улики в совершении преступления тем или иным лицом, применялся такой средневековый институт, как ордалии или "божий суд". Ордалии в виде "поля", "воды" и т.п. применялись у многих народов. "Поле" — это назначение поединка, вооруженной схватки тяжущихся сторон; победитель объявлялся невиновным. При испытании "водой", судя по русским источникам, невиновным признавался тонущий. В материалах, касающихся калмыков, нет упоминаний о "поле" и "воде", зато есть неоспоримые свидетельства существования такого вида испытаний, как "держание" раскаленного топора — "сюке атхаху".

В законах Дондук-Даши лишь один раз упоминается применение "держания топора": "Если встретится важное судебное разбирательство, по которому присяга по воровству должна дойти до зайсанга, то должно быть разыскиваемо чрез топор". Разумеется, раскаленный топор должен был держать подозреваемый в воровстве или в другом преступлении. В случае если через определенное время на руке не обнаруживалось "признаков" виновности (каким образом происходило это определение и какие знаки принимались во внимание — неизвестно), то подозреваемый оправдывался. Для наглядности приведу один пример.

Некто Габун Назаров в 1742 г. купил у сына одного зайсанга трех лошадей и решил перепродать их в Астрахани. Лошади оказались краденые и были опознаны одним татаринном, который сдал продавца даргам (должностным лицом). Те, связав его, отправили для разбора дела к хозяевам лошадей. На допросе он указал на человека, который продал ему лошадей, но тот стал отпираться. "Тогда, по обычаю, учинено было ему свидетельство чрез держание горячего топора рукой", но через трое суток у запиравшегося не обнаружилось необходимого "признаку", и он был отпущен восвояси. Злополучного же Габуна Назарова вновь связали арканом, на груди привязали седло и хотели везти к ханше Дарме-Бале на суд. Несчас-

тний, "убоясь, что ему по приводу не миновать тяжкого себе наказания", сумел ночью бежать и обратился с прошением к самому губернатору В.Н.Татищеву. Неизвестно, чем закончились злоключения Габуна Назарова, но мы должны быть благодарны ему, потому что его прошение, благополучно пережив архивную тесноту и прочие неудобства, дошло до нас и помогло нам воочию увидеть маленький, но очень важный эпизод далекой от нас жизни.

Несмотря на ужесточение наказаний, преступления продолжали совершаться. Особенно тревожили как царскую администрацию, так и калмыцких правителей взаимостолкновения между русским населением и калмыками. Для уменьшения их и для более оперативного разбора возникающих проблем в нижневолжские города на калмыцкие базары, которые существовали во многих местах Нижнего Поволжья, назначались с конца XVII в. особые должностные лица: дарги и бодокчеи ("связующие"). Со стороны администрации в подобные места также назначались особые приставы, но жалобы с обеих сторон не уменьшались.

Представители местных властей требовали от правителей ханства принятия решительных мер. Последние, когда соглашались с требованиями, обещали принять соответствующие меры, проводили расследования, возмещали ущерб потерпевшим, а когда и огрызались, предъявляли встречные иски и т.д. Иногда же, пытаясь отделаться, пускались в философские рассуждения, призванные отвести обвинения и примирить с существующим положением. Так, в ноябре 1754 г. Дондук-Даши заявлял в письме очередному астраханскому губернатору генерал-майору А.С.Жилину: просите вовсе искоренить воровство (в данном случае вообще всякие преступления), но ведь есть пословица, что "как в гористых местах невозможно волкам не быть, так и в народе невозможно вора́м не быть же". Ведь и у вас вору́ы имеются, продолжал рассуждать наместник, а разве вы не хотите их перевести, но ведь не удастся — так же и у нас. В делах нет ответа Жилина, да и что он мог ответить?

Сказанное выше вовсе не значит, что отношения калмыков со своими соседями были сплошь сотканы из столкновений. Нет, скорее преступления были частным моментом на фоне широких мирных и добрососедских отношений в хозяйственно-экономической, торговой, культурной и бытовой сферах. Эти моменты будут освещены в других разделах книги, а сейчас вернемся к первой половине XVII в., а вернее к одному из деятелей этого периода, с именем которого связано окончательное переселение калмыков в степные просторы Нижней Волги.

Значительной личностью калмыцкой истории первой трети XVII в. был дербетский тайша Далай-Батыр. Несмотря на активные отношения с русским правительством, ему не суждено было окончательно и бесповоротно осесть с возглавляемыми им улусами на территории России. Инициатива прихода калмыков к Волге и прочного занятия здешних степных пространств всеми без исключения историками прошлого и настоящего приписывается другому тайше — торгутскому Хо-Орлюку. Это обстоятельство заставляет обратить на него внимание и, пользуясь имеющимися источниками и свидетельствами, которых, к сожалению, не так много, попытаться воссоздать его портрет — и как политического деятеля, и как просто человека своего времени и социальной группы.

Далекое прошлое торгутского объединения, как уже отмечалось, чрезвычайно туманно; сквозь бурные события веков до наших дней сумели дойти лишь отдельные фрагменты широкого исторического полотна, на котором фиксировалась его прошлая жизнь. По мнению П.Пелльо, появление торгутов на исторической сцене относится к XIV — первой половине XV в. В монгольских источниках термин "торгут" как этническое наименование относится к середине XV в. Так, Саган Сэцэн впервые упоминает торгутов, когда говорит об одном из их предводителей — Цалак-Тургене, современнике Эсена.

Родословная Хо-Орлюка, которая могла бы пролить дополнительный свет на происхождение возглавляемого им объединения, также окружена недомолвками, загадочностью, а порою и достаточной легендарностью. Подавляющая часть источников и свидетельств родоначальниками торгутских нойонов считает кереитского Ван-хана (или Онг-хана). Пожалуй, из этого дружного ряда выбивается лишь одна монгольская летопись — "Алтан-Тобчи" Мерген-гегена. Она возводит родословную Хо-Орлюка и его потомков к младшему брату Чингисхана — Хабуту-Хасару. Сами торгутские нойоны о второй версии вспоминали редко: Дайчин в разговоре с астраханским толмачем Л.Степановым в 1636 г. и Аюка-хан в письме к персидскому шаху примерно в 1687 г. утверждали, что они потомки ("породы Чингизхановой") основателя Монгольской империи, — но это скорее политическая бравада.

Остановимся подробнее на версии о происхождении торгутских нойонов от Ван-хана. В "Шара Туджи" после родоначальника идет следующее перечисление: Бадзар, Магачи Манхи, Буйга, Дзолцохай Орлук, Гоа Орлук. Не слишком многословна и "Илэtxэл шастир". Ее составители по интересующему нас поводу замечают: "Вообще олеты делятся на четыре аймака: Хошут из рода Борджигид; Джунгария и Дурбэт — из рода Чорос; Торгут — о роде нет письменных свидетельств. В каждом из этих аймаков был свой правитель, и они стали называться "четыре ойрата"". Далее идет генеалогия торгутских нойонов: Онгхан, Арслан, Амугуланг, Хийбэнг, Сусэй, Баяр, Магачи-Мунхэ, Буйху-урлук, Дзулдзаган-Урлук, Хо-Урлук³⁹.

Габан Шараб повествует, что "первого торгоутского владельца, подчинившегося ойратам, называемого Казбанга, отлучившегося от Ван хана, китайских войск предводитель Доржи Раптан обещал соединить с его родственниками, оставшимися у Ван хана, но когда и по какой причине от Ванг хана он отошел, здесь не описываю за неимением письменного точного известия, а уповаю, что оное у мунгалов найтись может". Увы, через 254 года после окончания Габан Шарабом его труда, мы, его далекие потомки, продолжаем надеяться, что еще могут обнаружиться неведомые пока источники, которые прояснят "темные" периоды нашей истории.

А пока обратимся к сведениям самого ученого эмчи. В его передаче последовательность поколений выглядит следующим образом: Казбанг, Сусуй (по-монгольски Буяни Тешункчи), Баяр, Менгей, Бойго Юрлюк, Зулзуган Юрлюк, Хо-Юрлюк. Батур-Убаши Тюмень в 5-м разделе своего сочинения рассматривает "род торгоутовских ханов и нойонов", причем замечается, что он в определенной мере использовал своего предшественника Габан-Шараба, хотя есть и некоторые различия, вызванные, может быть, тем, что в распоряжении хошутского нойона были какие-то источники, неизвестные эмчи.

Древние представители "торгоутовского рода" неизвестны и ему. Отослав интересующихся к монгольским "книгам", Батур-Убаши Тюмень сообщает, что когда торгуты присоединились к ойратам, у них был хан Мергени-Еркету. Далее следуют: Буяни-Теткукчи, Баяр, Менгей, Буйго-Орлек, Зулзаган-Орлек, Хо-Орлек. Итак, перед нами четыре свидетельства. Попробуем в них разобраться, хотя сразу же можно отметить, что судя по тому, что у Габан

Шараба, например, есть неточности и пропуски при перечислении потомков Хо-Орлюка, даже живших во времена работы эмчи над своим трудом, то еще больших пропусков и искажений надо ожидать для более ранних периодов.

Не надо обладать большой наблюдательностью, чтобы заметить, что во всех четырех летописях уверенно называются предки Хо-Орлюка начиная с Баяра (мелкие разночтения в написании имен можно не принимать во внимание из-за их несущественности). Три источника также без колебаний называют еще двух лиц до Баяра: Казбанга (Хийбэнг; надо думать, что Мергени-Еркету Батур-Убаши Тюменя это второе имя деда Баяра, как и в случае с Сусеем-Буяни Тедшункчи) и Сусея. Значит, достаточно твердо можно говорить о реальном существовании всех названных предков Хо-Орлюка до Казбанга включительно и отсутствие пропусков в их перечислении. Если такое предположение верно, то можно вычислить примерное время жизни Казбанга, а значит и время присоединения, как это утверждают Габан Шараб и Батур-Убаши Тюмень, торгутов к ойратам.

Для произведения необходимых расчетов нелишне было бы знать дату рождения Хо-Орлюка, чего, к сожалению, как и в случае с Далай-Батыром, мы лишены. В руках у нас остаются косвенные средства. Судя по тому, что в год своей гибели, в 1644 г., глава торгутов еще имел достаточно сил, чтобы лично участвовать в опасном и длительном походе от берегов Волги до горных теснин Северного Кавказа, ему вряд ли к тому моменту было больше 65-70 лет. Если это так, он мог родиться в промежутке между 1575-1580 гг., а до него сменилось шесть поколений его предков. Если, как принято, дать на смену поколений 25-30 лет, то временем жизнедеятельности Казбанга будет период конца XIV — начала XV в. Исходя из наших расчетов можно предположить, что присоединение торгутов к ойратам, если это действительно имело место, произошло после падения Юаньской династии и изгнания монголов из Китая, в связи с чем в собственно Монголии не могли не произойти передвижки феодальных кочевых объединений, распад некоторых старых и появление новых союзов. Указанное присоединение могло произойти и, скажем, во времена Тогона, в период возвышения ойратов и их активной внешнеполитической деятельности.

К сожалению, все известные сведения, в том числе и только что приведенные, не дают ответа на один из

важнейших вопросов: "откуда есть пошли" торгуты. Как видим, традиция упорно связывает происхождение торгутских нойонов с именем кереитского Ван-хана. В согласии с подобной версией находится показание "Шара Туджи", что в начале XVII в. у Мергена Темене (Хи Мэргэн Тэмэнэ), — троюродного брата Хо-Орлюка, — во владении находился омок Кереит (Хэрэит), а также и то обстоятельство, что в составе волжских калмыков существовала этническая группа кереитов. Может быть, ядро будущих торгутов в свое время составляла какая-то группа кереитов со своим владельческим домом, уцелевшая от чингисхановского погрома, к которой позднее могли присоединиться и другие этнические компоненты. В "смутные" времена, наступившие после 1368 г., они и могли примкнуть к ойратам, что могло быть вызвано и тем, что в их состав входили, возможно, и собственно ойратские "роды" или "племена". Разумеется, это все предположения. Твердых фактов у нас в руках, то бишь в источниках, нам известных, нет. Но не таковы ли же предположения, и также без достаточных оснований, о происхождении торгутов от дворцовой гвардии — торгоутов и другие разновидности той же "стражной" гипотезы?

Не будем останавливаться на личностях Арсалана и Амугуланга, упоминаемых в "Илэтхэл шастир", так как этого совершенно недостаточно для каких-либо, пусть даже самых зыбких предположений, тем более, что после Ван-хана до Казбанга, который по нашим расчетам жил в конце XIV — первой половине XV вв., сменилось всего два поколения, и это при том, что кереиты вместе со своим главой были разгромлены Чингисханом в 1203 г.

Несколько слов о версии "Алтан-Тобчи" Мерген-гегена, который, напомним, ведет род Хо-Орлюка от младшего брата "потрясателя Вселенной" Хабуту-Хасара, от него же вели свое происхождение и хошутские нойоны. Мерген-геген в десятом поколении от Хабуту-Хасара называет братьев Домолху-батура и Хаджи-кулука, которых еще звали соответственно Ойраб Тэмуром и Аруг Тэмуром. Первый из братьев, родившийся в 1318 г., был убит в битве с китайцами в 1368 г., во время падения Юаньской династии. Хаджи-кулук сумел спастись и бежал вместе с последним императором монгольской династии Тогон-Тэмуром. Правнуком Домолху-батура был уже известный нам Бай-ари-батур; дальше имена и счет поколений торгутских нойонов совпадают с рассмотренными выше версиями.

Если у Мерген-гегена торгутская генеалогия идет через внука Домолху-батура Улира тугуса, то линия хошутских нойонов через другого внука — Болуд буги, в восьмом поколении от которого мы находим старого знакомого — Байбагаса-хана и его братьев. У Габан Шараба при перечислении предков хошутских нойонов от Хабуту-Хасара встречаются с небольшими разночтениями и пропусками отдельных поколений те же имена, что и у Мерген-гегена. В седьмом поколении от родоначальника ученый эмчи называет двух братьев — Арак Тёмёра и Юргён Тёмёра, причем выясняется, что последний "не получа наследия от большего своего брата, поссорясь, отошел и подчинился ойродскому Тогон тайше". Байбагас с братьями, жившие, как мы знаем, в конце XVI — первой половине XVII вв., были одиннадцатым поколением потомков Юргён Тёмёра.

Примерно схожие, но еще более краткие сведения зафиксированы в "Илэтхэл шастир". Здесь родоначальником хошутских нойонов также является Хабуту-Хасар, восьмым поколением которого были братья Аруг-Тэмур и Уруг-Тэмур. Потомками Уруг-Тэмюра в том же одиннадцатом поколении были Байбагас-хан и его братья. В перечисленных версиях самое пристальное внимание надо обратить на свидетельство Мерген-гегена о родстве в дальних поколениях торгутских и хошутских нойонов. Знаменательным является его, или же источника, которым он пользовался, утверждение, что разделение двух ветвей произошло вскоре после событий 1368 г. Вполне возможно, что падение Юаньской династии вызвало передвижение торгутско-хошутского объединения в Западную Монголию, сопровождавшееся столкновениями между родственными владетельными домами, и, наконец, их присоединение, еще совместное или уже раздельное, к остальной ойратской массе.

Вернемся к Хо-Орлюку. К тому времени, когда он, согласно сохранившемуся источнику, первым из тайшей в 1606 г. прислал на Тару официальное посольство, он, по всей видимости, стоял во главе той группы торгутских улусов, которая перекочевала в пределы России. В это же и несколько более позднее время упоминаются его дядя Улчечей и два брата — Дзорикут (Юрикут) и Беле-Ердений. Главенство Хо-Орлюка, вызванное принадлежностью его к старшей линии торгутского нойонского рода, не было абсолютным. Не только дядя и братья, но и сыновья его подолгу кочевали отдельно и вели даже самостоятельные отношения с российскими властями. Так, уже в 1607 г. сын

Хо-Орлюка Шункей (Шевгей) кочевал независимо от отца и 21 сентября вместе с дербетскими тайшами прислал на Тару послов, которые позже впервые побывали в Москве.

Глава торгутов имел большую семью: согласно свидетельствам — шесть сыновей и шесть дочерей. Из сохранных временем скупых зарисовок проглядывается довольно сложный человек и семьянин. Уже отмечалось, что он часто не ладил с сыновьями. Не в последнюю очередь, кажется, непослушание сыновей и обиды вызывались взглядом отца на выделение наследства. По известиям, Хо-Орлюк выделил из своего значительного владения шестерым детям мужского пола всего 1000 кибиток подданных. Чтобы подсластить горькую пилюлю, отец сопроводил свой не совсем справедливый, мягко говоря, жест, короткой, но энергичной сентенцией: "Кто хорош, тому нет нужды — много ли, мало ли у него народу. Дети! Вы сами ведайте — быть ли хорошим или дурным". Надо думать, что сыновья не разделяли мнение отца.

Но не будем спешить осуждать его. Побудительным мотивом подобного поступка послужило не отсутствие добрых отцовских чувств, а учет известных ему печальных фактов на этот счет. Подтверждение тому — незавидная судьба хошутского Конделена-Убаши, в отличие от своего собрата раздавшего большую часть подвластных своим детям. В результате, оказавшись в бессилии, он с оттенком уважения, а более всего запоздалого сожаления говорил уже сыну Хо-Орлюка Дайчину, — последовавшему в решении проблемы выдела сыновей, забыв свои обиды, примеру отца, — "что он разумно сделал, дав детям наделу менее, а себе взяв более, и тем остался в своей силе, а он, Кондуленг Убаша, разделив все детям, а себе ничего не взяв, пришел не в состояние". Правда, перед хошутским нойоном стояла трудная задача: ведь у него было 16 сыновей — здесь, кроме всего прочего, надо было быть в ладах с арифметикой.

Глава торгутов, как видим, не склонен был слепо следовать обычаям, если они по каким-либо причинам не устраивали его. Не нравились ему и некоторые реалии его времени, в том числе и отношения между нойонами, между владельцами и их подвластными, вследствие чего он однажды в сердцах изрек: "Ойродского поколения владельцами подлого происхождения люди господствовать будут" — что и исполнилось, заключает Габан Шараб, неясно только, что имея в виду.

Импульсивность действий Хо-Орлюка, балансирующих временами на грани авантюристичности, проявлялась и в сфере политических отношений, в том числе и с русской администрацией. Порою он позволял себе поступки, которые не согласовывались с текущим моментом и угрожали осложнениями в будущем: убийство послов, отказы от шертования, несанкционированное занятие территорий для кочевий и т.п. Парадокс заключается в том, что он считается бесспорным инициатором и предводителем движения и последующего поселения калмыков на Волге, но на основе имеющихся в нашем распоряжении архивных материалов нельзя ни доказать убедительно подобное утверждение, ни проследить достаточно конкретно его путь на Волгу, ни определить однозначно время появления его на ней.

Скорее вырисовывается картина, что передовые позиции на этом пути занимали его сыновья — Дайчин и Лаузан, а отец как бы постоянно догонял их, подтягиваясь из глубины тыла, нередко под давлением соперников с востока, как это было в 1635 г., когда его с улусами потеснили к Эмбе дербетские тайши и казахские отряды. Вместе с тем несомненно, что Хо-Орлюк, еще до прихода на Волгу, внимательно следил за ситуацией в яйцко-волжском междуречье и вблизи Астрахани, имел различные (мирные и враждебные) связи с ногайцами и астраханскими татарами. Да и тот факт, что он чаще всего двигался вслед за сыновьями, можно ведь истолковать как продуманный стратегический замысел: сыновья с улусами авангард, разведчики новых путей, а отец прикрывает тылы, вместе с тем стараясь не порывать с остающимися позади соплеменниками.

Характерен и конец деятельности и самой жизни Хо-Орлюка, оставшегося верным своему характеру. В конце 1643 г. он во главе десяти тысячного отряда перешел на правый берег Волги и двинулся на Северный Кавказ. Можно предположить, что поход имел несколько целей: нанести решающий удар по улусам объединения Малого Ногай, наиболее упорно сопротивлявшегося натиску калмыков; провести разведку боем политической и военной обстановки на Северном Кавказе; проверить реакцию российского правительства и действенность его контроля над регионами Нижнего Поволжья и Предкавказья. Вместе с калмыцкими тайшами в походе участвовали некоторые едисанские и ембулукские мурзы, находившиеся в подчинении или в союзе с ними.

Одновременно с главными силами внук Хо-Орлюка Ерке-тайша двинулся под Терский городок, 4 января 1644 г. атаковал заречные слободы Терка, потерпел неудачу, но остался близ городка и занялся набегами на ногайские улусы и поселения их союзников-кабардинцев. Между тем основные силы калмыков в начале 1644 г. опрометчиво втянулись в горные теснины, потеряли маневренность и были разбиты объединенными кабардино-ногайскими отрядами. Поражение было страшное: из десяти тысячного отряда спаслось только около двух тысяч человек, 1000 воинов вместе с двумя тайшами попали в плен.

Принято считать, что в этом злосчастном сражении погибли Хо-Орлюк и три его сына. И действительно, в отписке терского воеводы М.П.Волынского в Посольский приказ утверждалось, что вместе с главой торгутов убили и сыновей его "Гирейсана-тайсу да Иргентень-тайсу да Желдень-тайсу". Из показаний пленных калмыков, данных под пыткой, было выяснено, что в походе принимали участие сыновья Хо-Орлюка Йелден, Кирсан и Шункей, внуки Серен, Бадма, Тогул (дети Йелдена), Ергелду и Архули (дети Кирсана)⁴⁰. По свидетельствам авторов калмыцких исторических сочинений у Хо-Орлюка было 6 сыновей: Дайчин, Йелден, Кирсан, Санжин, Лаузан и Шункей (Сюнкей). В русских архивных материалах упоминаются еще два сына — Мандашер и Сююнч (последнее может быть искаженным именем Шункея-Сюнкея). Если даже два последних не являются вторыми именами кого-то из шести сыновей Хо-Орлюка, то в конце 30- нач. 40-х гг. эти сыновья уже не упоминаются, может быть, если они и реально существовали, к этому времени умерли.

Вернемся к вопросу о гибели сыновей Хо-Орлюка. Из трех участвовавших в походе братьев в действительности погиб лишь один Кирсан. Его гибель подтверждается, кроме прочего, и грамотой от 8 августа 1648 г. Посольского приказа мурзам Казыевой Кабарды в ответ на их просьбы об освобождении из заточения ногайского Шагин-мурзы. Из грамоты выясняется, что "Шагин-мурза взят на степи в языцах и посажен в тюрьму за то, что они с нашими изменники и непослушники, с калмыцкими людьми, ссылались и мирились, и повезли было с Казыева улусу в Калмыки тайшины Урлюковы да Киресановы да Сереневы кости и пепел, не бив челом нам, великому государю". Йелден и Шункей, участвовавшие в сражении, упоминаются в источниках и в последующие годы. Так, в 1645 г. стало

известно, что "по Еику блиско Уфинсково уезду" кочуют Лаузан, Иелден, Шункей и Санжин "Урлюковы дети" и Дайчинов сын Нима-Серен, и зовут их к себе "дальние большие калмыки".

Зададимся, завершая зарисовку личности Хо-Орлюка, вопросом: что же, его деятельность не имела того значения, которое ей приписывалось? Выше я намеренно старался подчеркнуть сложность и неординарность его личности, противоречивость действий — ведь в жизни редко все бывает однотонным. Далее, одно дело, каковы были его субъективные устремления, другое — что из этого получилось объективно. С этой точки зрения Хо-Орлюку, несомненно, принадлежит видное место в процессе добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства. Это была крупная личность, в конечном счете, несмотря на все свои колебания, угадывавшая тот единственный путь, на котором только и можно было приобрести надежду на лучшее будущее для его подвластных. Не так уж важно, если он и не пришел первым к Волге, зато он дал толчок историческому движению своего народа. Короче говоря, он был истоком в той реке, которая широким устьем влилась в море новой исторической жизни: устье состоит из множества рукавов, ответвлений и даже ручьев, но начало этому конечному многообразию — исток.

Часть II. НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

ОБРАЗОВАНИЕ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

Во второй половине шестидесятых годов имела место заочная дискуссия между двумя историками: хорошо известным в Калмыкии М.Л.Кичиковым и менее, к сожалению, известной в нашей республике исследовательницей П.С.Преображенской, также немало сделавшей для изучения истории калмыков XVII в. Первый в 1966 г. издал книгу "Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России", где утверждал, что образование государственности у калмыков в форме ханства произошло в степях Нижней Волги в 50-60 гг. XVII в., а "отцами-основателями" его явились тайши Дайчин и Мончак.

В подтверждение своего вывода автор выдвигал следующие аргументы: была получена необходимая территория;

власть в улусах оказалась сосредоточенной в руках ставших главными (ахалакчи) названных двух тайшей; признанием царским правительством факта образования ханства в составе России явилось наделение Мончака летом 1664 г. символами государственной власти — "серебряной с позолотой, украшенной яшмами, булавой и белым с красной каймой царским знаменем, а также ценными подношениями".

П.С.Преображенская выступила в N8 журнала "Вопросы истории" за 1968 г. с рецензией, где, отметив несомненные достоинства работы М.Л.Кичикова, выдвинула против основных доводов его ряд контраргументов: среди калмыцких тайшей и в первой половине XVII в. имелись главные тайши, как Далай-Батыр, Хо-Орлюк и др.; булава и знамя были присланы в ознаменование успешных действий калмыцкой конницы против Крымского ханства. Наконец, рецензент упрекнула автора, что "следовало более основательно разобрать точку зрения, имеющую широкое хождение в нашей литературе, об оформлении Калмыцкого ханства при Аюке-тайше в начале XVIII в."

Проблема, поднятая в ученом споре более чем двадцатилетней давности, в последующем не стала предметом серьезного внимания других историков, и дискуссия не получила своего продолжения. На сегодняшний день бесспорно преобладающей является точка зрения М.Л.Кичикова, но сомнения, высказанные П.С.Преображенской, также остаются в силе. Дискуссионность и чрезвычайная важность вопросов образования ханства, имевшего огромное значение в истории калмыцкого народа, заставляют остановиться на них подробнее и высказать по ним свое мнение.

В 40-х годах XVII в. калмыцкие улусы стали осваивать междуречье Яика и Волги. Царское правительство с недоверием относилось к новым насельникам, неоднократно требовало освободить занимаемые территории и вернуться на "прежние кочевья", ближе к сибирским городкам. На этом, в частности, настаивал в 1649-1650 гг. и упоминавшийся уфимский посланец И.И.Онучин в переговорах с Дайчином. Последний, раздраженный настойчивостью уфимца, заявил: "Земля де и воды божьи, а прежде сево та земля, на которых мы и ногайцы ныне кочюем, была ногайская, а не государева... Да и кочевать де нам, кроме тех мест, негде". Попытки русского правительства вытеснить калмыков на восток от Яика были вызваны участвовавшими

мися столкновениями их с башкирами, ногайцами и другим местным населением за пастбищные территории, рыбные ловли и охотничьи угодья. Недоверие правительства подогревалось и отдельными авантюрами тайшей, вроде похода Хо-Орлюка 1644 г. на Северный Кавказ или нападения Лаузана на окрестности Астрахани в 1649 г.

С начала 50-х гг. политика правительства стала меняться в пользу калмыков. Как известно, во второй половине XVII в. осложнилось внешнеполитическое положение России: война с Польшей за Украину, усиление враждебности Османской империи и ее вассала — Крымского ханства, угроза на севере со стороны Швеции. России, "в бореньях силы напрягавшей", требовались все новые воинские силы, и правительство не обошло вниманием и калмыков. При сложившейся ситуации, когда они оказались наиболее реальной военной силой в занимаемом ими регионе, а вернуть их на старые кочевья представлялось затруднительным, правительство России пошло на пересмотр своего отношения к ним. Принято было решение урегулировать связи с калмыцкой феодальной знатью и привлечь военные силы их подвластных для борьбы с Крымским ханством и для защиты южных рубежей России.

Казалось, что это тем легче было сделать, что и калмыцкая знать на тот момент нуждалась в подобном урегулировании, стремясь закрепить на выгодных для кочевого скотоводства "кормных и травных" землях. Несмотря на заинтересованность обеих сторон, переговоры были длительными. Например, камнем преткновения стало требование аманатов (заложников), встреченное тайшами в штыки: "Как де свет стал, и калмыки де никому аманатов не даывали, да и впредь того не будет, о том де говорить полно".

Тем не менее, идя на взаимные уступки, договариваться в том или ином случае удавалось, и шертями от 4 февраля 1655 г. и 30 марта 1657 гг. было юридически оформлено завершение процесса добровольного вхождения калмыков в состав Русского государства. С этого же времени начались военная служба калмыков и выдача тайшам ежегодного "государева жалованья" за исправное несение службы. Завершение принятия российского подданства положило начало прочному освоению калмыками степных пространств правобережья Волги и Предкавказья, закончившемуся лишь в 70-80-е гг. XVII в.

Недавним пришельцам на новом месте предоставля-

лось достаточное для их размещения и ведения кочевого скотоводства пространство, хотя, и это необходимо отметить, пределы его никогда в конкретности не обговаривались и не фиксировались документально, ограничиваясь общими указаниями и ориентирами. В реальных взаимоотношениях калмыков с соседним российским населением они определялись тем способом, который в средневековых русских источниках выражался формулой "куда соха, топор и коса ходили", т.е. фактическим хозяйственным освоением незанятых или считавшихся таковыми земель.

Государственность характеризуется не только определенными внешними границами, но и внутренним административно-территориальным устройством. Оно не могло быть достигнуто уже в 50-60-х гг., так как в это время еще только шло освоение правобережья Волги. Должно было пройти сравнительно длительное время, чтобы определились выгодные пастбищные места, установилось посезонное распределение их между отдельными улусами или целыми объединениями улусов и закрепились маршруты сезонных перекочевков.

Такое устройство достигло завершения и соответствующего оформления, судя по всему, в конце XVII и в самом начале XVIII в. Письмом от 16 сентября 1731 г. тат. дашный хан Церен-Дондук разъяснял представителю царской администрации, что хан Аюка примерно тридцать лет назад указал зюнам (улусы Чакдорчаба) и хошутам кочевать ежегодно в летнее время "подле Волги до устья", цохуровским и дербетским улусам на урочище Монтохой и южнее Царицына и т.д.; таким же образом были распределены и зимние кочевья. Целесообразность такого разделения Церен-Дондук подкреплял естественно звучащим в устах скотовода образным сравнением: "не толико мы, но и скотина которая с которою привыкнет, так и ходит"¹. Сказанное позволяет утверждать, что территориальный вопрос, как в смысле установления внешних пределов, так и внутреннего разграничения, окончательно разрешился к концу XVII в.

Важное значение для устойчивого функционирования государственного механизма кочевого общества имела стабилизация населения. Традиция утверждала, что Хо-Орлюк привел на Волгу около 50 тысяч кибиток-семей подвластных. Однако и позже продолжался процесс перекочевки из Джунгарии на Волгу отдельных групп калмыков. Видимо, в 40-х гг. прибыла группа дербетских улусов

(будущее владение Солом-Церена, сына Далай-Батыра), в 60-х гг. сыновья Конделена-Убаши, где-то в это же время дербетский улус Тойна (или его сына), а в 1670 г. родная сестра Аюки Дорджи-Араптан с 1000 кибиток хошуты и т.п. Думается, что примерно в это же время происходит стабилизация населения, на которую уже не могли существенно повлиять последующие незначительные колебания его.

Однако мало было достигнуть стабилизации. Необходимо было дополнительное время, чтобы это разношерстное население консолидировалось, почувствовало себя членами одной общности, чтобы из нее можно было создать объединение более высокого порядка — государство. Здесь мы подошли к одному принципиально важному вопросу, который почему-то до сих пор не получил четкой постановки. Дело в том, что когда мы говорим о сложении у калмыков на Волге государственности в форме ханства, мы должны спросить себя: о какой государственности идет речь? О той ли, которая возникает в процессе разложения родоплеменных отношений, в результате раскола общества на классы, когда становится необходимым особый орган, призванный регулировать и поддерживать новые общественные взаимосвязи? Короче говоря, имеем ли мы государственность первичную или какую-то иную?

В пределы России переселились и обрели здесь новую родину три группы калмыков — торгуты, дербеты и хошуты. В настоящее время никто не сомневается, что если в далеком прошлом они и представляли из себя родоплеменные образования (что весьма сомнительно, так как, судя по всему, они сложились в XIV-XV вв., в период существования классового общества), то к XVII в. давно превратились в феодальные административно-территориальные, а лучше сказать — в политико-хозяйственные объединения, а кровно-родственные, племенные традиции в фикцию (исключая уровень хотонов и других мелких групп), форму, приспособленную к новым реалиям.

Итак, у калмыков издавна уже существовали и развивались феодальные отношения (не буду здесь касаться полемики об особенностях так называемого "кочевого феодализма"). Утвердившееся на Волге сообщество было классовым, с четко организованной социальной структурой, состоящей из ряда сословий и сословных групп. Такие общества, повторяю, давно миновали стадию существования совета племенных и родовых старейшин, шумных народных собраний. Они могли существовать и существо-

вали только в государственных формах. И действительно, и монголы и ойраты, а значит и калмыки, давно познали государственность, входя в свое время в империю Чингис-хана, во владения его потомков и, наконец, в собственно ойратское объединение при тайшах Тогоне и Эсене в XV в.

Мы можем, по существу, с полным основанием утверждать, что те или иные улусы, находившиеся во владении нойонов, а тем более объединения ряда улусов, являлись ни чем иным, как государственными образованиями, со своим сувереном, со своей системой политической организации, управления, сбора податей, судопроизводства и даже со своей "внешней" политикой и т.д.

Из всего сказанного выше вытекает, что в калмыцком обществе постоянно имелись налицо почти все необходимые условия для образования и существования государства, и мы имеем, казалось бы, все основания присоединиться к выводу М.Л.Кичикова о времени возникновения Калмыцкого ханства в 50-60-х гг. XVII в., когда к этим факторам прибавились и другие благоприятные обстоятельства. Но не будем спешить это сделать. Ведь речь идет о создании вторичной государственности из частей первичной государственности; другими словами — необходимо было объединить мелкие государственные образования в одно целое и создать таким путем новое, более крупное государство. В исторической науке подобный процесс называется ликвидацией феодальной раздробленности образованием единого государства.

Внимательный анализ исторической реальности показывает, что не так уж быстро, — по М.Л.Кичикову получается, что после оформления принятия подданства в 1657 г. царское правительство в 1664 г. уже признало существование ханства, — произошла консолидация всех улусов, не сразу тайши и нойоны, особенно крупные из них, признали главенство Дайчина, а потом и Мончака. Достаточно долго отец с сыном чувствовали себя не совсем уверенно. Тот же Габан Шараб сообщает (к сожалению, не упоминая даты), что когда Далай-лама прислал Дайчину грамоту и печать на ханское достоинство, он не решился принять их и отослал обратно со словами: "Подобных ему много имеется, и потому ему ханом быть не можно".

Завершению объединения улусов и созданию единой централизованной системы управления мешали междоусобные столкновения. Долгое время враждовали между собой Дайчин и его брат Лаузан; вражда окончилась лишь

с гибелью Лаузана в битве с джунгарами в 1660 г. В 1662-1664 гг. в неприязненных отношениях находились отец с сыном, т.е. Дайчин с Мончаком. Поводом к ним послужила выдача в руки царской администрации племянника Джалбы, совершившего нападение на русские села. Во второй половине 60-х гг. от Мончака откочевали к Азову, т.е. в тогдашние турецкие пределы, его двоюродные братья Дугар и Бок, совершавшие в течение ряда лет оттуда набеги на своих соплеменников. В конце своей жизни Мончак вступил в войну с джунгарами и, не окончив ее, умер в 1669 г., передав нерешенные проблемы по наследству старшему сыну Аюке.

В 1671 г. известный уже нам тайша Аблай совершил поход из Джунгарии на Волгу, захватил Дайчина и Назар-Мамута (внук Дайчина) вместе с их улусами. Только после победы над Аблаем и Дугаром, захвата их в плен и передачи их в руки правительства, Аюка смог продолжить централизаторскую политику своих предшественников. Мне могут возразить, что подобные междоусобные столкновения известны и много позже, в конце XVII и в XVIII веках, однако в целом они не поколебали существования ханства. Именно потому и не поколебали, что им предшествовал сравнительно длительный период укрепления ханства и поколебать сложившиеся структуры было не так просто. Другое дело междоусобицы в период становления ханства, слабости его связующих звеньев — любые толчки рвали их, замедляя становление и укрепление нарождающейся государственности.

И последнее. Не надо забывать того важного обстоятельства, что Калмыцкое ханство складывалось не самостоятельно, а в составе такого крупного государства, как Россия. Наивным было бы полагать, что царское правительство безучастно наблюдало за формированием новой государственности внутри собственного государства. Оно было повивальной бабкой при рождении не слишком желанного младенца и в дальнейшем пристально следило за каждым шагом своего подопечного: переводя на язык политики — Калмыцкое ханство было вассальным по отношению к России. В такой ситуации очень многое зависело от позиции правительства, от признания или отрицания автономности ханства — не забудем, что оно было ликвидировано одним росчерком пера Екатерины II, подписавшей указ от 19 октября 1771 г., а потом вновь возвращено на короткий срок из небытия самодержавной прихотью Павла I.

Да, обстановка, в которой происходило образование ханства, была сложной; на пути встречалось много препятствий, которые приходилось преодолевать с большими усилиями или же обходить, делая большой крюк, что не могло не замедлять движение. Но дорогу осилит идущий. К тому же существовал ряд благоприятных факторов, способствовавших завершению строительства здания калмыцкой феодальной государственности. О некоторых из них я сказал выше — планы правительства по привлечению военных сил калмыков, благоприятное решение территориальной проблемы и стабилизация населения.

Кроме сказанного, консолидации калмыков способствовали и другие причины: задача освоения территории расселения и хозяйствования, связанная с подчинением или же вытеснением прежних обитателей — в первую очередь ногайцев, организация защиты от нападений соседних кочевых народов; необходимость выступления единым фронтом при отношениях с правительством, чтобы успешнее добиваться выгодных условий. Правительство, со своей стороны, до определенного предела поддерживало централизаторские усилия главных тайшей, понимая, что через местную единую верховную власть, в случае лояльности ее к центру (чтобы пользоваться его поддержкой в борьбе с центробежными силами в ханстве), легче и надежнее вести дела, чем с массой независимых, различно настроенных тайшей и нойонов.

Основную массу поселившихся на Волге калмыков составляли торгутские улусы: неудивительно поэтому, что во главе объединительного процесса, завершившегося созданием ханства, стали главные тайши именно этих улусов. Придя к власти и придерживаясь наставления, данного дедом Дайчином, говоривавшим: "Высший из обманщиков тот, который умеет прикинуться правдивым" — Аюка сравнительно быстро подчинил своей власти все улусы и приступил к организации единого управления, системы сбора податей и несения повинностей, судопроизводства, комплектования общекалмыцкого войска и т.д.

Надо думать, что именно в его время произошло окончательное оформление и определение функций Зарго — общекалмыцкого судебно-управленческого органа. В первые же десятилетия его правления сформировался единый для всего ханства институт должностных лиц, в том числе и ранее неизвестных, таких как бодокчеи — посредники в отношениях калмыков с соседним российским

населением. Специально хочу подчеркнуть во избежание недоразумений, что речь идет не вообще об органах управления, налоговой системе и т.п., таковые были во всех улусах, прикочевавших к Волге: а имеются в виду общекалмыцкие, общегосударственные институты — именно они окончательно сложились при Аюке.

Косвенным подтверждением факта, что именно при Аюке сформировались различные общекалмыцкие учреждения и установления (базирувавшиеся, естественно, на традиционных принципах), служат разъяснения самих калмыцких нойонов и должностных лиц XVIII в., типа — "какое учреждение с времен прежде бывшего хана Аюки и нынешними де владельцами наблюдается" и т.д.

Становление вышеозначенной структуры, а значит и окончательное складывание ханства произошло к концу XVII в., и когда в 1690 г. Далай-лама в очередной раз прислал на Волгу атрибуты ханского достоинства, Аюка не счел нужным отказываться. Кстати, с этого времени среди калмыцких феодалов установился взгляд, что действительным ханом может считаться только тот, кто получил благословление на этот пост из уст или рук Далай-ламы; в такой ситуации назначение со стороны царского правительства считалось как бы временным.

Подводя итоги, можно сказать, что 50-60-е годы XVII в., время правления тайшей Дайчина и Мончака, были началом складывания общекалмыцкой государственности и оформления ханской власти; окончательное же их становление относится к последним десятилетиям этого же века и связано с деятельностью Аюки, первого действительно хана в истории Калмыкии, признанного таковым в начале XVIII в. и со стороны Российского правительства. Образно говоря, Дайчин и Мончак собрали основную массу людей, заложили фундамент общекалмыцкого дома и подготовили необходимые для продолжения строительства материалы и ресурсы. Аюка возвел на этой основе здание целиком, разделил его на отдельные квартиры, расселил в них людей и определил их права и обязанности.

В любом случае Дайчин и Мончак стояли у истоков существования в течение примерно ста лет Калмыцкого ханства, поэтому есть все основания обрисовать хотя бы беглыми штрихами их личности. В русских документах, насколько известно, впервые Дайчин упоминается в 1628 г., уже взрослым человеком, кочующим отдельно от отца с улусами своего тестя Чокура, сына джунгарского Хара-

Хулы. Вполне возможно, что Дайчин отошел от отца и перестал ему подчиняться, обидевшись на несправедливый выдел; как мы помним — на шестерых сыновей — всего 1000 кибиток. Правда, в сентябре этого же года, когда против тестя вооружилась коалиция "больших тайшей", куда входил и Хо-Орлюк, Дайчин поспешил отойти к отцу, боясь попасть под горячую руку и быть разоренным. Десятки и даже сотни лет спустя потомки с нескрываемым восхищением отмечали, что Дайчин, получив во владение всего 160 кибиток, впоследствии увеличил число подвластных до 100 000, не упоминая, впрочем, каким путем он добился такого увеличения.

Можно не подвергать особому сомнению успехи Дайчина и сообщаемые цифры, если вспомнить некоторые методы его, применяемые им для расширения своего владения. "История калмыцких ханов" рассказывает, что он, став после гибели отца главным тайшён, "хитростью подчинил своей власти ногайских татар, подвластных братьев своих Лоузана и Йелдена, которые во время смут малопомалу лишились всех своих подвластных".

Дореволюционные историки, характеризуя политические методы Дайчина, и в первую очередь в отношениях с российским правительством, весьма часто и охотно цитировали ряд его выражений, типа приведенного выше. Некоторые из них шли еще дальше, приписывая подобные умонастроения и убеждения всему народу. Уже на заре появления первых исторических работ о калмыках Н.Я.Бичурин утверждал: "Вся история ойратства представляет их склонными к хищничеству, падкими на корысть, легкомысленными, лукавыми, вероломными. Сии же самые качества мы найдем и в приволжских элутах, известных у нас под названием калмыков"². В наши дни надеюсь нет необходимости специально опровергать эту целиком надуманную характеристику.

Конечно, как человек своего времени и социального круга, Дайчин не лишен был ни хитрости, ни коварства, ни корыстной расчетливости. Вместе с тем сохранившиеся о нем сведения рисуют его как умного, энергичного человека, правителя и политика. Наставляя внука, будущего знаменитого хана Аюку, — который, кстати, оказался способным учеником и хорошо усвоил домашние уроки деда, — Дайчин учил его гибкости, умению приноровиться к обстоятельствам, каковыми чертами был наделен и сам: "Ты говоришь, что хочешь быть нойоном (хочешь управ-

лять народом). Если хочешь быть нойоном, то должен знать время, когда быть равным с подвластными, когда повелевать ими и когда призывать их, как мать свое дитя. Если эти три правила нойона беспрепятственно будешь выполнять, исполнишься мудрости и будешь нойоном (повелителем)".

За другим его поучением, обращенным все к тому же лицу, чувствуется не только практичный правитель улусов, стремящийся окружить себя толковыми советниками, но и человек, высоко ценящий образованность — религиозную и светскую, духовность, да и просто грамотность: "Одному человеку трудно усвоить девять различных знаний, потому что жизнь человека кратковременна. Имея при себе девять человек, из которых каждый усвоил одно из этих познаний, можно уподобиться одному человеку, изучившему все девять познаний".

Известно, что Дайчин совершил два паломничества к святым местам в Тибет: примерно в 1645-1647 и первой половине 50-х годов. Длительные и небезопасные путешествия предпринимались главой торгутов, надо думать, не только для спасения души, но и имели более земные интересы. Бывая в Джунгарии и Тибете, подолгу гостя у своих коллег — крупных тайшей, Дайчин, несомненно, внимательно изучал политическую обстановку, взаимоотношения различных группировок феодальной знати. Как предполагал Г.С.Лыткин, неутешительные итоги наблюдений, и особенно Ухарликская битва 1646 г. между Батуром-хунтайджи и Цецен-ханом (Очирту-тайша) с одной стороны и Конделеном-Убаши с другой, очевидцем которой он был, отбили у Дайчина всякую охоту, если она была, вернуться со всеми улусами с берегов Волги назад в Джунгарию.

Джунгаро-тибетские впечатления, а более политическая трезвость, уравновешенность и дальновидность способствовали успешному урегулированию русско-калмыцких отношений, которые Дайчин, вернувшись в улусы в самом конце 1646 или начале следующего года, нашел весьма расстроенными и натянутыми, виной чему больше всего были безрассудные действия Лаузана и поддержавших его Йелдена и Шункея. Не в последнюю очередь благодаря его реалистической позиции были оформлены шерти 1655-1657 годов, завершившие в основном процесс принятия калмыками российского подданства.

Дьяк Посольского приказа И.С.Горохов, побывавший в улусах в 1660 г., оставил наглядную картину той реальнос-

ти, которая окружала Дайчина в период пика его политической карьеры: "Перед избой (большой кибиткой — М.Б.) поставлена палата (полотняный или кошемный навес — М.Б.), а в ней сидят и около нее человек двести. А от Дайчина избы от дверей стояло человек пятнадцать в кафтанах камчатых (из шелковой цветной узорчатой ткани — М.Б.) и атласных, да два человека ходили с мечи. И как в избу вошли, и Дайчин-тайша сидит против дверей у стены на своем месте. А место послано выше аршина (68-72 см — М.Б.) кругом по сажени (2,134 м — М.Б.) да покрыто коврами и положены подушки в изголовья.

А около места поставлены скрины (ларец, сундук — М.Б.) писанные китайского дела, а на коленях у него шуба на соболях. А на Дайчине кафтан зеленый киндяк (хлопчатобумажная ткань — М.Б.), и в руках держит четки. Да в той же избе сидят по земле около его на коврах ближние его люди и владельцы в шубах и в кафтанах камчатых и атласных человек с двадцать, да стоят человек з десять. А в избе наряжено около ее кругом сажень з двадцать (т.е. внутренние стены круглой кибитки — М.Б.), прикрыты стены камками золотыми китайскими...

А где ж Дайчин-тайша сидит, и за ним на стене камка китайская ж, на ней две челюсти звериные натканы золотом китайского дела. А на земле стоит тоган железный, в тогане три кружки серебряные золочены мерою мало не в ведро, да поставлены на скамье чанища цельные"³. Зарисовка впечатляющая, но надо помнить, что это, разумеется, не повседневная бытовая обстановка, а парадная, торжественная, обусловленная приемом правительственного посла. Имеются, впрочем, и другие, причем более доказательные факты, говорящие о высоком авторитете Дайчина. Хошутский Гуши-хан, к которому пришел, видимо, разоренный братом Йелден, — хотел поймать Дайчина и выдать обиженному головой, на что Йелден возразил: можно ли человеку дать мясо, отрезанное от его собственного бедра? Лаузан, в свою очередь, сказал своим сыновьям Дорджи и Галдаме, хотевшим дать бой дяде: "Не нападайте на моего старшего брата; вы не в состоянии сохранить в целостности нутук торгоутовский". Судя по этим высказываниям, младшие братья понимали, что только Дайчин способен сохранять единство торгоутского объединения и не претендовали на верховенство. Тем не менее, как мы видели, это не спасло их от разорения старшим братом — такова была логика власти.

Габан Шараб и Батур-Убаши Тюмень согласно свидетельствуют, что Дайчин имел четырех сыновей, но странным образом разнятся в назывании их имен. У Габан Шараба они зовутся Гюре, Даю, Нама Серен и Бунчук Джалцан; Батур-Убаши Тюмень называет Чжалбо (Рачжалбо), Нима-Серена, Пунцука и Чжалцана (Ра-Чжалцан). Как видим, общими у них являются имена Нима-Серена и Пунцука (Мончака русских документов), которые фигурируют и в архивных материалах. Думаю, что большего доверия заслуживает Габан Шараб, пользовавшийся, если даже у него не было в руках письменных источников, устной информацией авторитетных информаторов, среди которых был сам хан Аюка, родившийся в 1642 г. и прекрасно знавший деда, и, вероятно, своих дядей.

Сыновья в целом вели себя послушно, — по крайней мере в источниках отсутствуют сведения о частых столкновениях их с отцом, — кроме одного случая, о котором я упоминал, в 1662-1664 гг. Однако то ли это столкновение из-за племянника Джалбы вывело его из равновесия, то ли разочарование земной суетой, то ли наступившая старость притупила его чувства — но с этого времени он отходит от активной политической деятельности, передоверив бразды правления Мончаку. Вскоре наступила развязка: хошутский Аблай-тайша в 1671 г. разбил улусы Дайчина, а самого взял в плен. Внук Дайчина Аюка, наследовавший умершему в 1669 г. отцу — Мончаку, сумел, разбив в следующем году Аблая и пленив его, вернуть улусы деда, но следы последнего к этому времени затерялись. По некоторым сведениям, Дайчин был передан Аблаем в руки старшего брата Цецен-хана, который отправил бывшего главу волжских калмыков в Тибет, может быть выполняя последнюю просьбу знатного пленника.

Что касается Мончака, о нем сохранилось не слишком много сведений, да и те носят больше официальный характер. Долгое время он находился в тени отца и только с середины 50-х гг. выходит на авансцену калмыцкой истории, действуя, впрочем, совместно с отцом. Он предстает перед нами вполне трезвым и уравновешенным политиком, заинтересованным в доброжелательных отношениях с российским правительством, вследствие чего весьма активно содействовал оформлению шертей 1655, 1657 и 1661 гг. Показательны в этом отношении его высказывания в ходе переговоров и встреч с И.С.Гороховым. Подписывая шерть от 16 июня 1661 г., он произнес

знаменательные слова: "Как де бумага склеена, так бы де калмыцким людям с русскими людьми вместе быть вечно". На следующий день, будучи в гостях у дьяка, Мончак вновь выразил пожелание, чтобы "вечно калмыцким людям с русскими людьми жить любовно в дружбе".

К чести Мончака нужно сказать, что он не ограничивался одними словами. Действия его также были направлены на добрососедские отношения. Он был первым тайшой, вместе с племянником Манжиком, лично шертовавшим 30 марта 1657 г. В 1659 г. он лично возглавил, вероятно, первый в истории калмыков поход на владения крымского хана по просьбе русского правительства. Сменив в середине 60-х гг. на посту главного тайши отца, он, к сожалению, не успел развернуть самостоятельную деятельность. Отбивая притязания джунгаров, он вступил с ними в войну, в ходе которой внезапно умер.

Итак, феодальная знать калмыков продолжала по своему усмотрению управлять принадлежащими им улусами, отнимала их друг у друга, совершала далекие паломничества для спасения души, не забывая, естественно, и о бренном теле, высказывала пропитанные феодальным духом, а порою навеянные общечеловеческими чувствами сентенции и, главное, давала шерти на верность России. А что же народные массы? Завершение принятия российского подданства отвечало, вне всякого сомнения, их коренным интересам. Наконец-то они могли избавиться от долгих и многотрудных скитаний и, получив в свое распоряжение необходимые пастбищные территории, продолжать свое главное дело, основу существования всего калмыцкого общества — разведение скота. Идя вслед за своими стадами, они осваивали степные просторы, знакомились с соседями, с которыми им предстояло жить бок о бок веками. Перед ними в прямом и переносном смысле открывались новые горизонты. Последуем за нашими далекими предками и рассмотрим основные черты их хозяйственной деятельности.

БУДНИ КОЧЕВНИКОВ — СКОТОВОДОВ

Калмыки пришли в Россию с имевшим многовековые традиции и навыки хозяйственным укладом, базировавшимся на экстенсивном кочевом скотоводстве. Скот являлся основой существования, мерилom богатства, средством

платежа и важнейшим товаром. Он давал мясо, молоко и производные из них продукты питания, шкуры, кожи, шерсть. Из овчин и тонких сортов войлока шились верхняя одежда, головные уборы; из кожи изготовлялись ремни, конская упряжь, седельные принадлежности, обувь, кожаная посуда; из шерсти выделывали кошмы, арканы, веревки, различную тесьму; из жил животных приготавливались нитки для шитья одежды. В обмен на скот и продукты скотоводства приобретались у оседлых соседей необходимые в быту и хозяйстве изделия и продукты, не производившиеся в улусах.

Очевидцы, наблюдавшие жизнь монгольских племен в более ранние периоды их истории, называют в основном тот же набор изделий из продуктов скотоводства. Плано Карпини лаконично сообщает, что жены монголов делают "полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи"⁴. Более подробен Гильом де Рубрук: "Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки... Они устроят также шаровары из кож. Богатые также подшивают себе платье шелковыми охлопками, которые весьма мягки, легки и теплы. Бедные подшивают платье полотном, хлопчатой бумагой и более нежной шерстью, которую они могут извлечь из более грубой.

Из более грубой шерсти они делают войлок для покрытия своих домов, сундуков, а также постелей. Из шерсти также, с примесью третьей части конского волоса, они делают себе веревки. Из войлока они делают также плащи, чепраки и шапки против дождя... Обязанность женщин состоит в том, чтобы... приготавливать шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил. Именно они разделяют жилы на тонкие нитки и после сплетают их в одну длинную нить". Сравним с этим то, что писал К.И. Костенков в 1870 г. в "Исторических и статистических сведениях о калмыках": "Первые (мужчины — М.Б.) занимаются ... выделкою кож и шитьем сапогов... Работа женщин ограничивается шитьем тулупов, обуви, платья, кожаной посуды: ведр, бартога (бутылей), валянием кошм (войлоков) для покрывания кибиток, плетением тесьмы из шерсти и шелку с серебром для украшения одежды и т.п."

Несмотря на определенные сдвиги в хозяйственно-экономическом развитии Калмыцкого ханства, значение скота не претерпевало существенных изменений. Намест-

ник Убаши имел все основания заявить представителю царской администрации весной 1770 г., то есть буквально за считанные месяцы до ухода им части калмыков из пределов России и последующей ликвидации ханства, что "калмыки когда имеют скот, тогда они и людьми считатца могут, а когда ж онаго лишатца, то и сами ничего не стоят". Разводились лошади, овцы, крупный рогатый скот, верблюды и козы. Это был традиционный состав скота; Плано Кирпини также замечал о монголах XIII в.: "Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми, ... свиней и иных животных нет вовсе".

Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что со второй половины XVIII в. стали разводиться в незначительном количестве и свиньи теми группами калмыков, которые сравнительно оседло жили при рыбных промыслах, городах и селах Нижнего Поволжья. Нойон Замьян, живший с 1765 г. полуоседло в построенном для него казной доме, оповещал руководителя калмыцких дел И.А.Кишенского в 1767 г.: "Уповаю, что вы будете иметь охоту к свиному мясу, послал целую свинью большую и жирную". Маловероятно, что нойон, желая угодить нужному человеку, перекупил "презент" у русских жителей. Скорее всего, проживавшие постоянно при доме служители Замьяна разводили для нужд господина свиней и, быть может, даже домашнюю птицу.

Сколько-нибудь надежных цифровых данных об общем количестве скота и соотношении его видов в период существования ханства в источниках нет. Такое положение нельзя объяснять вслед за указом Коллегии иностранных дел от 26 марта 1765 г. только лишь тем обстоятельством, что "богатые же из них лошадьми и скотом люди уклоняются и о точном числе лошадей и скота своего ведать, опасаяся от того претерпеть нещастия падежем онаго, а считают лошадей своих ксяками, в котором бывает по одному жеребцу и кобыл по десяти и больше, таким же образом поступают и в щете скота своего, для чего по суеверию своему о точном числе и скота ведать не могут".

Ни в общем-то правильно подмеченный способ приблизительного контроля поголовья скота (были и другие способы подсчета, в том числе и точные), ни оставшееся неизменным и впоследствии "суеверие" калмыков не помешали царской администрации с начала XIX в. настойчиво добиваться от нойонов сведений о количестве скота во всех улусах и на основе полученных данных составлять

сводные таблицы. Отсутствие необходимых сведений объясняется прежде всего тем обстоятельством, что царское правительство, мираясь по ряду причин (о них речь позже) с относительной самостоятельностью калмыцкой знати и не имея прямых налоговых интересов, так как калмыки не платили государственных податей, ни разу не предпринимало никаких попыток выяснить количество скота.

Весь скот круглогодично находился на подножном корме, перегоняемый с места на место по мере скармливания трав на близких пастбищах. Хозяева следовали за своими стадами: разборными кибитками, которые довольно быстро ставились на новом месте. Если перекочевки были ежедневными (что бывало, конечно, в исключительных случаях), то в летнее время кибитку вообще не ставили, в холода ограничивались сооружением коша (хош) — кибитка ставилась без боковых решеток (терме), а только на унин: с харахи (верхний обод). Кибитки и все имущество (эды) перевозилось на верблюдах, а если их у семьи не было, о как говорится, на чем бог пошлет.

В 1712 г. сартовский комендант Н. Беклемишев, посетивший хана Аксу, видел, что от зимней стужи и гололеда пало много лошадей и прочего скота, так что многие семьи кочевали, а лучше сказать — брели, "пеши". Другой представитель администрации принуждал дербетскую нойоншу Абу: "Ежели у калмык ваших лошади и верблюды весьма худы, то велеть им кочевать на коровах или хотя и пешком". В конце обедневшие скотом семьи переходили, особенно в XVIII в., на кочевание в лодках, и в этом случае не удалялись от Волги. Подобные ситуации возникали и много позже. В 1812 г. главный пристав С. П. Халчинский отмечал при описании быта калмыков: "При перекочевках дома свои выючат они на верблюдов, а другие по бедности кочуют на арбах на рогатом скоте".

Несмотря на трудности и неудобства, кочевой образ жизни настолько был привычен калмыкам, что они неохотно и только при неблагоприятных обстоятельствах расставались с ним, чтобы при первом же удобном случае вернуться к нему. Недаром тот же наместник Убаши, в данном случае выражая убеждение подавляющей массы подвластных, заявил астраханскому губернатору Н. А. Беке-тову, — когда он при личной встрече 20 сентября 1765 г. начал живописать преимущества оседлой жизни, — что калмыки по привычке кочевую жизнь считают лучше оседлой, и на все дальнейшие доводы отвечал, что "они остаются на прежнем основании".

Постоянные передвижения кочевников со своими стадами, если они не были связаны с войной или переселением на новые места, не являлись случайными и хаотичными, а подчинялись строго продуманной системе, заключающейся в том, что для каждого сезона года выделялись определенные территории, именно в данный период года наиболее благоприятные с точки зрения наличия корма для скота, воды и возможности в той или иной мере укрыться от непогоды. Характерно сообщение на этот счет торгутского нойона Мукукена конца XVIII в.: "В зимние три месяца в разсуждении стужи находимся мы в теплых местах на Куме реке, а в летние три месяца по озерам и снеговым водам, в осенние же три месяца по копаням и реке Волге кочевье имеем единственно для своей выгоды и пропитания скотского". Распределение кочевий по сезонам имело в виду и то, что пока люди и скот находились в одном месте, в других успевала вновь подняться выеденная ранее скотом трава.

Как только в течение 40-60-х гг. XVII в. калмыки утвердились на территории, которую впоследствии занимали, они создали свою систему маршрутов перекочевов и распределения пастбищ по сезонам, нарушаемую в экстремальных случаях. Сезонные перекочевки происходили в основном в меридиональном направлении. Зиму большинство улусов проводило на юге. На юго-востоке располагались по Куме и Тереку, на юго-западе занимались земли, прилегавшие к рекам, впадающим в Маныч, Азовское море и Нижний Дон. Некоторая часть улусов зимовала в Мочагах — прибрежной части северо-запада Каспийского моря. Все упомянутые места были сравнительно малоснежные, поросшие камышом, а берега Кумы и Терека лесом, где скот мог найти убежище в особо неблагоприятную погоду. Однако и здесь случались суровые многоснежные зимы, вызывавшие массовый падеж скота. Таковой была, например, зима с 1739 на 1740 год, когда люди из трупов павших животных складывали стенки с наветренной стороны, таким образом спасая от ветра оставшихся животных и, чтобы поддержать их, рубили на корм мелкие ветки деревьев⁵.

Кочевание с зимних мест на летние начиналось обычно после празднования Цаган-Сара, т.е. в конце февраля — начале марта. Улусы продвигались к Волге по Ергенинской возвышенности и прилегающим к ней степным местам, "отыскивая кормные и травные для скота места". Если реки

и худуки (колодцы) были еще замерзшими, для себя и скота использовали снег. Волгу старались перейти по льду, если же не успевали, переправлялись по воде до начала паводка.

Переправа семей, имущества и скота по холодной воде была делом трудным. Перед ее началом устраивался молебен с жертвоприношениями животных, которые заключались в том, что посвященные божествам представители различных видов скота, обладавшие необходимыми для этого мастью и прочими приметами, отпускались на волю. Трогать впоследствии таких животных считалось большим грехом. Калмыки чаще всего обращались при переправе по воде к услугам местного населения, которое за определенную плату скотом или деньгами перевозило их на лодках, завознях и прочих плавучих средствах.

Если по каким-то причинам не успевали переправиться на левый берег до половодья, то во время его сначала добирались до займищ и островов. а уж потом, передохнув, до лугового кряжа; если и займища, и острова заливались водой, улусы вынуждены были ждать схода воды на нагорной стороне, т.е. на правобережье. При самостоятельном преодолении водных преград калмыки пользовались, если не было лодок, традиционными способами переправы, использовали также различные подручные средства (стволы деревьев, плоты из камышовых и чаканных снопов и т.п.). В источниках за XVII-XVIII века нет описания традиционных плавучих средств калмыков. Приведем одно описание таковых у средневековых монголов, предполагая, что они, пусть и в несколько измененном виде, могли сохраняться и у калмыков, особенно в те времена, когда в их распоряжении почти не было лодок, а с русским населением контакты не были налажены широко.

По одному из сообщений монголы, преследуя хорезмшаха Мухаммеда и столкнувшись с водной преградой, "смастерили из дерева нечто вроде больших водопойных корыт, положили в них свое оружие и свой скарб, пустили лошадей в воду, уцепились (руками) за хвосты, прикрепив к себе эти деревянные корыта, так что лошадь тащила (за собою) человека, а человек тащил корыто, наполненное оружием и проч., и так переправились все за один раз"⁶.

Плано Карпини следующим образом описывает переправу монголов: "Более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые

ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом, и очень крепко связывают; после этого в середине кладут седла и другие более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед, наравне с лошадей, человека, который бы управлял лошадей. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадей, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же более бедные имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок сверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше".

После благополучной переправы через Волгу большинство, а иногда и все улусы, двигались на север, доходя до Самары, и кочевали в тех местах до спада половодья. После убыли воды возвращались в низовья; часть же улусов оставалась на севере и до времени перехода на нагорную сторону; начинавшегося в октябре — ноябре и служившего началом перекочевки на зимние пастбища. В ноябре — декабре достигали зимовок: так замыкался годичный цикл, очень рационально построенный и учитывавший климатические, растительные, водные и прочие условия. В подтверждение рациональности и продуманности системы, нарушение которой вело к отрицательным последствиям, приведу несколько примеров.

В 50-х XVIII в. возникли конфликты между отдельными группами калмыков и возчиками соли с Эльтонского озера. Сенат обратился в Коллегию иностранных дел, которой были подведомственны отношения с калмыками, с предложением запретить им кочевать "мимо дорог и чрез дороги к Эльтонскому озеру лежащие". В ответе Коллегии Сенату сообщалось, что ввести такое запрещение "никоторым образом ... невозможно", так как в междуречье Волги и Яика в степях воды нет, трава летом от жары выгорает, а луга в половодье затопляются: улусы на это время уходили севернее и лишь после спада воды вновь спускались южнее и кочевали в лугах между Царицыным и Астраханью.

В 1769 г., ввиду войны с Турцией, правительство задержало все улусы на нагорной стороне Волги. От бескормицы, вызванной чрезмерной скученностью улусов, случился большой падеж скота. Весной 1770 г. наместник и владельцы стали усиленно домогаться разрешения на переход на луговую сторону. Передавая их просьбы Н.А.Бекетову, И.А.Кишенской счел долгом засвидетельствовать, "что они от удержания их прошедшим летом на горной стороне и от многого скота их упадка разорились..., а если удержать их и далее здесь, совершенно всего своего скота лишиться и в конечное разорение притти могут".

Губернатор приказал ответить наместнику, что весной "скотские корма" на обеих сторонах Волги одинаковы, и до жарких дней о луговой стороне "и помышлять нужды не стоит". Наместник, ознакомившись с письмом Н.А.Бекетова, разъяснил И.А.Кишенскому: хотя довод губернатора о равноценности весенних пастбищ на обеих сторонах и верен, но на луговой стороне они нужны только для летнего времени, а на правой нужно сохранить их и для зимы. Если же здесь траву весной вытравить, то к осени она хотя и поправится, "однако ж в том к прокормлению скота никакой прочности нет"⁷.

О последствиях нарушения хорошо приспособленной к сезонным условиям системы кочевания говорят письма нойонов и связанная с ними переписка администрации, относящаяся к 80-м гг. XVIII в.: нужно помнить, что к этому времени резко уменьшились и численность калмыков, и количество принадлежащего им скота. Как видно из рапорта губернатора М.М.Жукова от 28 января 1785 г., нойоны в своих письмах обрисовали рассмотренную нами систему кочевания. Далее они указывали, что с некоторых пор калмыки не допускаются на луговую сторону, а на нагорной стороне "на Кизлярской дороге от Астрахани учреждены почты, а по Куме-реке, по Томузлову и по сю сторону Дона поселились российские люди, а по Волге казачьи станицы, которыми до прежних кочевных мест не допускаются, а кочуют от начатия весны и до глубокой осени в степе по копаням, отчего самого приключаются скоту болезни и происходит немалой падеж, чрез это калмыцкой народ приходит в бедность и несостояние, и если де они впредь на сих же местах навсегда кочевать останутся, то чрез недолгое время могут притти и к службе государыниной неспособными"⁸.

В системе сезонных перекочевков существовали в XVIII в. исключения из правил. Они относятся к дербетским и табун-отоковым (Доржи Назарова, близкого родственника ханской семьи) улусам. Первые часто и на длительное время уходили на Дон, а вторые практически постоянно располагались в волжско-яицком междуречье. Объяснялось подобное обстоятельство тем, что дербетские нойоны часто конфликтовали с центральной калмыцкой властью в лице ханов или наместников из торгутов, а улус Доржи Назарова выполнял роль заслона против возможных набегов казахов. Однако и эти улусы совершали на занимаемой территории сезонные перекочевки, зимой спускаясь к югу, а летом поднимаясь севернее.

Как считает И.Я.Златкин, имея в виду кочевые скотоводческие хозяйства, "производственный процесс в этих хозяйствах включал в себя перекочевки и перегоны скота, его охрану и выпас, водопой, дойку и переработку молочных продуктов, стрижку, сбор и переработку шерсти, транспортировку грузов и т.д. Производственный цикл в кочевом скотоводческом хозяйстве подобен земледельческому, где вехой, отделяющей один цикл от другого, является сбор урожая. У кочевых скотоводов такой вехой был прием молодняка, у них производственный цикл равен периоду между расплодами".⁹ Присоединяясь к этому мнению, рассмотрим в общих чертах производственный цикл у калмыков. Причем, за недостаточностью конкретного материала по XVII-XVIII векам будем использовать материалы первой половины и середины XIX в., исходя из того убеждения, что к этому времени не произошло кардинальных изменений в способах ведения традиционного скотоводческого хозяйства, да к тому же они будут корректироваться косвенными данными предыдущих веков.

Вскоре после праздника Цаган-Сара калмыки начинали сборы к перекочевке с зимних на летние пастбища. В конце февраля или начале марта в указанный духовенством "благоприятный" день, отслужив молебен и совершив очистительный обряд, заключающийся в прохождении людей и скота между двумя кострами, пускались в путь. С этого же времени начинался расплод животных и прием молодняка, "и потому, — свидетельствует К.И.Костенков, — передвижения по степи бывают небольшими переходами от 5 до 15 верст; вообще же одна средняя перекочевка бывает от 20 до 25 верст и потому расстояние в степи иначе не определяется калмыками как числом кочевков от одного пункта до другого".

Что это было так и в предыдущие века говорит переписка хана Церен-Дондука по поводу ожидаемого в 1731 г. китайского посольства к калмыкам. 24 февраля хан просил задержать проезд послов в улусы, так как "весною коровы от телят, а овцы от егнят нужны бывают". Ровно через два месяца, 24 апреля, он снова сообщает, что с китайскими "посланцами нам ныне видеться невозможно, понеже у нас как люди, так и скот еще неисправны, и кобыл мы еще не доили". Из контекста письма ясно, что хотя "оных неисправностей ... много", но они находятся на завершающей стадии ликвидации.¹⁰

С приемом молодняка начиналось доение животных и приготовление различных молочных напитков и продуктов. "Главную заботу хозяйки, — по словам П.И.Небольсина, — в продолжение лета, составляет доение овец и коров по два раза в сутки, а кобылиц и еще чаще, раз восемь в сутки и больше: не пройдет часу, чтоб кобылиц не доили... Эта часть домашнего хозяйства требует весьма продолжительного времени, и главной хозяйке семьи помогают все женщины, меньшие снохи и дочери. Иногда у семьи бывает до полусотни дойных кобылиц, столько же коров и около двухсот овец: весьма естественно, что уход за ними требует много рук и беспокойства".

После окончания приема молодняка начиналась весенняя стрижка овец и верблюдов. В источниках указываются разные сроки ее начала. В 1800 г. торгутский нойон Мукукен на специальный запрос Калмыцкого правления отвечал: "Наш... народ из овечьей шерсти делают кошмы и обувь себе..., а при нужде закупщикам продают кошмы по 7 и по 8 рублей... Срок же стричь верблюдов и баранов начальной... мая 30 числа, потом осенью в сентябре месяце". Хошутская нойонша Цебек на тот же запрос сообщала, что весенняя стрижка бывает в первых числах мая.

Овец стригли два раза в год, весной и осенью, верблюдов один раз — весной. На такой порядок указывает и письмо зайсангов казенного Багацохуровского улуса от того же времени: "Верблюдов стригут в год одинажды, из которого делают арканы, которые употребляют на кибитки. Баранов стригут в год по два раза, делают из оной шерсти кошмы и на постели ширдыки, а излишние кошмы продают бедным между собою калмыкам же за повольною ценою".

По сведениям К.И.Костенкова, который специально оговаривался, что калмыцкое хозяйство "как велось двести

лет тому назад, так ведется и в настоящее время", шерсть с верблюдов, в количестве от 6 до 8 кг с каждого, снималась иногда стрижкой, а большей частью просто обдиралась. Операция обдиранья облегчалась тем обстоятельством, что весной верблюды линяли. Кроме арканов, из верблюжьей шерсти изготавливались тесьмы для крепления кибиток и толстые нитки для сшивания войлоков.

Овец перед стрижкой прогоняли несколько раз в проточной воде, чтобы промыть шерсть. При отсутствии такой возможности овцы обмывались водой из худуков. При весенней стрижке с одной овцы получали в среднем 1,5 кг шерсти; на продажу шла в основном весенняя шерсть, осеннюю же целиком расходовали на собственные нужды — на изготовление кошм, покрывал, подстилок, потников, чулок, тесьмы и т.п. "Ухода большого за овцами не требуется, стадо пасется обыкновенно под наблюдением одного взрослого и нескольких малых ребяташек, а иногда эта обязанность возлагается на одних только подростков". Разумеется, феодальная знать поручала пастьбу скота и вообще все работы по хозяйству своим служителям, так же поступали и богатые скотоводы, имевшие своих пастухов, попавших к ним в услужение по различным причинам.

"Бедные же однохотонники сгоняют своих овец, — продолжает К.И.Костенков, — в одно стадо, делая на них разные заметки (по обыкновению надрезы на ухе) и нанимают общего пастуха или пасут сами по очереди. При стадах всегда держат несколько собак, охраняющих скотину от волков, которых в степи очень много. Вся забота калмыцкого пастуха заключается только в том, чтобы сгонять овец на водопой и на ночь к хотону". В словах главного попечителя калмыцкого народа, каковым был в 50-60 гг. XIX в. К.И.Костенков, слышится некоторая пренебрежительность к труду пастуха овец, и может показаться, что она была достаточно легкой.

Между тем, чего стоил один только водопой, если поблизости не было естественных водоемов и приходилось поить овец да и вообще весь скот из худуков. Особенно часто эту операцию приходилось проделывать в том случае, если перекочевки происходили в летнее время в степи, в удалении от рек и озер. Худуки (колодцы, копани) располагались группами, на различном удалении одна группа от другой, но редко более 50 верст и только в исключительных случаях в 70 верстах. Глубина худуков бывала от 3 до 6 метров, но иногда встречались очень

глубокие — до 14,5 метра. Воду из таких колодцев доставали ведрами, прикрепленными к шесту или привязанными к веревке. Можно себе представить, сколько ведер воды нужно было достать, чтобы напоить стадо овец голов в 200-300, не говоря уже о крупном рогатом скоте, лошадях и верблюдах.

Не во всех худуках вода была хорошего качества, кроме того, если долго не пользовались ими, то они засыпались землей, мусором и т.п. Приходилось, придя к колодцу, сначала очистить его от наносного мусора, а затем очистить или, вернее, сменить воду, которая часто бывала соленой, непригодной для питья, а порою и опасной даже для здоровья. Для очистки воды ее всю вычерпывали в течение дня, а за ночь она набиралась вновь и в этом случае была уже достаточно чистой и пригодной для употребления.

Организация пастьбы лошадей заключалась в том, что в начале составляли косяки, для чего сортировали и присоединяли к жеребцу, исходя из его возраста и качеств, от 6 до 20 маток, кобылиц. Примерно две недели такие косяки паслись отдельно, а потом их сгоняли в общий табун, хотя и в нем каждый жеребец ходил особняком со своим своеобразным гаремом. Жеребят по достижении года таврили, а при наступлении половой зрелости из них составлялись новые косяки.

Шкуры животных шли на изготовление предметов домашнего обихода и хозяйства: архытов (кожаные мешки для кумыса), бортогов (кожаных бутылок), мешков для сбора кизяков, ведер, ремённой упряжи и т.п. К.И.Костенков дает подробное описание выделки шкур в "Статистическо-хозяйственном описании Калмыцкой степи": "Обыкновенно шкуры предварительно квасят в растворе муки; потом, сняв с них ножом волос, намазывают мездру остатками от перегона чигана (бозо), переменяя это бозо несколько раз, что достаточно смягчает кожу, и затем, наконец, мнут особенного рода скалкой с зубцами. Для приготовления некоторых вещей кожи оставляют с волосом и копят их в кибитах, предварительно сделав из сырой кожи потребную вещь. Чтобы сообщить желаемую форму сшитым из сырой кожи бутылкам (бартога), их набивают мокрой землею и потом, высушив на солнце, копят. Овчины перед выделкою сначала солят, потом намазывают или бозо, или сгустившимся айриком (айраном — М.Б.), переменяя его несколько раз; выставляют на открытый воздух, стараясь

держат по возможности в тени, потом мнут овчину и отбеливают мездру ее мелом".

Летом основная забота по уходу за скотом заключалась в пастбище и поении скота, охраны их от воровства, а также волков, которых было много в то время в степи. Своим чередом шли обучение лошадей для верховой и упряжной езды, кастрация, случка и т.д. Самым ответственным и тяжелым временем был зимний период, особенно если зима была многоснежной и холодной. В XIX в. для защиты животных, в первую очередь баранов, от снежных бурь и холодных ветров к кибиткам пристраивались специальные загоны. По описанию П.И.Небольсина, загон "делается из решеток же, полукругом снаружи огибающих правую сторону кибитки таким образом, что один край загона примыкает к дверям кибитки, а другой к тому месту, где приставлена к кибитке кровать, помещающаяся всегда прямо против входа. В хорошую погоду загоны бывают совершенно открыты, а в "шурган" или буран их с наветренной стороны завешивают кошмами". Все помыслы кочевника зимой сосредотачивались вокруг благополучной, без потерь и падежа зимовки. С наступлением весны весь годичный цикл начинался вновь.

О ДАРХАНАХ И ... ФАЛЬШИВЫХ ПЯТАКАХ

Кочевое общество, как и любое другое, не могло обойтись без хотя бы минимума ремесленных изделий, необходимых в быту, хозяйстве и военном деле. В законах 1640 г. упоминаются несколько видов панцирей, латы, шлемы, мечи, сабли, копья, стрелы, колчаны, луки, капканы, ножи, ножницы, топоры, сундуки, ящики и т.п. Если и предположить, что часть предметов и изделий приобреталась путем торговли, обмена и даже захвата во время набегов, то наличие в перечне наковален, молотков, щипцов, резцов, подпилков и т.д. свидетельствует о существовании в улусах ремесленных занятий и соответствующих мастеровых людей (урн). Об этом же говорит и одна из статей законов, по которой "сорок (кибиток) ежегодно должны сделать двои латы, если не сделают, то штрафовать лошадью и верблюдом".

В источниках, относящихся, правда, больше к XYIII в., неоднократно встречаются известия о наличии в калмыц-

ких улусах кузнецов (дархан), специалистов по работе с деревом (модочи) и т.д. В документе за 1665 г. упоминается "мастер куячной", то есть специалист по изготовлению панцирей. Один русский пленный, вышедший из улусов в Царицын в 1760 г., показал, что по взятии в плен находился "в жительстве владения хана калмыцкого Дондук-Даши у калмыченина, знающего кузнечного и всякому ремеслу, Мархан-дархана. И сего де июня 22 дня оной калмык поехал по позыву для помянутой работы к объявленному Дондук-Даши", чем воспользовавшись и бежал дававший показания. В 1764 г. в поулусных ответах на вопросы, нужные "для собственного ея величества к сочинению топографического описания", зайсанги Багацохуровского улуса сообщали: "Мастеровые ж наши люди делают колчаны и сайдаки, стрелы, слесари делают дротики, сабли, ножи и шилья, а самые лутчие мастера делают и ружья".¹¹

Одной из сложных и трудоемких работ, требующих хорошей подготовки и мастерства, было, несомненно, изготовление панцирей (куяк) и лат (убчи). К сожалению, в материалах за XVII-XVIII вв. нет ни описания внешнего вида, ни процесса изготовления их, а в XIX в. они вообще вышли из употребления. Соответствующее описание принадлежит Плано Карпини, но относится к монголам XIII в. Исходя из известной живучести традиционных производственных приемов, в том числе и в сфере ремесленных занятий, и предполагая, что панцири и латы калмыцкого производства не слишком отличались от монгольских более раннего времени, приведу полностью текст знаменитого францисканца.

"Латы же, — повествует Плано Карпини, — имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела; сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела; на плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах; и на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску; все эти куски соединяются пряжками. Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает кругом шею и горло, — из кожи". Составные части подобного панциря делались из

кожаных ремней шириною в ладонь, соединенных смолой по три или четыре внаклад друг на друга и связанных ремешками или веревочками так, что при наклоне или поворотах тела подобные полосы находили одна на другую, удваиваясь или утраиваясь.

Так выглядело кожаное защитное оружие, а металлический панцирь изготавливался следующим образом: "Они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом, они приготавливают много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеуказанные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; В верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеуказанные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают по кускам так, как сказано выше. И они делают это как для вооружения коней, так и людей. И они заставляют это так блестеть, что человек может видеть в них свое лицо".

Калмыки появились в России уже зная огнестрельное оружие. В зиму с 1629 на 1630 г. они приходили на Яик и осаждали казачьи городки. В отписке по этому поводу говорится: "А приступали де к ним те калмыцкие люди к Соленому городку с щитами и с приметы, и вогненной де, государь, бой у них есть". Источники до конца XVII в. ничего не говорят нам о том, умели ли калмыки сами изготавливать огнестрельное оружие. За 1692 г. имеется уже недвусмысленное известие, что "...в улусех у него, Аюкая, к воинскому делу делают огненное ружье непрестанно (ожидая нападения башкиров — М.Б.), чтоб на два человека было по пище".¹²

Вместе с тем источники позволяют сделать вывод, что специалистов, умеющих изготавливать огнестрельное оружие, было не так уж много, и они были на особом счету. Владельцы, в улусах которых проживали подобные мастера, старались использовать их знания сполна. Из допроса некоего Сало-Домбы из улуса Доржи Назарова явствует, что в 20-х г. XVIII в. ружья изготавливал в их улусе "...калмык, именем Гунга-дархан, который в прошлых годах выехал из Сибири из орды черных калмык (джунгар — М.Б.), и обучает тому мастерству, по повелению онго

владельца Доржи, других его улуса калмык,... и что сделают ружей и оное отдают оному владельцу Дорже, а он роздает своего улусу калмыком для обучения к стрельбе..., а железо на дело тех ружей покупают в городех Астрахане и в Царицыне у разных купецких людей..., а порох покупают они на Яике у казаков".¹³

Тем не менее были в улусах и большие специалисты своего дела, известность которых выходила за рамки калмыцких кочевий. В конце 40-х гг. XVIII в. ушли из улусов к донским казакам для крещения "Шикир с двумя сыновьями, люди добрые и к воинским случаям весьма надежные, к тому ж весьма умеют стрелять и порченые ружья исправлять и приводить к мишени, и имеют к тому потребные инструменты, и могут оные исправлять и в поле будучи".¹⁴

Царское правительство всегда с подозрением относилось к увеличению в улусах огнестрельного оружия, которое могло быть обращено против его интересов. Особенно настораживали сообщения, подобные доношению В.П. Беклемишева в 1727 г., что калмыки "... уже, по научению некоторого (Симбирского уезда села Воскресенского, которое выше Саратова у р. Волги) котельника, начинают пушки лить".¹⁵ Стремясь не допустить подобных явлений, правительство время от времени подкрепляло указ о непродаже калмыкам жителями приволжских городов и сел и яицкими казаками железа, пороха и свинца. Стремление выполнить правительственные распоряжения приводило к тому, что, как явствует из письма хана Церен-Дондука, "низовой ... российский народ ... из сапогов скобы вынимают и игол не продают". Нехватка железа создавала сложное положение, так что калмыки, вынужденные изготавливать копья и стрелы для своего вооружения, употребляли на это "железные таганы и стремена".

Понимая, что без определенного количества железа калмыкам невозможно удовлетворить свои хозяйственные потребности и иметь достаточное вооружение для отражения вражеских набегов и несения вспомогательной воинской службы, правительство пыталось централизовать снабжение железом и выдавало его по требованию ханов, наместников ханства и влиятельных представителей знати. В 50-х гг. XVIII в. предписывалось царицынскому коменданту, что если от наместника Дондук-Даши приедут с письмом, скрепленным его печатью, с просьбой продать для его нужд железо, то разрешать покупать до 30 пудов. Еще

раньше, в 1733 г., главе калмыцкого духовенства Шакур-ламе в ответ на просьбу сообщалось, что "котел железной, какой найти было можно, и на таган и уполовник десять пуд железа ныне в готовности имеется". В большой чести были панцири, лучшие из которых, носимые нойонами, имели собственные имена и передавались по наследству. За недостатком в улусах хороших мастеров по изготовлению панцирей и сабель, нойоны посылали своих людей для прохождения обучения в Кабарду, или же за хорошую оплату приглашали оттуда соответствующих специалистов¹⁶.

Изготавливались в улусах и прочие мелкие металлические изделия: различные украшения, ножницы для кройки одежды и стрижки овец, ножи, жилья, стремена, удила, наконечники копий и стрел. В документах встречаются иногда и не совсем обычные просьбы, свидетельствующие как о расширении потребностей, в первую очередь знати, так и о нужде в мастерах новых, необычных до того специальностей. 25 января 1714 г. хан Аюка, сообщая астраханскому коменданту М.И.Чирикову о направлении к нему четырех человек, просил: "Пожалуй, прикажи выучить колокольному литью и, выуча, что к такому делу надобно снастей, дав им, ко мне отпусти".

Еще более неожиданная просьба содержалась в письме Шакур-ламы на имя канцлера Г.И.Головкина в 1730 г. Глава калмыцкого духовенства просил определить двух посланных им людей "для обучения делать часы". Канцлер ответил, что часы делают в иностранных государствах, "здесь таких мастеров нет", а имеются мастера, умеющие их только ремонтировать; к тому же люди Шакур-ламы не знали русского языка. По распоряжению канцлера часы, присланные Шакур-ламой, были отремонтированы, да вдобавок Г.И.Головкин послал еще одни "часы столовые"¹⁷.

О возросшем значении ремесленных занятий, а в связи с этим о появлении предприимчивых людей, которые дозволенными и недозволенными путями пытались возместить нехватку определенных предметов, говорит ряд интересных фактов. Так, имеется сообщение от 1740 г., что два калмыка ханского владения, Омолон и Хартай-Мерген, изготавливали порох. Необходимую селитру они варили сами, а серу покупали в городах Поволжья. Еще более интересен и примечателен факт появления в улусах фальшивомонетчиков. Описание ряда таких дел необходимо и потому,

кроме прочего, что позволит более зримо представить обстановку, в которой работали калмыцкие кузнецы, процесс их обучения и т.д.

Предысторию нижеописываемого нужно отнести к началу 30-х гг. XVIII в., когда был задержан с поддельными монетами некий Гецюль Лоузангов. На допросе он показал, что лечил в улусе хошутского нойона Лекбея верблюдов, и один калмык, Денжин, дал ему в оплату за четырех вылеченных верблюдов корову, которую он и продал в том же улусе кузнецу Джапу за 2 рубля 40 копеек. Деньги эти оказались фальшивыми. Местной администрации не удалось провести результативный розыск по горячим следам. Вновь имя кузнеца Джапа всплыло в сентябре 1740 г. в связи с обнаружением поддельных денег у калмыка Бадмы.

Допрошенный Бадма показал, что он "художество кузнечное и слесарное" знает. На следующий вопрос: "Когда и от кого росийские (российские — М.Б.) деньги мелкие и петаки делать научен?" — ответил, что "до сего времени ... имел кузнечную черную работу, и сего году весною, будучи на Куме в урочище Мин-Атаве, бывшего владельца Лекбея ... у калмык Джапа на петаки, у Вадак Сандыка на мелкие деньги инструменты чрез прошение под присягою взял". Затем он с другими своими соседями перекочевал к донской Кобылянской станице, "где и владельцу Чидану ... в ту бытность стремены и протчае делал, а между тем и деньги петаки и мелкие начал тайно делать". Изготавливал он фальшивые монеты втайне от кочующих с ним калмыков, и знал о его делах только его помощник, некий Чиста, "который мне мехом во своей кибитке и огонь дувал". Чтобы получить медь для изготовления пятак, он купил у одного калмыка "малой котел медной, будет не з большим одного фунта, которую не всю и употребил". Будучи на Куме, он не приступал к изготовлению фальшивых монет "затем, что зимнее время, к тому ж уголья достать невозможно".

Интерес представляет описание процесса изготовления поддельных монет. Вначале Бадма делал "в земле" форму, куда вливал расплавленный металл. Кроме меди, шло в дело серебро "бешличное" с татарской узды, а чтоб не признали меди, на отбел употреблялось олово. По окончании отливки и шлифовки, он "делал состав, а в оной квасцы, соль и порошок употреблял, и тем оные деньги обливал и потом в огонь клал, а из огня в чеген (чигян,

кумыс — М.Б.), которой делаитца с кабийлева малака, а из чегеня паки в огонь, и пока из дела выдут, во всякую вещь по трожды те деньги кладывал". Из дальнейших показаний Бадмы явствовало, что "кроме Джапа и Вадак Сандыка, калмык Шон в ханских улусах деньги петаки делает, которому и инструмент дал означенной же Джап... У калмык Джапа и Вадак Сандыка инструментов денежных, кроме что мне отдали, и еще осталось, которые инструменты на петаки ему, Джапу, делал того ж владения калмык Тючин Арес". И, наконец, и Джап, и Вадак Сандык выполняли и золотарную работу, т.е. умели изготавливать серьги, кольца и др. украшения¹⁸.

Еще больший интерес с точки зрения знакомства с процессом обучения кузнецов, их специализации представляют показания в Канцелярии войсковых дел на Дону 5 марта 1743 г. Нармы Хара-Дарханова, пойманного с фальшивым рублем. "Художество умею кузнечное, — показывал он, — и оному прежде из детска учился от отца своего..., а потом... от дяди своего калмыка дархана Омбы, по смерти отца своего, той науке, також и медь сплавливать и колокольчики малые выливать обучен, которые как и за Кубаном (когда там был Дондук-Омбо во время междоусобицы с ханом Церен-Дондуком в 1731-1735 гг. — М.Б.), так и пришедши ... к Волге, до поимки, калмыком всякую железную и медную работу, известно многим владения того калмыком, делал и от того з женою и з детьми пропитание имел".

Когда он кочевал близ Качалинской станицы, в декабре 1742 г., сделал "в земле из настоящей государственной рублевой монеты колибр, и на тот из пущенного с турецкими бешлеками, которых не более двадцати четырех было, свинца, одну рублевую монету вылил, которую того же дни вечером чрез малолетнего манжика, а как ево зовут, не знает, за купленного телка Эркетенева владения калмыку Телею послал"¹⁹.

Из этих интересных фактов в определенной мере вырисовывается не только процесс обучения и работы кузнецов, но и специализация между ними. Мы видим здесь специалистов по изготовлению инструментов, которые они передают, очевидно, за определенную плату другим кузнецам. Имеется весьма интересное сообщение, что когда русские почтовые работники ограбили в 1741 г. десять кибиток Багацохуровского улуса, то они взяли, между прочим, "письмо, по которому делается порох и

многие инструменты"²⁰. Это известие позволяет предположить, что имелись своего рода руководства, которыми пользовались при изготовлении кузнечных и пр. инструментов. Далее можно предположить, что ремесло кузнецов и вообще специалистов по металлообработке, в том числе работавших с драгоценными металлами — серебром и золотом, настолько обособилось и требовало длительного обучения, что им могли заниматься только специально подготовленные люди, затрачивая на него львиную долю рабочего времени. Надо думать, что заказов на их услуги было достаточно, так что плата за их выполнение уже доставляла основную долю средств существования для мастера и его семьи, что ясно видно из показаний Нармы Хара-Дарханова.

Калмыки сравнительно интенсивно занимались и деревообработкой. Из дерева изготавливались различные части кибиток, остовы седел, древки копий, некоторые виды посуды, курительные трубки, повозки, лодки, сани и санки (чуни), пищальные ложки ²¹ и т.п. В материалах за 1724 г. имеется интересное сообщение, что в улусе Дондук-Омбо, когда во время междоусобицы планировалось бежать из Царицынской линии, в большом количестве были заготовлены дубовые лопатки (часть из которых была обита железом) для засыпки рва. Так как кочевья калмыков занимали территории, сравнительно слабо обеспеченные лесом, на почве пользования им возникали определенные трения с местным населением. Принимая это во внимание и отдавая отчет, что без использования леса калмыки обойтись не могут, указом правительства от 9 мая 1723 г. позволялось в местах их кочевий рубить лес на хозяйственные нужды, кроме дубового, всякий, "а на нужные им потребы и дубовой рубить с позволения астраханского губернатора". Крупные феодалы снабжались лесом и по особым распоряжениям. Так, в январе 1686 г. была послана в Астрахань "память" из Посольского приказа о доставлении хану Аюке по его просьбе "на строенье 14 тесенин и 4 тесницы трехсаженных"²².

Хотя и в области деревообработки имелись свои специалисты, работавшие на заказ, выделение особых мастеров было развито здесь слабее, чем в металлообработке. Многие деревянные вещи мог изготовить каждый взрослый член семьи, а навыки и умения передавались от старших к младшим. Только некоторые предметы и изделия, изготовление которых требовало особо сложных

приемов и навыков, поручались специальным мастерам — модочи. Точно так же не требовалось особых знатоков или специалистов для изготовления кошом, чаканных подстилок, выделки овчин, кож, шкур, плетения веревок, арканов и т.д. Каждая семья, в основном силами женщин, справлялась с выше названными операциями (в определенных случаях практиковалась взаимовыручка жителей хотона). Женщины же шили одежду и выполняли прочие домашние работы.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Калмыки издавна занимались охотой и рыболовством как подсобными хозяйственными занятиями, в том числе и в составе общемонгольского единства. Плано Карпини сообщал о монголах XIII в.: "Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе". Гильом де Рубрук считал даже, что "охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания". Марко Поло, подтверждая наблюдения своих предшественников, также замечал: "Мужья ни о чем не заботятся; воюют да с соколами охотятся на зверя и птицу"²³. Сравнительно широкий размах имела, очевидно, охота среди калмыков, когда они пребывали еще в Джунгарии, так как животный мир тех мест был богаче и разнообразнее фауны приволжских степей. В законах 1640 г. устанавливались наказания за кражу тигровой, леопардовой, выдровой, волчьей, рысей, росомашей, бобровой, соболиной, лисьей, беличьей, корсачьей и горностаевой шкур. Надо полагать, что все эти шкуры или же большинство из них становились достоянием хозяев в результате охоты. Как объекты охоты фигурируют также дикая кошка, манул (род лисицы), дикие козы, антилопы. Упоминаются и орудия охоты, кроме, естественно, лука и стрел: капканы, самострелы, тенета и сети для ловли птиц и рыбы, а также ловчие птицы. Здесь же перечисляются некоторые правила облавной охоты. Наконец, из законов 1640 г. мы узнаем о существовании княжеских (нойонских) заповедных мест, охота в которых без дозволения владельца каралась штрафом.

Еще не успев прочно освоить новые кочевья на территории России, калмыки начали заниматься в них охотой,

сталкиваясь на этой почве с местным населением. Летом 1632 г. тюменский воевода С.И.Жеребцов посылал людей к тайшам "говорити, что они... и их улусные люди делают негараздо, своими улусными людьми кочуют блиско Тюменского уезду, и у наших у ясачных людей зверовые промыслы и рыбные ловли и бобровые гоны отнимают, и нашим ясачным людям в зверовых промыслах чинят утеснения". 10 ноября 1636 г. едисанский татарин Бурлак Келекеев, опрошенный в Астрахани о калмыцких улусах, сообщил, что тайша Дайчин с частью людей, оставя свои улусы за три дня пути, пришли на урочище Узени в междуречье Яика и Волги и "начали побивать сайгаки". Занятие охотой продолжалось и позже, но, судя по редким упоминаниям источников, размеры и роль ее сократились.

Тем не менее бывали моменты, когда охота становилась единственным или решающим источником добывания средств существования, позволяя пережить трудное время. Например, крещеный калмык Петр Молом, бежавший в 60-х гг. XVIII в. из Оренбурга, где была поселена часть крещеных калмыков для несения казачьей службы, вместе с женой "чрез всю зиму в степи продолжаясь, питались битьем сайгаков и диких лошадей".

Под дикими лошадьми подразумевались куланы: "Отважный Уд-Болот ежегодно доставлял Даян-хагану в сухеном виде убитых диких лошадей куланов" (Шара Туджи, С.162). Англичанин А.Дженкинсон, описывая свой путь от Мангышлака до Ургенча осенью 1558 г., замечает: "Там много диких лошадей, которых татары иногда убивают при помощи своих соколов следующим образом. Соколов приучают хватать животное за шею или голову. Разгоряченное бегом животное утомляется от упорного долбления сокола; тогда охотник, гоняющийся за своей дичью, убивает лошадь стрелой или мечом".

Нойон Досанг, улусы которого в первой половине 20-х гг. XVIII в. были разорены в междоусобной борьбе, настойчиво просил у русской администрации порошу и свинца для охоты на диких лошадей с целью пропитания своих подвластных. В XVII, а особенно в XVIII веке охота для основной массы калмыцкого населения была нерегулярным источником дополнительных средств существования, а для феодальной знати более всего видом развлечения.

Монгольский историк Чулууны Далай, рассматривая монгольское общество XIII-XIV вв., приходит к следующим выводам: "Охоту у монголов в то время можно подразделить на два вида, которые следует назвать "большие

облавные охоты" хаганов и ноянов и "охота за дичью", служившая подспорьем в хозяйстве простых аратов. Простые монгольские араты стремились с помощью охоты лишь дополнить свои средства существования. Всюду араты, имевшие скот, одновременно промышляли дичью, увеличивая свой рацион повседневного питания... В источниках содержится очень много сообщений об облавных охотах, организовывавшихся хаганами и ноянами. Эти облавы иногда продолжались месяцами... При чтении источников создается впечатление, что у монгольских правителей облавные охоты преследовали две основные цели. Прежде всего еще была жива монгольская традиция, по которой с помощью охоты производились войсковые учения для подготовки к походам и войнам и отбирались будущие военачальники из числа метких стрелков-охотников. Вместе с тем они также служили забавой для хаганов и знати²⁴.

В имеющихся в нашем распоряжении источниках мы не находим упоминаний об орудиях охоты в рассматриваемый период. Можно предположить, что продолжали употребляться капканы, самострелы, силки, тенета и сети для ловли птиц. Вблизи своих жилищ охотились в один чку на различных мелких зверей и птиц. Практиковался и выезд на охоту большими группами на длительное время и на дальние расстояния. Так, в ноябре 1749 г. хошутский нойон Тукчи объявил, "что посланы де от него ево ищдения калмыки шездесят три человека для гульбы за зверем на луговую сторону". Объектами охоты подобных групп становились чаще всего сайгаки, волки, дикие лошади, кабаны. П.Небольсин очень живо и в увлекательной манере описал способы охоты калмыков на сайгаков, кабанов, зайцев и волков. Время от времени нойоны организовывали крупную облавную охоту, к участию в которой привлекалось большое количество людей, причем, видимо, и в принудительном порядке. Зимой 1757-58 гг. Дондук-Даши собрал на Куме большое количество вооруженных людей, которые должны были идти с его сыном Убаши на охоту за сайгаками. Собранных людей было так много, около 2000 человек, что астраханский губернатор М.С.Жилин забеспокоился: не для похода ли в Кабарду, где шла междоусобная борьба князей, собрано войско²⁵. Как действовали такие массы людей, может дать представление описание Гильома де Рубрука: "Когда они хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу

приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом как бы в кругу, и тогда пускают в них стрелы".

Любимым развлечением калмыцкой знати была охота с ловчими птицами. Достать и содержать хороших ловчих птиц было делом сложным. Недаром во время совещания в Посольском приказе по поводу посылки к хану Аюке в 1681 г. думного дьяка И.С.Горохова, бояре Я.Н.и Н.И. Одоевские советовали не посылать в подарках кречетов и ястребов, так как они у калмыков "в великой чести и тем Аюкай возгордица". Дондук-Даши на запрос губернатора И.А.Брылкина "во знак дружбы что потребно?", ответил письмом от 14 августа 1746 г.: "... В протчем для увеселения до птиц охотник, ис которых боляе охотник до кречетов и соколов". Помимо получения ловчих птиц в виде подарков от центрального правительства и местной царской администрации, довольно часто посылались группы людей в различные места для ловли птиц. В 1692 г. под Саратовом были пойманы люди хана Аюки, ехавшие, по их словам, за балабанами (порода сокола), в связи с чем к хану был послан указ, чтобы без его ведома люди его не ездили "под низовые города за балабанами". В XVIII в. калмыки часто ездили для покупки ловчих птиц в г.Ломов, очевидно они там продавались довольно регулярно.

Нойоны и зайсанги пользовались всяким удобным случаем заполучить в свои руки любимых ими птиц. Икицохуровский нойон Асархо, гостивший у родственников в дербетском улусе, собрал различными способами несколько ловчих птиц, для корма которым его птичники (шобуучи) брали у местных простолюдинов живых козлят, что вызвало протест последних, вступивших в драку со служителями Асархо²⁶. Во время охоты применялись и собаки. У каждого нойона был штат псарей (нохойичи), отвечавших за содержание охотничьих собак и руководивших ими во время охоты²⁷.

Как уже сказано, в законах 1640 г. только один раз встречается упоминание о рыболовной сети, кража которой каралась штрафом. Никаких других правил и предписаний, связанных с рыболовством, в тексте законов нет, кроме, правда, упоминания наказания за кражу рыбьего клея. Это обстоятельство наводит на мысль, что занятия рыболовством среди калмыков в Джунгарии были редкими, случайными и в силу этого не требовали особой регламентации, так как на этой почве не возникало споров и столкновений.

Правда, может возникнуть вопрос: почему же и в законах Дондук-Даши также не встречаются упоминания о рыболовстве, хотя из других источников известно, что именно в его время оно имело широкий размах? На наш взгляд, указанное выше отсутствие объясняется тем обстоятельством, что споры и столкновения на почве занятий рыбной ловлей возникали не между самими калмыками, а между ними и соседним российским населением, и постановления, регулирующие их, вырабатывались и проводились в жизнь царской администрацией.

Со времени прихода калмыков на Яик и Волгу занятие их рыболовством год от года расширялось, начиная мало-помалу задевать интерес местного русского населения, владельцев различных рыбных промыслов: ватаг, учугов и т.п. В 1677 г. "бил челом" в Астраханской приказной палате "астраханского и яицкого рыбного и соляного промыслов гость (в данном случае в смысле купец — М.Б.) А.Олисов, что по Яику близко учугов ездят калмыки с семьями и ловят рыбу, чинят учугам разорение"²⁸. В 1692 г. яицкие казаки, отвечая на запрос астраханского воеводы о причинах очередной ссоры с калмыками, заявили: кочевал между их городками "Аюкаев владетельный человек Дотон и почал рыбу облавливать и корм весь потравил"²⁹.

Насильственные меры местного населения (их сторону чаще всего принимала администрация), направленные против калмыцкого рыболовства, вызвали недовольство и рядовых калмыков, и их господ. В 1705 г. хан Аюга доводил до сведения правительства, что издавна его подвластные ловили рыбу в Яике и Волге, а в последнее время ввели местные жители и власти ограничения и прямые запрещения: "то де по всему знатно, что около Яику и около Волги и кочевать нам отказывают", — заключал хан свое послание.

Размеры калмыцкого рыболовства еще более возросли со второй четверти XVIII в., когда после смерти хана Аюки периодически вспыхивали затяжные междоусобицы в среде феодальной знати, группировки которой втягивались в борьбу многочисленных потомков покойного за ханскую власть. Междоусобицы, периодические массовые падежи скота из-за неблагоприятных погодных условий и эпизоотий вели к обнищанию значительных масс калмыков, искавших спасения в пропитании рыбой. Это обстоятельство еще более усложняло взаимоотношения их с населением приволжских городов и сел.

В 20-х гг. XVIII в. хан Церен-Дондук обратился к руководителю калмыцких дел М.М.Голицыну (находившемуся, кстати, еще и в должности главнокомандующего вооруженными силами юга России, на Украине) с официальным письмом, где обрисовывал сложившееся положение. Вот каким оно выглядело в цитировании М.М.Голицына: "Когда... и сперва под Российскую протекцию пришли, с того времени волжною (волжскою — М.Б.) водою и травою, и рыбою вы повольно и без запрещения питались, а ныне якобы от Самары у низ даже и до Астрахани рыбу ловить и траву выкармливать вам заказывают, а людей ваших бьют и умерщвляют, и баранту ловят и справедливаго суда не дают..."

Ввиду сложившегося положения правительство в феврале 1734 г. указало астраханскому губернатору И.П.Измайлову разобраться в вопросе о калмыцком рыболовстве, "понеже когда они, калмыки, допущены жить и кочевать при Волге, то уже надобно им от нея и довольствие иметь, и где прежде сего они кочевали и рыбою довольствовались, в том и ныне им препятія чинить не велеть". Обследование, проведенное представителями местной администрации, показало, что калмыки ловят частичковую рыбу разных сортов сетями, бреднями, волокушами и удочками. В "Очерках" приводится известие, взятое из работы С.В.Бахрушина, что в 40-х гг. XVIII в. "калмыки пользовались так называемыми аханами-заграждениями, препятствовавшими ходу рыбы вверх по реке" (с.89); мне такие известия в источниках не встречались. Препятствования и запреты ловить им рыбу, по мнению изучавших вопрос, исходят в основном от владельцев откупных вод. Хотя и последовало правительственное предписание запретить откупщикам препятствовать калмыкам в рыболовстве, положение существенно не изменилось и впоследствии.

Дополнительные трудности вызывало и то обстоятельство, что калмыки не ограничивались ловом рыбы для непосредственного питания, но занимались солением и сушкой ее впрок, а также продажей излишков. В 40-х гг. последовал ряд новых указов по поводу ловли и продажи рыбы. В марте 1741 г. грамотой к хану Дондук-Омбо запрещалось калмыкам кочевать и ловить рыбу у принадлежавших казне протоков и морских горловин. В это время Коллегия иностранных дел предписала астраханскому губернатору не отводить калмыкам особых мест для рыб-

ной ловли, как предлагала Камер-коллегия. Решение мотивировалось тем, что они кочуют от устья Волги до Самары, "и буде во всех местах для них особливые воды отводить, то российским рыбакам в ловлении рыбы будет большее утеснение. Разве для таких, которые всегда при Астрахани... кочуют, по усмотрению вашему, особливые воды назначить, да и те от времени другими переменять, дабы чрез долгое время не пришло им во обычай тех одних вод своими называть и в том по их легкомыслию докучные запросы чинить".

Немного позже, при наместнике Дондук-Даши, последовали новые распоряжения, ущемлявшие интересы калмыков. Их рыболовство ограничивалось "удами малыми и сомовыми", сетями и неводами до 40, по крайней мере до 60 саженой длины. Запрету подвергался лов осетровых; излишки рыбы разрешалось продавать только среди калмыков, а в города для продажи не привозить. Кочующим близ Гурьева городка на Яике запрещалось продавать рыбу осетровых пород приезжим купцам, а только в самом городке в казну, где цены были ниже. Купцам же разрешалось скупать у калмыков только частиковую рыбу, выловленную разрешенными снастями. Недовольство указанными ограничениями усилилось в связи с запретом продавать соленую рыбу, рыбий клей, вязигу, потому что "они, калмыки, на соленье той рыбы соль употребляют не казенную, но берут с степных озер", а также в связи со взятием с каждой лодки в пользу казны "половных денег по три рубля".

Указы, призванные регулировать вопросы, связанные с рыболовством калмыков, появлялись и позже, причем носили противоречивый характер. Если же говорить об их общей направленности, то они в конечном счете ограждали интересы владельцев откупных вод, рыбных промыслов и казны. Вместе с тем характерно, что усилия правительства и местной администрации были направлены на расширение калмыцкого рыболовства по найму. По их мнению, это могло решить две задачи: обеспечить казенные и частновладельческие рыбные промыслы рабочей силой и доставить обедневшим калмыкам средства существования. Что же касается частного рыболовства, то этот вопрос не получил удовлетворительного для калмыков разрешения до конца существования ханства, так что и в 1769 г. наместник Убаши и прочие владельцы жаловались, что астраханские купцы, содержащие на Волге ватаги, запре-

щают их подвластным не только в откупных водах, но и в находящихся поблизости ватаг озерах ловить сетями мелкую рыбу для пропитания³⁰.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

Появление на политической арене Калмыкии энергичного тайши Аюки, за короткий срок взявшего бразды правления в свои руки, поставило перед правительством задачу установления с ним отношений на условиях, обговоренных с его дедом и отцом. Подавление Крестьянской войны под предводительством Степана Разина и ликвидация ее последствий позволили начать переговоры с тайшами, которые проходили не без трудностей, вызванных контртребованиями Аюки и его ближайшего окружения. Получив удовлетворение части своих притязаний, в том числе выдачи "государева жалования" на текущий год вперед, 27 февраля 1673 г. на р. Соляной близ Астрахани он подкрепил шерть отца за себя и своих подвластных в присутствии воеводы Я.Н.Одоевского. Вместе с Аюкой шертную запись подписал ряд авторитетных тайшей, в том числе его двоюродные братья Назар-Мамут и Мелеш, младший брат Замса, дербетский Солом-Церен.

Тайши обязались "быть в вечном подданстве и в послушании"; не совершать набеги на российские города, села, деревни, рыбные промыслы по Волге; не иметь отношений, а тем более союза с иноземными неприятелями России; не держать насильно в улусах ногайских мурз с их людьми и впредь их не призывать и не принимать. Далее тайши обещали выделять по требованиям правительства военные силы для самостоятельных походов и в помощь русской армии, не задерживать насильно у себя выходящих из соседних государств пленных православной веры, помогать в борьбе с внутренними "непослушниками", т.е. восставшими и т.д.

Как видим, тайши брали на себя довольно много обязательств. Им же правительство давало всего две гарантии: отсылать обратно в улусы некрещеных выходцев и беглецов и выдавать ежегодное жалование, не считая дополнительных выдач денег и подарков за военные службы. Разумеется, хотя в шерти об этом не сказано, тайшам и всему народу гарантировалось главное — территория кочевий.

Вскоре принятые обязательства стали нарушаться. Временами игнорировались требования о помощи русской армии, организации походов против Крымского ханства, совершались набеги на соседние уезды. С 1675 г. участились столкновения с башкирами, донскими и яицкими казаками: они были настолько обременительными, что Аюка сам просил правительство о новой шерти, так как без нового договора не надеялся разрубить гордые узлы конфликтов. В центре также сочли необходимым взять с тайшей новую шерть, внешним поводом для чего послужила смерть царя Алексея Михайловича и восшествие на трон Федора Алексеевича.

Очередная шерть была дана 15 января 1677 г. на той же р.Соляной, но при новом астраханском воеводе К.О.Щербатове. Повторяя в основном условия прежней шерти, последняя существенно отличалась тем обстоятельством, что ею делалась попытка установить более действенный контроль за внешнеполитическими связями тайшей. Если ранее лишь в общих выражениях запрещались отношения с иноземцами, то теперь указывались конкретные ограничения. Предписывалось все письма крымского хана отправлять воеводам Астрахани или других ближних городов. Запрещалось посылать без ведома правительства послов к иностранным правителям и отвечать на их письма. Более того тайши обязывались, если потребуется, выдавать иностранных послов в руки правительства или администрации Астрахани.

Анализ шертей 1673 и 1677 гг. выявляет основные политические цели и задачи, решаемые правительством в отношениях с Калмыцким ханством: выполнение эффективной военной службы; ограничение связей калмыцкой знати с иностранными государствами; установление мирных отношений калмыков с соседним российским населением. Поведение тайшей до 80-х гг. XVII в. было удовлетворительным и не требовало принятия чрезвычайных мер. События довольно круто изменились с 1680 г., когда тайши во главе с Аюкой пошли на сближение с Крымским ханством и тем начали период открытого неповиновения и проведения самостоятельных внешнеполитических акций.

Стремясь поправить положение, правительство запретило воеводам соседних городов и казакам нападать на улусы. Управление калмыцкими делами передали из Приказа Казанского дворца в Посольский приказ, откуда в феврале 1681 г. решили послать к тайшам думного дьяка

И.С.Горохова, неоднократно бывавшего в улусах и ранее. Перед отъездом дьяк получил указания бояр Н.И.Одоевского, Я.Н.Одоевского и Ю.А.Долгорукого, чтобы он настоял на новой шерти и желательно под Астраханью. Для достижения сговорчивости с ним посылались денежное жалование, 20 пудов табака, сукна, вино и т.д. Характерно при этом предупреждение бояр: "Буде Аюкай не похочет шертовать и аманата дать... и ему б дать то на волю. А силою ево к тому привести невозможно".

Реализация планов правительства облегчалась тем, что и сам Аюка из-за столкновений с башкирами и казаками обратился к воеводе М.С.Пушкину с предложением о новой шерти, которой надеялся урегулировать осложнившиеся отношения. Воевода через едисанского мурзу М.Урусова предложил съехаться на обычное в этих случаях место на р.Солянке, напротив Астрахани на правом берегу Волги. Аюка отказался, мотивируя тем, что "за ссорами де и за неправдами людей своих быть он ... к Астрахани на прежнее место для договору и шерти опасен гораздо, чтоб на том договоре над ним какова дурна не учинилось". Воеводе удалось убедить тайшей в гарантии их безопасности, и 13 марта 1681 г. они дали новую шерть, еще раз подтвердившую основные условия прежних и особо подчеркивавшую недопустимость сближения с Крымским ханством.

Но и новая шерть не внесла существенных изменений: столкновения калмыков с соседями продолжались, претензии и жалобы сторон не переставали поступать в Москву. Раздосадованное правительство отправило к Аюке дьяка К.Приклонского со строжайшим предписанием: добиться розыска всего пограбленного, казни виновных и выдачи в Астрахань трех аманатов. Царская грамота грозила в случае непослушания походом "многих ратных людей" для разорения улусов. Угрожая кнутом, не забыли посулить и пряник: в случае выполнения требований Ю.Приклонскому предписывалось раздать тайшам жалование и подарки.

Дьяк прибыл в улусы и с "большим пристрастием" требовал выполнения указаний, но Аюка демонстративно заявил, что пленных не вернет, будет продолжать набеги и аманатов не даст, потому что "наперед сего того не бывало". Отпустив ни с чем Ю.Приклонского, тайши, воспользовавшись призывом части восставших башкирских старшин, летом 1682 г. выступили "с калмыками и с

татарами большим собранием и, соединясь с ызыменники башкирцы, в Казанском и Уфинском уездах многое разорение учинили". Тогда правительство обратилось к испытанному методу "разделяй и властвуй".

На Дон к атаману Л.Архипову была послана память (т.е. предписание) о походе на калмыков. Для борьбы с казаками Аюка, оставив улусы у р.Яика, в декабре 1682 г. с воинами перешел на правый берег Волги между Астраханью и Черным Яром и выставил караулы. Вместе с тем, маневрируя, тайша вступил в переговоры с астраханским воеводой, соглашаясь на очередное шертование. Воевода охотно откликнулся, так как надежды, возлагаемые на казаков, не оправдались. Последние свои основные усилия направили на грабеж юртовских татар, подчиненных астраханской администрации, и торговых караванов по Волге.

В марте 1683 г. тайши внезапно прекратили переговоры о шерти и спешно направились к Яику. Посланные из Астрахани разведчики доносили, что Аюка узнал о разгроме его застав на Яике башкирами и намеревается наказать последних. Обеспокоенное правительство отправило к тайшам казанца М.Баракова, хорошо знакомого с калмыцкими делами. В посланной с ним грамоте заверялось, что вина Аюки прощается и разрешается кочевать по Волге без всякого опасения. М.Бараков выехал в улусы 12 августа, а 17 сентября 1683 г. в Астрахань прибыл вновь назначенный воевода А.И.Голицын, которые и повели интенсивные переговоры с Аюкой, осложнявшиеся нападениями на улусы яицких и донских казаков. М.Бараков заверял Аюку, что казаки действуют вопреки воле правительства, тайша же был склонен считать, что их действия инспирированы сверху и с неохотой согласился послать для переговоров с воеводой брата Замсу и выдать русских пленных. На р.Алгаре близ Красного Яра на посланцев, ехавших в Астрахань вместе с М.Бараковым, напали донские казаки. После этого большинство из них ехать дальше отказались, и в город прибыл лишь один из них, Темир-бек, заявивший воеводе: "Знатно де, что призыв Аюкаю к шерти чинитца подвохом, потому, к Астрахани для договору и шерти быть велят, а казаки воюют, то де какая правда?".

Несмотря на осложнения, переговоры о шерти продолжались. М.Бараков курсировал из Астрахани в улусы и обратно. В начале января к Аюке приехали три казака во главе с В.Волошениновым: их миссия была ответом на

послание тайши на Дон с предложением мира. В.Волоше-нинов заявил, что как только Аюка даст шерть под Астраханью, так сразу же и казаки с ним помирятся.

Для ускорения дела в улусы выехал представитель Приказа Казанского дворца подьячий И.Щитов. При подаче грамоты Аюка принимать ее лично отказался, что являлось нарушением установленного этикета, а велел принять одному из приближенных. Подьячий отдать грамоту отказался; неожиданно один из присутствующих вырвал грамоту и сломал печать. Прибывший в Астрахань посланец Унитей-Бакши на выговоры воеводы с независимым видом заявил: И.Щитов почему-то считает, что Аюка будто "великим государем бил челом в подданство", а также требовал аманатов. Об этом Аюка и не думал, и никогда он царям челом не бьет, а только предлагает жить в мире и в совете, а об аманатах еще Ю.Приклонскому дан окончательный ответ.

Таким образом, Аюка пытался показать себя независимым правителем, на равных договаривающимся с российским правительством. Понятно негодование воеводы А.И.Голицына, когда он спрашивал посланца: "Откуда он, Аюка, то взял, такие неподобные дела вчинать, что он Аюкай будто никогда великим государем не бьет челом?" Воевода напомнил, что и Дайчин, и Мончак, и сам Аюка раньше "бивали челом". О случае с грамотой воевода заметил, что даже турецкий султан, польский король, персидский шах и те царскую грамоту принимают, встав, сами. На последнее замечание Унитей-Бакши ответил, что "у Аюкая де тайши нрав степной, как годитца, так грамоты великих государей и принимает", а печать "ближний человек" снял потому, что не сняв не прочтешь³¹.

В конечном счете шерть была назначена на 24 января 1684 г. с условием, что перед присягой Аюка встретится с помощником воеводы, думным дворянином С.Б.Ловчиновым. В день шертования, переговорив с тайшами, С.Б.Ловчинов дал знать воеводе, что "божиею милостию, а счастием великих государей" (Петра и Ивана Алексеевичей) Аюка и другие тайши едут к шерти. В полуверсте от шатра воеводы тайши остановились, а С.Б.Ловчинов подъехал к А.И.Голицыну и рассказал о результатах своих переговоров.

На встрече с воеводой тайши держались независимо и признались лишь в том, что после предыдущих шертей действительно "воровство было". Однако они тут же выд-

винули контраргумент: в городах у вас тоже совершаются преступления и вы всех виновных найти не можете, а мы кочуем в степи, попробуй тут найти преступников. Тайши наотрез отказались дать аманатов, заверив, что служить будут верно и без них.

На просьбу возвратить захваченных в плен, казнить виновных в набегах и грабежах Аюка отвечал, что если правительство казнит нападавших на улусы, то и он своих подвергнет той же каре. Перебежавших к нему башкир вернуть не может, так как они пришли по своей воле, но если вернут его людей, бежавших на Дон, тогда он башкир отдаст. Таким образом, на каждое требование выдвигалось ответное; тайши своим поведением всячески стремились подчеркнуть, что они считают себя равноправной стороной в переговорах.

Как бы желая прекратить неприятные для них домогательства воеводы, тайши заявили: хотят "великие государи" взять их под свою руку — будем шертовать, "а естли не укажут, и у них де степь велика". Вновь начались взаимные претензии и упреки, но в конечном счете тайши согласились дать шерть "на вечное и верное подданство... на договорных статьях". Несмотря на противодействие, они вынуждены были пойти на ряд уступок, согласившись вернуть пленных и выслать из улусов башкир, ушедших туда во время восстания 1681-1683 гг.

Как видим, буквально за одно десятилетие для регулирования русско-калмыцких отношений потребовалось четыре шертных грамоты, которые так и не смогли стать действенным инструментом. Почему же шерти не возымели ожидаемого от них действия? Отвечая на этот вопрос, необходимо сразу же отвести домыслы дореволюционных авторов о якобы присущей калмыкам легкомысленности, ветрености и т.п. На ход и характер русско-калмыцких отношений рассматриваемого времени влиял ряд причин, вытекавших из внутреннего и внешнего положения России, а также развития самого Калмыцкого ханства.

Выше отмечалось, что во второй половине XVII в. Россия была вынуждена вести ряд тяжелых войн, в том числе с Турцией и ее вассалом — Крымским ханством. В такой обстановке была значительной нужда и в помощи калмыцкой конницы, о чем свидетельствуют факты. Во время русско-турецкой войны 1676-1681 гг. гетман Украины И.Самойлович просил прислать на помощь калмыков, замечая при этом: "И то б их была будь не больши хотя бы

с две тысячи человек, впрямь бы ... много ими исправилось неприятелем страху". Донские казаки устами своего атамана Ф.Минаева образно говорили о роли калмыков в совместных с ними походах: "Куда же мы с ними пойдем, они будут наши крыле и бодрость, а неприятелем страх и досада". Несмотря на некоторые трения, тайши исправно несли военную службу, посылая на театр военных действий крупные силы, а это, в свою очередь, заставляло правительство смягчать свои позиции по отношению к ханству, мирясь с его относительной самостоятельностью.

В своей политике по отношению к калмыкам правительство учитывало и тот момент, что в непосредственном соседстве с ними проживал ряд народов, которые могли принять русское подданство. Своим терпимым отношением к калмыцкой знати и предоставляемыми им льготами правительство стремилось показать правящим классам этих народов, что вступление их в состав России принесет и им такие же выгоды. Характерна в этом смысле грамота Петра I кабардинским князьям и всему кабардинскому народу от 4 марта 1711 г., где прямо указывалось: "Ежели будете у нас в подданстве, то не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим, как то получает от нас подданной наш Аюка-хан"³².

Вообще тогдашнее пограничное положение Калмыцкого ханства оказывало серьезное влияние на русско-калмыцкие отношения. Среди деятелей царской администрации были представители, считавшие ненужным церемониться с калмыками. Стольник К.Козлов, ездивший для переговоров к Аюке в 1675 г., по возвращении в Москву предлагал разместить в "низовых" городах двухтысячный отряд "ратных людей", готовых выступить против калмыков в случае неповиновения тайшей. Как уверял стольник, тайши будут "в великом страхе" и на службу начнут ходить" и в неволю, где его государское повеление ни будет".

Правительство до времени не прислушивалось к мнению горячих голов, потому что тайши не раз давали понять, что в случае нежелательных действий против них они "пойдут и сыщут себе иную землю". Под "иной землей" не в последнюю очередь подразумевалась и Джунгария, связи с которой не терялись. При неблагоприятной ситуации многие тайши откочевывали за Яик и ожидали там поворота событий. Например, в 1682 г., когда Аюка вопреки воле правительства пошел походом в восставшую Башки-

рию, то семьи с имуществом и скотом были переведены за Яик и установлен мир с "черными калмыками", т.е. джунгарами. Именно имея в виду возможность ухода, правительство в указах местной администрации не раз подчеркивало нежелательность крутых мер, чтобы "ево, Аюку, с улусами от ... государской милости и ис подданства не отогнать".

После шерти 1684 г. Аюка направил свою активность в сторону Хивы, казахов, туркменских племен, а также против владетелей Северного Кавказа. В 1687 г. ухудшились калмыцко-джунгарские отношения. В это время тайши почти прекратили нападения на подданных России, но вместе с тем и их военная служба в пользу России резко сократилась. Правительство, судя по заявлениям Аюки, в ответ уменьшило размеры жалования и подарков. Отношение к тайшам местной администрации также изменилось в худшую сторону; по словам Аюки, после Я.Н.Одоевского в Астрахани "воевод добрых не бывало, только ... приезжают денег наживать".

Планы Петра I по овладению Азовом и расчеты на помощь калмыцкой конницы изменили положение. Астраханскому воеводе И.А.Мусину-Пушкину поручено было послать Аюке годовое жалование и обещать еще большее жалование и подарки за отправку войска под Азов. Посланцы воеводы, подполковник П.Опрев и подьячий А.Соколов, вручив жалование, призвали Аюку к верности и заверили, что "его служба у них, государей, никогда забвенна не будет". В ответном послании Аюка сообщил, что "в любви и в совете рад жить..., а буде будем в любви и мы впредь промеж себя всякое добро увидим". Тайша, уже получивший к этому времени звание хана из рук Далай-ламы, не преминул подчеркнуть, что жизнь "в любви и совете" в его понимании подразумевает обоюдные обязанности сторон: "И вы что у меня станете просить, и я то вам дам, а что я у вас стану просить, и вы мне дайте"³³.

После взятия Азова Петр I организовал "Великое посольство" в страны Западной Европы, в составе которого участвовал и сам. Перед отъездом он дал необходимые распоряжения по улаживанию внутренних проблем. Не были забыты и русско-калмыцкие отношения. Переговоры с Аюкой были поручены князю Б.А.Голицыну, возглавлявшему Приказ Казанского дворца, а значит управлявшему делами юго-востока России. 13 июля 1697 г. князь прибыл на р.Камышенку (где ныне г.Камышин), где с 15 по 17 июля прошли переговоры, перемежаемые торжественными и

обильными обедами. На этих переговорах вновь были отрегулированы вопросы военной службы калмыков, территории кочевий калмыков, оказания помощи в случае нападения на улусы неприятелей и т.п. Наконец, была достигнута договоренность о приезде в Москву сына Аюки Гунчжаба для представления царю, как будущего кандидата на ханский престол (поездка не состоялась, но мы еще увидим последствия этой договоренности).

Во исполнение данных гарантий воеводам "понизовых" городов 17 июля 1697 г. были разосланы указы с извещением, что по просьбе Аюки его подданным разрешено кочевать близ городов "безопасно", и чтобы ввиду этого калмыкам не "чинили обид и тесноты". Если, подчеркивалось далее, Аюка, "служа великому государю и для своих добыч", начнет посылать военные отряды на Кубань, Крым и т.п. и если неприятели начнут их преследовать, всеми мерами оказывать калмыкам военную помощь. Башкирам, донским и яицким казакам также были посланы грамоты, запрещавшие под страхом смертной казни нападать на калмыцкие улусы.

В связи с миссией Б.А.Голицына необходимо подчеркнуть, что начиная с этой встречи форма взаимоотношений между правительством и тайшами на некоторое время изменяется. После 1684 г. тайши перестали давать шерти, да их и не требовали. Их заменили личные встречи Аюки с кем-либо из крупных сановников, и даже с самим Петром I, в ходе которых составлялись письменные (или же устные) договоры, фиксирующие обязательства и права сторон. Все это, на наш взгляд, было обусловлено становлением абсолютизма, в связи с чем в правительственных учреждениях вводилась система единоначалия.

Тайши не сумели сполна воспользоваться выгодным договором, так как вслед за этим событием и, разумеется, без всякой связи с ним междоусобицы в ханстве, бывавшие и раньше, приняли широкий и затяжной характер, что на время снизило внешнеполитическую активность калмыцкой знати.

О МАЗАН-БАТЫРЕ И РАТНОЙ СЛУЖБЕ

В ряде калмыцких легенд и сказок рассказывается о храброе воине Мазане, защитнике народных интересов. Много подвигов совершил Мазан-Батыр, и в том числе

одолеет дотолу непобедимого чужеземного богатыря Бай-хтан-Эретына. Историками Калмыкии установлено, что Мазан-Батыр был реальной исторической личностью, жил в XVII в. и прославился именно на ратном поприще, в совместной борьбе русских армий и калмыцких воинов против иноземных неприятелей. Как уже отмечено, правительство России, завершая оформление подданства калмыков, отказалось от требования с них каких-либо податей (ясака), возложив на них лишь несение военной службы.

В 1654 г. началась война с Речью Посполитой (Польшей) из-за Украины, где в 1648 г. развернулась национально-освободительная борьба под руководством Б.Хмельницкого. Союзниками польских панов, после некоторых колебаний, выступили феодалы Крымского ханства, опиравшиеся на помощь султанской Турции. Для успешной борьбы с Польшей необходимо было пресечь враждебные действия крымских татар и турок, сковав их силы. Для этой цели решено было привлечь донских казаков и калмыков. Надо заметить, что донские казаки и самостоятельно предпринимали попытки организовать совместные с калмыками походы против турецкой крепости Азов и Крымского ханства.

Еще в 1650 г. правительство разрешило казакам "призывать калмыцких людей войною на Крым". Дважды казаки отправляли посланцев к тайше Лаузану, но оба раза не заставляли последнего в улусах. В марте 1655 г. в улусах побывали правительственные посланцы З.В.Волков и И.С.Горохов с "государевым жалованьем" и с призывом вместе с донскими казаками бороться с крымскими татарами.

Той же весной донской атаман О.Петров направил к тайшам Ивана Разина, старшего брата будущего предводителя Крестьянской войны, для договора о совместной борьбе с Крымом. Посольство не достигло цели, так как И.Разин и его товарищи не обнаружили тайшей на правобережье Волги, а на левый берег не смогли переправиться из-за большого половодья³⁴.

4 июля 1655 г. казаки вновь послали к тайшам двух человек, П.Шевырева с товарищем. Посланцы вернулись 7 ноября, переговорив с Дайчином и Лаузаном и получив от них заверение, что как только Волга покроется льдом, они пришлют своих людей на помощь казакам. В январе-феврале 1656 г. калмыки совершили самостоятельный поход на крымские владения. Согласно отписке атамана

Н.Васильева "Лаузан-тайса со многими калмыцкими воинскими людьми, перешедши из-за Волги, в нынешнем же в феврале месяце ходили под Крым и под Крымом, государь, за Молочными водами взяли улус Урушбетов со всем его кочевьем. Да и за иными улусы искать пошел он же, Лоузан, под Крымом и к Непру (Днепру — М.Б.)". В 1658-1660 гг. тайши вновь организовали удачные походы на Крым, Азов и ногайцев — вассалов крымского хана.

В 1661 г. дважды, 8 июня и 9 декабря, тайши дали шерти, в которых основная речь велась о действиях калмыцких отрядов против Крымского ханства и турецких крепостей, а также об оказании помощи запорожским казакам и гетманам Украины, боровшимся с поляками. В это же время продолжались переговоры с тайшами и донских казаков, в которых активное участие принимал С.Т.Разин, в связи с чем он дважды посещал улусы. В апреле 1661 г. он, Федор Будан (Волошанин) и сопровождавшие их казаки выехали из Черкаска, 4 мая в степи соединились с посольством дьяка И.С.Горохова и вместе с ним прибыли к тайшам Дайчину и Мончаку. По распоряжению последних, занятых приемом правительственного посланца, с казаками "верился", т.е. договаривался, "родственный человек" главных тайшей Дазан-Кашка, чтобы "промышлять" им над неприятелями "заодно и хитрости меж себя никакие не чинить". Посланцы казаков вернулись на Дон 26 июля и привели 500 калмыцких воинов, с которыми казаки совершили успешный поход под Азов.

В конце февраля 1662 г. С.Разин с группой казаков вновь приехал в Астрахань, направляясь в калмыцкие кочевья. Однако им на продолжительное время пришлось задержаться в городе, так как Дайчин и Мончак были за Яиком в походе против джунгаров. Надо думать, что и эти переговоры были успешными, так как в конце 1662-начале 1663 гг. отряд калмыков и донских казаков под командованием С.Разина успешно действовал на р.Молочные Воды под Перекопом, о чем поведал 8 марта 1663 г. в царицынской приказной избе руководитель калмыцкого отряда Бакши-Сербет Тургенев³⁵.

В декабрьских переговорах тайшей с русской администрацией участвовал и Мазан-Батыр — об этом сохранилось его собственное свидетельство. 17 декабря 1661 г. из Царицына выехал по реке на струге (благо лед на Волге еще не стоял) отряд стрельцов во главе с сотником Г.Голочаловым для разведки и сбора нужных сведений, в

том числе и о калмыках. В пяти верстах выше города стрельцы увидели невдалеке от берега кибитки. Выяснилось, что прибывшие находятся во владении тайши Мазан-Батыра и что ставка его — орьга — располагается неподалеку.

Сотник, взяв с собой стрельца С.Семенова, знавшего калмыцкий язык, отправился к ставке тайши. В завязавшемся разговоре Мазан-Батыр сообщил неожиданным собеседникам, представившим проездную грамоту царичынского воеводы, что только пять дней назад вернулся в свой улус от Мончака, с которым был на встрече астраханского воеводы князя Г.С.Черкасского с тайшами и подвластными им ногайскими мурзами. Встреча проходила в урочище Берекети, в 60-х верстах от Астрахани вблизи городка Красный Яр. Вместе с Мончаком и Мазан-Батыром присутствовали тайши Дугар, Бок, Лобачей, Батыр и Солом-Церен.

Это был тот самый съезд, результатом которого явилась шерть от 9 декабря. Мазан-Батыр известил далее собеседников, что как только на Волге станет и укрепится лед, тайши, выполняя условия договора, пойдут войною на Крым, а по возвращении из похода устроят свадьбу сына Мончака Аюки с племянницей воеводы Абуханой. Добавим от себя, что инициатива в устройстве свадьбы исходила от Г.С.Черкасского — кабардинского князя на русской службе, искавшего сближения с главными тайшами. Много позже Абухана, после смерти сына рожденного от Аюки, отпросилась у мужа "для спасения по своей вере" и остаток дней провела в Астрахани.

Тайши выполнили свои обещания. Г.С.Черкасский уведомлял правительство отпиской в феврале 1662 г., что тайши посылали отряды на Крым и за Днепр. В 1663 г. калмыки появились в Запорожской Сечи и, "мир и веру сопча приняв, ходили под Чигирин" на Правобережную Украину, где разбили татарский отряд. На обратном пути, узнав, что за ними организована погоня татарско-украинского отряда (украинцев, находившихся в союзе с Польшей), запорожцы и калмыки устроили засаду у р.Омельничек и, дождавшись преследовавших, "вдруг скочив, ударили и мало не всех снесли, едва которой где могл утечь"³⁶. Подобные совместные действия калмыков и запорожских казаков привели к тому, что, по свидетельствам очевидцев, "по сю сторону Перекопи в степи кочевых крымских и ногайских людей нигде нет, да и кочевать от калмыков и от

войска Запорожского не смеют... Да и не чаят де ханова выходу нынешняго лета (в набеги — М.Б.), потому что им стало до себя".

Неоднократно калмыки приходили на помощь войскам гетманов левобережной Украины. Автор "Летописи Самовидца" сообщает, например, что в 1665 г. по призыву гетмана И.Брюховецкого тысячный отряд калмыков вместе с 1500 казаков ходил под Белую Церковь, где нанесли поражение польскому военачальнику Яблонскому, который, потеряв много людей, в страхе ушел в Польшу. Летописец высоко отозвался о боевых качествах калмыцких воинов: "Люд военный, с копием вседает на коня, а некоторые и сагайдаки и стрелы великие с площиками (наконечниками — М.Б.) широкими: тилко найбільше до потреби копей заживають кожен, бо справне умеють вбити копеем (т.е. охотнее всего в бою применяют копьа, хорошо умея с ними обращаться — М.Б.). В некоторых и панцери, а инние и наго идуть до потреби. Люд отважный..."

Пожалуй, пиком военной деятельности калмыков в XVII в. являются семидесятые годы, а именно на них падает активное участие в боях и походах Мазан-Батыра, проявившего в них недюжинные способности военачальника. Хотя еще в письме Мончака Г.С.Черкасскому в 1665 г. упоминалось о том, что в конце 1664 г. или самом начале следующего года "Мазан-Батыр тайши ходил с ратными людьми на крымские улусы войною", вновь его имя появляется в источниках в начале 70-х годов. Но вначале коротко о его происхождении.

Габан Шараб и Батур-Убаши Тюмень приводят родословную Мазан-Батыра, начиная ее от общего предка торгутских нойонов — керейтского Ван-хана. Не вдаваясь слишком глубоко, отметим, что прадед Мазана, Цецен-нойон, приходился двоюродным братом Хо-Орлюку. Сыном Цецен-нойона был Аралха-Ахуту, у одного из сыновей которого, Очира (или Очирой-Дебя), согласно Габан Шарамбу, в свою очередь было пятеро сыновей, старшим из которых и является Мазан-Батыр.

Следовательно, по происхождению Мазан-Батыр относился к младшей ветви торгутского владетельного рода. В русских документах он именуется то тайшей, то "владельным человеком", то "мурзой" — последний термин чаще всего соответствовал званию зайсанга. Г.С.Лыткин после упоминания имени Цецен-нойона сделал примечание (правда, потом зачеркнутое), что его многочисленные

дети от 13 жен после смерти родителя разделили улус на мелкие части, отчего пришли "в бессилие" и подчинились Хо-Орлюку и его потомкам, которые лишили их звания тайшей и нойонов.

Трудно сказать, так ли было на самом деле. Во всяком случае сыновья Мазан-Батыра во главе со старшим из них Яманом уже твердо были зайсангами, но с особыми правами. Так как Яман с братьями владел известным Эркетеневским улусом, в начале XVIII в. насчитывавшим более 5000 кибиток, надо полагать, что и предки их, в том числе и отец, владели именно этим улусом. Г.С.Лыткин в упомянутом примечании поясняет, что потомки Цецен-нойона были ики-эркетеневскими зайсангами, к которым позже из Джунгарии прикочевал их дальний родственник Бокотайджи, которого также лишили нойонского звания и его потомки были багаэркетеневскими зайсангами.

Итак, имя Мазан-Батыра вновь появляется в документах 70-х годов XVII в. Саратовские воеводы Ф.Леонтьев и Л.Савлуков доносили в Москву, что 25 июня 1673 г. приехали к городу "Мазана мурзы улусу ево калмыцкие люди и просили разрешения на торговлю." Просимое разрешение было получено и торговля с саратовцами продолжалась более двух недель. В том году Аюка по просьбе правительства отправил против крымских татар 10000 воинов во главе с приближенным зайсангом Унитем-Бакши. Отряд действовал самостоятельно и провел в крымских владениях несколько успешных боевых операций. Одновременно 5000 всадников во главе с Мазан-Батыром прибыли на Дон, в помощь войскам воеводы И.С.Хитрово, действовавшим против Азова и Крымского ханства.

Летом, 1674 г. Аюка вновь выделил 7000 человек во главе с тайшами Мазан-Батыром и Донаком. После двухнедельной переправы через Волгу 2000 всадников во главе с Донаком прошли прямо в Крым (кстати, по-калмыцки — Харам) под Перекоп (по-калмыцки — Урнин Ам), а остальные 5000 направились на Дон. Здесь Мазан-Батыр при посредничестве князя Каспулата Муцаловича Черкасского, племянника Г.С.Черкасского и брата Абуханы, договорился с атаманом Корнилой Яковлевым (крестный отец С.Разина, сыгравший роковую роль в судьбе крестника) о мире и дружбе калмыков с донскими казаками. Договор был скреплен соответствующими присягами с обеих сторон.

Выступившие с войсками из Москвы воеводы П.И.Хованский и Я.Т.Хитрово запаздывали, поэтому было решено предпринять поход на Азов уже имеющимися силами. В объединенный корпус входили 5000 калмыков, 2000 донских казаков и 1000 стрельцов полковника Г.Косагова, который, между прочим, не первый год действовал совместно с калмыцкой конницей. Из Черкаска казаки и стрельцы поплыли на стругах и лодках, а калмыки шли степью не遠далеке от Дона. За 20 верст до крепости сошлись все вместе.

1 сентября под Азовом произошел бой с силами гарнизона и прибывшим на помощь к нему турецким отрядом. Как сообщает документ того времени, "на том бою азовцев и турков побили и стада конские и скотские отогнали многие". Разумеется, подобные отряды не могли взять Азов и другие турецкие крепости или же коренным образом подорвать военную мощь Крымского ханства, да такие цели перед ними и не ставились. Тревожа тылы врагов, сковывая их силы в крепостях, они тем самым облегчали положение русской армии на главных направлениях военных действий, сокращали набеги крымской конницы в глубинные районы Украины и России.

Весной 1675 г. из Москвы к тайшам был отправлен стольник К.Козлов для организации очередного похода калмыков на Крым и Азов. 11 мая стольник прибыл в ставку Аюки на р.Еруслан, на левобережье Волги южнее Саратова. После подготовительных мероприятий в августе выступили в поход 10000 человек; во главе отряда стояли тайши Замса, брат Аюки, и дербетский Мункотемир, сын Солом-Церена. Мазан-Батыр со своим личным отрядом из трехсот отборных воинов — панцирников шел отдельно и соединился с ними у Дона, выше реки Сал. 30 августа Замса и Мункотемир от Дона повернули обратно в улусы. Подобный поступок их объясняется тем обстоятельством, что еще при их отправлении в улусах сложилась тревожная обстановка из-за предполагавшегося нападения "дальних калмыков", т.е. джунгаров.

Поход продолжил лишь Мазан-Батыр с 1000 воинами. Сообщая об этом, К.М.Черкасский посчитал нужным добавить знаменательные слова, характеризующие калмыцкого военачальника: "Мазан де Батыр человек ратный и во всех улусах знатной промышленник". Здесь слово "промышленник" означает удачливого и способного организатора походов, "промысла" над врагом. Князь Каспулат и

Мазан-Батыр направились к Перекопу, но по пути, на р. Молочные Воды, 12 сентября сбежал некий Курман, входивший в число слуг Каспулата. Ввиду малочисленности сил и предполагая, что сбежавший успеет предупредить татар, отряд повернул на Запорожье, к кошевому атаману И.Сирко, который ранее неоднократно действовал совместно с калмыками.

Атаман охотно согласился участвовать в совместных боевых операциях, и объединенные силы в конце сентября совершили удачный поход на крымские улусы за Перекопом, в ходе которого калмыками был взят в плен в числе прочих знатный мурза Батыр Мансуров и знамя крымского отряда. На этом сведения о военной деятельности Мазан-Батыра обрываются, но вполне возможно, что он продолжал активное участие в военной службе калмыков на всем протяжении 70-х годов.

В 1672 г. началась война Турции с Польшей, последняя потерпела ряд крупных поражений. Становилось ясным, что султанское правительство мечтает овладеть правобережной Украиной, что угрожало жизненным интересам России. Царское правительство выступило союзником Польши, с которой в 1667 г. было заключено Андрусовское перемирие, продолженное в 1675 г. еще на 13 лет. Отдельные столкновения с турецко-татарскими отрядами в 1676 г. переросли в войну. Основные сражения в 1677-1678 гг. развернулись за стратегически важную крепость Чигирин.

Во втором Чигиринском походе 1678 г. активное участие приняла калмыцкая конница. Описывая ход военных действий под крепостью, украинский гетман И.Самойлович подчеркивал, что "во всех тех боях, отпорах, стравках и побоищах наших воинских, с неприятельми бывших, был нам великою помощью ... князь Каспулат Муцалович Черкасский... с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей стояли мужественно, как им воинская храбрость повелевая, и за то достойны суть похвалы".

В совместных боях и походах против чужеземных агрессоров происходило, без всякого сомнения, сближение народов нашей страны. Однако отношения между некоторыми из них складывались не всегда безоблачно. Возникавшие порой осложнения в отношениях между ними были следствием корыстной политики правящих классов, порою прямо натравливавших друг на друга представителей разных народов. Определенную роль играли неурегулированность территориальных, хозяйственных, торговых и иных проб-

лем. На этой почве возникали недоразумения и споры, доходившие до вооруженных столкновений.

Во время одного из таких инцидентов яицкие казаки напали в конце августа 1683 г. на улус Мазан-Батыра, нанесли ему значительный ущерб, а его самого тяжело ранили и взяли в плен. Через несколько дней знаменитый воин умер от ран в Яицком городке. 11 сентября в разговоре с астраханским дворянином М.Бараковым, приехавшим в улусы по поводу новой шерти, Аюка с великим сожалением сообщал об убийстве "лутчего ево человека Мазана Батыря"³⁷. Труп покойного был передан его детям. По сожжению трупа сын Яман отправил прах отца в Тибет для погребения в одном из монастырей. Люди, исполнившие его поручение, по возвращении обратно были освобождены Яманом от управления зайсангов, платежа податей и несения повинностей.

Имеющийся документальный материал и социальная принадлежность Мазан-Батыра не позволяют с достаточной уверенностью утверждать, что он был выразителем и защитником интересов бедных и угнетенных сородичей, как утверждается в легендах. В данном случае калмыцкий народ, страдавший от гнета и эксплуатации феодальных господ, одарил его чертами того народного заступника и освободителя, о котором мечтал веками. Несомненно другое: налмыцкий народ, связавший свою судьбу с судьбой России, уже в XVII в. принял активное участие в защите рубежей новой родины. Если основная часть феодальной знати калмыков воспринимала это участие в первую очередь как службу за предоставление привилегий, жалования и подарков, то для народных масс это была защита своих родных кочевий, очагов, семей и имущества — защита жизней, своего будущего. Неудивительно поэтому, что благодарная память народа увековечила в сказках и легендах одного из самых способных и храбрых своих предводителей в борьбе за это будущее — тайшу Мазан-Батыра.

Между тем военная служба калмыков продолжалась, тайши не переставали оказывать помощь русским армиям в борьбе с Турцией и Крымским ханством. В 1690 г. Аюка выделил 2000 человек, прося только снабдить их огнестрельным оружием. В апреле 1694 г. астраханский воевода П.И.Хованский, сообщая о походе к Волге азовского Кубека-аги, просил калмыков не отходить от Волги, охраняя приволжские города и села, караваны судов и т.п. Аюка исполнил просьбу воеводы. Последней крупной военной

акцией калмыков в XVII в. явилось участие их в Азовских походах: во втором из них в 1696 г. участвовало 3000 воинов. Петр I высоко оценил их храбрость и мужество и приказал выдать тайшам подарки.

У калмыков в рассматриваемое время каждый взрослый мужчина, способный носить оружие и управляться с ним, был воином. В случае сбора людей для похода или иной военной надобности, объявлялась раскладка по улусам, учитывающая общее количество кибиток — семей в том или ином улусе. Получив указание главы ханства, каждый нойон объявлял покибиточный военный сбор в своем улусе, причем пропорции раскладки определялись количеством людей, затребованных с каждого конкретного улуса: с каждой ли кибитки или от двух, трех и т.д. кибиток одного воина в полном боевом снаряжении.

Чаще всего призванные на военную службу должны были являться на специально назначенное для общего сбора место "одвуконь" (в очень редких случаях с тремя лошадьми) и с запасом пищи. Например, когда весной 1729 г. собиралось войско для отражения набега казахов, наместник Церен-Дондук приказал взять каждому воину по 3 лошади, да на пропитание по одной дойной кобыле, по три барана живьем, по суме пшена и по суме же сушеного мяса³⁸. Если у призванных на службу не было лошадей, снаряжения и т.д., однохотонцы или аймачные люди обязаны были оказать помощь, если они этого не делали добровольно, то их заставляли и силой. В 1725 г. Нитар-Доржи, сын Чакдорчжаба, при сборе войска "у тех, у кого есть сто лошадей и больше, обирал и отдавал... тем, кому за скудостью не на чем было выехать".

Иногда дело для обедневших семей приобретало тяжелый оборот. В 1733 г. сын Доржи Назарова Лубжа, объявив военный сбор подвластным, "в улусы свои послал и велел збиратца всем; хотя у кого и лошадей нет, закладывали детей (в обеспечение взятого долга — М.Б.), а чтоб все по головам (поголовно — М.Б.) ехали"³⁹. Во второй половине XVIII в. появляются и новшества в организации набора и выполнения службы. Так, в 1761 г. правительство указало наместнику Убаши выделить людей для несения форпостной службы. Позже наместник оповещал руководителя Калмыцких дел полковника Н.Г.Спицына: "Прошедшей весной за великими снегами и непогодью не было время к порядочному расположению на всех... владельцев того фарпостного караула, как о том и к вам писано, и для того

определил нанятых людей за деньги. А ныне наши знатные зайсанги, учиня расположение, сколько на кого людей достанется, намеряются отправить"⁴⁰.

Если собранное войско было достаточно большим, оно разделялось на сотни и тысячи, во главе которых ставились командиры: сотники и тысячники, причём тысячниками, как правило, были нойоны или знатные зайсанги, а сотниками могли быть и простые калмыки. Сотни и тысячи распределялись между тремя частями войска: центром (запсор, завср), правым (барун) и левым (зюн) крыльями. На марше на все четыре стороны выделялись сторожевые группы, такие же отряды выделялись и при длительных остановках. Так, в 1769 г., во время русско-турецкой войны, когда калмыцкое войско во главе с наместником Убаши раскинуло лагерь у р.Калаус, передовой караул из 60 человек был выдвинут на 60 верст вперед.

Заслуживает внимания и порядок охраны калмыками своих улусов от соседних кочевых народов. По краям кочующих улусов всегда содержались заставы из военных отрядов. Получив от них известие о приближении неприятеля, как возможно быстрее собирали свои войска, но никогда не выходили навстречу приближающемуся врагу. Все улусы, которым угрожало нападение, начинали отступать в глубь своей территории. Женщины, дети и старики гнали с собой верблюдов с навьюченным имуществом и весь скот, а вооруженные мужчины на лучших лошадях следовали позади своих улусов, готовые к отпору неприятелям.

Вот как описывает организацию защиты улусов В.М.Бакунин: "А навстречу неприятелю не выходят для того, что как со обоих около их сторон (с востока и запада — М.Б.) весьма пространная степи, то в случае выхода их войск навстречу неприятеля, могут с оным разойтись, а неприятель, пришед на их улусы без них, большее оным разорение приключая, и в возвратной свой поход калмыцкое войско миновать и в свою сторону с добычею уйти может. А когда неприятель с добычею или без добычи от их улусов назад возвращается и тогда калмыки собирают свои войска, и ходят за неприятелем по следам их".

Подмеченная В.М.Бакуниным тактика вырабатывалась в течение многовековой кочевой жизни в степи и была достаточно рациональной. Бросившись догонять противника, уходящего в свою землю, калмыки уже смело вступали с ним в бой, так как неприятельские лошади, да и сами

люди бывали утомлены от долгого похода, "а за калмыками из их улусов время от времени войска прибывают".

АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА

Население Калмыцкого ханства делилось на три большие группировки или объединения: торгутов, дербетов и хошутов. Имелись и более мелкие объединения — хойты и зюнгары, оторвавшиеся от своих основных массивов в Джунгарии и в разное время перекочевавшие на Волгу. На новом месте они большой роли не играли и постепенно поглощались названными выше большими объединениями. Впрочем, по тому же пути шли и хошуты: почти все их нойоны в XVIII в. были мелкими и кочевали под главенством и совместно с крупными торгутскими нойонами.

Дореволюционные историки, исходившие из убеждения, что калмыки и в XVII—XVIII вв. продолжали жить в условиях родоплеменного строя, называли их "поколениями", племенами. К. И. Костенков писал: "Тайша был правителем целого поколения Тангачи, разделявшегося на улусы". Чуть выше он заявлял, говоря об "ойратском союзе": "Главою этого союза, состоявшего из нескольких поколений, управляемых тайшами (тайджи), был хунтайджи или контайша; некоторые из них имели титул хана, жалованный им духовным владыкою монголов Далай-Ламой"⁴¹.

Вполне возможно, что в глубокой древности наименования этих объединений были действительно именами родовых или племенных групп. Однако сейчас ни один исследователь не будет оспаривать вывод, что в XVII — XVIII вв. "родоплеменное деление ойратов и тем более калмыков в своей древней форме и древнем значении было давно пройденным этапом, место родов и племен столетия тому назад заняли ойратская, а затем — калмыцкая народности, поглотившие и растворившие в себе эти архаические общественные группировки"⁴². Чем же тогда были эти объединения? И. Я. Златкин отвечает на этот вопрос следующим образом: "Эти объединения не были ни родовыми, ни племенными, ... в их основе лежали не кровно-родственные, а исключительно территориальные связи"⁴³. Хотя и нет споров, что в их основе лежали территориальные связи, все-таки полной ясности и единодушного мнения о сущности этих объединений у исследователей нет. Существуют на этот счет два основных мнения. По первому из

них, названные объединения и их более мелкие подразделения и в XVII—XVIII вв. были общностями, связанными происхождением, особенностями языка, обычаев и т. п., т. е. остатками, пережитками родоплеменных отношений. По второму мнению, эти объединения получили свои названия по фамильным прозваниям своих князей, включая в свой состав людей различного происхождения⁴⁴.

Свое мнение на этот счет я кратко высказал в главе "Лабиринты тысячелетий", и нет нужды повторять его. Необходимо только заметить, что понятие "остаток", "пережиток" родоплеменных отношений нельзя толковать однозначно. Остаток, остаточное явление в общественных отношениях, культуре и т. д. может быть простым, отжившим себя реликтом, как атавизм у человека — аппендикс и т. п. Но не всякий остаток — пережиток; он может в той или иной степени быть приспособленным к новым реальностям и выполнять вполне полезные функции. В последнем случае это не остаток, пережиток, а скорее новое содержание в старой форме⁴⁵.

Каковы бы ни были происхождение и сущность рассматриваемых объединений, но в XVII—XVIII вв. они были вместе с тем и, в первую очередь, политико-административными единицами. Дореволюционные авторы считали, что такие объединения ("поколения") назывались "тангачи", а союз нескольких "поколений" — "орон"⁴⁶. Во всех просмотренных мною архивных источниках такие термины не встречались. Когда хотели сказать "все калмыцкие улусы", "все калмыки", то применяли выражения "халимак бюгюдээр"⁴⁷, "нийидэ халимак"⁴⁸.

Когда в письмах своих ханы и нойоны вели речь о торгутах, дербетах как о целом объединении, то они просто так их и называли, иногда употребляя то или иное дополнение. В 1738 г. во время бунта Галдан-Норбо против отца, хана Дондук-Омбо, последний послал сказать сыну: "Намайиги эцэгээн гэдэк болхуна, олон торгууди нутугаан гэдэк болхула, энэ чини йэкэ буруу уунзэн уура"⁴⁹ — "если ты считаешь меня отцом, а всех торгутов (в смысле: торгутское владение — М. Б.) отечеством — прекрати свое большое неправое дело". Дербетский нойон Лабан-Дондук, не желавший подчиняться распоряжениям наместника ханства Дондук-Даши, оправдывался в письме к В. Н. Татищеву в 1744 г.: "Торгууд дорбод гэдэк, бида хойор анги нэрэтэй улус бишуу"⁵⁰ — "ведь торгуты и дербеты люди разных наименований". Только Батур-Убаши Тюмень постоянно называет их "анги".

Принято считать, что объединения торгутов, дербетов и хошутов делились на ряд мелких подразделений, которые назывались улусами и во главе которых стояли владельцы — нойоны. В. М. Бакунин писал: "Калмыцкий народ разделяется на разные улусы (а улус на русском языке, как в начале сего описания означено, значит народ), и каждой улус имеет особое свое звание и нойона". Таким образом, В. М. Бакунин видел двойственность термина "улус": с одной стороны, по его мнению, он обозначал административно-хозяйственную единицу, владение нойона, а с другой стороны, он употреблялся в смысле "народ, люди, принадлежащие тому же нойону".

Сходного понимания придерживался Б. Я. Владимирцов: "Слово улус может быть переводимо, с известными оговорками, как "удел, владение", только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова улус и есть именно "люди". Поэтому слово улус может быть передано и как "народ", т. е. "народ-удел", "народ, объединенный в таком-то уделе, или образующий удел-владение". Впоследствии улус означает уже "народ-государство", "народ, образующий государство-владение", "государство"⁵¹.

Б. Я. Владимирцов осторожничал не зря, когда говорил, что "слово улус может быть переводимо, с известными оговорками, как "удел, владение". Оговорки действительно нужны, и не малые. Оставляя в стороне монголов, надо отметить, что удел по-калмыцки назывался "хуби" — "хүв" (в прямом смысле "часть, доля" при разделе улусов, имущества и т. д.), а наследство, наследственное владение — "ончи" — "өнч". Эти понятия никогда не подменялись словом "улус". Под последним понятием, по крайней мере в XVII—XVIII вв., подразумевались люди вообще, в том числе и подданные нойонов: в последнем случае владелец говорил — "мини улус" (мои люди), подразумевая своих подвластных.

Подразделения же, на которые делились объединения торгутов, дербетов и хошутов, назывались "отоками". Большую роль в смешении двух названных понятий и, видимо, их содержания, сыграли русские переводчики рассматриваемого времени. Обратимся к примерам. В законах 1640 г. и в дополнениях Галдана Бошокту-хана слово "улус" и производные от него вообще не встречаются, а понятие "люди" передается словом "кюмюн" —

"күмн". В законах Дондук-Даши (кстати, я должен внести уточнение в вопрос о времени их составления: уже после выхода первой книги я обнаружил свидетельство, что один из представителей высшего духовенства Абу-гелюнг умер в 20-х числах мая 1745 г.⁵², между тем во вводной части законов Дондук-Даши среди составителей названо и его имя, следовательно, они не могли быть составлены позднее даты его смерти) только два раза встречаются производные от слова "улус", но оба раза речь идет о людях вообще.

Свет на нашу проблему проливают архивные материалы. 10 ноября 1724 г. Досанг оповещал губернатора А. П. Волюнского: "Дубокийин амна — ду эркетен, багууд, самтанай гурбан оток улус манааса урда удаан байигсан" ⁵³ — "Вблизи Дубовки до нас долгое время пребывали три отока людей — эркетени, багуты и Самтановы". Русский переводчик передал смысл отрывка следующим образом: "При Дубовке прежде наших эркетеневы, баготовы, самтановы сии три улуса долго были"⁵⁴.

10 октября 1755 г. в письме к губернатору А. С. Жилину Дондук-Даши разъяснял: "Дёрбёд Лангбанг Донруб бай йэкэ буурул, бага буурул гэкчи, нигэ йэкэ кючютэй сайин отокни болудаг" — "большие и малые бурулы при дербетском Лабан-Дондуке были одним из сильнейших и лучших его отоков". Теперь послушаем переводчика, "ученика калмыцкого языка" И. Самсонова: "Дербетева владения Лабанг Дондука большие и малые бурулы два знатные и сильные ево улусы"⁵⁵. Правда, не всегда сами авторы писем придерживались единой терминологии. Тот же Дондук-Даши сообщал А. С. Жилину 2 сентября 1755 г.: "Манай тэртала цаатан гэдэк анги мани хаагдад цусугсан" — "Наш род (можно перевести как "наша часть" — М. Б.), называемый цаатан, остался, не успев переправиться, на той стороне (Волги — М. Б.)". Перевод того времени звучит так: "А наши цатановы улусы летнее время обращаются по нагорной стороне Волги"⁵⁶. Таким образом, если не знать оригиналов, легко придти к выводу, что именно авторы писем называют указанные подразделения улусами. На самом деле, мы видим, что это далеко не так.

Сущность отока достаточно сложна и не все здесь до конца ясно. Для того чтобы уяснить его место в административной системе Калмыцкого ханства, приведем ряд мнений исследователей. Барон Ф. А. Бюлер считал, что в прошлом, т. е. в XVII—XVIII вв., улусы делились на отоки и

аймаки. "Отоки были аймаки в большом размере и представляли из себя целый род калмыков, значительную часть улуса, которою заведовало несколько зайсангов, назначенных улусным владельцем. Зайсанги — владельцы аймаков. Теперь в деловых бумагах выражение оток заменено словом род, под которым разумеется от 100 до 500 кибиток или семей"⁵⁷.

По мнению Б. Я. Владимирцова: "...известная группа кочевых аилов, объединенная тем, что занимала определенную территорию под свои раскочевки, группа, на которые распадалась улусы или туманы (тюмен), называлась отоком... Оток в рассматриваемую пору и являлся основной социальной и хозяйственной единицей... Очень интересно отметить, что монгольский оток основывался именно на территориальном единстве"⁵⁸. Каково же происхождение отока и какое место он занимал в административной структуре? На этот вопрос Б. Я. Владимирцов отвечает следующим образом: "Можно думать, с большой долей вероятия, что отоки рассматриваемого периода являлись ничем иным, как бывшими "тысячами" эпохи мировой империи монголов. Действительно, отоки как раз заполняют то место, которое следовало бы отнести "тысячам"⁵⁹.

Примерно такого же взгляда на оток придерживался И. Я. Златкин, хотя, по его мнению, складывание отока шло несколько иным путем, чем это считал Б. Я. Владимирцов. Картина, по И. Я. Златкину, выглядит следующим образом. В более древние времена, еще до образования Монгольской империи Чингисхана, род, община кровных родственников называлась у монгольских народов омок. "В эпоху Чингисхана эта родовая община в значительной мере уже утратила свои классические черты и разлагалась, уступая место другим, более сложным общественным институтам, подготовившим образование в начале XIII в. раннефеодального монгольского государства"⁶⁰. В дальнейшем, в XIV — нач. XVII вв., социально-экономические процессы привели к тому, что омок как организация кровных родственников, как родовая община исчезает.

И. Я. Златкин считает, что "его место занял оток, в основе которого лежали не кровнородственные, а территориальные связи". Оток, продолжает далее автор "Истории Джунгарского ханства", "представлял собой феодальное владение, ханский или княжеский удел, получивший в цинскую эпоху название "хошун", хотя по своей внутренней сущности хошун ничем не отличался от отока. Ясно, что оток (или хошун) мог появиться лишь в условиях сравни-

тельно развитого феодализма. Естественно поэтому, что в XI, XII и даже XIII вв. отоков не могло быть, вследствие чего они были неизвестны автору "Сокровенного сказания..." Но к XVII в. положение существенно изменилось. В структуре монгольского (ойратского, в частности) общества отоки заняли прочное положение"⁶¹.

Вполне возможно, что И. Я. Златкин прав, говоря, что отоки в монгольском обществе XV—нач. XVII вв. были ханскими или княжескими уделами. Но не так было у ойратов (в том числе и у калмыков) XVII—XVIII вв. Кстати, сам И. Я. Златкин далее замечает: "Несколько хотонов составляли аймак, или оток, низшую ступень феодального владения. Группа аймаков, или отоков, была ойратским феодальным государством — Джунгарским ханством"⁶². Как видим, здесь И. Я. Златкин приравнивает оток к аймаку, считая его хозяйственно-административной единицей или же феодальным владением. А. И. Чернышев делает прямо противоположный вывод (речь идет о Джунгарском ханстве): "Можно сделать вывод, что отоки — это прежде всего единицы территориального деления, земли, находившиеся в подчинении хана"⁶³.

Не претендуя на то, чтобы разрешить этот спорный вопрос, обратимся к некоторым источникам, которые могут дать дополнительный материал для освещения сути отока в XVII—XVIII вв. в Калмыцком ханстве. В дополнительных указах Галдана Бошукту-хана несколько раз упоминается оток. В одном случае говорится следующее (примечания в скобках сделаны К. Ф. Голстунским): "Управляющий каждым отоком (поколением народа) должен внушать дэмчеям каждых сорока (кибиток), чтобы дэмчеи собирали своих людей". Как видно из разъяснений К. Ф. Голстунского, заключенных в скобки, он понимает под отоком определенную группу людей. Другая статья указа еще более важна для нас: "Вообще людей, ходящих по чужим хошунам и между собою смешавшихся, должны собирать; если они без отоков (не входят в состав отока), то водворяются в отоки, если они без аймаков, то водворяются в аймаки"⁶⁴. Как видим, здесь оток и аймак явно противопоставляются, а не считаются одной и той же административной единицей. Более того, из последующей статьи указа видно, что аймак чаще всего, видимо, являлся частью отока: "Если какие-либо люди, живущие в определенном им отоке, переменяют (местожительство), то за людей целого аймака с управляющего им (аймаком) должно взять девяток"⁶⁵.

Из рассмотренного материала можно сделать ряд выводов или предположений. Во-первых, под отоком понималось определенное количество кибиток, а не территория, как это считает А. И. Чернышев. О том, что это было именно так, говорит одно документальное известие. В письме наместника Убаши от 28 февраля 1767 г. говорится, что до этого губернатор Н. А. Бекетов просил 1000 воинов или один сильный улус для охраны Моздока; в оригинале письма "один сильный оток людей"⁶⁶. Во-вторых, отоки имели свои названия (эркетени, бурулы и т. д.), которые, возможно, восходят к родовым или племенным названиям. В-третьих, оток и аймак — это не одно и то же; в целом отоки были намного крупнее аймаков, хотя, возможно, в некоторых крупных аймаках количество кибиток могло быть больше, чем в некоторых мелких отоках. Подводя итоги, можно сказать, что если слово улус и бытовало в XVII—XVIII вв. в смысле обозначения административно-хозяйственной и политической единицы, то оно могло обозначать только людей или удел того или иного нойона. В смысле же общественного строя калмыцкого общества крупные объединения торгутов, дербетов, хошутов и т. д. делились на отоки, причем во владении нойона могло быть несколько отоков. Во владении Доржи Назарова и его потомков было пять отоков. Наместник Убаши в одном предписании упоминает, что у него во владении три отока⁶⁷. Несмотря на сказанное, в дальнейшем по традиции я буду оперировать понятием "улус".

Объединения торгутов и дербетов делились на три части, имели триадную организацию, восходящую к древней военной организации. Подобная триадная организация войска известна у многих народов, в том числе она существовала и на Руси: большой полк, полки правой и левой руки. В Калмыцком ханстве она распространилась и на распределение улусов. По свидетельству нойона Асархо, "торгоутовы улусы разделялись на три части и именовались бароны, зюны и забсоры"⁶⁸. Речь здесь идет о трех группах улусов: правых — баруны, левых — зюны и срединных — запсоры. Дербетские улусы делились на барунов, зюнов, шабинеров⁶⁹. Почему здесь не было запсоров — неясно; видимо, шабинеры и составляли центр, середину. О хошутах сведений нет, но вполне возможно, что и они имели трехчленное деление.

Из документальных источников известно, что зюнами были улусы Чакдорчжаба и его наследников. Какие улусы составляли центр и левую часть — не совсем ясно. Для

этого нужно провести скрупулезный анализ не только прямых, а более всего косвенных данных. Оставим его до более подходящих обстоятельств. Улусы, или отоки, традиционно делились на две части: больших и малых — ики и бага. Например, цохуры делились на багацохуров и икицохуров. Что лежало в основе такого деления — неясно. Можно предположить, что первоначально это были действительно большая и меньшая части отока. Позже, по крайней мере в XVIII в., дело изменилось. Те же багацохуры составляли большую часть цохуров и принадлежали старшему сыну Гунчжаба Дондук-Омбо. Кроме того, улусы (или отоки) также, по всей вероятности, делились на барунов, зюнов и запсоров. Вообще говоря, внутренняя структура улусов была довольно сложной. Рассмотрим ее на примере Багацохуровского улуса.

Как уже упоминалось, 31 августа 1743 г. был произведен раздел Багацохуровского улуса между детьми покойного хана Дондук-Омбо. В связи с этим наместник ханства Дондук-Даши составил реестр, хорошо раскрывавший структуру улуса. Он состоял из икизюнов и багазюнов, ики-и багазапсоров, икибарунов (багабаруны почему-то не упоминаются). Кроме них в улус входили следующие группы: зубак хонхоты, котечинеры, бёрёсы (берюсы), гурбаты, кереты, шобучинары, шабаты, харнуты, багуты, цорджин шабинеры и бурхан шабинеры⁷⁰.

Следующей административно-хозяйственной единицей Калмыцкого ханства был аймак. Хотя вопрос о сущности аймака хорошо, казалось бы, разработан, однако и здесь имеется ряд неясных моментов. Дореволюционные авторы, как и в прочих случаях, упирали на кровно-родственную сущность аймака. Чтобы убедиться в этом, приведем несколько их высказываний. П. Небольсин утверждал: "Аймак" есть связь нескольких хотонов, соединенных между собою узами родства в степенях дальнейших и более или менее близкого свойства. Аймак, точно так же, как и хотон, не мог иметь определенной численности"⁷¹. Такого же мнения придерживался К. И. Костенков: "Хотоны, родственные между собою, хотя и в дальней степени, составляют аймаки"⁷².

Противоречивую позицию в вопросе о сущности аймака занимал Б. Я. Владимирцов. В одном случае он считал, что "главным отличием аймака от отока было то, что принадлежавшие к какому-либо аймаку считались одной родственной группой... Необходимо подчеркнуть для ясности, что аймак не являлся родом, т. е. особым союзом кровных

родственников"⁷³. В другом же месте своего знаменитого труда он утверждал: "Таким образом, аймак — это союз или объединение родственных между собой семей, разных ветвей, произошедших от дробления древних родов"⁷⁴. Таким образом, и Б. Я. Владимирцову не удалось преодолеть ту странность, о которой он говорит в примечании 6 на той же 137-й странице: "Надо отметить, что в литературе о калмыках относительно определения понятия аймак, как это ни странно, встречаются часто очень противоречивые сведения".

Авторы "Очерков истории Калмыцкой АССР" также считают, что в конечном счете в основе аймака лежат родственные связи: "Улусы делились на аймаки. Аймак — это объединение родственных между собой семей различных ветвей, происходящих от деления древних родов. Аймак имел одно общее кочевье — нутук". Так что же лежало в основе аймака — административно-хозяйственные или же родственные связи? Чтобы попытаться ответить на этот непростой вопрос, обратимся к В. М. Бакунину, который сообщает: "У каждого нойона есть по несколько зайсангов, из которых каждой имеет особливой свой аймак так, как и российские дворяне собственные свои деревни. В аймаках их бывает по несколько кибиток не по какому числу — в ином пять, десять и больше, а в ином от несколько сот до тысячи и больше".

Не вызывает сомнений тот факт, что аймак есть административная единица улуса. Вместе с тем аймак является как бы феодальным владением зайсанга, выделенным ему нойоном данного улуса, вассалом которого является первый. В какой-то мере аймак можно сравнить с поместьями русских феодалов, которые жаловались им за службу тем или иным князем, а потом российским царем. Если можно предположить, что небольшие аймаки действительно могли состоять из родственных семей, то вряд ли тысячные аймаки состояли из таковых, тем более, что аймаки дробились, передавались из одних рук в другие. Заклучая, можно сказать, что и с аймаком, так же, как и с отоками, еще не все ясно, и они нуждаются в дальнейшем изучении.

Более единодушны историки, причем как дореволюционные, так и советские, в определении низшей административно-хозяйственной единицы — *хотона*. Чтобы понять это, достаточно привести несколько определений его, причем работы, из которых они берутся, разделены сотней и более лет. Неоднократно упоминавшийся П. Небольсин писал по этому поводу: "Зародышем, основанием рода был

"хотон". Хотоном называется купа близких родственных семей, сообща, нераздельно живущих на данной местности. Эту купу родственников составляли прадед, дед и отец с сыновьями и внуками"⁷⁵. Ничем почти не отличается от вышеприведенного и мнение Б. Я. Владимирцова, который считал: "...ойраты кочевали хотонами..., т. е. аилами или кочевыми поселками, которые составлялись почти исключительно из близких родичей. Ойратский хотон — это часть рода, группа близких родовичей, стоящая и кочующая вместе, во главе со старейшим данной группы (аха)"⁷⁶.

Один из последних по времени авторов советского периода, писавших на эту тему, также утверждает: "В монгольских источниках мы, к сожалению, не находим полного описания административного и политического устройства Джунгарии, вследствие чего принуждены пользоваться материалами русских архивов и описаниями Калмыцкого ханства. Несомненно, однако, что частицей ойратского общества был хотон — группа семейств, связанных узами близкого кровного родства, совместно кочевавших и хозяйствовавших... Численный состав хотона был неопределенным: он объединял и 5, и 10, и 50 семейств. По всем данным, это была своеобразная большесемейная община, а совместное пользование ею пастбищными угодьями позволяет считать установленным преобладание общинной формы землепользования в Калмыкии, а следовательно, и в Джунгарии"⁷⁷.

Итак, перед нами встает следующая картина административного устройства Калмыцкого ханства: большие феодальные объединения (торгуты, дербеты, хошуты) — улусы (отоки) — аймаки — хотоны. Так как калмыцкое общество было кочевым, то главное значение для феодального владельца имело количество людей, семей — кибиток, входящих в эти владельческо-административные единицы. Это, конечно, не значит, что вопросы землепользования не были столь важны, но они все-таки были на втором месте.

Калмыцкое ханство имело еще ряд делений: сущность некоторых из них более или менее понятна, другие же не находят пока однозначного объяснения. 16 июня 1607 г. в г. Тару прибыл посол калмыцких тайшей Кугонай Тубиев и во время переговоров с воеводой говорил: "А большие де у них люди тайши Баатырь Янышев, да Ичиней Уртуев, да Кугонай Турбеев, да Ужен Конаев, да Юриқты Конаев... Да с ними ж де кочуют тайшей 45 человек. И теми де тайшами владеют они ж, Тайши Баатырь с товарищи, всего под ними

12 санов, а в сану по 10000 человек"⁷⁸. Нетрудно увидеть, что сан — это не что иное, как тумен, известный со времен Чингисхана. Было ли это пережитком, способом подсчета людей или тысячная организация продолжала существовать и в XVII вв., сказать трудно.

В законах 1640 г., указах Галдана Бошокту-хана и в законах Дондук-Даши говорится о 40 кибитках, являющихся, несомненно, определенной административной единицей. Также известно из других источников, что было деление на 20 и 10 кибиток. Так, в 1750 г. Дондук-Даши приказал бедных калмыков, оторвавшихся от своих административных единиц и живших при Волге ловлей рыбы, разделить на группы по 10 кибиток и назначить десятников, "чтоб они без ведома... своих десятников никуда не ездили"⁷⁹. Таким образом, деление на 40, 20 и 10 кибиток вводилось для удобства управления, надзора, исчисления населения, сбора податей и т. п.

Во главе ханства стояли ханы или наместники ханства; последнее звание было введено русским правительством в 1724 г. после смерти хана Аюки. В дальнейшем для простоты изложения я буду называть главу калмыков только ханом. Сразу же необходимо подчеркнуть, что власть калмыцкого хана была ограниченной; правда, степень этой ограниченности зависела от личности самого хана или политических обстоятельств. Во внешней политике его деятельность контролировалась русским правительством и местной царской администрацией. Хотя во внутреннюю жизнь улусов правительство долгое время активно не вмешивалось, здесь власть хана была ограничена правами других нойонов-владельцев улусов.

Об этом очень метко сказал эркетеневский зайсанг Яман, когда после смерти Аюки правительство подыскивало приемлемого кандидата на освободившееся место. "Кому ни быть ханом, — разъяснял он губернатору А. П. Волинскому, — все равно, и только что прибавок ему будет один титул и место первое, а пожиток ево с одних только с его собственных улусов, а протчие де владельцы всяк владеет своими улусами и управляет, и хан к ним ничем интересоватца не повинен и слушать ево в том никто не будет"⁸⁰.

При хане, или лучше сказать в его распоряжении, находился довольно большой штат различного рода служителей и чиновников, с помощью которых он управлял как своими улусами, так и населением всего ханства. Должност-

ти служителей делились на придворные и общеулусные, хотя функции их не были строго разграничены. В законах 1640 г. упоминаются чиновные (ямуту) князья, четыре главных сановника (тушимэд), чиновные табунанги, чиновные люди и т. п. Из текста законов трудно уяснить, в чем заключалась суть указанных должностей и функций, с ними связанных. Судя по источникам, некоторые звания и должности, типа чиновных князей и табунангов, в Калмыцком ханстве не существовали.

Плохо нам известны придворные должности. Информация о них по существу ограничивается сообщением В. М. Бакунина. 10 сентября 1735 г. на луговой стороне в урочище Цаган-Цоло, в 40 верстах ниже Царицына, хан Церен-Дондук в торжественной обстановке принимал от посланцев Далай-ламы грамоту на ханский чин и соответствующие регалии. Во время обеда хан пожаловал некоторым зайсангам придворные должности и звания. По свидетельству В. М. Бакунина, зайсанг Гумеджап пожалован был дарханом и судьей в Зарго. "Другой зайсанг Черен Норбо в даян дутоно, то есть в сведущии внутреннее, а разуметь надобно тайныя советы, он же и судьей в Зарго". Таким образом, можно сказать, что Церен Норбо был пожалован должностями тайного советника и судьи.

Третий зайсанг, Гедегер-Даши, получил звания "шидар кя и морици, а по российски шидар-ближней, кя — стройной телом, пригожей лицом, и опрятной в платье, а морици-конюшей, из сих последней конюшей чин и прежде он давно имел". Далее чин "шидар кя" В. М. Бакунин отождествляет со званием камергера. Здесь необходимо уточнение: ка — это стражник, охранник, телохранитель. Поэтому более правильным будет перевести звание "шидар кя" как "ближний телохранитель". В этом случае более понятным становится разъяснение В. М. Бакунина: "У калмыцких же и мунгалских ханов имеющие чин шидар кя кочуют близ ханских кибиток и всегда при них бывают, отлучаясь только тогда когда ханы спят, а при публичных столах они ханам служат, в осудствии же ханов не токмо от зайсангов но и от нойонов в великом почтении бывают".

"Четвертый зайсанг Чештор, — продолжает В. М. Бакунин перечислять пожалования, — в алдар кя, то есть в словущия, или в титулярная кя. Пятой дяткин сын Санжи, в олзейту кя, то есть в щасливый, или в имеющий щастие быть кя, и сия есть степень третьяго класа. Шестой зайсанг Цаган Доржи тайджи, в шидар кя, к ханше Черен Дондуко-

вой, и ханским есаулом. Седмой ханской служитель Аракба, командиром над придверниками"⁸¹. Чин Чостора можно перевести как "славный, знаменитый телохранитель", что же касается звания "ханский есаул", трудно сказать, что выполнял человек, имевший этот чин.

Одним из главных, центральных учреждений, опираясь на которое хан вел отношения с русским правительством и управлял улусами, было, как уже указывалось, *Зарго*. Из описания Зарго В. М. Бакуниным и из архивных документов вырисовывается структура функций ханской власти. Во-первых, она была передаточным звеном между российским правительством и нойонами — владельцами улусов. Все распоряжения и грамоты царского правительства, касающиеся деятельности хана или же предназначенные для всего ханства, поступали вначале в руки хана. Он доводил их смысл, если это было необходимо, до улусных владельцев, а те принимали требуемые меры.

Во-вторых, хан распределял пастбищные угодья между отдельными улусами по сезонам года. В-третьих, хан и его приближенные организовывали калмыцкое войско. Например, законы Дондук-Даши уделяют вопросам организации войска достаточно большое внимание. Так, в них говорится: "При известии о (приближении) быстрого неприятеля, кто услышит, тот тотчас должен дать известие в ставку князя, и сам должен выехать в сторону (против) того неприятеля... Другия военные правила: войско, предназначенное к походу, должно выступить тотчас по получении объявления (о походе); если (кто) не явится в назначенный срок, таковых штрафовать по закону..., возвратившиеся из похода преждевременно не имеют отличия (т. е. подвергаются тому же штрафу), а на совсем отказавшихся (т. е. не выехавших) законный штраф налагать вдвое"⁸². Наконец, в-четвертых, хан улаживал отношения между улусами и их владельцами. Были, естественно, и другие дела внешнего и внутреннего характера, которыми приходилось заниматься главе ханства.

При ханском управлении были различные должности: *дарги*, *демчеи*, *бичачи* (писцы), *элчи* (посланцы), *бодокчеи*. Надо сказать, что некоторые должностные лица — *дарги*, *демчеи*, *бичачи*, *элчи* — были как в центральном правительстве, так и в улусах и даже аймаках, отличие первых от вторых заключалось в том, что первые от имени хана могли выполнять те или иные поручения не только в ханских, но и в других улусах; вторые же выполняли свои обязанности

только в пределах своего улуса, во владении своего нойона. По поводу должности *дарги* К. Ф. Голстунский дает следующее разъяснение: "Дарга — есть управляющий князя; он делает первое распределение между подвластными всего того, что должно поступать в пользование князя, затем собирает распределенное и хранит; делает общую раскладку податей и повинностей, ведет счет приходам и расходам на содержание князя и докладывает об этом князю"⁸³.

Архивные источники свидетельствуют, что дарги выполняли и другие поручения. В 1717 г. Чакдорчаб назначил быть в Астрахани даргой некоего Батура⁸⁴. Дондук-Даши во время раздела улусов отправил "для щету и приема" выделенных ему дополнительных кибиток "даргу своего, именуемого Менку"⁸⁵. В 1758 г. в одном из писем Дондук-Даши упоминание о дарге сопровождается разъяснением: "То есть которые при закупке всякого скота приставами употребляются"⁸⁶.

По поводу должности *дэмчи* К. Ф. Голстунский утверждает, что он "есть помощник дарги; он из общей раскладки податей и повинностей, составленной даргой, распределяет соответствующие части в подведомственном ему улусе (отоке)"⁸⁷. Источники показывают, что дэмчеи, действительно, в первую очередь отвечали за исправный сбор податей⁸⁸. В одном из документов дается очень важное разъяснение по поводу должности дэмчея. По этому разъяснению "демечи выбирается от зайсанга поверенной человек для собрания с аймака податей и протчих поборов"⁸⁹. Однако и дэмчеи занимались не только сбором податей. В указе Галдана Бошокту-хана говорится: "Управляющий каждым отоком (поколением народа) должен внушать дэмчеям каждых сорока (кибиток), чтобы дэмчеи собирали своих людей...; если дэмчеи не будут собирать, то, взявши девятку, лишать их (звания) дэмчея. Дэмчей должен заботиться о призрении своих несчастных (бедных); если не будет в состоянии призреть, то должен заявить об этом управляющему отоком"⁹⁰. В законах Дондук-Даши оговаривается, что в случае воровства, если в аймаке в то время не было зайсанга и его домохозяев, ответственность несет чиновный дэмчей⁹¹.

Обязанности *писца* (бичачи) не нуждаются в особых пояснениях. Что касается должности *элчи*, то она имела двойное значение. С одной стороны, термином *элчи* обозначался посол или посланец, который мог вести перегово-

ры или вручать послания и письма хана или нойона представителям царской администрации на местах, а мог быть посылаем и в столицу, к чинам центрального правительства. В этом случае он выполнял дипломатические обязанности. С другой стороны, элчи мог быть посланным с различными поручениями от хана или нойона в тот или иной улус или же внутри улуса. Судя по многократным упоминаниям элчи в законах 1640 г. и в законах Дондук-Даши, ему придавалось большое значение. Это видно также из тщательной регламентации его действий, необходимости беспрекословного предоставления ему подвод, верховых лошадей, питания и ночлега. За выполнение некоторых поручений ему полагалось даже вознаграждение.

Для регулирования постоянно расширяющихся взаимоотношений калмыков с соседним населением, для наблюдения и исполнения судебных решений по тяжбыным делам между калмыками и русским населением появилась нужда в новой должности, носители которой и способствовали бы названному регулированию и разрешению дел. Так с конца XVII в. появилась у калмыков должность *бодокчеев*, у русских — приставов в городах, крупных селах и располагавшихся вблизи их калмыцких базарах.

Уже М. Г. Новолетов достаточно верно охарактеризовал направление развития управленческой системы в Калмыцком ханстве и причину появления должности бодокчех. "Какое управление было во время Хо-Орлюка и Шукур-Дайчина, — писал он, — сведений не имеется; но во время Аюки хана суд над народом принадлежал исключительно ему и он поставлял от себя в городах и других пунктах особых бодокчехов, которые и судили калмыков по всем родам преступлений с русскими. В делах более важных, в неправильно разобранных бодокчехами, а равно внутри улусов и между калмыками, судил сам хан; но тут власть ханская стала перепутываться с русскими учреждениями, так как правительство, при всяком случае, старалось по немногу вводить в народ свои распоряжения"⁹².

В "Очерках истории Калмыцкой АССР" утверждается: "Калмыцкое ханство не имело развитого государственного аппарата". В данном случае, вольно или невольно, сравнивается система управления кочевым обществом и система управления оседлых, земледельческо-промышленных обществ, что не совсем правомерно. Аппарат центрального и улусного управлений в Калмыцком ханстве был не

таким уж маленьким, но главное — он достаточно успешно справлялся со своими функциями, выполняя волю господствующего класса.

КАМО ГРЯДЕШИ?

Отношения калмыцкой знати с царским правительством, взаимосвязи с соседним населением, эффективность их военной службы, поддержание связей с иностранными государствами зависели, кроме прочего, от внутренней обстановки в ханстве, а последняя в первую очередь определялась взаимоотношениями тайшей и нойонов. Количество их было довольно значительным. В 1694 г. хан Аюка не без гордости заявлял, что под его властью "больших и малых тритцать владетелей, которые своими улусами при мне владеют".

Как стмечалось выше, владение каждого нойона еще при его жизни или же после смерти, разделялось между сыновьями, что вызывало увеличение числа владельцев и споры из-за наследства, в которые временами втягивались все нойоны. По этому поводу сокрушался Габан Шараб, сам впоследствии ставший невольной жертвой междоусобий: "Как из чужих историй видел, так и слышал, что во всех государствах один только сын управляет отца своего государством, а наши ойродские владельцы как людей, так и оружие детям своим делят, и хотя они и законно сие делают, однако наконец дети их через то приходят между собой в несогласие".

Причины периодического деления улусов и столкновения между нойонами (звание "тайша" перестает употребляться в конце XVII-начале XVIII вв.) во многом объясняются замечанием Б.Я.Владимирцова, что "в данном случае обнаруживается одно из важных противоречий кочевой жизни вообще. Богатому скотом кочевнику и особенно коневоду неудобно кочевать в большом обществе, заботы о своих стадах и табунах заставляют его искать более привольного существования отдельным аилом".

При положении, когда нойоны кочевали на значительных расстояниях друг от друга, когда между улусами почти не было хозяйственно-экономических связей, зависимость отдельных кочевых владельцев от хана была слабой и ограничивалась в основном участием в общих военных действиях. Глава ханства редко вмешивался во внутренние

дела улусов, принадлежащих другим тайшам и нойонам. В этом смысле очень характерны слова Ямана, сказанные астраханскому губернатору А.П.Волынскому в 1724 г. во время подбора кандидатуры на место умершего Аюки-хана: "Кому ни быть ханом — все равно, и только что прибавок ему будет один титул и место первое, а пожиток ево с одних только с его собственных улусов, а протчие де владельцы всяк владеет своими улусами и управляет, и хан к ним ничем интересоватца не повинен и слушать ево в том никто не будет"⁹³.

Сплочению тайшей и нойонов способствовала необходимость обороны своих кочевий от притязаний и набегов соседних кочевых народов. По мере усиления внешнеполитических позиций России и расширения ее границ такая опасность для калмыков ослабевала, да и правительство все больше брало на себя охрану границ, создавая пограничные крепости, укрепленные линии и т.п. Подобный ход событий вызывал усиление своеволия тайшей, неподчинение их ханской власти, тем более, что царизм в своих целях временами поддерживал таковых, чтобы оказать давление на центральную власть в ханстве.

Правительство России понимало, что от калмыков можно ожидать исправного выполнения военной службы лишь в том случае, если у них нет внутренних разногласий и столкновений. Ввиду этого оно поддерживало Аюку в его централизаторских усилиях. Но вскоре обнаружилась обратная сторона подобной политики. Усилившийся Аюка все чаще выказывал устремление к самостоятельности. Выше говорилось, почему правительство не желало на данном этапе применять крутые меры против своеволия калмыцкой знати. Создавалась сложная дилемма: нежелательно чрезмерное усиление хана, но и невыгодны длительные междоусобицы нойонов.

Тем не менее положительное решение проблемы заключалось для правительства в использовании все тех же разногласий среди знати ханства, уменьшении власти и силы хана путем поддержки тайшей, по тем или иным причинам отделившихся от основной массы улусов. О такой направленности политики царизма красноречиво свидетельствуют высказывания А.П.Волынского, который придерживался мнения, что "для содержания калмык ничто так потребно, чтоб между Аюкой-ханом и протчими владельцы баланс был. Буде же один из них будет силен, тогда их трудно приводить в доброй порядок и прямое подданство"⁹⁴.

Такой же политики придерживался и сам Петр I. Тот же А.П.Волынский, добившись разделения улусов на две враждующие группировки в 1725 г., с нескрываемым удовольствием сообщал, что он достиг того, о чем мечтал и Петр I, к тому времени покойный, "чтоб калмыцкий народ разделен был надвое". Разумеется, откочевку нойонов от хана необходимо было направить в нужное русло. Наиболее желательной для правительства была откочевка недоброжелательных на Дон. В подобном случае ушедший из ханства тайша становился более послушным, надеясь получить поддержку в случае притязаний со стороны хана. В то же время его людей легче было использовать на военной службе, так как территория Войска Донского граничила с владениями крымского хана. Разделение было желательным еще и потому, что "хотя одни и пожелают куда отойти, то другая сторона, с малою прибавкою российских войск, могут их к тому не допустить".

В указанном направлении действовало правительство в событиях, связанных с уходом на Дон тайшей Черкеса и Мункотемира. Оба они были сыновьями дербетского Солом-Церена, а значит внуками Далай-Батыра. После смерти отца, пользуясь малолетством Черкеса, старший брат Мункотемир завладел большей частью наследства. Возмущав, Черкес стал требовать возвращения своих людей, но брат не реагировал на просьбы. Аюка же взял сторону Мункотемира, "ему во всем верил и норовил, а меня... почитал ни во что" — сообщал правительству Черкес.

В октябре 1689 г. он "бил челом" в Царицыне, прося разрешения кочевать вблизи города, по правому берегу Волги. Разрешение кочевать отдельно от других тайшей он получил, а в залог верности отдал 10 аманатов. Черкес не чувствовал себя в безопасности и около Царицына, поэтому в феврале 1690 г. ушел на Дон и остановился у Кунманьярского казачьего городка, откуда обратился в Черкасск, прося принять его с улусными людьми в Войско. Аналогичную просьбу он отправил на имя "великих государей", называя себя "новоподданным холопом".

Казачи охотно откликнулись на "челобитье" Черкеса. К нему был направлен представитель войска В.Кутейник, оформивший процедуру приема, а сам тайша на войсковом круге в Черкасске "учинил шерть". Ему разрешили кочевать между Доном и Северским Донцом. Опасаясь нападения со стороны Аюки и старшего брата, Черкес просил построить для его охраны городок на р.Бузулуке, "меж

Дона и Донца на острове". Вскоре пришел ответ из Москвы, разрешивший ему кочевать между указанных рек, но подальше от "украинных" городов. Казакам указывалось построить для "бережения" тайши просимый им городок.

Мункотемир не мог смириться с уходом брата, тем более что с ним за Дон перешло "всей орды с пять тысяч и больше". Вначале он ограничивался просьбами возвратиться, но Черкес неизменно отказывался. Искерпав терпение, Мункотемир "большим собранием" неожиданно появился на Дону, разгромил брата с его улусом и, не довольствуясь достигнутым, совершил нападения на казачьи городки. Дело приняло серьезный оборот. Аюка возложил вину на казаков, обвинив их в неспровоцированном нападении на Мункотемира, якобы ехавшего лишь для переговоров с братом. Далее хан предупреждал правительство, что от Черкеса "добра никакова им, великим государям, нет же, а худова многа будет". Заканчивал он свое послание выражением обиды: "Лутче де Аюкая ныне учинился им, великим государем, Черкес".

Казаки, считая себя правыми, решили отомстить тайшам. В июле поступило сообщение саратовского воеводы Д. Наумова, что у Царицына появился двухтысячный отряд казаков, идущих на калмыков, а всего их вышло в поход около 5000 человек. Воевода опасался, что тайши откочуют в "дальние места", и потому в низовых городах калмыцких торгов не будет и на Волге проезжим людям, ловцам на рыбных промыслах "опасение будет великое". Несмотря на такую перспективу, правительство придерживалось ранее принятого решения, вновь подтвердив, чтобы Черкес кочевал "где похочет...", потому что у него особое владение и улусные у него люди отца его".

Раздосадованные тайши активизировали нападения на русские уезды: уже в сентябре 1690 г. стали поступать в центр отписки ломовского, орловского воевод и донских казаков о набегах и грабежах калмыков. Особенно крупные действия развернул тайша Цаган-Батыр, незадолго перед этим прибывший со своим улусом из Джунгарии. Кроме того, тайши пошли на сближение с крымским ханом и азовским беем. В 1692 г. Аюка выдал свою близкую родственницу за сына хана Селим-Гирея, а в 1693 г. послал в Крым для продажи 8000 лошадей с охраной в 1400 человек⁹⁵, что явилось явным нарушением условий шертей. В конечном счете первый раунд затянувшейся борьбы

закончился временным успехом тайшей: Черкес вопреки решению правительства вынужден был вернуться к брату. Столкновения же между калмыками и казаками, начатое из-за Черкеса, долго еще не прекращались.

Через несколько лет сам Мункотемир оказался в роли младшего брата. В самом начале 1699 г. Аюка откочевал за Яик: в грамоте Петра I по этому поводу выражалось недоумение, что хан "неведомо для какова намерения, забыв нашу... многую к себе милость и свое обещание и шерть, от Астрахани отшел и побежал за Яик". О причинах отхода хан поведал посланцу астраханского воеводы И.Мусина-Пушкина "голове конных стрельцов" М.Зажарскому: в прошлых 1697 и 1698 гг. от него ушли многие люди на Дон. В этом году видя, что ушедших не отдают обратно, туда же откочевали Мункотемир и другие родственные ему тайши и зайсанги.

По словам хана, он опасался жить у Волги: в 1-е годы, боясь набегов беглых тайшей на свои улусы, из-за которых, чтобы его люди не стали убегать к ушедшим на Дон. Аюка обещался служить по-прежнему и посылать войска на службу, но к Волге не вернется до тех пор, пока ему не вернут беглых. Трудно сказать, только ли из-за соображений безопасности от беглых тайшей Аюка отошел за Яик. Дело в том, что при встрече с князем Б.А.Голицыным в 1697 г. Аюка обещался прислать в Москву любимого сына Гунчжаба, которому мыслил передать большую часть улусов и ханский престол. В последующие годы правительство настойчиво требовало выполнения обещания, но Аюка так и не отпустил сына, а тут еще до него дошел слух, что Петр I с большим войском собирается посетить Нижнее Поволжье. Именно после получения известия Аюка и ушел за Яик.

Что касается Мункотемира, то он действительно переселился на Дон. Причина его поступка ясна: межфеодальные противоречия — нежелание подчиняться хану и быть самостоятельным. На это достаточно конкретно указывал и сам тайша: "У Аюкая и у отца ево отец мой и я, и братья мои под ево владтельством никогда с улусами своими не бывали". Примкнувшие к нему тайши Баахан и Батыр также заявили, что никогда не бывали "в холопстве и подданстве" у Аюки, "а кочевали... вместе собою".

Вначале Мункотемир кочевал между Волгой и Доном, от Дмитриевска (Камышина) до Саратова. В марте 1699 г. Петр I особой грамотой похвалил его за неприсоединение к Аюке и повелел отдать с Дона всех беглых людей тайши и

впредь не принимать. Хан предпринял ряд попыток помириться с Мункотемиром и вернуть его под свою руку, для чего прислал к нему двух лам и тайшу Чимета, своего племянника. Согласия Мункотемира они не добились, но сумели сманить с собой тайшу Дюдюла. Ослабленный уходом последнего, Мункотемир ушел за Дон.

К осени 1699 г. Аюка вернулся к Волге. Видя, что просьбы вернуть Мункотемира остаются без последствий и что сам мятежный тайша не желает возвращаться, он решил "загнать его к себе боем". Еще в июле того же года хан послал Чакдорчжаба "с самым большим собранием" на ушедших. Атаман Л.Максимов пытался помешать переправе ханского сына через Дон, но неудачно. Чакдорчжаб "разорил" некоторые улусы Мункотемира, а уцелевшие от погрома ушли за р.Бузулук. Отсюда тайша обратился за помощью и поддержкой в Москву.

Отвечая ему, Б.А.Голицын, не совсем разобравшись в обстановке, советовал тайше уйти за Дон, так как, по мнению князя, если он будет кочевать между Доном и Волгой, помирить их с ханом будет невозможно. Заканчивая письмо, князь обронил загадочную фразу, что Мункотемир зря упрекает его в забвении своих слов и в том, что "все теперь пошло не так"⁹⁶. Можно подумать, что у тайши с князем был какой-то уговор об отходе Мункотемира от Аюки и о решительной защите его от ханского гнева. Примечательно также желание князя направить тайшу с улусами подальше за Дон.

В январе 1700 г. на Дону появились с войсками сыновья Аюки Чакдорчжаб и Санчжаб (Санжип). Перейдя реку, они направились к острову на р. Бузулук, где кочевал Мункотемир, который спешно отошел к Черкасску. Казаки, выполняя указ царя не давать Мункотемира в обиду, ходили на его оборону "собрався всем войском конною и пехотою, и обозом". До их подхода братья забрали один улус Мункотемира, а подошедшим казакам "многие škоды учинили". Последние, "не стерпя их такова наглова нападки", открыли против них боевые действия. После ряда столкновений нападавшие ушли обратно в улусы.

Аюка и позже предпринимал действия для возврата Мункотемира и на все увещания оставить его в покое отвечал, что не может так быть, чтобы он был здесь, а там Мункотемир, "а надобно де одному кому быть". Однако Аюке вскоре стало не до Мункотемира, так как в его собственных улусах разразилась междоусобица. Мункоте-

мир был оставлен на время в покое и довольно долго кочевал на Дону, отдельно от ханских улусов. К нему временами уходили другие нойоны со своими улусами, численность которых иногда достигала значительной величины. Позже, оправившись от междоусобий, Аюка сумел вернуть Мункотемира в ханство, женив его на своей дочери.

Кроме поддержки уходящих на Дон и в другие места тайшей, правительство прибегало и к другим мерам, способствующим увеличению числа калмыков, живущих отдельно от ханских подданных. От тяжелой руки Аюки уходили тайши и зайсанги: их уход — выражение межфеодальных противоречий, обычная борьба за власть, за пастбища, за право самостоятельно эксплуатировать трудовые массы.

Еще более тяжелая рука — рука класса феодалов — лежала на трудящихся. В Калмыцком ханстве постоянно существовал подспудный протест трудового люда, выражавшийся в самовольных побегах феодально зависимых от своих господ, принявший сравнительно широкий размах в рассматриваемое время. При этом большинство из них, понимая бесполезность смены одного нойона другим, бежало в русские города и села. Правительством было дано указание в соответствующие места принимать беглецов из улусов. В обмен на этот прием их заставляли креститься; впрочем, часть калмыков крестилась и сама, ожидая от этого шага определенных выгод.

Почти во всех шертях, особенно во второй половине XVII в., специально оговаривалось: крестившихся обратно не требовать и насильно в улусы "не загонять". Крещеных калмыков селили на Дону и в других местах, вплоть до окрестностей Харькова, где они за жалование несли военную службу. Прослеживалось явное стремление правительства превратить такие группы в служилое сословие, подчиненное непосредственно царской администрации.

Во внутренней жизни Калмыцкого ханства, в отношениях между тайшами действовали, таким образом, две противоположные тенденции: централизация и децентрализация. Первая обуславливалась необходимостью обороны от враждебных действий соседних племен и народов, расширения территории кочевий, удержания в повиновении эксплуатируемых. Вторая вызывалась условиями кочевого хозяйства, борьбой феодалов за власть над улусами, за пастбища; короче говоря, за лучшее место под солнцем.

Вполне очевидно, что если первая тенденция усиливала ханство, то вторая ослабляла его, и в первую очередь, перед лицом внешних сил.

Преобладание той или иной тенденции сразу же отражалось на поведении тайшей, в частности по отношению к правительству России. В периоды междоусобий резко падала внешняя активность тайшей, занятых выяснением внутренних отношений. Когда же в улусах наступал мир, поведение знати становилось строптивым, увеличивались случаи неповиновения правительству.

Последнее отлично представляло, что раздоры среди калмыцкой знати играют ему на руку. В такие периоды враждующие обращались за помощью именно к правительству, и каждая сторона стремилась обелить себя, а значит становилась законопослушной. Это давало возможность царским властям вмешиваться во внутренние дела ханства, эффективнее влиять на поведение тайшей. Однако случались и такие междоусобия, которые были нежелательны правительству и вызывали серьезную его озабоченность. Таковой была усобица 1701 г., самая, пожалуй, крупная за все время правления Аюки-хана.

Основной причиной раздора в ханской семье явилась борьба за власть и самостоятельность между Аюкой и его сыновьями. Давно уже ставшие взрослыми сыновья хана требовали справедливого раздела улусов, а старший сын Чакдорчжаб претендовал, кажется, и на место отца. Масла в огонь подливало то обстоятельство, что сам хан из всех сыновей выделял третьего сына (второй сын — Араптан к этому времени умер) Гунчжаба и, по свидетельству Батур-Убаши Тюменя, хотел отдать ему "всех своих подвластных торгоутов". Очевидно, чтобы заручиться поддержкой правительства в планах сделать своим основным наследником Гунчжаба, Аюка и договаривался о его поездке к царскому двору. Старшие сыновья затаили злобу и внимательно следили за действиями отца и брата, выжидая удобного случая. Вскоре представился повод для открытого бунта.

Летом 1701 г. Чакдорчжаб застал у жены своей Тарбаджи стареющего отца, причем причина пребывания хана у снохи не вызывала сомнений. Произошла ссора, во время которой Чакдорчжаб хотел заколоть отца, но был удержан случившимися тут людьми. Едва сдерживаемое недовольство сыновей вырвалось наружу; Чакдорчжаб, Санчжаб и четвертый брат Гунделек подняли большинство улусов и отошли от хана. Вскоре Гунчжаб подослал в улусы старше-

го брата, по одним данным зайсанга Некея⁹⁷, а по другим, двух зайсангов — Зундуя и Чули⁹⁸, которые ночью дважды выстрелили через кибиточную кошму, целясь в то место, где спал Чакдорчжаб — последний, хотя и был ранен, но остался жив.

После покушения обстановка в улусах накалилась до предела. В июле Санчжаб, а также тайши Назар-Мамут и Денжин перешли со своими улусами за Яик. Чакдорчжаб и Гунделек, отослав улусы также к Яику, остались с войсками у р.Еруслан. Аюка "сел в осаду" от них на острове близ Саратова, куда еще раньше бежал Гунчжаб под защиту воеводы. В конце августа Чакдорчжаб "взял боем" отца и увел его в степь. Там он велел своим "ратным людям... улусы его Аюкины... всех отбить прочь", забрал имущество и скот, а отцу по его просьбе дал возможность идти "к богомолью в Боронталу", т.е. в Тибет. Аюка не собиравшись превратиться в паломника, а потому с пути ушел под защиту яицких казаков. Петр I велел казакам оберегать Аюку.

Вскоре после ссоры с отцом Чакдорчжаб известил Б.А.Голицына, что он кочует у Волги и никуда уходить не собирается. Кроме того, он просил князя приехать и между ним и отцом "всякую правду учинить и разыскать". В ответ они приглашались рано весной на Самару для примирения при посредничестве Б.А.Голицына. Наряду с обращением непосредственно к враждующим сторонам, администрации нижневолжских городов было указано принять все меры для урегулирования конфликта и тайно узнавать: "в улусах куды и какое склонение и о ком больше тужат или жалеют?"

Борьбой в ханской семье воспользовались недовольные Аюкой тайши и зайсанги: одни из них отошли к его мятежным сыновьям, другие — в основном дербетские владельцы — на Дон, к Мункотемиру. Правительство держало сторону хана, хотя временами Чакдорчжаб подчинял своей власти подавляющую часть улусов и был несравненно сильнее отца. Неизменная симпатия Петра I к Аюке объяснялась тем, что он считал последнего более надежным, здравомыслящим и уступчивым, чем его старший сын, отличавшийся строптивостью и склонностью к самовольным действиям.

К тому же воеводы приволжских городов, внимательно следившие за событиями и настроениями калмыков, согласно доносили, что в массе своей они "склонение... имеют

и больши тужат об нем, Аюке — тайше, и о ево разоренье". Немаловажным обстоятельством, заставившим правительство поддерживать Аюку, было то, что сыновья, по слухам, вознамерились уйти в Джунгарию или, по крайней мере, "в дальние кочевья" за Яиком, т.е. почти за сферу досягаемости России. В конце концов ценой больших усилий Б.А.Голицыну удалось вызвать Чакдорчжаба в Самару и примирить с отцом в 1702 г. Когда Чакдорчжаб принял решение примириться с отцом, Санчжаб не поддержал его и в 1701 г. с 15000 кибиток ушел в Джунгарию. Хунтайджи Цэван-Рабдан отобрал у него приведенных людей, а самого его только с 7 человеками отправил обратно к отцу. Габан Шараб сообщает, что когда Аюка узнал об уходе сына в Джунгарию, то в сердцах воскликнул: "Спящий неспящему помогать не в состоянии".

В такой тревожной обстановке Калмыцкое ханство встретило новый XVIII в. Тайши ссорились между собой, оттесняли друг друга от власти. Выигравшие стремились удержать в своих руках вновь приобретенные улусы с их имуществом и скотом, проигравшие мечтали о реванше, тем самым подготавливая новые междоусобия. Народ же в поте лица добывал средства существования для себя и своих господ и мечтал о лучших временах. Куда он шел, что ждало его впереди?

КНИГА ВТОРАЯ

В двух частях

ОБРЕТЕНИЕ БУДУЩЕГО

Часть I. НА ПЕРЕЛОМЕ

Х А Н А Ю К А : ЧЕЛОВЕК И ПОЛИТИК

Важнейшими задачами съезда (чуулгана) монголо-ойратской знати 1640 г. были урегулирование натянутых взаимоотношений князей, прекращение междоусобных столкновений и объединение всех сил перед лицом внешней опасности, в первую очередь со стороны агрессивных устремлений маньчжурских феодалов. Не ограничившись внесением в Уложение ряда статей, призванных сгладить трения между отдельными феодальными объединениями, участники съезда проводили встречи и переговоры, нащупывая почву для сближения и создания союзнических коалиций. Пришедшие к согласию стороны, стремясь закрепить достигнутое, устраивали браки между своими ближайшими родственниками. Хотя жизнь многократно доказывала, что подобные брачные комбинации не были материалом, надежно цементирующим камни союзного здания, но таковы были устоявшаяся практика, обычай или, если хотите, мода, распространенные тогда повсеместно, от утонченных дворов западноевропейских королей до кочевых кибиток степных владетелей.

Воспользовался этим сомнительным средством и Хо-Орлюк, устроивший женитьбу внука Мончака на дочери Батура-хунтайджи. От этого брака родился на Цаган Сар* 1642 г. Аюка — человек, который оставил яркий след в калмыцкой истории. Политическая деятельность Аюки и его личные качества получили весьма широкую, но вместе с тем противоречивую оценку в трудах исследователей истории Калмыкии.

Один из первых авторов исторического труда о калмыках Н. Я. Бичурин (Иакинф) задал тон, заявив в 1834 г., что "сей Аюки был один из известнейших калмыцких владете-

* Цаган Сар — у монгольских народов первый месяц весны по лунному календарю, примерно приходившийся на февраль-март.

лей, коeму долговременное его правление и обстоятельство того времени доставили озможность столько же ознаменовать себя услугами России, сколько он нанес ей вреда своими злодействами". У представителей этого, так называемого, официально-охранительного направления дореволюционной историографии оценка не изменилась и 81 год спустя: "Это была личнсть, которая при всей своей, временами очень полезно службе русским, причинила России вреда своими различными происками гораздо более, чем какой-либо другой вождь калмыцкого народа"¹.

Среди этого хора суровых голосов звучали иногда и более мягкие и трезвые нски. В том же 1834 г. Н. А. Неведьев утверждал, что "Аюа никогда не уклонялся от личной покорности его к руссискому двору". Ровно через 50 лет ему вторил М. Г. Нововтов: "Хотя отношения Аюки к России были только по договорным статьям, хотя он самостоятельно управлял народи, чинил суд и расправу, воевал и сноился с иностранными государствами и народами, но в основе всех его дейтвий не было интриг против России". Уже в советское ремя Н. Н. Пальмов посвятил Аюке восторженные строкипреувеличивая, на наш взгляд, роль и значение его в исории калмыцкого народа. По мнению Н. Н. Пальмова, все в народе держалось на талантах и способностях оного Аюки: "Слава Аюки была славою калмыцкого народа: Умер Аюка, умерла с ним его слава, — померкла с неки слава калмыцкого народа, никогда уже больше к немуне возвращавшаяся"². Вместе с тем, все они были согласы в том, что это была "замечательная личность калмыцко истории", а время его правления представляло собой "смый блестящий период развития политической жизни камыков в пределах России".

История не донесла д нас названия того степного урочища, а может быть и рки, на берегах которой появился на свет Аюка: кстати, в исьмах к царскому правительству на калмыцком языке ия его пишется как Айухэ. Достоверно известно другое, то детские годы он провел у деда по матери в Джунгари, а оттуда был привезен в калмыцкие улусы Дайчином в 1655 г., когда последний возвращался из своего второгопаломничества в Тибет. Остается тайной, какие уроки жизненного и политического поведения преподавал Аюке Бату-хунтайджи, но, думается, они не отличались в существенном от наставлений второго деда, Дайчина, образцы ксорых были приведены нами в первой книге данной рабты. Многократно проверено: никакое, даже самое отборное семя не прорастет полно-

ценным колосом, будучи брошено в бесплодную почву. В нашем случае ученик был достоин учителей. Воспитанный двумя такими решительными и способными владельцами и политиками, каковыми были оба его деда, талантливый и восприимчивый внук хорошо усвоил их уроки и творчески применял их в последующей деятельности.

Воспитание Аюки имело один, на нынешний взгляд, существенный изъян: судя по всему, он был неграмотен. Так, во время шертования 24 января 1684 г. Аюка вместо подписи приложил к шертной грамоте печать, потому что, как говорится в статейном списке астраханского воеводы А. И. Голицына, он писать не умел. Вряд ли это была дипломатическая уловка, "бережение чести", так как шертовавший вместе с ним дербетский тайша Солом-Церен, также ревниво следивший за своей владельческой "честью", расписался без всяких препирательств. По другим косвенным данным можно предположить, что в лучшем случае он мог лишь расписываться. Будучи от природы любознательным, Аюка старался исправить недостатки воспитания и не упускал подходящего случая пополнить свои знания. Например, во время приема китайского посольства летом 1714 г. глава ханства интересовался вопросами, которые вовсе не диктовались этикетом, или, как говорят сейчас, протоколом встречи. Послам пришлось отвечать на многие, порою неожиданные вопросы: происходят ли маньчжуры и монголы "от одного роду и поколения"? Кто такие старые и новые маньчжуры? Есть ли разница между монгольской и маньчжурской письменностями и кто был "первым издателем" последней? Растет ли в Китае смородина? Какие рыбы и звери водятся? Как выглядит водяной буйвол? В каких домах и дворах живут жители? За их землей находятся ли еще какие народы и государства? и т. п.³

Можно думать, что Аюка, помня совет деда о содержании при себе ученых, каждый из которых хорошо усвоил одно из девяти познаний, окружал себя подобными людьми. До нас дошло свидетельство, что хан любил говорить: "Если кто с знающим о древностях человеком разговаривает, то тот может быть человеком". В этой связи не удивительно, что его частым собеседником бывал такой знаток калмыцкой старины, как Габан Шараб, о чем сообщает сам ученый эмчи.

Участие Аюки в политических событиях и комбинациях, — на первых порах, вероятно, достаточно пассивное, — началось сравнительно рано. Так, 6 ноября 1661 г. в уро-

чище Берекет, в 60 верстах на северо-восток от Астрахани, вблизи Красного Яра, состоялся съезд тайшей с астраханским воеводой Г. С. Черкасским, кабардинским князем на русской службе. Речь на съезде шла о принесении новой шерти, об условиях военной службы и о связях с иностранными правителями. Воеводу на этой встрече занимали не только собственно государственные интересы и выполнение правительственных распоряжений. Ряд его действий диктовался и личной заинтересованностью.

В Кабарде и в крепости Терках проживали его близкие родственники, благополучие владений которых не в малой степени зависело от характера отношений с калмыцкой знатью. На памяти был поход Хо-Орлюка, да и его преемники все активнее вмешивались в северокавказские дела, и калмыцкая конница не раз подступала к горным теснинам, угрожая кабардинским селениям и ногайским кочевьям. В самой Кабарде также не было единства, где одна часть князей ориентировалась на Крымское ханство, а другая на Россию. Именно личными, в первую очередь, расчетами было продиктовано согласие Г. С. Черкасского на брак племянницы Абуханы (Обеханы) с Аюкой⁴. Свадьба должна была состояться после похода тайшей на крымские улусы; была ли она первой в жизни Аюки — другими словами, являлась ли кабардинская княжна первой женой молодого тайши?

На заданный вопрос трудно ответить однозначно. В. М. Бакунин, хорошо знакомый с ханом, сообщает, что первой женой Аюки была Эренцен, дочь хошутского Цецен-хана (Очирту-тайша), мать Чакдорчжаба и Санчжаба (Санжип). Г. С. Лыткин, опираясь на информацию старца Бебе Габан-Цойчжиева, считал таковой Ахалу, дочь Конделена-Убаши, женщину грамотную и набожную. Он же высказал предположение, что женитьба на Ахале могла произойти в зиму с 1661 на 1662 г., когда Аюка и Цаган, внук Конделена-Убаши, налегке приезжали в Джунгарию и зимовали в Коко Усун Харатале. Однако в "Биографии Зая-Пандиты", на которую опирается Г. С. Лыткин, речь идет, вероятнее всего, о двух сыновьях Аблая, носивших такие же имена. Возвращаясь к договору 1661 года, необходимо отметить, что обе стороны выполнили взятые на себя обязательства: тайши организовали успешный поход на Крым, а воевода выдал свою племянницу — свадьба была сыграна в 1662 г. Сколько Абухана прожила в улусах, остается неизвестным, но какие-то неудобства, скорее всего морально-психологи-

ческого плана, она, видимо, переживала. Как много позднее сообщал Чакдорчжаб, "она родила сына и тот сын умре, и о раставанье она у хана прощалась, и... ради смертного часа в свою веру ее отпустил с честью". В 1714 г. она еще проживала в Астрахани, где ее чем-то обидели жители бухарского двора, что вызвало заступнические письма Чакдорчжаба к коменданту М. И. Чирикову⁵. Дальнейший жизненный след кабардинской княгини уходит в неизвестность.

Имя Аюки время от времени встречается в документах и последующих нескольких лет. Например, уфимский воевода князь А. М. Волконский в обращении от 5 февраля 1664 г. призывал башкирских старшин Казанской дороги и Икских волостей порвать всякие отношения с тайшами Дайчином и Аюкой и показать "к великому государю верность"⁶. В 1665 г. гетман И. Брюховецкий послал к Аюке генерального есаула Я. Лизогуба и канцеляриста Быховца с просьбой о помощи, вследствие чего на Украину было прислано 6000 калмыцких конников, участвовавших в успешных рейдах на территорию Крымского ханства⁷. Однако, хотя к этому времени дед Дайчин постепенно отходил от активной политической деятельности и от общего руководства улусами, бразды правления подхватил Мончак и уверенно держал их в своих руках. Вследствие этого фигура Аюки и как человека, и как политика неясно очерчивается за широкой спиной отца.

Только после того как Мончак, начав, по сообщению В. М. Бакунина, "войну с зенгорцами и с протчими хошоутами и, не окончав оные, умре около 1669 года", пробил час молодого, энергичного и способного тайши, давно тайно примеривавшегося к вожделенной власти. Он, казалось бы, имел на это все возможности, тем более, что отец перед кончиною благословил его, как старшего сына, на главенство в деле управления калмыцким народом. Первым делом Аюка поспешил жениться на мачехе Уанджал (Ванчжил), хошутке, которую, судя по всему, любил и эту любовь впоследствии перенес на сына от нее Гунчжаба и его детей. Саму же Уанджал, по сведениям все того же весьма осведомленного старца Бебе, позже, когда Аюка был в каком-то походе, родственники его прогнали из улусов, очевидно в Джунгарию.

Между тем судьба и политические превратности уготовили Аюке тяжелое испытание, и он не скоро почувствовал прочную основу под своей властью. Продолжалась война

с Джунгарией, во враждебных отношениях с ним находились двоюродные дяди Дугар и Бок, откочевавшие к Азову еще после ссоры с Мончаком. В 1671 г. хошутский тайша Аблай, потерпев поражение в борьбе с братом Цеценханом, из Джунгарии прикочевал на Яик и внезапным ударом разгромил и захватил часть калмыцких улусов, кочевавших под общим руководством Дайчина. Воспользовавшись междоусобицами тайшей вышли из подчинения улусы Малого Ногай и во главе с мурзой Ямгурчеем ушли на Терек. В довершение всего на Дону и в Нижнем Поволжье полыхала Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина.

Было от чего растеряться и потерять голову. Аюка с честью выдержал суровый экзамен, уже на начальном этапе своего правления проявив хладнокровие, гибкость, расчетливость, умение найти наиболее верное политическое решение. Он сумел помириться с новым правителем Джунгарского ханства Галданом Бошокту-ханом, привлек на свою сторону Дугара и Бока. Опираясь на помощь двух последних тайшей и вспомогательного отряда донских казаков, он вновь подчинил малибашей и едисан и перевел их с Северного Кавказа в калмыцкие улусы. Покончив с этими важными делами, Аюка все внимание сосредоточил на борьбе с Аблаем. Не совсем ясно, как разворачивались события, но в конце 1672 г. в Москву поступили сведения, что Аблай разбит Аюкой и находится под караулом. Участь незадачливого хошутского нойона в скором времени разделил и Дугар: и это в то время, когда Дугар уже помирился с Аюкой и оказал помощь в разгроме Аблая. Габан Шараб и Батур-Убаши Тюмень в один голос утверждали, что "Аюка-хан погубил своего дядю Дугара, который доставил ему улус и сделал ханом".

Стремительное восхождение Аюки на политический небосклон Калмыкии поставило перед правительством России задачу установления с ним отношений на условиях, обговоренных с его дедом и отцом. Подавление Крестьянской войны и ликвидация ее последствий позволили правительству вступить в контакт с Аюкой и его ближайшим окружением. Первые же шаги в этом направлении показали, что переговоры будут трудными, что вести их придется с волевым и решительным политиком, имеющим свой устоявшийся взгляд на направление и характер русско-калмыцких отношений. Взгляд этот далеко не совпадал с устремлениями российского правительства.

В своих отношениях с калмыцкой правящей знатью российское правительство требовало от нее неукоснительного соблюдения ряда обязательств, которые фиксировались в шертных записях. Напомню важнейшие из них: сохранение неколебимого подданства и послушания; отказ от самостоятельных отношений с иностранными правителями; несение эффективной военной службы и охрана соответствующих пограничных территорий; мирные отношения с соседним российским населением. В обмен предлагались защита от неприятелей и "государево многое жалованье". Эти же требования были предъявлены и Аюке во время переговоров 1672 — начала 1673 гг. И здесь, к немалой досаде и беспокойству правительства, со всей очевидностью обнаружилось, что новый глава калмыков далеко не настроен безоговорочно принимать и неукоснительно выполнять их. Более того, московским посланцам и астраханской администрации был дан достаточно прозрачный намек, что Аюка мыслит себя не подчиненной, а равноправной стороной в переговорах.

О настороженном отношении сторон друг к другу говорят многие факты; приведу наиболее характерные из них. В 1673 г., после длительных переговоров об условиях шерти, Аюка, устроив моление о благополучном завершении дела, сопровождаемый знатными тайшами, шурином К. М. Черкасским, астраханским посланцем М. Бараковым и вооруженной охраной, 20 февраля двинулся с р. Кумы на съезд.

За время следования к месту переговоров между Аюкой и воеводой Я. Н. Одоевским не переставали сновать посланцы, продолжая обговаривать детали встречи. Аюка вначале требовал встречи в урочище Хвостовой Соли в 30 верстах от Астрахани, затем домогался съезда в урочище Бешколь (Пять озер) в 15 верстах, но не добился желаемого.

26 февраля воевода указал "построить городок рогатками" на Соляной протоке на правом берегу Волги против города и "поставить московских стрельцов строем и шатер великого государя, которой взят из Свияжска, поставить на том месте". Принял Я. Н. Одоевский и тщательные меры для охраны Астрахани, где расставил "для всякого бережья" несколько пеших и конных стрелецких приказов. Аюка, в свою очередь, заявил, что у воеводы непомерное количество охраны (по его словам — 10 тысяч ратных людей) и наотрез отказался ехать к шатру. Воеводе пришлось

сократить охрану, после чего и состоялись переговоры. Тайши дали устную шерть, которую на следующий день, 27 февраля, скрепили в письменном виде подписями и печатями⁸.

Воевода К. О. Щербатов, выезжая для переговоров и взятия с тайшей шерти от 15 января 1677 г. к той же Соляной протоке, принял такие же меры предосторожности, что и его предшественник. Тайши вели себя не менее осторожно, неоднократно требуя от воеводы убавить караул, оставшихся "ратных людей" отдалить от шатра, а самому ему с небольшим сопровождением съехаться с ними вне шатра для предварительных переговоров. Такая встреча между шатром и стоянкой тайшей состоялась. Несмотря на это Аюка и Солом-Церен, подъехав к шатру, с лошадей не сошли, а послали "ближних людей" говорить: "Тайши де опасны того, чтоб в шатре и около шатра не было многих людей и ружья". Лишь получив уверение воеводы, что в шатре и вблизи него никаких людей с оружием не будет, Аюка, Солом-Церен и другие тайши вошли в шатер и начали переговоры⁹. Еще более дерзко вел себя Аюка в первой половине 80-х гг., о чем говорилось в первой книге.

Несмотря на запретительные и контролирующие усилия российского правительства, Калмыцкое ханство, — и более всего именно в период правления Аюки, — поддерживало политические, торговые и культурно-религиозные связи с рядом соседних и дальних народов и государств. Наиболее интенсивными были отношения с Джунгарским ханством вплоть до его разгрома цинским Китаем в 1758 г. Они были вызваны не только тем обстоятельством, что Джунгария была недавней отчизной и там жили соплеменники, но и тем, что через ее территорию проходили пути в Тибет и Китай. С последним связи были непостоянными: вершиной их при Аюке явилось уже упоминавшееся посольство 1713—1714 гг. Это было первое китайское посольство, так глубоко зашедшее в пределы России, и его конечной целью была не белокаменная столица, а степная ставка калмыцкого хана в урочище Монтохой вблизи Царицына.

Особую тревогу правительства вызывали отношения калмыцкой знати с Турцией и Крымским ханством. Такие факты, как выдача Аюкой своей родственницы за сына крымского хана в 1692 г. или отправление посла в Стамбул в 1704 г. и т. п., вызывали приступы гнева Москвы. Известны и связи Аюки с некоторыми владельцами Север-

ного Кавказа, особенно с кабардинскими князьями, которые временами скреплялись браками отдельных тайшей с кабардинскими князнями. Даже до далекого персидского шаха добирались порой посольства Аюки, уверявшего в своих письмах правителя Персии, что он "породы Чингизханов", считая, очевидно, что тень "потрясателя Вселенной" все еще вызывает трепетное почтение.

Немало внимания правительства требовали взаимоотношения калмыков с соседним российским населением. В этой сфере не всегда все было гладко. Мирные хозяйственно-торговые и культурные связи временами прерывались столкновениями с донскими и яицкими казаками, башкирами, набегами на соседние уезды. Эти столкновения вызывались негативными сторонами национальной политики царизма, недальновидной политикой степной знати, недостаточной урегулированностью территориально-хозяйственных и торговых проблем, особенностями быта казаков (походы за "зипунами", т. е. за добычей), высокомерно-стяжательским поведением отдельных представителей администрации нижеволжских городов.

Несмотря на сказанное, можно безоговорочно присоединиться к утверждению М. Г. Новолетова, что по большому счету во всех действиях Аюки "не было интриг против России". Однако любые проявления самостоятельности и непослушания вассального правителя вызывали "зубную боль" в центре, и правительство целеустремленно и настойчиво вело политику ограничения его власти и, в конечном счете, полной ликвидации. Сравнительно долгое время достижению правительственных замыслов препятствовал ряд объективных обстоятельств, о которых говорилось в первой книге.

Будучи талантливым и дальновидным правителем, Аюка не мог не понимать, что политика жесткой конфронтации с российским правительством имеет свои пределы. Даже в те первые десятилетия, когда он пользовался относительно широкой самостоятельностью и возможностью маневрирования, в принципиальных вопросах он вынужден был в конечном счете первым идти на уступки. Уже тогда к нему приходило, вероятно, понимание, что при неблагоприятном для ханства повороте событий и изменении общей обстановки начнется наступление на его автономию.

После шерти 1684 г. начинается второй этап в политическом поведении Аюки. Он старается меньше раздражать российское правительство, выполняет требования и пору-

чения, но его кипучая натура жаждет действия (и поживы, заметим в скобках), и он направляет военную активность ханства в сторону Хивы, Бухары и туркменских племен. Так как эти страны и племена не входили тогда в состав России, а действия беспокойного подданного не грозили особыми международными осложнениями, правительство довольно спокойно наблюдало за ними, а о некоторых оно просто и не знало.

Во второй период русско-калмыцких отношений времен правления Аюки изменился и характер непосредственных связей между правительством и ханом. Как уже упоминалось, после 1684 г. хан и тайши перестали давать шерти, которых от них и не требовали. Их заменили личные встречи Аюки с кем-либо из крупных сановников или даже с самим Петром I, в ходе которых оформлялись письменные и устные договоры. Кроме встречи с князем Б. А. Голицыным в 1697 и 1702 гг., стареющий хан дважды, 30 сентября 1708 и 5 сентября 1710 г., встречался с казанским губернатором П. М. Апраксиным в устье р. Даниловки в 200 верстах выше Астрахани. Встречи с "птенцами гнезда Петрова" и переговоры с ними, перемежаемые пышными обедами и возлияниями, способствовали налаживанию личных контактов и урегулированию ряда застарелых и совсем новых проблем.

Интуиция и политический расчет не подвели Аюку, и он своевременно изменил свое поведение и добился расположения Петра I. С начала 90-х годов XVII в. начались длительные неурядицы в самом ханстве, завершившиеся междоусобными событиями 1701 г. Не боясь ошибиться, можно сказать, что борьба с сыновьями положила начало очередному этапу русско-калмыцких отношений и вызвала третий поворот в политическом поведении Аюки. Вместе с тем события 1701 г. явились причиной перелома нравственно-психологического состояния хана как человека и семьянина, усилив в его поведении и высказываниях пессимизм и неустойчивость, а может быть и морально-религиозные искания. Примерно в это же время произошли изменения и в его семейном положении. В 1699 г. он известил правительство о смерти жены и об отправлении ее праха для погребения в Тибет (вполне возможно, что это была первая жена Аюки — мать его старших сыновей). Хан, видимо, убивался недолго: в том же 1701 г. Б. А. Голицын был уведомлен, что хан "промыслил" себе вторую половину. Новой спутницей уже стареющего Аюки стала молодая

Дарма-Бала, двоюродная сестра джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана. Весьма запутанные и потрясшие ханство последствия названного брака дали знать о себе спустя немногим более 20 лет.

Подавление Астраханского восстания 1705—1706 гг., Крестьянской войны под предводительством К. А. Булави-на, башкирского восстания 1705—1711 гг. (в подавлении всех трех восстаний приняли активное участие калмыцкие феодалы), Андрианопольский мирный договор 1713 г. с Турцией, тобедоносное завершение Северной войны в 1721 г. укрепили положение России и ее правительства. Взоры Петра I обратились на юг, с чем были связаны разведывательные экспедиции в Среднюю Азию и Каспийский (Персидский) поход. В связи с изменением обстановки усилилось давление на автономию Калмыцкого ханства с целью превращения его в послушное орудие для решения региональных задач.

С начала XVIII в. ухудшились отношения с Джунгарским ханством, в котором некоторые тайши видели надежный тыл. Пример Санчжаба надолго отрезвил их. Внутри ханства не было единства, его все чаще потрясали столкновения знати за власть и улусы. Раздоры усилились после 1701 г., когда Чакдорчжаб стал все чаще конфликтовать с отцом, а порою и вовсе его игнорировать. Стараясь успокоить строптивого старшего сына, Аюка вынужден был в 1714 г. официально объявить его своим преемником и передать ему ханскую печать, присланную Далай-ламой. Правительственный посланник, наблюдавший поведение отца и сына, сообщал канцлеру Г. И. Головкину в 1716 г.: "И человек он, хан, умной и рассудительной, а сын ево, Чапдержап, другова состояния, и улусом и детьми люден". Вот эти ум и рассудительность, а также авторитет среди других тайшей и поддержка правительства позволяли Аюке играть первую скрипку в калмыцкой политике вплоть до его смерти. Однако, за поддержку правительству надо было платить, а значит все более попадать под его влияние.

Ослаблением ханства не преминули воспользоваться старые враги — казахские и кубанские феодалы. В 1715 г. кубанские татары во главе с крымским султаном Бахты-Гиреем совершили большими силами неожиданный и стремительный набег на калмыцкие улусы. Находившийся на р. Болде под Астраханью Аюка был застигнут врасплох, потерял кибитку с находившимся там имуществом и некоторыми ханскими регалиями, но сам успел спастись и не

попасть в плен. В письме Г. И. Головкину хан правильно указал одну из немаловажных причин сложившегося положения: "Ради многих российских дел воевался было с башкирцами, с крымцами и кубанцами, и донскими казаками и с астраханцы (во время восстаний — М. Б.), и с казачьею ордою (казаками — М. Б.) и с каракалпаками, и оные все со мною неприятели". В такой обстановке хан не мог не пойти на еще большее подчинение царскому правительству, ожидая от него помощи.

Волна крестьянской и помещичьей колонизации юга Европейской России подошла вплотную к кочевьям калмыков, что незамедлительно отразилось на их положении. В том же 1715 г. хан жаловался, что жители приволжских сел от Саратова до Черного Яра воруют скот и уводят людей, а коменданты их не разыскивают и не отдают взятое обратно, потому что они "указу неподобострастны и берут взятки". Казанский губернатор П. Салтыков развел в ответ руками: взятое не может вернуть из указанных поселений, ибо это "вотчины сильных персон" — А. Д. Меншикова и Ф. Ю. Ромодановского¹⁰. Все упомянутые процессы тревожили хана, и одно из своих посланий П. Салтыкову он закончил столь же поэтично, сколь и пессимистично: "Тако, живучи я на Волге, пил из Волги воду и стал быть стар, а ныне мне и пить на Волге не велят: прикажи, пожалуй, где мне, ис которой реки воду пить". Разумеется, хан слегка лукавил: от Волги его никто отгонять не собирался, и говоря его же образами, пить ему из Волги разрешалось, а вот как пить — решал уже не он.

Озабоченный рядом тяжелых проблем, хан попросил прислать воинский отряд для помощи в борьбе с неприятелями. Воспользовавшись просьбой, Петр I в конце 1715 г. отправил в улусы стольника Д. Бахметева с отрядом в 600 человек казаков и драгун. Истинной целью стольника согласно указу было не столько оказание помощи, сколько контроль внешнеполитических действий хана и их пресечение. Для Аюки не осталась тайной истинная обязанность Д. Бахметева, и он стал настойчиво требовать удаления его из улусов в Саратов, откуда он мог подавать необходимую при нужде помощь. Стольник вскоре выехал из улусов, но очень часто посещал их, располагаясь всегда в ближайшем к ним нижневолжском городе. Так было положено начало существованию особого правительственного контрольно-управленческого органа "Калмыцкие дела", все настойчивее вторгавшегося во внутренние и внешние

дела ханства. Впоследствии он разросся, обзавелся канцелярией, переводчиками и толмачами, приставами при улусах, воинской командой и т. п. С некоторыми модификациями "Калмыцкие дела" просуществовали до 1771 г.

Габан Шараб, наиболее близко общавшийся с Аюкой именно в последние годы жизни хана, сохранил для нас ряд высказываний Аюки. Эти высказывания, несмотря на их краткость, а иногда и расплывчатость, позволяют примечать разлад и растерянность в душе хана, ностальгическую тягу к прошлому и, временами, просто старческое брюзжание. То он заявляет, что калмыки его времени перестали исполнять как положено предписания религиозных и светских законов, то он начинает горячо молить бурхана, что если у него появится мысль "вредить божеский закон", то немедленно вырвал его сердце, то вдруг принимается осуждать брачные обычаи своего времени и хвалить прошлые порядки (заметим попутно, что Дарма-Бала была сговорена за сына Гунделека, а женился на ней он сам).

В последние годы своей долгой жизни все более слабевший и отходивший от дел, потерявший остроту политического чутья и предвидения Аюка завязал еще один прочный калмыцкий узел, распутывать который пришлось уже после его смерти. Этот узел он завязывал вместе с Петром I. В июне 1722 г. во время Персидского похода Аюка и Дарма-Бала были приняты под Саратовом на галере Петром I и Екатериной I. Очевидец приема шотландец Д. Белл свидетельствует, что Аюка приехал на лошади. Петр I сошел с судна на берег, ласково встретил его и, введя на галеру, представил императрице, которая сидела на верхнем помосте под "великолепным балдахином". Ханша с дочерью и двумя "госпожами" приехала попозже в коляске. На взгляд Д. Белла, хан был "еще крепок и веселого нрава. Ханше было около пятидесяти лет, вид она имела благопристойный и кроткий"¹¹.

В ответ Петр I посетил ставку хана, где пробовал чай с верблюжьим молоком и похвалил необычный для него напиток. Приняв от императора дорогую саблю, Аюка велел находившейся неподалеку группе калмыков стать в кружок и пустить вверх стрелы, которые, упав на землю, также образовали круг: Указывая на саблю и на стрелы, Аюка сказал: "Эта сабля и эти стрелы всегда будут готовы на поражение врагов России". Посетовав, что из-за старости сам лично не может принять участие в походе, он выделил 4000 всадников. Второй раз Аюка был принят Петром I в Черном

Яру в августе, когда царь возвращался из похода. На этот раз хана сопровождали Дарма-Бала и два ее сына — Церен-Дондук и Галдан-Данжин. Во время переговоров хан просил не оставить после его смерти вниманием ханшу и сыновей от нее. Это была весьма прозрачно завуалированная просьба признать его наследником Церен-Дондука. Однако в августе же П. А. Толстой по поручению Петра I тайно взял в Астрахани "реверс" (обязательство) у влиятельного нойона Доржи Назарова, двоюродного племянника хана, что если его после смерти Аюки назначат ханом, то он клянется быть послушным и отдать в заложники сына.

Положение в ханстве в последние годы жизни Аюки было предгрозовым: громы уже гремели и молнии сверкали. Чакдорчжаб, объявленный преемником Аюки в 1714 г., умер 19 февраля 1722 г., завещав свое право на власть старшему сыну Досангу. Хан, не без влияния Дармы-Балы, решил передать ханское звание Церен-Дондуку. Правительство, как сказано, наметило на этот пост Доржи Назарова и, делая подобный ход, стремилось достичь двух целей: заменить порядок наследования ханской власти по прямой родственной линии назначением сверху удобной кандидатуры; опираясь на ставленника подчинить ханство полному контролю российского правительства и лишить автономии. За тремя названными выше фигурами отчетливо вырисовывалась личность энергичного и талантливого внука Аюки — Дондук-Омбо, также мечтавшего о ханском титуле.

Аюка, расчищая дорогу Церен-Дондуку и затрудняя ее Досангу, перессорил его с братьями. Успеху хана способствовало то обстоятельство, что братья Досанга во главе с Дондук-Даши, рожденные от других жен Чакдорчжаба, считали себя обделенными при разделе улусов и требовали нового раздела. Для достижения своих целей правительство решило примирить Досанга с братьями и противопоставить их ханской стороне. Подобным шагом мыслилось уравнивать силы обеих сторон и, играя на их противостоянии, активно влиять на ход событий. Губернатору А. П. Волынскому не удалось примирить братьев. Аюка же, не добившись решительного ослабления Досанга путем интриг, перешел к решительным действиям. Он направил против него 20-тысячное войско во главе с Дондук-Омбо. 24 ноября 1723 г. на р. Берекети вблизи Красного Яра произошло сражение, положившее начало длительному меж-

доусобию в ханстве. А. П. Волюнский, шедший из Астрахани на помощь Досангу, не сумел предотвратить сражения; более того, сам чуть не был атакован Дондук-Омбо. Пересорив детей и внуков, 82-летний Аюка умер 19 февраля 1724 г. на правом берегу Волги верстах в 40 ниже Черного Яра, против Казачьего острова в Копановской луке.

В. М. Бакунин приводит интересный эпизод из жизни Аюки. В теплый летний день 1721 г. он сопровождал хана во время перекочевки. Внезапно хлынул проливной дождь, и ехавший верхом Аюка вдруг снял шапку и отдал ее служителю, тогда как все прочие оставались в головных уборах. Удивленный Бакунин спросил хана: "...для чего б он так себя беспокоил, на что Аюка сказал ему, что он сие делает не для того, чтоб шапки жалел, но для того дабы низпосылаемая чрез дождь, по его мнению, с небеси благодать чувствительным образом тела его касалась". Помогала ли хану небесная благодать — судить не берусь. Несомненно одно: Аюка прожил большую и плодотворную жизнь. Благодаря обстоятельствам и личным способностям, он сумел довести до конца дело строительства калмыцкой государственности, пустил его в политическое плавание и, стоя у штурвала, вовремя менял курс, обходя исторические рифы и мели, с минимальными потерями вел его к гавани будущего. Однако объективная обстановка менялась. Уже при жизни Аюки становилось ясно, что Калмыцкое ханство вступило в переломный период своего развития и отменить его не в силах никакая небесная благодать. Под влиянием внутренних и внешних процессов в дверь громко стучались неминуемые перемены социально-экономического, политического и культурно-бытового характера. Перед калмыцкой знатью стоял выбор: принимать ли перемены, приспосабливаться к ним — то есть плыть по течению, или же активно их отвергать — грести против течения? Поиск правильного направления дорого обошелся калмыцкому народу. Прежде чем следить за перипетиями выбора, приостановимся на время и хотя бы вкратце посмотрим, что представляло из себя ханство изнутри, какова была его социальная структура.

ВЕРТИКАЛЬ ОБЩЕСТВА: ВЕРХИ

В сентябре 1768 г. нойон Шеаренг, перекочевавший с 2000-ми кибиток на Волгу после разгрома Джунгарского ханства в 1759 г., посетил наместника Убаши и, возвраща-

ясь домой, остановился ночевать у подвластных наместнику хутуктуин шабинеров (хутуктин шевнр). Устроившись, Шеаренг потребовал "по обыкновению их калмыцкому дорожного себе угощения". Хозяева доставили ему вина, чигяну и сваренного барана и "как надлежит ево угостили". Идиллия отношений между нойоном и простолюдинами закончилась неожиданным образом. Сопровождавшим Шеаренга служителям на глаза попался некий гецюль, которого они объявили подданным своего нойона, забрали из хотона и привели к Шеаренгу. Наутро, когда нойон отправился в дальнейший путь, прихватив и гецюля, шабинеры, заступаясь за последнего, стали его отнимать. Дело закончилось дракой, в которую ввязался Шеаренг и был сбит с лошади палкой. В свалке со стороны шабинеров один человек был убит, а другой ранен. Потерпевшая сторона обвиняла нойона в убийстве и ранении, а тот переложил ответственность на своего служителя, так как он сам, по его словам, лежал в беспамятстве после удара палкой и падения с лошади.

Подключившийся к разбирательству инцидента руководитель "Калмыцких дел" полковник И. А. Кишенский был информирован наместником, судьями Зарго и самим Шеаренгом, "что по их правам и обыкновениям, если при случае какой-либо между подлыми (простыми — М. Б.) калмыками ссоры и драки вступит в то с которой стороны сам владелец и будет убит, то оной пред другими, при том же случае убитыми, никакого преимущества иметь не может". Столь явное приравнивание нойона и простолюдина не понравилось крепостнику И. А. Кишенскому. Учитывая, что в Зарго перевес голосов на стороне наместника, а хутуктуин шабинеры — его подданные, и дело может решиться в их пользу, полковник настоял на разборе дела "нарочно собранными для того некоторым числом владельцами". Главный судья Зарго нойон Цебек-Доржи хотя и согласился с предложением И. А. Кишенского, однако при этом заметил, "что наперед сего в калмыцком народе таких примеров, каков ныне между владельцем Шеаренгом и хутуктун шабинерами случился, никогда не бывало"¹².

Действительно, факты неповиновения, а тем более избиения нойона простолюдинами были в калмыцком обществе редчайшими исключениями; недаром народ создал многозначительную пословицу: играющий с собакой останется без полы, играющий с нойоном — без головы. Это было связано с тем, что нойоны занимали высшую ступень

социальной лестницы калмыцкого общества, являясь крупными феодалами — владельцами улусов. Они делились на больших и малых, расстояние между которыми по авторитету и влиянию было довольно значительным. Глава калмыцкого духовенства в 20—30 гг. XVIII в. Шакур-лама, договариваясь с А. П. Волынским о встрече, сообщал, что он, Дарма-Бала, Церен-Дондук и Яман с ним съедутся, а что касается большинства прочих владельцев, то не беда, что их не будет на встрече, "понеже они у них так, как в городах воеводы"¹³. Вплоть до середины 20-х гг. XVIII в. большие нойоны именовались тайшами: позднее такое титулование исчезает и все владельцы называются нойонами. Улусами, как известно, назывались феодальные владения, размеры, богатство и влияние которых зависели от количества входящих в него кибиток (семей) с принадлежащими им скотом и имуществом. Отсюда ясно, что сила и богатство владельцев прямо пропорционально зависели от величины и богатства подвластных им улусов.

Звание нойона было наследственным. Русская история знает такие личности, как А. Д. Меншиков, который из "подлости" достиг княжеского титула и огромных богатств. В калмыцком обществе проникновение в среду нойонства людей из более низких социальных слоев было исключено: по крайней мере мне такие случаи неизвестны. Факты потери звания нойона являлись исключительным случаем, тем не менее они имели место. Во всяком случае, известен документально зафиксированный факт, когда потомки одного из двоюродных братьев Хо-Орлюка, начиная с упоминавшегося военачальника Мазан-Батыра, утеряли звание нойона. Если сам Мазан-Батыр именуется в документах того времени то тайшей, то просто знатным человеком, многочисленные сыновья его во главе со старшим Яманом, уже твердо были зайсангами, правда на особых правах, существенно отличавших их от остальной массы собратьев по званию. Они владели Эркетеневским улусом и проявляли большую самостоятельность по отношению к ханской власти.

Один, правда довольно нехарактерный, путь потери звания нойона известен нам в связи с описанием посольства тайшей 1632 г. Послы привезли в Москву "ударить челом" царю ясыря, т. е. раба-военнопленного. На вопрос дьяков Посольского приказа, что это за ясырь, послы поведали следующее: "Прислал с ними того ясыря царскому величеству челом ударить Байбагишев сын, а тот ясырь их колматцкого родства, зовут его Нотучкеем, Конухин сын.

Отец де ево, Конуха, был тайша обышной и убил тайша Байбагишева деда, имяни ему не упомнят, а после того убил и Байбагиша, и Байбагишевы де дети, собрався с своим родством, того Нотучкеева отца убили, а жон их и братью и детей розпродали в розные государства, а иных розослали для того, чтоб от них вперед дурна какова не было"14.

Что касается эркетеневских зайсангов, то неизвестный переводчик в примечании к переводу труда Габан Шараба (примечание потом было зачеркнуто) сообщает, что прадед Мазан-Батыра Цецен-нойон разделил свое владение между 13 сыновьями, отчего они пришли в бессилие, подчинились Хо-Орлюку и его потомкам, которые, лиша их владельческого звания, переименовали зайсангами. Не вызывает сомнения факт, что нойоны одного феодального объединения старались обессилить и подчинить нойонов другого, более слабого объединения. Дербетский нойон Лабан-Дондук при личной встрече с В. Н. Татищевым в сентябре 1744 г. говорил, что согласно правительственному указу с наместником соединиться должен (кочевал на Дону), только опасается, "чтоб он с улусом своим не мог разориться и притти в такое убожество, как хошоутовы владельцы, ибо напред сего те хошоутовы владельцы имели собственные свои немалые улусы и торгоутским как хану, так и главным владельцем подвластны не бывали, но токмо по свойству с ними обсче кочевали, которые все от торгоутов раззорены и приведены в бессилие и убожество, и ныне состоят под властью торгоутов"15. Действительно, в XVIII в. большинство хошутских владельцев были мелкопоместными, однако звания нойонов не теряли: почему это произошло с сыновьями Мазан-Батыра — остается неизвестным.

В первой книге приводились правила раздела улусов между сыновьями и родственниками нойонов. Эти правила были нормой. Зафиксированные правом и обычаем предписания, они могли быть выполнены в нормальных условиях. В реальности же между наследниками сразу же после смерти родителя, а иногда еще и при его жизни, вспыхивали споры из-за дележа наследства, доходившие зачастую до вооруженных столкновений, как случилось с сыновьями Чакдорчжаба. Подобные же, если не еще более затяжные и ожесточенные, конфликты возникали при дележе улуса родственниками умершего без прямых наследников владельца.

Междоусобные столкновения, а они возникали не толь-

ко из-за дележа и перераспределения улусов, нередко заканчивались гибелью части конфликтующих нойонов, что в определенной мере смягчало остроту вопроса и облегчало оставшимся пути достижения мира, пусть даже и временного. Другим следствием междоусобиц являлось обмельчение части владельцев вследствие потери ими своих подвластных из-за отъема или гибели их. Обмельчение это порой доходило до такой степени, что потомки крупных тайшей XVII в. во второй половине следующего столетия имели в своем владении чуть более десятка кибиток. Таковыми были, например, потомки сына Хо-Орлюка Шункея, Арабжур с братьями, у которых было чуть больше трех десятков кибиток на троих¹⁶.

Разумеется, нойоны мельчали, теряли людей не только из-за междоусобиц, но и по другим причинам. Приведу один пример. Моомут-Убаши (другое имя — Байсхалантуин Убаши), потомок Лоузана, разъясняя в 1765 г. астраханскому губернатору Н. А. Бекетову, что при нападении казахов в 1735 г. улус его был разграблен и лишился почти всего скота. Люди его, спасаясь от голодной смерти, "для единственного пропитания в протчие улусы разошлись, а он, по малолетству, остался без всякого призрения и тех разшедшихся улусов и поныне не получил"¹⁷.

Все сказанное выше вовсе не значит, что неудачливые нойоны всегда безвозвратно теряли своих подданных. Были возможности и поправить дела. Возврат отнятых улусных людей мог быть произведен по распоряжению хана, а в XVIII в., по мере расширения вмешательства во внутренние дела ханства, и по указаниям царской администрации. С этой точки зрения представляет интерес ряд обычаев. 17 июля 1756 г. посланец Замьяна подал письмо канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину, которым Замьян оповещал, что его усыновил престарелый и бездетный хошутский нойон Гунчук-Джап и передал ему в наследство свой, тоже небольшой, улус. Так как, продолжал Замьян, Гунчук-Джап между хошутскими владельцами является старшим, а по нем и он, Замьян, то теперь над отправляемыми на военную службу хошутами командиром должен быть он, "и чтоб мне никто никакого насилия не чинил"¹⁸.

Еще более характерен поступок Цагалая, сына упоминавшегося бедного владельца Арабжура. Во время ухода наместника в 1771 г. Арабжур с 21 кибитками подвластных остался на Волге, примкнув к своим дальним родственникам — икицохуровским нойонам Асархо и Маши. Он умер от

оспы 10 ноября 1771 г., оставив семерых сыновей. По разделу 1772 г. оставшихся после ушедших нойонов кибиток-семей, наследникам Арабжура к 21 кибитке добавили еще 12. Ясно, что Цагалай и его братья, по понятиям нойонства, не просто бедствовали, а были "голью перекатной". Цагалай решил поправить свое положение, тем более, что подвернулся подходящий случай. В 1776 г. умер хошутский нойон Теке, потомок младшего брата известного Байбагас-хана Дургечи-Убаши, оставив сыну Люрюпу 150 кибиток подвластных. Люрюп ненадолго пережил отца: вызванный губернатором И. В. Якоби в Астрахань, он заболел оспой и умер 16 января 1778 г., оставив двух несовершеннолетних родных сестер — Аблу и Цаган.

В 1780 г. Цагалай засватал Аблу, взяв за нее в приданое 150 кибиток. В связи с этим возникли две проблемы: как обеспечить будущее младшей сестры Цаган и на каком основании Цагалай будет владеть взятыми кибитками — семьями, так как они были хошутские, а новоявленный хозяин — торгутский нойон. Проблемы были разрешены следующим образом. По договоренности с зайсангами Цагалай обязался по достижении Цаган совершеннолетия и выхода замуж выделить принадлежащую ей часть. По второму вопросу было решено, согласно обычаю, что Цагалай возьмет на себя звание хошутского нойона со всеми вытекающими родственными и наследственными обязательствами. С тех пор Цагалай во всех документах проходит как хошутский нойон, владея, после раздела с Цаган, 70 кибитками¹⁹.

Надо отметить, что вновь приобретенные подвластные доставили немало хлопот Цагалаю. После смерти жены нервы ему попортила свояченица, требуя не только раздела, но и передачи ей всего улуса. Губернатор М. М. Жуков решил разделить улус, состоящий к этому времени из 115 кибиток, пополам. Не успел Цагалай уладить отношения с Цаган, как навалилась новая беда. В 1787 г. он, исполнявший на тот момент должность заседателя Астраханского нижнего земского суда, подал прошение, в котором доводил до сведения властей, что принадлежащие ему 46 кибиток "бежали и увезли малолетнюю мою дочь, находящуюся у одного из них на воспитании, денег двести семьдесят рублей, четыре ружья, саблю, шашку и состоящий у них в присмотре собственной мой скот, а именно: лошадей 143, овец 180, верблюдов 6, коров 28"²⁰. Вернуть их удалось ему только после 1791 г. Причину подобного поведения

подвластных Цагалаа помогут нам понять два документальных свидетельства.

В 1751 г. хошутский нойон Тукчи, родной брат Теке, которому был передан улус двоюродного дяди Лекбея, умершего в Астраханской тюрьме (арестован за участие в выступлении против хана Дондук-Омбо), обратился с письмом к правительству. В своем послании он сообщал, что рад бы служить верно и выполнять правительственные распоряжения, "точию улусные мои люди не древние и не собственные мои, и затем они меня не во всем и слушают"²¹. Второй случай произошел 40 лет спустя. В 1791 г. подали в Калмыцкую канцелярию жалобу калмыки "Харахусова рода" в 200 кибитках. Суть жалобы заключалась в том, что по разделу 1772 г. они достались икицохуровскому Асархо, а он и его преемники, считая их "не природными, а поступившими подвластными", немилосердно обирали их. "Хотя мы, — продолжали жалобщики, — своим владельцам представляли и просили в неумеренных поборах и притом сравниваемся ль мы с их природными подвластными в таковых поборах, но оне на наше прошение не делая нам удовольствия, а употребляли больше злобу и чрез то довели до совершенного раззорения"²².

Приведенные свидетельства, а подобных им много в материалах, говорят о том, что "природные", "древние" подданные — в калмыцких текстах они называются "унугун албату"²³ — предпочитали своих "природных" же нойонов и зайсангов и неохотно, при разделах и переделах улусов, переходили к другим. Как видно из второго примера, это было связано в первую очередь не с пресловутыми "кровнородственностью" и "пережитками родоплеменных отношений", а с более реальными обстоятельствами. Как правило, чужих, доставшихся по случаю подвластных нойоны и зайсанги эксплуатировали сильнее, чем собственных, чаще их продавали и т. д. Поведение таких господ объясняется просто: они не рассчитывали удержать надолго попавших к ним во временное владение людей, а потому выжимали все возможное и невозможное.

Власть владельцев над принадлежащими им "природными" ли, доставшимися ли улусами, хотя и была формально регламентирована правом и обычаями, на деле же отличалась большим произволом. Помимо узаконенных податей и повинностей (о них речь позже) нойон, в случае той или иной необходимости, мог по своему усмотрению взимать дополнительные поборы скотом и деньгами, прода-

вать подвластных в одиночку и семьями, отпускать на волю, дарить и т. п. Помимо того, что в их распоряжении фактически находились скот и имущество их подвластных, они имели свое личное хозяйство: табуны лошадей, стада овец, крупного рогатого скота и верблюдов. В материалах нет данных о количестве личного скота ханов и крупных нойонов до ухода наместника, а сохранилась опись личного скота нойона Тюменя за 1811 г. По этой описи у него было: лошадей — 1600, баранов — 7560, верблюдов — 38, крупного рогатого скота — 197 и коз — 30 голов²⁴. Оценивая данные цифры, нужно помнить, что Тюмень был нойоном средней руки.

Для выполнения различных работ по дому, хозяйству, для содержания личного скота нойоны, наряду с трудом специальных служителей-котечинеров, применяли и труд улусных людей. Например, наместник Убаши сообщал руководителю "Калмыцких дел" А. Д. Бехтееву, "что к подвластным ево Цойджинговым шабинерам посылал он... нарочного своего посланца с тем, дабы они принадлежащих быть при нем, наместнике, для содержания хурула людей прислали, но они, Цойджинговы шабинеры, состоящие в восьмистах кибитках..., бежали к владельцу Цебек-Дорже"²⁵. Когда князю А. Дондукову понадобились для охоты с ловчими птицами два человека и четыре жеребца, он послал за ними демчеев в аймак "Хабучинова роду"²⁶. Нойон Яндык, по рапорту улусного пристава М. Лепехина, "приказал тем людям, которые делают луки и стрелы, чтоб они поблизости ево, владельца, кочевали, а подвластные б ево у тех мастеровых людей поправляли свои луки и стрелы". Наместница Манидара, жена Убаши, перед уходом 1771 г. послала 9 человек для сбора людей. Посланцы были задержаны Яндыком и переданы в руки русской администрации. При допросах выяснилось, что их дома и семьи находились кочевьем в разных местах, порою весьма далеко от наместниковой ставки, а они только сами были при наместнице "для услуг"²⁷.

Применялась, как это мы видели на примере Цагалая, и отдача скота на выпас подвластным. В этом случае скот мог распределяться по отдельным кибиткам — семьям, которые пасли и ухаживали за скотом совместно со своим. В другом случае определенное количество скота выделялось специально назначенным семьям. Так, 6 кибиток подвластных хошутского нойона Лори-Дамбо, которым было поручено 357 лошадей, "были для корму оных во отдалении

от улусов с женами и с детьми". Оказавшись оторванными от улусов, они были разграблены дубовскими казаками²⁸. Семьи, занятые уходом за личным скотом владельца, имели, по обычаю, право на часть, достаточно скромную, производимой продукции в виде молока, шерсти, приплода и т. п.

Как мы помним, места кочевий того или другого нойона с принадлежащим ему улусом каждую весну и осень определялись в Зарго и доводились до сведения владельцев через их представителей. Но не все нойоны могли позволить себе самостоятельное кочевание. Известный уже нам Лекбей писал 27 августа 1724 г., что раньше кочевал самостоятельно, а ныне Доржи Назаров принудил его кочевать с собою²⁹. Некоторые мелкие нойоны, как Арабжур и его братья, добровольно примыкали к тому или иному крупному нойону, чаще всего к родственнику. На выделенной территории нойон, естественно, занимал самые выгодные места с точки зрения корма для скота, наличия воды и топлива. В какой-то период, скорее всего в конце XVII в., за определенными группами улусов закрепились постоянные территории летних и зимних кочевий, внутри которых главные нойоны выделили себе постоянные же места для своего кочевания.

В 1730 г. руководитель "Калмыцких дел" В. П. Беклемишев доносил по инстанции, что Церен-Дондук "кочует на усть Кумы подле Каспискова моря для того, чтоб у Дасанга занять места в Мачагах, понеже оные места изо всех мест привольнее как скотцкими кормами зимою, также и пропитании рыбою, и надеюсь у Дасанга с Черен-Дондуком за вышеписанные места будет не без ссоры для того, что оными еще при хане (Аюке — М. Б.) всегда владел отец Дасангов Чапдержап"³⁰. В 1731 г. ханша Дарма-Бала через посланца вопрошала Дондук-Омбо: "Для чего ты те корма травишь, по которым я кочевывала?" Дондук-Омбо вину свою признавал и обещался с тех мест уйти, оправдываясь в занятии ханшинных кочевий нуждой: "Улус мой оскудал, а здесь скудным людям кочевать лучше для того, что рыбы довольно, а где я напред сего кочевывался, там рыбы нет"³¹.

В июне 1758 г. хан Дондук-Даши оповещал руководителя "Калмыцких дел" Н. Г. Спицына: "Слышу я, что Бамбаровы улусы пришли к урочищу Харабали, в которых местах я кочую в осеннее время, и если они те места, где мне кочевать подлежит, вытравливать будут, то не весьма

пристойно. Прошу их с тех мест сослать, а я, как вам небезизвестно, кочевье имею на низ только до крепости Енотаевской, а они ниже оных мест к Селитренному городку и до урочища Ордилика свободно кочевать имеют". "Непристойность" ситуации понимала, видимо, и противоположная сторона, и жена Бамбара Церен-Джап извиняющимся тоном сообщала: "По недостатку травы повыше Ахтубинского селитренного городка в степи взята ими одна кочевка, однако в рассуждении, что то место бывает для хана занято, назад покочевали и спустились ниже Селитренного городка"³².

Во время перекочевков, прежде чем переходить на новое место, нойон направлял специальных служителей для поиска подходящих мест для его собственного пребывания и пастбы дйного, мясного и рабочего скота. Эти служители назывались *будулчелями* и *буричинерами* (от слова "буудл" — "стоянка", "стан", "становище", "остановка в пути" и от слова "бююр" — "кочевье", "стоянка", "стойбище"). Они же, при необходимости, охраняли намеченные места до прибытия владельца. Так, представитель русской администрации при наместнике и Зарго поручик А. Дудин доносил в 1767 г., что от Убаши "посланы буричинеры для осмотру кормов и воды в урочище Ботхоли"³³. Дондук-Даши сообщал Н. Г. Спицыну в сентябре 1748 г.: "От кочующих на низу улусных людей на верхнем скрайке я определил быть своих будулчеев для бережения кормов, которым послал я будулчеля ж Габуна, чтоб тамо обще с ними осмотрить корма и места, где б мне кочевать"³⁴.

После осмотра и выбора места, туда перекочевывал нойон с "правлящими" различные должности по улусу зайсангами-сайдутами, со штатом служителей, работников и т. п. В удобном месте ставилась нойонская жилая и приемная кибитка — орья. Вокруг нее в определенном порядке располагались кибитки чиновных зайсангов, служебные и хурульные кибитки и т. д. Совокупность всех их называлась *цахиром*, он занимал сравнительно большое пространство. Особенно это касалось ханского цахира, при котором во второй половине XVIII в. всегда функционировал передвижной базар. В орье и цахире и сосредоточивалась непосредственная жизнь хана и нойонов.

Жизнь эта с чисто бытовой стороны, особенно у ханов и крупных нойонов, была довольно комфортной, в нее все шире проникали атрибуты оседлого быта: предметы промышленного и ремесленного производства, дорогая посу-

да, овощи, фрукты и т. п. Во второй половине XVIII в. у части нойонов появилась тяга к оседлой жизни. Правда, в конечном счете на частичную оседлость перешел один Замьян, которому был построен в 1770 г. дом в Крымском затоне в 60 верстах выше Астрахани. Его наследник пасынок Тюмень еще больше оторвался от кочевой жизни. Заглянуть в его быт позволяет один неприятный для Тюменя случай. 25 июля 1783 г. из его дома были выкрадены "дюжина хлебальных серебряных ложек, две серебряные большие ложки, один серебряной ополовник, две серебряные солонки в серебряной оправе, дюжина ножей с вилками, один медной чайник, пуд пшена сорочинского (риса — М. Б.), пуд икры, полдюжины салфеток, две скатерти, дюжина бутылок пива, три бутылки старого французского, четыре бутылки шампанского, ведро французской водки". Другой нойон, Яндык, заботясь о своем здоровье, — которое он, как в последнюю очередь, подпортил неумеренным потреблением горячительных напитков, — дважды ездил для "лечения горячими водами при Брагунской деревне" вблизи Кизляра.

Разумеется, неудобства кочевой жизни — к которой, правда, тогдашние калмыки от знати до простолюдинов питали большую приверженность — в определенной мере сказывались и на нойонах. Когда зимой 1725 г. серьезно заболел Дондук-Омбо, то, чтобы уберечь его от холода, пришлось его держать в двух кибитках, одетых одна на другую. В декабре 1719 г. Санчаб, которому после бесславного возвращения из Джунгарии отец дал на "пропитание" 200 кибиток "убогих", т. е. бедных, семей, — "з женою и с тремя человеки деншики спал ночью в кибитке, а в той же кибитке было наслано тростнику и был кладен огонь, и как уснули и тот тростник загорелся, и от того он, Санжап, и будущие при нем и с кибиткою згорели".

Несмотря на частные неудобства быта нойонов по своим основным параметрам был неизмеримо далек от жизни их подвластных. 19 марта 1748 г. Дондук-Даши просил Н. Г. Спицына отпустить по надлежащей цене хотя бы 80 мешков казенной муки, так как "партикулярной" (т. е. частной) продажи в Енотаевске и Черном Яру нет, а его подвластные такую нужду имеют, что "принуждены из живой скотины кровь пускать и оную употреблять себе в пищу"³⁵. Весьма знаменательно, что даже претерпевая голод простолюдины старались скот не резать, ограничиваясь выпуском определенного количества крови. По словам Тюме-

ня, "простой народ проживает свой скот с важною бережливостью", в то время как "владельцам для обыкновенного стола в день или в два, или в три и пять дней режут одного барана, как нужда востребуются, а между тем режут кобыл и рогатый скот". Пока нойоны решали свои проблемы в тепле и сытости, простолюдины дрожжали в открытой степи, "где от стужи и метелец с голоду умирает скот, которой кладя одну на другую делаю оставшему скоту защиту, а лошадиными хвостами и гривами и баранью шерстью по неимению дров варят пищу, о умершим же скоте сколько лошадей, коров и баранов помирло для удивления пересказывают один другому"³⁶. Впрочем, о народных массах речь ниже, а мы, как выражались летописцы, на прежнее вернемся и продолжим описание феодальных сословий калмыцкого общества.

Ниже нойонов на социальной лестнице располагались зайсанги. Если нойоны наследственно владели улусами, то зайсанги, часто также наследственно, управляли аймаками — административно-хозяйственными единицами, на которые делились улусы. Существует мнение, что зайсанги ведут свое происхождение от нойонов-тысячников или же являются дальними родственниками позднейших владельцев улусов — тайшей³⁷. Если даже это так и было в средневековье, то впоследствии, по крайней мере во времена существования Калмыцкого ханства, немалая их часть была по происхождению простолюдинами. Особенно это характерно для времени Дондук-Омбо, который "многих владельцев перевел и протчих улусы и скот обрал, и большую часть старых зайсангов уничтожил и в убожество привел, а взяв ис подлости (простолюдинов — М. Б.) и татар, обогатил"³⁸.

В. М. Бакунин писал, что "у каждого нойона есть по несколько зайсангов, из которых каждый имеет свой аймак, так как и российские дворяне собственные свои деревни. В аймаках их бывает по несколько кибиток, не по равному числу, в ином 5, 10 и больше, а в ином от несколько сот до тысячи и больше". Отметив затем, что улус делится по смерти нойона между его сыновьями, В. М. Бакунин сообщает: "А то ж чинится и по смерти зайсангов с их аймаками". Последнее утверждение маститого автора нуждается в уточнении; здесь более прав К. И. Костенков, который хотя и признавал зайсангство институтом наследственным, но уточнял, что нойон, "дававший аймак в управление известному лицу, мог отнять его и передать другому, принимавшему, в свою очередь, звание зайсанга".

Действительно, в рассматриваемое нами время звание зайсанга чаще всего было наследственным: аймак отца переходил к старшему сыну, а если у зайсанга вообще не было сыновей, то к ближайшему родственнику. Нередки были и случаи, когда аймак, если позволяли его размеры, делился между двумя и даже более представителями данной зайсангской семьи. Как показывают документы, один зайсанг мог управлять несколькими аймаками³⁹, что было сравнительно редко, и один аймак мог управляться несколькими представителями одной зайсангской семьи, что было чаще⁴⁰. Были случаи, когда отец и сыновья управляли особыми аймаками, но это было характерно для знатных зайсангских семей. Например, у зайсанга Иши, который по словам Церен-Дондука "у отца моего, хана, и у матери моей Дармы-Балы дела их так власно управлял, яко и они сами"⁴¹, был сын Буруд, самостоятельно управлявший отдельным аймаком. Однако наиболее обычным было положение, когда один зайсанг управлял одним аймаком, а остальные члены семьи хоть и носили звание зайсангов, но не вмешивались в дела управления аймаком.

Наконец, сын зайсанга мог и не владеть этим званием и его положение не отличалось от положения прочих простолюдинов. Характерны в этом отношении показания Габуна, Тоджева сына. "Владения он хана Черен-Дондука, — показывал Габун, — а зайсанг де ево был показанной отец ево, Тодой". Летом 1731 г., когда Церен-Дондук кочевал на "нагорной", правой стороне Волги, Габун "в трех кибитках за скудостию своею от него отошел и, перешел по льду, жил на Татьянкином острове для прокормления и, перезимовавши, весною перешел он по льду ж на луговую сторону и соединился з зятем своим... калмыченином Бахаем и жил с ним при том улусе (Икицохуровском — М. Б.) все лето и в осень отстал он от того улуса в трех же кибитках" и зимовал у Черного Яра. Весной туда подошли улусы дербетского Лабан-Дондука, "и он де, Габун, в то время пристал для кочевья с протчими калмыки разных улусов, которые кочевали при Черном же Яре, к тому улусу"⁴².

Необходимо отметить, что как переход управления аймаком от одного члена семьи к другому, так и раздел его могли производиться только с ведома и согласия владельца, что фиксировалось, как правило, письменным документом, скрепленным печатью нойона. Среди зайсангов была сравнительно небольшая прослойка их, настолько крупных и авторитетных, что они во многих случаях определяли

поведение своего владельца. В 1712 г. саратовский комендант Н. Беклемишев, когда Аюка отказал ему в направлении на Украину 15000 воинов, обратился за содействием к зайсангам Самтану и упоминавшемуся выше Иши, "ближним хановым людям", "которые имеют до него дерзновение". Те дали обещание заступиться при совещании⁴³. Таким же "ближним человеком" был зайсанг Дурал Дюнбатыров, который управлял 2000 кибытками⁴⁴.

Основная масса зайсангов находилась в полной власти своих владельцев, которые могли устранить их от управления аймаком, подвергнуть телесным наказаниям, лишить звания зайсанга и даже безнаказанно убить. Дондук-Омбо зайсанга Теуку за то, что последний поддержал взбунтовавшегося против отца Галдан-Норбо "из зайсангов уничтожа, аймак ево отдал Темер-Болоту"⁴⁵. Сын Чакдорчжаба Нитар-Доржи зайсанга Джалчина, который удержал его от убийства В. М. Бакунина, приказав во время пути ехать вперед, убил двумя выстрелами из пищали в спину. Правда, Нитар-Доржи отличался особой кровожадностью, граничащей с психическим расстройством, и, по словам его родных братьев, в какой день не убьет человека, то убивает лошадь или другую скотину⁴⁶. Церен-Дондук ставил в вину своему сопернику Дондук-Омбо убийство зайсанга Зундуя с детьми без суда и без донесения ему, как наместнику ханства⁴⁷. Не приходится сомневаться, что несчастному Зундую не было бы легче, если бы его убили, оповестив предварительно главу ханства. Правда, по закону зайсанги, в случае конфликта их со своим владельцем, могли обращаться к главе ханства или в Зарго, но на практике это мало помогало.

Кстати сказать, зайсангов могли наказывать и по решению Зарго. Дербетский зайсанг Чиданг обвинялся в запальчивости сказанных словах, что он ничьим указам подчиняться не будет. Дело разбиралось в Зарго; обвиняемый запирался. Решено было присягу за него возложить на судью от цохуров Джамбу, который, в свою очередь, должен был привести к присяге знатных дербетов. Если последние от присяги откажутся, то Чиданга следовало наказать: "аймака лишить и со всем домом и скотом разорить, выключая из онаго наказания токмо сына ево с надлежащею наследною частию"⁴⁸. К концу существования ханства в отношения между нойонами и зайсангами все чаще и настойчивее стала вмешиваться царская администрация. В правительстве искали пути для усиления действенности

подобного вмешательства, а тем самым ослабления власти нойонов вообще.

На одном из совещаний в Коллегии иностранных дел в 1765 г. было высказано мнение "впредь для спасения невинных зайсангов от безразборчиваго мщения калмыцких лехкомысленных владельцев и ослабления некоторым посторонним образом их силы, и, следовательно, для приведения их в такие пределы, чтоб они меньше в состоянии остались своевольствовать, не излишно для того было б калмыцких зайсангов привести в некоторую безопасность от своих владельцев". Для этого предполагалось зайсангские дела в большей степени решать в Зарго, которое незадолго до этого было реорганизовано и поставлено под контроль правительства и царских чиновников. Хотя Коллегия и не покушалась отнять у нойонов "полную власть, что будет касаться до их им услуг и собирания с них податей", но желала, чтобы нойоны зайсангов "за вины их плетьюми не секли, огнем не жгли, а паче живота (жизни — М. Б.) не лишали, а отдавали б таковых в суд правительства народного (Зарго — М. Б.), где с ними поступлено будет, поколику кто виноватым окажется".

Руководители "Калмыцких дел" А. Д. Бехтеев и И. А. Кишенской указом Коллегии от 18 марта 1765 г. предупреждали, чтобы они в этом деле не спешили, а действовали "исподволь", опираясь на знатных зайсангов. Если же нойоны будут выражать недовольство, "и вы можете им в пример приводить того ж владельца Замьянга, как он от Зарги полную сатисфакциею удовольствован, а из зломысленных ему зайсангов один под караулом у Зарги будучи умер, а четвера отданы ему головою, и вами по указу отсюда сосланы в каторжную работу. Какое же посему в калмыцком народе будет толкование, о том вам по временам сюда в Коллегию доносить и губернатора астраханского репортовать"⁴⁹. До событий 1771 г. правительству не удавалось претворить в жизнь свою задумку. Ликвидация ханства развязала руки. Одной из первых акций губернатора Н. А. Бекетова было наказание зайсангов Эркетеневского улуса, которые приняли участие в уходе, но с пути, с р. Яика, были возвращены. Шестеро главных зайсангов были арестованы и подвергнуты следствию, во время которого трое умерли, а оставшиеся трое — Габунгин Баранг, Намки Ракба и Цагалай, биты кнутом и сосланы на каторгу в Нижний Новгород. Остальных виновных зайсангов лишили звания и аймаков с занесением "в число подлых аймажных

калмык навсегда вечно". Жен, детей, имущество и скот наказанных и сосланных в Нижний Новгород эркетеневских зайсангов и простолюдинов решением от 12 декабря 1771 г. велено было "с публичного торгу продать". Продажа была закончена в ноябре 1773 г.⁵⁰.

Касательно отношения зайсангов к податям, — как в свою пользу, так и в пользу нойона, — то и здесь они, видимо, за исключением их верхней прослойки, также находились в зависимости от воли своих владельцев; этим, кажется, объясняется противоречивость документальных данных на этот счет. Одни из них свидетельствуют, что зайсанги лично податей в пользу владельца не платили, другие говорят об обратном. В 1744 г. В. Н. Татищеву жаловался зайсанг Бедерни, что Дондук-Даши забрал у него 10 лошадей. Н. Г. Спицын, которому указано было разобраться, доносил, что лошади у него взяты в подать, "как и с прочих положено". Зайсанг Бедерни, заключал Н. Г. Спицын, "человек достаточный, имеет у себя скота более 600, а збирается со ста по десяти скотин, так что платить без нужды может"⁵¹. Два брата зайсанги — Темир-Болот и Дондук, аймак которых состоял из 50 кибиток, обратились к В. Н. Татищеву, что нойон их, Замьян, обижает их без всякой причины "и лишает их зайсангства, так что с самих их подати брать велит и бить грозит"⁵². Здесь был один важный нюанс, о котором уже упоминалось выше, люди названного аймака не были хошутами, а достались Замьяну по распоряжению Дондук-Даши.

Дербетский засанг Дюкур жаловался на владелицу Абу, что она отбирает у него кибитки. В ответ Аба уведомила Н. Г. Спицына, что она просила освободить от податей три кибитки, с которых они (подати) берутся не для него, Дюкура, а для Абы и ее сына Галдан-Церена, Дюкур же может взять другие три кибитки и взимать с них подать для себя. В конечном счете Аба, разгневанная несговорчивостью зайсанга, "рассуждая, что люди не его, а владельцев", просто-напросто отобрала их у него⁵³.

Злоключения некоторых зайсангов весьма показательны с точки зрения зависимости их положения от прихоти нойона и игры случая. Нойон Бамбар, внук Доржи Назарова, задолжал зайсангу Батукулюку Харабаеву 100 рублей, которые велел взять с своих зайсангов Думы и Тумуда и отдал их с аймаком в ведомство кредитора, пока они не заплатят долг владельца. Несмотря на слезные просьбы и на указания, что они и так разорены, Бамбар решения не

отменил. В своей жалобе Дума и Тумуд разъясняли, что тот долг должны были платить другие подвластные Бамбара, а он безвинно наложил на них, "потому что уже нас всех раззорил и людей наших немало распродал, токмо и тем не удовлетворялся, но и нас продавал и просил тысячи рублей, а давали только двести"⁵⁴.

3 февраля 1780 г. в Калмыцкую экспедицию явился подвластный Яндыка Бердю, который от имени отца, бывшего зайсанга Налабу, подал жалобу, что при жизни нойона они управляли аймаком в 50 кибиток, часть из которых крестилась, а остальные насильно отобраны другими зайсангами. Несмотря на то, что у них были увольнительные от податей письма от Богдо-ламы и самого Яндыка их отдали в управление зайсангу Габун Цюрюму, который с них уже и подати берет⁵⁵.

Иногда сами зайсанги своими необдуманными поступками накликивали на свою и аймачных людей головы беду. В 1754 г., когда зайсанг аймака Замутова улуса Лу Церен был по делам в ставке наместника, сын зайсанга Тергун собрал аймачных людей и заявил, что аймак их пришел в крайнее убожество и не только наместнику подать платить, но и пропитание себе не имеют и послал людей на грабеж. Посланные захватили почтовую лодку, людей убили, а награбленное привезли в аймак. Тергун взял себе "несколько денег и вещей, что ему потребно было", а остальное разделили на 48 кибиток. Когда вернулся Лу Церен, то потребовал себе "на кафтан" 10 рублей, которые ему были собраны. Одумавшись и боясь последствий, зайсанг сообщил о происшедшем наместнику. По приказу последнего для расплаты за преступление было "собрано со всех сорока осьми кибиток по пятидесят по одному рублю по пятидесят копеек, в то число из одного аймаку продано людей в калмыцких улусех калмыком же с пятьдесят человек, да для отводу в Крым на продажу же тамо отдано... восемь человек"⁵⁶.

Завершая разговор о зайсангах остается отметить одно важное обстоятельство. Если поодиночке они, особенно средние и мелкие, находились в полной власти нойонов, то все вместе, как сословие, они представляли внушительную силу, с которой владельцам приходилось весьма считаться и часто действовать с оглядкой на их мнение. В ноябре 1727 г. к Досангу с письмами руководителей "Калмыцких дел" об условиях его примирения с Церен-Дондуком был послан переводчик И. Бакунин. Досанг, на-

ходившийся за Доном на р. Лиски, письма принял и обещал посоветоваться с зайсангами и дать ответ. Через три дня к нему съехались все зайсанги, и только после совещания с ними Досанг принял предложенные ему условия⁵⁷. В 1731 г. В. П. Беклемишев, сопровождавший в улусы китайских послов, делился с Коллегией иностранных дел подозрением, что владельцы могли вести с посланцами "Поднебесной" тайные переговоры без его присутствия. Но впредь, тут же успокаивал он Коллегию, их тайны должны выйти наружу и "по их обычаю утайца не может, повинен всякой владелец о всем объявить зайсангам, что б у них не происходила", а среди последних у В. П. Беклемишева и других представителей администрации нижеволжских городов были осведомители⁵⁸.

Нойоны и зайсанги составляли светские феодальные сословия Калмыцкого ханства, так называемую, "белую кость", "цаган-ясун". Привилегированным сословием являлось и ламаистское духовенство, освобожденное от податей, военной службы и прочих повинностей. Верхние его слои по своей знатности и имущественному положению стояли наравне с владельцами и зайсангами. Крупные духовные чины имели в своем владении и людей, причем в таком количестве, что с ними не могли сравниться и многие представители светского владельческого сословия. Например, глава духовенства 20—30-х гг. XVIII в. Шакур-лама имел в своем владении три тысячи кибиток⁵⁹. Низшие же слои духовенства также существовали за счет податных сословий, выкачивая из них деньги, скот и имущество различными способами. Назову некоторые из них.

В 1742 г. В. Н. Татищев и наместник Дондук-Даши вели переговоры об определении обедневших калмыков на рыбные промыслы. Губернатор указал собеседнику на то обстоятельство, что при существующем положении обедневшим поправить свои дела нельзя, потому что хотя они деньги и зарабатывают, но "владельцы, зайсанги и посланцы грабят их немилостиво, а деньги, пришед, манжики выманивают"⁶⁰. Во время болезни Дондук-Омбо лечивший его Эмчи-гелюнг сказал его зайсангам, чтобы они собрали в одно место 1—2 тысячи священнослужителей (хувараков) и дали им 2—3 тысячи лошадей и коров, а "они де о здоровье Дондук-Омбине будут просить бурханов". По смерти жены Деджиты Дондук-Даши истратил на поминки 3000 рублей, а на поминки сына Асарая 9000, большие по тем временам деньги, если учесть, что всему 20000 калмыцко-

му войску за кубанский поход в 1736 г. было пожаловано правительством 10 000 рублей. Кстати, Дондук-Омбо эти деньги не раздал воинам, а накупил на них вещей и товаров и отправил все к Далай-ламе. Однако посланцев его не пропустили через Китай, а товары указом Сената от 13 декабря 1743 г. разрешено было продать в Кяхте русским купцам⁶¹.

При таких обильных пожертвованиях неудивительно, что даже рядовые гелюнги могли накопить достаточно денег и скота, чтобы на них, как некий Сетерту Дамбо гелюнг, можно было приобрести "19 кибиток людей, да обо-бо два человека холостых"⁶². Привилегированное и достаточно безбедное существование основной массы духовенства вызывало искушение простолюдинов, которые, по словам В. Н. Татищева, "хотя не знают закона (духовного — М. Б.), однако же ради великого подаяния все тщатся духовный чин принять, которых уже стало около 10 000, в то время как военного народа едва 20 000 собраться может". Собеседник его зайсанг Бордон согласился с губернатором, причем добавил, что духовного "чина без владельческого позволения наперед сего никто не имел, а ныне всякой по своему желанию приемлет,... о чем они, зайсанги, и сами не раз рассуждали"⁶³.

Не ограничиваясь разговорами с зайсангами, В. Н. Татищев, приверженец рационализма, обращался непосредственно к Дондук-Даши, "чтоб он, оставя суеверства, обманов поповских не слушал и раздаваемое им многое богатство употребил на вспоможение бедным". Наместнику такие предложения не нравились. Правительство также не одобрило поведения губернатора, но по совсем другим причинам. Своими "внушениями" поучало оно В. Н. Татищева, "их суеверства перевести не можете, а только их озлобите или подадите сумнение, яко вы то чините по указу нашему, разве бы о сем велели внушить кому другому, и то слехка, понеже сие принадлежит до их закона и им без противности быть не может. А впредь надобно вам их попов, которые во владельцах и в их народе силу имеют, ласкать и приводить в нашу верность, чтоб чрез них удобно было что в пользу интересов наших делать, как и наперед сего чрез Шакур-ламу по тогдашнему времени многие потребности получены"⁶⁴.

ВЕРТИКАЛЬ ОБЩЕСТВА: Н И З Ы

Феодально-зависимое население Калмыцкого ханства состояло из нескольких сословий и сословных групп: *дар-*

ханов (тарханов), эркетеней, котечинеров, албату, шабинеров, цоохоров, абганеров, китадов и мухула. Особое место занимали дарханы и эркетени. К ним относились люди, которые за особые заслуги перед владельцем и его родными или же по другим каким-то причинам освобождались целиком или частично от податей, повинностей и власти зайсанга. Они могли свободно кочевать в составе любого аймака в пределах своего улуса или даже вне его, если это обговорено в увольнительном письме. Приходится сразу же отметить, что имеющиеся в моем распоряжении материалы не позволяют уловить разницу в положении дархана и эркетена (возможно, это синонимы), и в дальнейшем я буду говорить только о дарханах, подразумевая, что все сказанное относится и к эркетенам (не путать с жителями Эркетеневского улуса). И еще одно предварительное замечание: положение дарханов, эркетеней и в какой-то мере котечинеров отличалось, в некоторых моментах существенно, от положения остальной массы феодально-зависимого населения. Тем не менее указанные категории по происхождению, по общему положению и по возможности резкого изменения их статуса принадлежали, без сомнения, к простоянцам, а не к феодальным слоям.

Пути получения звания дархана были различными, но в основе всех их лежала воля владельца, в свою очередь определяемая в некоторых случаях законом или обычаем. По законам 1640 г. дарханом становился тот, кто спасал жизнь нойона в сражении. В Калмыцком ханстве возможности стать дарханом значительно расширились. Надеюсь, что приведенные ниже примеры помогут читателям уяснить их. Эркетеневского улуса калмык Дак сообщал в 1764 г. А. Д. Бехтееву, что когда их владелец Мазан-Батыр умер, сыном покойного Яманом были отправлены посланцы в Тибет для "поминовения" отца. В числе посланцев находился и Даков отец Актай, который по возвращении "за оказанную услугу... со всем родом учинен вольным"⁶⁵. Некий Тарба-Джамцо также ездил с посольством в Тибет, "и там за некоторые услуги даны ему как от Далай-ламы, так и от Богдо-ламы за печатями их увольнительные письма, чтоб быть ему и родственникам его вольными"⁶⁶.

Дербет Чюджи был воспитателем нойонского сына Цебек-Убаши и, кроме того, обучил его грамоте, за что и получил из рук Галдан-Церена, отца Цебек-Убаши, дарханство⁶⁷. В 1765 г. Салдар из улусов Доржи Назарова предъявил И. А. Кишенскому увольнительные письма Дондук-

Даши и своего владельца Убаши, которыми его родной старший брат Лоузан-Дамбо с тремя родственниками освобожден от податей и подводной повинности, "для того что он, Дамба с родственниками, отдан Далай-ламе"⁶⁸. Дербет Есембай Джамцо получил дарханство за избавление улусов своего владельца от нападения неприятелей. Санджи из дербетских улусов сообщал Н. Г. Спицыну, что он "с товарищи в 30 кибитках" был раньше на Дону. Владелец Четер, желая вернуть их обратно, дал присягу и обещание, что если они вернутся, он не будет с них брать податей и будут кочевать, где захотят. Вернувшись с Дона, они пожелали жить в улусе Солом-Доржи, родственника Четера, где и проживали, не платя податей⁶⁹.

Кроме вышеназванных, были и другие возможности получения дарханства, иногда довольно странные на современный взгляд. О некоторых из них говорилось в первой книге в связи с описанием сожжения и погребения знатных покойников. Добавлю к этому еще два случая. Дербетская владелица Аба дала свободу двум кибиткам своих подвластных по той причине, что они "во время болезни и по смерти мужа ее, Лабан-Дондука, были при нем безотлучно, и имели за ним призрение во всякой чистоте". Их же подвластный Цой-Ренцен был освобожден потому, что во время болезни Галдан-Церена "ходя круг кибитки просил для здоровья его себе свободу". Понять суть последнего обряда, дающего дарханство, помогает сообщение Н. А. Нефедьева. В "Подробных сведениях о волжских калмыках" он упоминает об особой категории лиц, существовавших у калмыков в прошлом и называвшихся "андынами", т. е. "отверженными", которые "приобретали себе имя сие и полную независимость тем, что для изкупления больных владельцев своих от смерти, жертвовали собою Эрлику (чорту)" (стр. 101).

Дарханы освобождались не только сами лично, но часто, как мы видели из примеров, со всей семьей и родственниками, которых могло набраться до десяти и более кибиток. Пожалование дарханом могло быть ограничено определенными условиями. По сообщению Дондук-Даши, "когда ж у нас владельцы подданных своих жалуют тарханами, то им больше свободы не дают, как только от податей и от подвод, а чтоб таким подданным жить у россиян, у татар и у протчих всяких наций людей по своей воле, то такого письма никоторой владелец, имеющей здравое разсуждение, не дает"⁷⁰. Многие дарханы освобождались от пода-

тей, исключая три случая: когда деньги и скот собирались для отправки Далай-ламе, на поминки хана и на приданое ханской дочери. В этих трех случаях с дарханов производились сборы наравне с прочими⁷¹.

Дарханские свидетельства, по сообщению П. Небольсина, писались "на гладкой белого, а чаще желтого цвета шолковой материи, с приложением родовой владельческой тамги". Насчет печати, а не тамги все верно, что же касается материала для письма, то в архиве сохранились дарханские свидетельства, писанные на простой бумаге, которая была в ходу в России того времени. Верно и то, что право быть дарханом обязательно должно было засвидетельствовано так называемым увольнительным письмом, причем, по сообщению И. А. Кишенского в Коллегию иностранных дел, "при разговорах со мною калмыцкие владельцы и зайсанги и сами отзывались, что издревле у них во обыкновении то было, яко калмыцкие владельцы без ведома главного в калмыцком народе управителя увольнительных калмыкам своим писем не давали".

В увольнительных письмах назывались награждаемые дарханством, условия освобождения и т. п., и все это скреплялось личной печатью владельца. Приведу несколько примеров. Галдан-Церен удостоверял: "Цебек-Убашина учителя Чуджи гецуля за обучение сына моего грамоты и за благополучное при нем пребывание награждаю с Цембель гелюном, состоящих в четырех кибитках, от всех податей и подвод уволить, кроме известных трех случаев, да Цаган Цары и о улусах молебствия, чего для и родственников к нему присовокупил"⁷². Другому дархану письма дали его владелец, а позже и сам наместник. В первом из них от 1739 г. говорится: "Я, Убаша, Лоузанг-Дамбу с сродники троих отдал его святости Далай-ламе, которому где он сам пожелает, в тех местах и находиться: справедливого закона людям противности им не чинить, и быть им подобным таким зайсангам, которые владеют аймаками".

Второе письмо, данное тому же лицу в 1752 г., подтверждает и уточняет первое: "Дондук-Дашино письмо и печать. Гецуль Лоузан-Дамбе между торгоутами в покое жить повелеваею без податей и подвод, для того что он во время нападения касак (казахов — М. Б.) главного бурхана вынес, которого с сродники ево, троих, и господин ево Убаша в награждение отдал его святости всепредвидящему ламе... и имеют де находится в тех местах, где они сами пожелают, безпрепятственно, яко награжденные люди"⁷³. Нужно еще

добавить, что дарханные свидетельства были двух видов: по одному из них дарханство являлось пожизненной привилегией, по другому — наследственным, когда и потомки дарханов продолжали оставаться свободными от платежа податей и подведомственности зайсангам.

Почет и льготы, даваемые дарханством, были вожденной мечтой многих простолюдинов, и некоторые из них пускались во все тяжкие, чтобы заполучить необходимое свидетельство. Письмом от 30 ноября 1742 г. Дондук-Даши разъяснял В. Н. Татищеву, что после смерти Аюки нойонские птички и псары, "или при владельце который из знатных в милость допущен", за взятки лошадьми и прочим скотом у нойонов своих выпрашивали увольнительные письма для своих просителей⁷⁴. Позже, в 1754 г., по поводу 20 кибиток, не хотевших возвращаться с Дона под тем предлогом, что у них есть увольнительные письма от самого наместника и Галдан-Данжина (младшего сына Аюки), Дондук-Даши выражал удивление, так как ему и Галдан-Данжину давать такие письма не было никакого резона. "А ежели есть, — делился наместник предположением, — то разве из тех писем, которые в 1742-м году, до возвращения моего сюда от двора государнина, бывшая при матери его (Галдан-Данжина, т. е. при Дарме-Бале — М. Б.) хранители богов и печати Манжи Абугай гелюнг и Аким Иши некоторых людей воровски делали тарханами и на то давали им письма за оною печатью, а потом я оно за ними усмотря, их арестовал и, кроме живота (жизни — М. Б.) их, лишил всего имения"⁷⁵. Заканчивая краткий рассказ о дарханах, остается сказать, что нередко, особенно во время междоусобиц и других превратностей, приводящих к обнищанию улусов, они могли быть лишены своих привилегий и возвращены в состав податного населения.

Основную массу феодально-зависимого населения ханства, "черной кости" (хара ясун), или, по терминологии официальных русских документов того времени, "подлых", составляли *албату*. Название *албату* происходит от слова "албан" (дань, подать, оброк) и обозначает два понятия, которые одинаково фигурируют в собственно калмыцких материалах XVII—XVIII вв.: *обязанный податью*, *податной* и *подданный вообще* того или иного нойона. Ниже речь пойдет об *албату* в первом значении слова, т. е. о той части населения, которая вела свое самостоятельное хозяйство различного размера, выплачивала подати и выполняла различные повинности владельческого и общественного характера.

Хотя виды и количество податей и различных разовых сборов в пользу владельцев были зафиксированы правом и обычаями, однако на практике нормы часто нарушались, и нойоны устанавливали пропорции по своему усмотрению, взимая поборы по мере необходимости. Часто подати не распределялись равномерно на все подвластные аймаки; опять же по своему усмотрению нойон мог взять с одних аймаков больше податей, с других меньше, доводя некоторые аймаки до обнищания. Побудительные мотивы здесь могли быть различными: не понравился аймачный зайсанг или поведение всего аймака, обираемые аймаки были не наследственными, а достались со стороны и т. п.

Узаконена была натуральная (в XVIII в. часто и денежная) подать 5-й или же 10-й головы с каждого вида скота. Замьян на соответствующий запрос отвечал: "Когда ж законные нужды бывали, тогда брал я из скота их пятую и десятую часть"⁷⁶. Остается неясным, почему один раз брали пятую, а в другой раз десятую часть; очевидно, выбор пропорции зависел в конечном итоге от воли владельца. Питание и обслуживание нойона производилось также за счет его подвластных. Когда в 1774 г. в Петербурге умер главный дербетский правитель Цебек-Убаши, его на временных основаниях долгое время замещал представитель младшей линии дербетского нойонского рода, Ценден-Доржи, дядя известного Чучея. В декабре 1778 г. поступила от него жалоба на имя астраханского губернатора И. В. Якоби. "Дербети, — сообщал Ценден, — в разсуждении, что как их еще не настоящей владелец, податей, работников для дому и для выюченья кибитки верблюдов, кроме мясного харчу и чаю, ничего не дают, почему из собственных своих подвластных, состоящих во сте кибитках, и то бедных, для домашней работы содержу по два человека. И хотя мне яко правителю дербетева улуса мясной харч, чай и на платье дают, но в работах и во выючных верблюдах и в протчем содержании имею недостаток"⁷⁷.

Впоследствии Ценден-Доржи был объявлен главным дербетским нойоном. После его смерти жена его Тарза подала список долгов мужа, сына Бодогоя и ее — долгов оказалось на 40279 руб. 77 копеек. Жена Яндыка Битюка, по происхождению простолюдинка, выдержала ожесточенную борьбу с зайсанами за право называться владелицей. Основное обвинение, выдвинутое против нее зайсанами, — неумеренный сбор податей. В дело вмешался губернатор М. М. Жуков. При его посредничестве тяжущие-

ся стороны в 1782 г. помирились "с таким между собою положением, чтоб вместо прежде собираемой с улуса для подати производить ей от общества на каждый год денег по пятисот рублей, также сверх того на пищу по пятидесяти кирпичей чаю и прочее, что только подлежит и отдавать ей все оное при начати года вдруг"⁷⁸. Под "прочим", кроме всего, понимались ширдыки (половики), кошмы для кибитки, тесьма для крепления кибитки и т. п.

А. Дондуков, крещеный сын Дондук-Омбо, вступив в управление Багацохуровским улусом, приказал собирать с каждой кибитки — за исключением уволенных от податей и духовных — по одному рублю, а также продукты для его стола, и так собиралось с 1762 по 1778 гг. В следующем году появилась нужда в деньгах у брата А. Дондукова Ионы, который оставался в столице, и решено было собирать с 1698 кибиток по 4 рубля, а с 892 кибиток (более бедных) по 2 рубля 50 копеек. После смерти А. Дондукова в Енотаевске 17 апреля 1784 г. была проведена ревизия его улуса в связи с передачей его в казенное ведомство. Оказалось, что с людей его улуса причитается 50 000 рублей долга⁷⁹. Случалось и так, что с одного и того же улуса собирали подать несколько владельцев и владелиц. Зайсанги умершего хана Церен-Дондука объявили его вдове Деджите, что с них собирают подати на Дондук-Даши, на Дарму-Балу, на жену Галдан-Данжина с детьми и на нее, Деджит, "чего де они уже снести не могут и от того приходят во всеконечное разорение"⁸⁰.

Кроме указанной подати проводились разовые и чрезвычайные сборы, которых в год могло набраться более дюжины: деньги и скот собирались для свадеб, похорон и поминок как самого владельца, так и членов его семьи, для приема и одаривания почетных и знатных гостей, для приношений в хурулы во время молебствий и богослужений за здоровье владельца и его домочадцев во время их болезни, по случаю крупных праздников и т. п. Дондук-Даши для поминок своей жены распорядился собирать по всем улусам "с каждой скотины по десяти копеек"⁸¹. Три сбора были обязательными: Далай-ламе, на поминки хана, на приданое ханской дочери — от них редко освобождались даже дарханы.

Выше перечислены подати и поборы, взимаемые в пользу нойона. Свою долю получали зайсанги, духовенство, сборщики налогов и прочие власть имущие. Дворянин Ф. Черкесов, посланный губернатором по делам в улусы в

марте 1745 г., разговорился с Эби-гелюнгом, с которым был в дружеских отношениях. На вопрос, почему калмыки в большом количестве продают "своих ясырей", был получен ответ: от скудости — "ибо податей берут с калмык много, а прибыли ниоткуда нету, а наперед сего калмыки отгоном скота от касак (казахов — М. Б.) и от татар богатели, а ныне между собою воруют и разоряются, к тому ж от наместника определенные судьи всякой богатеть хочет". Это же подтвердил и зайсанг Шонхолдок, сказавший Ф. Черкесову, что "калмыки в крайнее убожество от великих податей пришли, и столько де наместнику не зберут, сколько сборщики себе набрали"⁸².

Албату обязаны были выполнять ряд повинностей общего характера, обеспечивающих функционирование калмыцкого общества в целом. Сюда входили воинская обязанность, причем воинами являлись все способные к тому мужчины за исключением тех, кто по правам и обычаям был освобожден от подобной службы, подводная повинность, обязанность снабжать всем необходимым гонцов, вестников и посланцев хана и нойонов. Кстати, во время сбора и отправления войска податное население должно было оплачивать соответствующие расходы. Во время борьбы со старшим братом Досангом Дондук-Даши решил ехать на Кубань за помощью к Бахты-Гирею; его союзники — владельцы оказали ему помощь, собрав со всех улусов лошадей и одежду для его отряда⁸³. В 1744 г. со всех улусов собирались подъемные деньги на тысячный отряд, отправляемый против казахов⁸⁴. Наконец, надо добавить различные штрафы, выплачиваемые за ту или иную провинность. В 1763 г. переводчик П. Деятяровский привел в послушание откочевавших от наместника 1000 кибиток, за что Убаши "по старому их калмыцкому обыкновению, что и завсегда у них происходит, приказал с них собрать за ево труды по их названию идеши, а по-русски за проезд, на что посланными от него, наместника, несколько денег и собрано, и ис того за расходом, подарено ему оставших двести двадцать рублей"⁸⁵. Штрафов, подобных "идеши", было немало.

Один из важных вопросов, возникающий при рассмотрении положения албату, — это вопрос о правовом их статусе, о степени зависимости от господ. Уже первые исследователи, пытавшиеся разобраться в социальной структуре калмыцкого общества и в отношениях между сословиями, склонны были считать, что простой народ "содержит-

ся у князьков (т. е. нойонов — М. Б.) в крепостном состоянии"⁸⁶. Интересно, что такой взгляд дореволюционной историографии на зависимость простолюдинов от господ мирно уживался с мнением, что калмыки жили в условиях родового быта. В "Очерках истории Калмыцкой АССР. До-октябрьский период", являющихся по сути обобщением итогов развития советской историографии Калмыкии до середины 60-х г., проводится мысль, что в середине XVII в. "зависимость рядовой массы калмыков от степных владельцев приближалась к крепостной", а "в XVIII в. положение народных масс по сравнению с XVII в. не только не улучшилось, но, напротив, стало ухудшаться... Трудящиеся калмыки, закрепощенные и закабаленные путами феодальной эксплуатации, лишенные прав, не получающие помощи и поддержки ни от лам, ни от царской администрации, разорялись и превращались в нищих".

Спору нет, калмыцкие трудовые массы, в том числе и албату, находились в личной зависимости от своих нойонов. Вместе с тем албату были собственниками определенных средств производства, имели свой скот и вели собственное хозяйство. Как отмечал К. Маркс, "во всех формах, при которых непосредственный работник остается "владельцем" средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства"⁸⁷. Таким образом, личная зависимость еще не означает здесь автоматически и обязательно крепостную зависимость.

Нуждается в уточнении и тезис о том, что податями и поборами нойоны доводили своих подвластных до нищеты. Разумеется, подати и поборы были, о чем говорилось выше. Однако нойоны не были столь безрассудными, чтобы не понимать, что доведение подданных до нищеты подрывает и их благополучие. В 1765 г. наместник Убаши сократил содержание мачехи, ханши Найджитун. Н. А. Бекетов при разговоре со знатным зайсангом Ондоном спросил: почему наместник обидел мачеху? Ондон ответил, что это инициатива не самого Убаши, а зайсангов и "подлого народа" "на основании прежних калмыцких обычаев, по которым вдовы ханов полной власти и содержания боль-

шого не имеют, чтобы излишними поборами не отяготить народ"⁸⁸. По словам самого наместника, "подвластные мои знатные и подлые люди мне представляли, что владелец от подвластных людей довольствие получает, а поданные со скотом жить должны". С этим разумным утверждением не мог не согласиться Убаши, почему и убавил содержание мачехи⁸⁹. Наконец, нойон Асархо в июле 1771 г. решил с зажиточных подвластных собрать по рублю с кибитки, чтобы тем поправить положение бедных, выделив им собранные деньги для покупки скота и продуктов питания⁹⁰.

Возвращаясь к положению албату, надо попытаться выяснить: на каком этапе пути от крепостного состояния до сословной неполноправности находились они? Для получения ответа обратимся к источникам. О положении в XVII в. достаточно определенных сведений нет; лучше обстоит дело с материалами по XVIII веку. В 1713 г. жена Чакдорчаба Джала писала астраханскому коменданту М. И. Чирикову: "У наших попов ушли дворовые две девки, и вы одное девку нам отдали, а другую оставили у себя. И которую оставили девку и тое девку хотел ты у меня просить; и нам отдать нельзя для того, что те калмыки у нас вольные люди, а буде бы полонка или татарка, или иных родов какая-нибудь, мочно бы вам отдать. А по нашему закону своего калмыцкого роду отдать нельзя"⁹¹.

В январе 1734 г. убежала из улуса некая женщина и на допросе показывала: "Мать моя родная была пленница от русских людей ...И пр взятии в плен в калмыки выдана была в замужество за вольным калмыком"⁹². В другом случае наместник Дондук-Даши велел справиться об одном человеке, действительно ли "помянутой холоп подлинно ево, Чюрюма, или торгоутовых улусов свободной человек"?⁹³ О какой свободе, о свободе от чего или от кого идет речь в приведенных свидетельствах и кто понимается под "свободным человеком?". Как следует из слов наместника, "свободный человек" отличался от холопа. Холоп был не свободен, зависел от своего хозяина, был его собственностью. Так, 23 апреля 1756 г. в Енотаевске калмык Айтам заявил, что пять месяцев назад бежала от него "собственная ево холопка, калмыцкая девка, называемая Эльзето"⁹⁴.

Определить социальное положение "свободного человека" помогает следующее известие источника. Некто Бордок по разделу Багацохуровского улуса достался внукам хана Дондук-Омбо от старшего сына. За этого Бордока, так как он был осведомителем русской администрации,

хлопотал В. Н. Татищев, чтобы Дондук-Даши содержал его в "милости". На просьбу наместник ответил: "Я ему следующую пользу учинил: оной Бордок наперед сего был у людей в крестьянстве, а ныне я за добрые ево поступки от того крестьянства выключил и учинил ево с протчими в равенстве свободным"⁹⁵.

В калмыцком оригинале письма наместника социальное положение Бордока, когда он был у людей "в крестьянстве", передано термином "цоохор". Русский переводчик, переводя это слово выражением "в крестьянстве", имел в виду, несомненно, положение русского крепостного крестьянина. Значит, положение "цоохора" было одинаковым с положением крепостного или же приближалось к нему. Далее мы знаем, что другие категории свободных людей калмыцкого общества обозначались специальными терминами — дарханы, эркетени. Таким образом, остается сделать единственно возможный, как думается, вывод, что в вышеприведенных сведениях под "свободными людьми" подразумевались, в первую очередь, албату — податная категория калмыцких улусов.

Вместе с тем хорошо известно и не подлежит сомнению то обстоятельство, что албату были зависимыми от своих господ — нойонов. Разница между албату, с одной стороны, и между цоохорами, китадами и мухула (о них речь ниже), с другой стороны, состояла в том, что последние находились в той или иной степени зависимости от частных лиц, в том числе и от представителей албату, а первые зависели только от нойона — владельца улуса. Зависимость эта, таким образом, была зависимостью от верховного лица феодального владения — улуса, то есть, если так можно выразиться, это была государственная зависимость. Говоря о "свободе" албату, имели в виду свободу их от власти частных лиц, но не свободу от нойона. Как бы там ни было, вполне очевидно, что положение албату было более благоприятным, чем положение цоохоров и т. п., иначе бы Дондук-Даши не мог бы сказать в случае с Бордоком, что он ему "пользу учинил", выключив из "крестьянства у людей".

Остановимся на некоторых существенных сторонах положения албату. В "Очерках истории Калмыцкой АССР" утверждается, что албату не могли откочевать от своего сеньора. Уход рассматривался как бегство, и беглеца немедленно возвращали в распоряжение владельца. Действительно, в законах 1640 г. говорится о взаимной выдаче

нойонами беглых семейств под угрозой больших штрафов. В реальности подобные установления соблюдались не всегда. Более того, все больше становилось в ойратском и калмыцком обществах людей, которые подолгу не жили в своей административной части, будь то улус, оток, аймак или хотон.

Во второй половине XVII в. джунгарский Галдан Бошокту-хан издал указ, где, между прочим, говорилось: "Управляющий каждым отоком... должен внушать демчеям каждых сорока (кибиток), чтобы демчеи собирали своих людей... Вообще людей, ходящих по чужим хошунам и между собою смешавшихся, должны собирать: если они без оток (не входят в состав отока), то водворяются в отоки, если они без аймаков, то водворяются в аймаки". В середине XVIII в. Дондук-Даши, составляя свои законы, также вынужден был требовать, что "каждый должен жить в своей части, или левой, или правой, или средней". Каким же образом люди оказывались вне своих владений и административных частей, долго ли они могли оставаться в таком промежуточном положении и насколько эффективно и быстро мог владелец пополнить вновь ушедших подвластных?

В 1727 г. зайсанг Цюрюм, ушедший из улусов дербетского нойона Четера под г. Богучары, показывал на допросе: "Дед де его и отец имели у себя калмык пятьсот кибиток, и ныне, за слабым судом Четеревым, оные их калмыки от них разошлись по другим зайсангам, також и разбежались в разные места, о которых он просил Четеря, чтоб их приказал отдать во владенья им", но успеха не добился, что и послужило причиной ухода⁹⁶. В свою очередь сын Четера, Лабан-Дондук, сообщал русской администрации, что "их дербетевых калмык, в дальних летех от них отшедших, в торгоутовых улусах множественное число имеется", ссылаясь при этом на то, "что сперва их числялось с семь тысяч, а ныне де осталось уже менее трех тысяч кибиток"⁹⁷. Выше говорилось о нойоне Убаши, у которого люди разошлись по разным улусам после разгрома от казахов. Замьян также жаловался, что при жизни деда и отца улусные их люди разошлись по разным местам⁹⁸.

Как видим, причины потери нойонами и зайсангами своих людей были различные: междоусобицы, нападения неприятелей, недовольство действиями своих господ и т. д. Немаловажное значение имело и обнищание рядовых калмыков, заставлявшее их искать средства существова-

ния на стороне. Так, в 1733 г. к В. П. Беклемишеву явились "Четерева улусу Байсху с товарищи в одиннадцати кибитках, да Чапдержапова улусу Шарап-Дархан в одной кибитке, которые за скудостью своею жили, переходя, в разных улусах"⁹⁹. Приведенные примеры, а число их можно без труда умножить, показывают: утверждения, что албату "не могли откочевать от своего сеньора" и что "беглеца немедленно возвращали в распоряжение владельца", слишком категоричны.

Особенно тревожило владельцев то обстоятельство, что массы обедневших простолюдинов уходили на заработки в русские города и села, надолго отрываясь от своих улусов. Так, некий Болот "за скудостью своею жил на Волге на Долгом острове на одной рыбной ватаге при русских людях для пропитания своего лет с восемь". Бесскотные, не имея возможности кочевать вместе со своими более зажиточными единоплеменниками, жили рыбной ловлей и также надолго отрывались от своих административных единиц и даже переставали платить подати. Дондук-Даши, имея в виду подобных подвластных, сообщал астраханскому губернатору: "Оные все живут от нас во отдалении за Волгою и подобно таким людям, которые владельцев и зайсангов не имеют, а морскую воду и камыши имеют себе за крепости, к которым хотя и наши посланцы ездят, но они де не токмо что краденое, но и свой скот в такие места за воды и в камыши упрятывают, что человеку того никак признать не можно, и живут так, якобы ничего у себя не имеют"¹⁰⁰.

Чрезвычайно важны свидетельства, показывающие, что простолюдины и, в первую очередь, албату, которые составляли основную массу населения ханства, могли, по обычаю, оказывать влияние на своих господ и временами принимать действительное участие в решении важных вопросов. После смерти Аюки, во время междоусобной борьбы за власть, перед группой нойонов встал вопрос: подчиниться ли требованию русского правительства, настаивающего на переходе улусов внутрь Царицынской укрепленной линии? Мнения на совете нойонов и знатных зайсангов разделились. В конечном итоге сочтено было за лучшее узнать мнение "простаго народа, что они присоветуют", объявив ему, что возможны репрессии со стороны царского правительства. Весь народ единогласно постановил, что лучше отдаться в волю правительства "и быть при Волге, нежели на пустой степи всем пропасть", что и выполнили владельцы¹⁰¹.

О подобной роли простолюдинов свидетельствовал В. П. Беклемишев, хорошо знавший внутреннюю жизнь калмыцкого общества, когда доносил по инстанции, что "бес совету простого народу великих дел владельцы делать не могут"¹⁰². Еще раньше небезызвестный А. П. Волынский докладывал в Сенат, что он имеет несколько тайных агентов из среды калмыков, которые "какие у них консилии бывают, оные мне тайно сказывают, понеже у них одни владельцы без общего согласия собою делать не могут, и тако все их консилии не зело тайны"¹⁰³. В междоусобицу 1731 г. Петр Тайшин, союзник Дондук-Омбо, не смог последовать на Кубань и остался кочевать при Волге "для того, что подлой народ желает"¹⁰⁴. Каким образом принимались народом важные решения в материалах рассматриваемого времени свидетельств не имеется. Пролить некоторый свет на эту проблему помогает сообщение П. Небольсина, который, описывая административно-хозяйственную структуру улусов в середине XIX в., замечает: "Мы не упоминаем здесь про родовые сборища, "отыгин-хурон", которые нынче заменены мирскими аймачными сходками"¹⁰⁵. О соотношении рода и отока речь шла, здесь же только замечу, что П. Небольсин имел сведения о собраниях народа по отокам в прошлом; вполне возможно, что именно на них и вырабатывалось всенародное мнение.

Еще более красноречив факт, относящийся, правда, к первой четверти XIX в., но, думается, он выражал собой более древние обычаи. 24 июля 1823 г. главному приставу калмыцкого народа А. В. Коханову было подано прошение духовенства, зайсангов и простого народа дербетских улусов, в котором говорилось, что покойный нойон Эрдени-Тайши Тундутов составил с помещиком Петровым "миролюбные записки о землях, лежащих по левую сторону реки Кумы,... и в то время учинил сие самовольно, без согласия зайсангов и простаго народа. Хотя же он был и владелец, но в землях сам собою, без согласия подвластных, распоряжаться права не имел"¹⁰⁶.

Непосредственное соседство с русским населением и возможность ухода в приволжские города и села и донские станицы налагала дополнительные ограничения попыткам калмыцких феодалов усилить эксплуатацию и ограничить права подвластных. Саратовский дворянин И. Насакин, побывавший в улусах в сентябре 1734 г., доносил, что ханша Дарма-Бала "говорила, что она о житье своем и не ведает, как и поступку употреблять", так как, ко всему про-

чему, "их калмыки как сына ея, хана Черен-Дондука, так и ея не слушают и всегда страшат, что в города для крещения уходить будут"¹⁰⁷. Среди пунктов с просьбами и пожеланиями, направленных Дондук-Омбо правительству после провозглашения его главой ханства, имелся один с просьбой не принимать уходящих в города и села, совершив противоправный поступок в улусах, "для того, что владельцы подданных своих за вины их штрафовать и наказывать не могут, отчего их калмыцкий народ в своевольстве и находится"¹⁰⁸.

Дондук-Омбо хорошо знал, о чем говорил. Во время борьбы за власть ему не раз приходилось смирять себя, чтобы расположить к себе своих подвластных. Так, по доношению одного из осведомителей, в 1729 г. он "к подданным своим калмыком зело стал ласков, так что и обыкновенных податей с них брать перестал, и посланные от него и на лошадях улусных людей не ездят и тем в наивысшее себе послушание привел"¹⁰⁹. Мятежный нойон был не одинок в своих затруднениях. Вдова Досанга Солома в письме от 15 октября 1732 г. уверяла представителя царской администрации: "Улуса моего люди крестятца не для того, чтоб в вашем законе быть, но для того, что я беру с них подать, також учиня воровство (имеется в виду вообще проступок, в том числе и неподчинение владельцу — М. Б.), избегая моего наказания, бегают и крестятся... А как из улусу моего от дачи податей и от воровства все креститца разбредутца, то мне как на пропитание брать улусов не останетца, так и владельцем быть будет невозможно"¹¹⁰.

Как видно из случая с Дондук-Омбо, уменьшению степени эксплуатации способствовала не только возможность ухода в города и села, но и возможность побега к другому владельцу, который стремился удержать перебежчиков и закрепить за своим улусом, предоставляя льготы, хотя бы и временные. Черен-Дондук в ответ на предписание не давать людей в помощь крымским татарам и наказывать самовольников, отвечал, что он так бы и поступил, "только ему затем невозможно, что владельцы его не слушают, а ежели ему одного своего владения держать в страхе", то его люди будут от него убегать и жить у других владельцев, отчего он может прийти в бессилие"¹¹¹.

Когда говорят о крепостническом характере зависимости калмыцких простолюдинов, то обычно ссылаются на право феодалов продавать своих подвластных. В "Очер-

ках" даже утверждается, что "тяжелое положение зависимого албату усугубилось в 30—40-х гг. XVIII в. в результате императорских указов 1737 г. и 1744 г., "которые, по мнению Г. З. Минкина, и с которым соглашаются "Очерки", будто бы разрешили "калмыцким владельцам продавать крепостных калмыков как обыкновенную движимую собственность". Между тем, смысл правительственных указов другой. В указе Анны Иоанновны от 16 ноября 1737 г. говорилось, что разрешается "калмык и других наций, которые хозяевам (приобретшим их — М. Б.) достаются больше малолетние", и для воспитания и обучения их к тому или иному делу требуется затратить немало средств, "позволяется всякому таких покупать и крестить и у себя держать без всякого платежа подушных денег, только с одною запискою, чтоб ведомо было, сколько оных ныне находитца и впредь прибудет"¹¹².

Как видно, здесь нет речи о прямом разрешении "калмыцким владельцам продавать своих крепостных", хотя косвенно подтверждается, что калмыки продаются. Указом от 12 мая 1744 г. разъяснялось, что "калмыков, которые приходят и просят на волю без всякого письменного вида от помещиков, таких за такое своеволие наказывать батогами и отдавать тем помещикам и прочим, потому что по указу 1737 года повелено быть калмыкам, у кого объявлены, неотъемлемыми, почему они стали быть уже равно яко их крепостные"¹¹³. Здесь речь идет о тех калмыках, которые ранее уже были проданы русским помещикам и хотели освободиться от крепостной зависимости.

Кто же и в каких случаях продавал их? Начнем с нойонов. Дондук-Даши, требуя возврата 20 кибиток некрещеных калмыков, которых удерживали под предлогом продажи их купцу А. Кучукову, напоминал астраханскому коменданту А. Т. Юнгере: "...вы и сами знаете, что калмыцкие нойоны не имеют привычки продавать улусы". Возможно, что речь идет о продаже не улусов, а людей: "халимаг нойон улусан хулдудаг занг угейиги та чигн медеку бейиза"¹¹⁴. В письме канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину от 12 августа 1754 г. Дондук-Даши еще больше конкретизирует круг продаваемых и формальности продажи: "Ежели кому из россиян случится купить мальчика-сироту или служителя и служанку, или кто выпросит у владельца, то уже обыкновенно, что россиянин такого человека без владельческого письма и печати не возьмет"¹¹⁵. В определенной мере слова наместника подтверждает записка, составленная в

канцелярии главного пристава в начале XIX века. Чиновники, имевшие возможность непосредственно наблюдать социальные отношения калмыков того времени, отмечали: "Состояние калмыцких владельцев существует на правах помещичьих, с тою только разницею, что они по правам их продавать свое имение целым улусом или аймаками отнюдь не в праве, а дарить, равно как и продавать одну или две семьи могут"¹¹⁶.

Как показывают источники, нойоны в некоторых случаях продавали и больше людей, чем одну или две семьи. Бамбар, внук Доржи Назарова, отправил в Кабарду для продажи 17 человек¹¹⁷. Необходимо отметить, что такие случаи были весьма редки и вызывались крайней необходимостью. Тот же Бамбар на запрос Дондук-Даши оправдывался тем обстоятельством, что дед, отец и дяди его задолжали при своей жизни русским заимодавцам более 1000 рублей и, чтобы заплатить многочисленные долги с набегавшими процентами, за неимением продажного скота, вынужден продать небольшое количество людей. "Скудостью" своей оправдывался и нойон Ользейту, также продавший несколько человек.

Знаменательно, что подобные продажи не одобрялись ханами и наместниками. Церен-Дондук и Дарма-Бала просили астраханские власти запретить во всех городах покупать людей "калмыцкой нации". Со своей стороны они приказали бодокчеям не позволять калмыкам продавать людей и отбирать таковых у продавцов¹¹⁸. Дондук-Даши, уже вынужденный действовать с оглядкой на правительство, писал В. Н. Татищеву, имея в виду ряд молодых владельцев, после междоусобий увеличивших продажу людей с целью поправить свои финансовые дела: "Понеже таковыя малолетные владельцы, показывая такая нужды, людей своих за границу продают, от чего их силою ли удержать или особливо что с ними чинить, о том трочной... грамоты я не имею, и для того, не имея указа, силою их удержать не могу"¹¹⁹. Надо думать, что если бы наместник мог действовать по собственному усмотрению, он не замедлил бы силой прекратить торговлю людьми, так как тон письма не оставляет сомнений, что он резко отрицательно относился к подобной практике.

Источники позволяют достаточно обоснованно сделать вывод, что в первую очередь и по большей части продавались "ясыри" — пленные, холопы, служители, то есть, по калмыцкой терминологии, китады, мухула, цоохоры, низ-

шие котечинеры и абганеры: последних источники называют "собственными крестьянами" нойонов¹²⁰. Причем и торговля перечисленными категориями зависимых людей бывала в случаях "оскудания" их хозяев, потребности в деньгах для уплаты податей и для расплаты с долгами: вспомним вышеприведенный разговор Ф. Черкесова с Эби-гелюном. Собственно албату продавались редко, а большими партиями и вовсе в исключительных случаях, чаще всего после совершения преступления, в возмещение нанесенного ущерба и т. п., как это было с аймачными людьми зайсанга Лу-Церена, сын которого организовал ограбление почтовой лодки.

Продажа людей, в том числе и албату, увеличивалась во время усобиц среди владельцев, продававших захваченных друг у друга людей. Но и в этом случае чаще продавали не сами нойоны, но их подвластные, с разрешения владельца и без такового. Во время междоусобия начала 30-х гг. XVIII в. из лагеря Дондук-Омбо сообщали, что "владения его люди Черен-Дундуковых калмык брали себе по приказу Дундук-Амбы и продавали кубанцам, крымцам и азовцам, и торгуют де все Черен-Дундуковыми людьми"¹²¹. В междоусобицу начала 40-х г. В. Н. Татищев с тревогой доносил правительству, что из улусов вдовы Дондук-Омбо продается за границу много людей из числа захваченных у других владельцев, "через что весь калмыцкой народ вскоре исчезнуть может". Обрисованная картина была исключительной, нарушавшей устоявшиеся законы и обычаи, а не постоянной практикой.

Вместе с тем и в мирные времена нередко можно было наблюдать картину, обрисованную царицынским дворянином Я. Татариновым, объявившим в царицынской комендантской канцелярии, "что как прошлого 1738 зимним, так и нынешняго 1739 годах летним временем, при бытности ево на имеющемся при Царицыне калмыцком торгу (приславом — М. Б.), в продаже розсийаном от калмык их люди, как большего, средняго, так и малаго возрастов мальчишки и девочки находились, а именно: большие по осьми рублей, средние по пяти рублей, малолетние по рублю по двадцати копеек"¹²².

Основную массу продаваемых, и в первую очередь детей, поставляли рядовые калмыки. Зажиточные из них торговали собственными холопами и их детьми, а бедные продавали жен и детей. Причины продажи были в каждом конкретном случае разными; у бедных — чаще всего край-

няя нужда. Иногда этому способствовали распоряжения ноюнов. Так, Лубжа, сын Доржи Назарова и отец Бамбара, собираясь в поход против казахов, "в улусы свои послал и велел збиратца всем, хотя у кого и лошадей нет заклады-вали бы детей, а чтоб все по головам ехали"¹²³.

Яркую картину путей, какими попадали в продажу взрослые и малолетние калмыки, рисуют два документальных свидетельства. В начале 30-х гг. XVIII в. астраханского гарнизона полковник Я. Гакарт и подполковник Грибовский имели в своем владении малолетних калмыцких детей, на которых у них не было соответствующих документов. Дети были допрошены в Конторе калмыцких и татарских дел. Мальчик Кабен сказал, что родители его живы, от которых, украв, "воровские калмыки" продали полковнику. Второго, Аламбатыра, такие же "воровские калмыки" украли у матери и продали тому же полковнику. Девочка Накбо показала, что она продана Грибовскому родной матерью. Двое, малолетние девочка Камча и мальчик, не сумевший назвать даже своего имени, ничего показать не смогли¹²⁴.

17 марта 1743 г. в канцелярии "Калмыцких дел" были допрошены разысканные наместниковым даргою Джамцо проданные калмыки. Парень Лузан показал, что жил нынешней зимой у своих зятьев при Камызякском учуге, "и назад тому ныне дней з двадцать, приехав к ним на тот учуг того же улуса и аймака калмыченин Хардан и взяв ево, Лузана, к себе, обеща держать при себе вместо сына, и привезши в Астрахань продал за четырнатцать рублей трухменцу". У девочки Деджи родители умерли от оспы, а она жила с братом и сестрой "при татарских пашнях". Минувшей осенью подвластный Замьяна Халцай забрал брата и сестру, а куда их дел, не знает, потому что в то время болела оспой. Когда она выздоровела, то тот же Халцай забрал и ее и продал за 19 рублей кундровскому татарину.

Девочка, называемая по-татарски Арслан и не помнившая ни своего калмыцкого имени, ни улуса и аймака, откуда она родом, поведала, что три года назад родители, кочевавшие вблизи Астрахани, "за скудостью" продали ее татарину Утюгеню, а тот другому татарину Уразу, который, в свою очередь, продал ее кубанскому татарину, откуда была вызволена даргой Джамцо. Девочка Тохай была продана родной матерью зайсангу наместникова владения Ламоджапу, который затем перепродал ее кубанскому татарину, живущему на Царевой протоке. Наконец, женщина Джала вместе с сыном была за 60 рублей продана мужем тем же татарам¹²⁵.

Таким образом, албату не были собственностью или зависимыми от отдельных частных лиц. Подчиняясь нойону, правителю феодального владения — улуса, своего рода мини-государства, они являлись государственными податными. Важно в связи с этим отметить, что выплачиваемые ими подати и исполняемые повинности шли не только в пользу их нойона, но и частью на общественные нужды всего ханства. Утверждения, что албату не могли откочевать от своего владельца, покинуть (хотя бы на время) свои административные подразделения, что они не могли оказывать влияния на действия своих господ, что последние могли без ограничений увеличивать степень феодальной эксплуатации, что феодалы же могли бесконтрольно продавать, дарить и т. п. своих албату, — являются преувеличенными. Кроме того, как уже указывалось, обнищание и уменьшение количества албату неминуемо бы подорвало экономическую, политическую и военную мощь нойона (ведь именно албату составляли основу вооруженных сил улусов), чего феодалы не могли не понимать. Имелись законодательные установления и общенародные обычаи, которые не всегда можно было безбоязненно и без последствий перешагнуть. В свете сказанного положение албату, если сравнить его с социальными категориями оседлых феодальных обществ, — при этом помня, что подобные сравнения достаточно условны, — можно приравнять к положению дворцовых крестьян феодальной России, а быть может даже государственных, так называемых черносошных крестьян. Продажа и дарение отдельных представителей албату в целом не меняли юридического положения всей их массы как особой сословной группы. Проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Переходя к обрисовке других категорий феодально-зависимого населения Калмыцкого ханства, вынужден сделать предварительное замечание, что рамки настоящей работы не позволяют остановиться на них подробно и вынуждают ограничиться необходимыми для общего представления штрихами. Довольно крупную группу из них составляли *шабинеры*. К ним относились люди, выделяемые ханом и нойонами высшим чинам ламаистского духовенства с правами владения для обслуживания хозяйственных и культовых нужд хурулов и завещаемые Далай-ламе во спасение души. Так как отправка таких людей в Тибет была сопряжена с большими трудностями, то обычно Далай-лама передавал право владения ими (определенное количество семей — кибиток) главе местного духовенства.

Последний отправлял своему верховному духовному сюзеру часть дохода, получаемого от эксплуатации шабинеров в виде денег или товаров с посольствами, периодически отправляемыми в "Зоу", или "Барунталу", т. е. в Тибет. О том, что именно так обстояло дело, свидетельствует сообщение от 1733 года, что люди Доржи Назарова во время усобицы разорили шабинеров, которых в свое время Аюка отдал Далай-ламе для своего поминовения, а Далай-лама повелел владеть теми людьми Шакур-ламе.¹²⁶

Шабинеры состояли из представителей различных улусов, но, как и прочее население, объединялись в особые административные единицы, о чем уже говорилось, и также управлялись зайсангами, которые могли быть как светскими, так и духовными лицами. В составе шабинеров находилась и часть гелюнгов, гецулей и других представителей духовенства, справлявших службу в том хуруле, к которому был приписан тот аймак шабинеров, членами которого являлись и они. Рядовые же шабинеры не относились к духовному сословию, а лишь обслуживали нужды хурулов и духовенства.

В ранние периоды рассматриваемой нами эпохи, более всего во времена Аюки, шабинеры по закону были свободны от платежа податей светским феодалам и несения воинской службы. Фактически же владельцы, особенно после первой четверти XVIII в., нередко производили в свою пользу сбор денег, скота и прочих продуктов и вещей и с шабинеров, но как бы уже неофициально и под видом добровольных подношений и подарков. В это же время ввиду уменьшения населения улусов и прочих причин их стали призывать и на военную службу. Иногда в случае чрезвычайных обстоятельств среди шабинеров могли произвести денежные и прочие сборы, о чем свидетельствует способ погашения долгов дербетского владельческого дома.

Главный нойон улуса, младший сын Лабан-Дондука — Галдан-Церен, стремясь добиться независимости от власти наместника и права отдельного кочевания, поехал со своими просьбами ко двору, где заболел и умер в 1764 г. После него остался малолетний сын Цебек-Убаши, за которого правили бабка Аба и знатные зайсанги. Управление оказалось из рук вон плохое, так что в дела улуса должно было вмешаться правительство. По его указанию туда прибыли И. А. Кишенской и член Зарго, главный лама калмыцкого народа Лозон-Джалчин. В ходе проверки выяснилось, что владельческий дом приведен "в неоплатные дол-

ги". На вопрос, куда тратились деньги, получить вразумительный ответ не удалось, а правившие улусом зайсанги стали кивать друг на друга. Как всегда, расплачиваться пришлось простолюдинам.

По совместному решению И. А. Кишенского и знатных улусных зайсангов все долги владельческого дома, кои были внутри улуса, то есть заняты у своих же улусных людей, были аннулированы. Долги сторонним лицам — русским, армянам, татарам и людям других владельцев — решено было заплатить, для чего положили собрать с каждой кибитки податного населения по одному рублю. Во избежание разорения бедных людей решили собрать с шабинеров и со всех, кто имеет дарханные письма, также по одному рублю, не исключая ни одной кибитки.¹²⁷

О том, что в XVIII в. и шабинеров не обходила обязанность нести военную службу, говорит записка Дондук-Даши от 9 мая 1756 г. Ею он оповещал русские власти, что выделил требуемые 4000 воинов для помощи русской армии и они готовы к отправке на Украину. Отряд под общим командованием племянника наместника нойона Лаванга был разделен на четыре части, каждая со своими командирами: первая тысяча из зюнов, вторая из барунов, третья из запсоров и четвертая из шабинеров, командиром которой был сын знатного зайсанга Бордона Ончик-Церен.¹²⁸

Очень обстоятельный и хорошо раскрывающий положение шабинеров во второй половине XVIII в. ответ дали сами владельцы в 1784 г. на соответствующий запрос губернатора М. М. Жукова. Все опрошенные единогласно заявили, что "с таковых шабинеровых гелюнгов, гецулей, манджиков и просточатцов (шабинеров, не относящихся к собственно духовенству — М. Б.) как владелец, так и подчим подвластным калмыкам подвод и податей брать закону и прав никаких не имеется". Далее они отмечали, что "владелец же хотя и может от тех шабинеров потребное на свою персону взять, однако ж не в подать...; что ж принадлежит до высокой ея императорского величества службы (военной — М. Б.), от оной не исключаются". И, наконец, раскрывая обязанности шабинеров, они ответили, что "единственно таковых родов гелюны, гецули и манджики только исправляют в ...хурулах духовную службу, а черной народ приносят надлежащую в те хурулы жертву" и лишь "когда случитца для общественной всего улуса надобности побор, то и оные шабинеры по соизволению своему в том помогают".¹²⁹

Шабинеры, причисленные к тому или иному хурулу, не обязательно должны были кочевать совместно с ним. По мере необходимости представители соответствующего хурула приезжали в принадлежащий им аймак шабинеров и производили сбор денег, скота и прочего, или же зайсанг этого аймака в установленное время организовывал доставку собранной подати. В случае необходимости потребное количество шабинерских семей вызывалось в свой хурул для выполнения текущих хозяйственных работ. И, наконец, общее руководство шабинерами продолжало, в конечном итоге, оставаться в компетенции владельца.

О котечинерах, личных служителях нойонов, вкратце говорилось в разделе о семейных отношениях. Здесь остается добавить немного. Напомню, что котечинеры по закону и обычаям не платили податей, а многие из них не имели зайсангов и не входили в состав аймаков. Так, Бодой Булатов на допросе показывал: "Владения я ханши Дармы-Балы, а зайсанга я у себя не имею, понеже при ней, ханши, тому лет с пятнадцать обретаюсь в денщиках".¹³⁰ Среди них выделялась прослойка богатых и влиятельных лиц, с которыми приходилось считаться и владельцам. Во время междоусобия вдова Досанга Солом, боясь неповиновения или измены со стороны подвластных, "к верности всех своих главных заесангов и знатных кетючинеров привела к присяге".¹³¹ В 1739 г. донской атаман Д. Ефремов сообщал царицынскому коменданту П. Ф. Кольцову, что "ея императорского величества грамоту к хану Дондук-Омбе чрез случившагося здесь в Черкасском ханского посланца из ближних ево котечеев именем Энкетимира отправил".¹³²

В более ранние времена если не все котечинеры, то большая их часть обязана была сопровождать нойона в военном походе, являясь его телохранителями или чем-то вроде дружины. П. Небольсин, не называя источника сведений сообщает, что "в старыя времена, при сборах с ним на войну, часть кётёчинеров, по выбору нойона, ходила вместе с ним молиться в хурул, и там давала клятвы и обеты быть верными и непоколебимо преданными сподвижниками и защитниками нойона и его семейства". По мере угасания воинственности и редкого участия большого числа нойонов в походах котечинеры мало-помалу превращались в домашнюю челядь, а то и просто в мастеровых людей. Вот как описывает положение котечинеров в середине XIX в. П. Небольсин:

"Лучше всех живут мастеровые из кётёчинеров вла-

дельческого ёргё. Выточит он трубку и приделает к ней коротенький чубук — он продаст свою работу за четвертак дальнему скотоводу; за выдолбленную чашку непременно возьмет полбарана; за изделия более значительные, за железные и стальные поделки с серебряными насечками богатый калмык не пожалеет и коня отдать. И потому у заботливого и работающего кётёчинера есть и косячок лошадей, и стадо рогатого скота, и маленький наличный капитал; вода у него под боком, рыть колодцев ненужно (хошуты в это время почти постоянно кочевали у Волги — М. Б.); заботы по небольшому хозяйству невелики, и такой семье можно не только прищегольнуть чистотой внутреннего убранства кибитки, можно заняться даже посторонним делом, и можно ближе свыкнуться с обычаями горожан, с которыми им приходится, по мелким торгам, вступать в сделки". Нет особых сомнений, что процесс трансформации котечинеров начался в XVIII в. и ускорился после ликвидации ханства.

Необходимо отметить еще одну особенность в положении котечинеров, иначе оно останется не до конца понятным. Они могли войти в приданое нойонской дочери и вместе с ней перейти в улус ее мужа. В 1768 г. на Дону был задэржан и отправлен к "Калмыцким делам" крещеный калмык П. Иванов. На допросе он показал: звали его Бютюк Самтанов, из Багацохуровского улуса; по смерти родителей остался малолетним и жил у дядей, "которые де будучи котеченерами, или домовыми владельческими служителями, при отдаче в замужество за дербетова владельца Гюнга (Гунга-Доржи, сын Четера — М. Б.) Цебек-Доржиной сестры Церен-Балзура отданы в приданные за нею, а как оной Гюнга помер, и показанная оставшая жена ево отпущена обратно в цохуры, то при оной и дядья ево, Петра, из дербетовых улусов в свой природной улус перешли, а он, Петр, по ево малолетству и неведомо по какой притчине, остался в том дербетовом улусе". Впоследствии он был отвезен неким Иши-гелюнгом в Ставрополь-на-Волге и там крещен.¹³³

В августе 1799 г. в Калмыцком правлении было получено прошение дербетовской нойонши Бадмы (дочь Бодонга), "коим просит о препоручении в ее ведение по праву наследства принадлежащих ей кетечинеров, то есть служителей, приведенных из торгоутова в дербетов улус выданными в замужество владелицами Аобою (Аба, дочь Досанга — М. Б.) и Оджою (дочь Дондук-Даши — М. Б.), ее

ближними родственницами, а притом и о непринадлежности сих кетечинеров дербелям". 60 кибиток кетечинеров, о которых просила Бадма (кстати, мать Чучея Тундутова), сами также обратились в Калмыцкое правление, что они желают быть при Бадме, а если их за ней не утвердят, то отдать бы их "настоящему наследнику хана Аюки, правнуку, торгоуту владельцу Мукукеню во владение".¹³⁴

Так как положение шабинеров и кетечинеров было более легким по сравнению с собственно податным населением, желающих перейти в их ряды было много. Для достижения желаемого предприимчивыми людьми изыскивались различные способы, в том числе и подкуп знатных зайсангов — сайдутов, способных достать документ с требуемым разрешением: по закону без разрешения владельца никто не мог стать ни духовным лицом, ни шабином, ни кетечином. В смутные времена, наступившие после смерти Аюки, появилось много подложных увольнительных писем, полученных обходными путями. В цитированном выше письме наместника В. Н. Татищеву от 30 ноября 1742 г. констатировалось, что по смерти Аюки "шабинеров и уволенных от тягостей кетечинеров весьма умножилось". Поэтому наместник предполагал тех из них, "ежели оные не Аюкою отданы... приверстать к прежним улусам", так как если "с них возьмется подать, то прочим улусным людям будет польза".¹³⁵ Остается неизвестным, когда и как происходил возврат части шабинеров и кетечинеров в состав албату, но о том, что такой процесс имел место, говорит позднейшее свидетельство: "не имеющих... хурулов и курей... шабинеров владельцы по себе всех разделили".¹³⁶

Нашего внимания еще ждут самые зависимые и угнетенные слои населения Калмыцкого ханства, но представляется желательным на время отвлечься от их описания. Это вызывается рядом соображений. Во-первых, предстоит рассматривать такие социальные слои, происхождение и положение части которых, из-за неполноты и неясности источников, вызывают дискуссии, которые невозможно обойти, а это неминуемо затянёт изложение. Во-вторых, я боюсь чрезмерно наскучить читателям, особенно неспециалистам (а книга предназначена и для них) непрерывным изложением сухого и однообразного материала. В-третьих, главные действующие лица политических драм в ханстве давно изготовились к борьбе и интригам и вот-вот начнут действовать. Поспешим же к ним, а позже вновь продолжим нисхождение по ступеням социальной лестницы калмыцкого общества.

МИРАЖИ И РЕАЛЬНОСТИ УСОБИЦ

После смерти Аюки четко обозначился круг лиц, вольно или невольно втянутых в борьбу за освободившийся ханский престол: Церен-Дондук, Досанг, намеченный правительством Доржи Назаров, Дондук-Омбо. Последнему, по крайней мере на первых порах, стремилась содействовать ханша Дарма-Бала, питавшая к нему не столько родственные, сколько чисто женские чувства. Честолюбивые планы не давали покоя и брату Досангу Баксадаю-Доржи. Пытаясь перехитрить своих соперников, да и не имея опоры в улусах, он решил целиком положиться на волю правительства. С этой целью он начал переговоры о крещении, которое состоялось в Петербурге в ноябре 1724 г. Восприемником его был сам Петр I. Во время церемонии крещения Баксадай-Доржи, ставший отныне Петром Петровичем Тайшиным, обратился к крестному с просьбой, раскрывающей причину его измены вере отцов: он просил назначить его наследником Аюки. Не желая открывать свои карты, Петр I уклончиво ответил: "Как могу, то сделаю". Правительство не замедлило начать дела, но они были явно не в пользу новоявленного приверженца православия, да и не только одного его.

16 апреля 1724 г. в присутствии Петра I состоялось совещание Сената по вопросу о положении в Калмыцком ханстве. Доклад делал А. П. Волынский. Позднее на основе его доклада была выработана инструкция от 2 мая, первым пунктом которой предписывалось губернатору по прибытии в улусы объявить Доржи Назарова ханом и взять по договоренности 1722 г. сына его в аманаты. Если же он не согласится на предложенные условия, срочно писать о том и впредь до особого указа ханом его не объявлять.

Дальнейшими пунктами указывалось: если нойоны не захотят в ханы Доржи Назарова, а будут представлять кого-либо другого, то всеми мерами отклонять их домогательства и пытаться убедить "ласкою и подарками", если же они не помогут — применять вооруженную силу, защищать Доржи Назарова от возможных нападений и в случае нужды брать в помощь находящимся в распоряжении губернатора войскам до трех тысяч донских казаков.

Донесением от 13 мая 1724 г. А. П. Волынский предлагал вернуть Досангу улусы, отобранные в 1723 г. В успехе операции он не сомневался, так как большая часть улусов находилась в то время внутри Царицынской укрепленной

линии и на владельцев было легче воздействовать. Считая Дондук-Омбо "весьма крымской и кубанской партии, которой спокойно жить не будет и конечно впредь от него ...интриги будут", а Дондук-Даши его сторонником, губернатор считал за лучшее арестовать обоих и просил на это разрешения.

По его мнению, новому хану — подразумевался Доржи Назаров — нужно жениться на Дарме-Бале, "которая и дети ее будут уже в его руках". Кроме того, предлагалось пожаловать ему саблю, панцирь и щит, "дабы сие калмыки почитали во знак ханства, и, может быть, у них в обычей сие со временем бы вошло, что кому того не будет дано, тот за прямова хана принят не будет". Предложения его были утверждены указом от 22 мая.

25 июля 1724 г. А. П. Волынский, вернувшийся из столицы, разослал письма ко всем крупным владельцам с приглашением прикочевать ближе к Саратову для выборов нового хана. Ему удалось добиться согласия Церен-Дондука, Дармы-Балы, Шакур-ламы и влиятельного зайсанга Ямана на съезд. Дондук-Омбо и Дондук-Даши отказались приехать, так как, по слухам, "худые люди разглашают, что будто хотят их ловить и под караул сажать". Доржи Назаров оттягивал под разными предлогами встречу с А. П. Волынским, и последний, желая встретиться с правительственным кандидатом в ханы с глазу на глаз до общего съезда, вынужден был притворяться больным и задерживать срок съезда.¹³⁷

Планы правительства не сбылись в их первоначальной задумке. Доржи Назаров, опасаясь не без оснований за сохранность своих улусов, да и самой жизни в случае избрания ханом, отказался от столь хлопотного титула. Губернатор попал в тяжелое положение. Нужно было действовать не теряя времени, дабы еще более не осложнить обстановку. Не имея времени для консультаций с правительством, он на свой страх и риск решил передать бразды правления Церен-Дондуку. Чтобы оставить возможность для маневров, Церен-Дондук был провозглашен не ханом, а наместником ханства, что давало повод при необходимости заменить его другой фигурой.

Провозглашение Церен-Дондука произошло 20 сентября 1724 г. в сорока верстах ниже Саратова у Волги. С него было взято обязательство верно служить российскому правительству, не иметь с неприятелями России "дружбы и пересылок", добиться прекращения калмыцких набегов

на русские уезды, "чинить" справедливый суд и т. п. Жалование, даваемое хану Аюке (1000 руб. и 2000 четвертей ржаной муки в год), было разделено пополам между Церен-Дондуком и ханшей Дармой-Балой.¹³⁸

Как и следовало ожидать, назначение нового главы ханства не принесло успокоения в калмыцкие улусы. Поводом для столкновений вновь послужили отношения Досанга с братьями, у которых он сумел весной 1725 г. отнять часть улусов. Усиление Досанга не понравилось некоторым крупным владельцам, и в первую очередь Дондук-Омбо и наместнику ханства, которые решили вновь его "разорить".

Дело кончилось тем, что Досанг и Петр Тайшин, вернувшийся в улусы в марте 1725 г., примкнули со своими людьми к Церен-Дондуку. Досанг помирился с Дондук-Даши и выделил ему дополнительное количество кибиток. Дондук-Омбо, с которым кочевали младшие братья Досанга, потребовал выделить им соответствующие части улусных людей и узаконить кочевание их вместе с ним. Досанг на это не согласился и обратился с просьбой к другим нойонам о том, чтобы его со всеми братьями по завещанию отца кочевать "розно... не разводить".

Полковник В. П. Беклемишев советовал при встрече с Шакур-ламой делать по возможности так, чтобы сторона наместника была сильнее прочих, и особенно следить за тем, чтобы не усилился чрезмерно Дондук-Омбо. Для этого он предлагал стороне Церен-Дондука всеми мерами удерживать при себе Досанга, П. Тайшина, Дондук-Даши "и во всем их от других охранять". Шакур-лама обещал действовать в этом направлении.

Под давлением обстоятельств Досанг оставил мысль стать ханом и думал теперь лишь о том, чтобы его окончательно не разорили. Оставался один серьезный соперник наместника — Дондук-Омбо, который с большим упорством продолжал добиваться ханского титула. Церен-Дондук же, как было замечено представителями местной администрации, не вызывал к себе почтения в остальных владельцах. Как сообщал тот же Шакур-лама, все крупные тайши наместника не слушаются, заявляя, что "мы де и сами лутче тебя".

Держался он у власти благодаря поддержке правительства и тех немногочисленных нойонов, которые по тем или иным причинам были противниками Дондук-Омбо и не желали его возвышения. Доржи Назаров, не оправдавший

надежды правительства, не примыкая ни к одному из двух противников, кочевал самостоятельно вблизи р. Яика. Несколько лет, начиная с 1724 г., продолжалось подобное противостояние, хотя стороны не предпринимали серьезных мер друг против друга.

Анализ правительственных мероприятий и хода событий в самом ханстве показывает, что временная относительная стабилизация положения поддерживалась искусственно создаваемым равновесием. Если бы правительство отказалось от политики пресловутого "баланса", то дело быстрее и менее болезненно закончилось бы победой наиболее сильного претендента, вследствие чего реальнее гарантировалось бы уменьшение междоусобных столкновений. Это понимали и сами калмыки. Правительственным посланцам передавали в улусах простолюдины, что "многие их знатные калмыки рассуждают, что им покоя не будет, понеже де у них три хана: первой Черен-Дондук, другой Дондук-Омбо, третьей — Дасанг, и что лутче им двоих удавить, а именно Дондук-Омбу и Дасанга, и тако их народ будет покойнея, так как и прежде сего было при хане Аюке, когда он один был ханом".¹³⁹

Однако царизм не устраивала чрезмерная централизация власти в Калмыцком ханстве, тем более в руках человека деятельного, склонного к самостоятельным действиям, каким был, в частности, Дондук-Омбо. Поэтому оно продолжало вести прежнюю линию, хотя по мере развития событий становилось все более очевидным, что содержание "баланса", к тому же за счет нескольких группировок, имело довольно существенные для правительственных интересов отрицательные последствия.

Во-первых, подобное положение, хоть и давало возможность для правительственного маневрирования, однако же и мешало проведению определенных мероприятий, например, при сборе калмыцких воинских частей для помощи русской армии. Во-вторых, при существовании нескольких примерно равных по силам группировок власть наместника была довольно слабой, к тому же во время столкновений правительственные отряды обычно не успевали подать ему помощь. Это, естественно, подрывало авторитет центральной власти. На эту сторону обращала внимание местная администрация.

В 1729 г. полковники И. Бахметев и В. Беклемишев, занимавшиеся на месте калмыцкими делами, имея в виду Дондук-Омбо, предлагали "...для предосторожности инте-

ресов его императорского величества к разорению помянутого плута... способ учинить..., а буде сие... учинено не будет, то уже впредь ис калмыцких владельцев никто на российскую сторону как верной надежды... иметь не будет".

В-третьих, существовала опасность сближения недовольных с пограничными неприятелями России, в частности с кубанскими и крымскими феодалами. Тем не менее на данном этапе правительство видело выход не в ликвидации группировок, а в вооруженном вмешательстве в распри владельцев, материальном нажиме (невыдача жалованья) и в отстранении от руководства улусами нойонов, не подчинявшихся указаниям сверху. Так, в одно время намечался план физического уничтожения Дондук-Омбо. Строптивый нойон принимал свои меры. Он завязал отношения с правителями Крыма, кубанских татар и Азова, подготавливая почву для возможной откочевки в их пределы. Боясь нападения наместника и российских войск, он ежедневно держал вблизи своей кибитки по 1000 вооруженных людей.

Противоречия между группировками калмыцких феодалов привели к открытому вооруженному столкновению. Поводом к нему послужили следующие события. В январе 1731 года в Москву прибыло посольство маньчжурского двора, в составе которого находился посол, отправленный специально к калмыкам. Опасаясь, что он имеет от богдыхана задание объявить Церен-Дондука ханом, российское правительство указом от 17 февраля упредило подобную возможность. 1 мая 1731 г. вновь назначенный астраханский губернатор И. П. Измайлов объявил Церен-Дондука ханом. Новоиспеченному хану были вручены знаки достоинства: сабля оправная, панцирь со всем принадлежащим убором, шуба и шапка собольи, покрытые парчой. Ряду крупных нойонов были сделаны значительные подарки.

Провозглашение Церен-Дондука ханом вызвало головную боль у Дондук-Омбо и толкнуло на его сторону новую группу нойонов и зайсангов. Недовольство их было вызвано не только указанным провозглашением и личностью самого Церен-Дондука, а более всего общей линией правительственной политики, активным вмешательством во внутреннюю жизнь ханства. Таким образом, отношение к российскому правительству и его действиям, направленным на ограничение самостоятельности ханства было той границей, которая разделила калмыцких феодалов на оп-

ределенные группировки. Состав названных группировок не был постоянным и менялся в зависимости от изменения отношений между самими владельцами и от конкретных действий правительства.

В мае на сторону Дондук-Омбо перешли П. Тайшин с братом Бату и племянником Чиданом (сын Досанга), хошутский Хошот-Дондук с двумя братьями, дербетский Четер с сыном Гунга-Доржи, а также зайсанг Яман. Хан же опирался на улусы брата Галдан-Данжина, матери Дармы-Балы и Шакур-ламы. Доржи Назаров с детьми Лубжей и Баем занимали нейтралитет, хотя они, а особенно Лубжа, более сочувствовали Дондук-Омбо. Двойственную позицию занимал и Дондук-Даши.

Понимая, видимо, что столкновение неизбежно, а также надеясь на поддержку правительства, хан начал собирать силы и первым вступил на тропу войны. Решающее сражение произошло 4 ноября 1731 г. близ урочища Сасыколи, ниже Черного Яра, на левом берегу Волги. Хотя внушительный численный перевес был на стороне противника, первым, не дожидаясь подкреплений, начал бой Галдан-Данжин. Он сумел обратить в бегство отряды под руководством П. Тайшина. Однако на другом фланге Дондук-Омбо с братом Бокшургой сумели разбить силы хана, что предопределило конечный результат сражения. После боя улусы побежденных были захвачены и разделены между победителями, причем львиная доля их досталась Дондук-Омбо; лишь улусы Шакур-ламы, избегая разорения, добровольно перешли к Доржи Назарову, так как ко времени столкновения кочевали поблизости от его улусов.¹⁴⁰

И. П. Измайлов информировал правительство о резко изменившейся ситуации в улусах. Там сразу же возникло опасение, что Дондук-Омбо и его союзники, боясь репрессивных мер, могут уйти на Кубань или за Яик. Для наведения угодного порядка и недопущения непокорных за пределы России, решено было срочно отправить на театр действий генерал-лейтенанта И. Ф. Барятинского, вручив ему в команду все полки, стоящие на Царицынской линии и Черемшанских форпостах. Донским и яицким казакам были посланы "послушные указы", чтобы по требованиям генерала они оказывали необходимую помощь. Астраханский губернатор также передавался к нему в подчинение.

В конце декабря Дондук-Омбо со всеми примкнувшими к нему и с захваченными ханскими улусами перешел с луговой на нагорную сторону Волги и стал медленно продвигаться

гаться на юг, в сторону р.Кумы. Казачьи форпосты, стоявшие по Волге, и остатки ханской группировки, кочевавшие на правом берегу, оказались бессильными предпринять что-либо серьезное для задержания Дондук-Омбо.

И. Ф. Барятинский по прибытии на Дон разослал мятежным нойонам правительственные грамоты и свои письма с уговорами и 16 января 1732 года созвал в Верхне-Чирской станице "для разговоров и совету о походе на противников Дондук-Омбу и его согласников" хана, Шакур-ламу, Галдан-Данжина и Дондук-Даши. Здесь же присутствовал и В. П. Беклемишев. Правительственный эмиссар объявил свою непреклонную решимость выступить с войском против ослушников и, в случае отказа их от примирения, поступить с ними как с неприятелями. Он попросил нойонов ханской стороны оказать ему вооруженную помощь, что ему и было обещано, причем наибольшую ретивость проявил Дондук-Даши. На сбор и приведение в порядок сил понадобилось некоторое время, и И. Ф. Барятинский продолжал топтаться на Дону.

24 января в ответ на послание генерала через поручика В. Антипина о примирении, отдаче захваченных улусов и возвращении на прежние кочевья Дондук-Омбо прислал посланца Кашку, который от имени своего владельца передал, что тот "за приятельское советование" о примирении с ханом "весьма благодарствует". Он, как и следовало ожидать, отрицал свою вину в возникновении междоусобицы, уверял в готовности к примирению и что никуда откочевывать не собирается. Однако от личной встречи с генералом отказался, ссылаясь на зимнее время, дальность и неудобство пути, и переносил время встречи на весну. Из этих ответов, а также из отчета В. Антипина стало ясно, что Дондук-Омбо выжидает, наблюдая за действиями И. Ф. Барятинского и враждебных нойонов. Вместе с тем рядом маневров он старался создать впечатление, что если и начнет отходить от преследования, то пойдет за Волгу к Яику. Как мы увидим, в этом он добился успеха.

И. Ф. Барятинский решил действовать. 5 февраля он вновь созвал подчиненных офицеров, хана и его союзников и имел с ними "консилиум" о путях движения, куда "заспособнее и без вящей трудности и нужды" направить поход. Сначала предлагалось пересечь дорогу на Кубань и идти к Куме, а оттуда на север к Мочагам, где в то время кочевал Дондук-Омбо. Но потом, рассудив, что по поступающим сведениям похоже, что Дондук-Омбо и его союзни-

ки намереваются уйти за Волгу и далее за Яик, решил идти к Мочагам прямым путем: от Нагавкинской станицы до р. Сал, а оттуда через урочище Яшкуль к конечной цели. Всего на путь предполагалось затратить две недели. 7 февраля И. Ф. Барятинский выступил в поход. При нем находились со своими отрядами хан, Галдан-Данжин и Дондук-Даши. На р. Аксай к ним присоединился сын Четеря Лабан-Дондук, отец же его находился вместе с Дондук-Омбо.

Пока И. Ф. Барятинский двигался к Мочагам, в стане Дондук-Омбо произошли существенные изменения. И. П. Измайлову путем уговоров, а также действиями вооруженного отряда драгун и казаков удалось отделить от П. Тайшина Чидана и двух братьев Хошот-Дондука с их улусами. Чуть позже от Дондук-Омбо отошли и сами П. Тайшин и Хошот-Дондук. Не вполне ясно, что послужило причиной отхода двух последних владельцев. Сведения на этот счет, дошедшие до И. Ф. Барятинского, были разноречивы. Суммируя их, можно с достаточной уверенностью сказать, что отход П. Тайшина был вызван разногласиями его с Дондук-Омбо из-за дележа улусов, недоверием к весьма властолюбивому союзнику и нежеланием идти на Кубань. Небезынтересно отметить, что на его решение оказали большое влияние настроения его подвластных. По сообщениям информаторов, П. Тайшин решил откочевать к Волге "для того, что подлой народ желает".

Как бы там ни было, П. Тайшин с улусами повернул от Мочагов к Волге и 23 февраля виделся вблизи Астрахани с И. П. Измайловым, которому обещал вскорости принести присягу в верности и вернуть захваченные улусы. Хотя у губернатора и был предварительный план захвата П. Тайшина во время встречи, его не удалось осуществить ввиду многочисленной вооруженной охраны при последнем, в то время как И. П. Измайлова сопровождали 24 пеших драгуна.

Когда И. Ф. Барятинский в конце февраля подошел к Астрахани, то Дондук-Омбо был далеко на юге, и генерал обрушился на те улусы, которые кочевали при Волге, хотя в этом не было никакой необходимости. Спасаясь от него, П. Тайшин с немногочисленной свитой добровольно явился 28 февраля к коменданту г. Красного Яра, где был арестован и посажен под караул. Брат его Бату и Хошот-Дондук бежали за Волгу к Яику, где укрылись в улусах Доржи Назарова. Подвластные их, брошенные своими владельцами

на произвол судьбы, благополучием, имуществом и скотом, а многие и самой жизнью ответили за прегрешения своих хозяев. Изрядно потрепанные при преследовании и захвате, они были переданы тайшам ханской стороны, от которых стали терпеть еще большие притеснения и грабежи.

Церен-Дондук, встревоженный подобным разорением податного населения, решил ехать в присоединенные улусы для наведения порядка и просил И. Ф. Барятинского оказать помощь в случае неповиновения отдельных владельцев его распоряжениям. Последний истинно по-генеральски напрямик и грубо ответил, что императрица "изволила меня послать с войском российским не для ево ханской службы". Несмотря на такой ответ, посланец хана, передававший просьбу, почтительно заметил, что "де наш хан обще з другими будут просить вашего сиятельства и во всем будут послушны вашей воли, чтоб вы своим старанием, разобрав, учинили доброй порядок".

На это И. Ф. Барятинский не менее прямо дал знать, каким образом он хотел бы навести "доброй порядок", заявив, что если владельцы целиком подчинятся его воле и дадут в том расписки, то нужно в первую очередь "несколько человек перевешать и потом доброй порядок сыскать можно".¹⁴² Своими действиями генерал не только привел в смятение покоровившихся владельцев, но и окончательно утвердил непокорных в мысли о неизбежности ухода за пределы России, дабы их не постигла участь бывших союзников.

И. Ф. Барятинский после совещания в Астрахани отказался от дальнейшего преследования Дондук-Омбо, а обратился к азовскому Хаджи Мустафе-паше с просьбой не принимать беглецов в турецкие владения. Ответным письмом паша заверил, что они без указа султана приняты не будут. Несмотря на это им предоставили возможность кочевать на территории кубанских татар. Турецкий двор, несомненно, имел на них свои виды, и они по логике вещей не могли быть благоприятными для России. Факты дают основание предположить, что местным властям был дан из Стамбула тайный приказ не допустить нападения российских войск на перебежчиков.

Бывший на Кубани крымский нурадын-султан в беседе с дворянином С. Казанцевым, ездившим с письмами И. Ф. Барятинского к Дондук-Омбо, заявил, что последний с улусами пришел к ним "в гости" и если сам захочет пойти обратно, то держать его не станут, но если на него пойдут

войною на их землю, то они станут его оборонять. Да и сам Дондук-Омбо чувствовал себя в турецких пределах довольно уверенно и на угрозу И. Ф. Барятинского, что хоть и в Крым уйдет, но и там его достанут, ответил весьма убежденно: "...Возьми и с Крымом, а меня ис Крыму одного руками не дадут".

Но если владельцы чувствовали себя относительно спокойно на Кубани и имели возможность выжидать благоприятного для них оборота событий, то дорогой ценой за их упрямство расплачивались простолюдины, под принуждением следовавшие за своими хозяевами. Побывавшие в калмыцких улусах на Кубани в один голос уверяли, что "...как ханские завоеванные, так и Дондук-Омбины подлые калмыки все сожалеют и плачут ради лишения своего Волги, и весьма тамошним житьем стужают, что ни рыбы, ни хлеба достать неоткуда, а скотом вконец обнищали и помирают голодом, и многие на пропитание продают детей своих". Положение народных масс оставалось тяжелым во весь период пребывания их на Кубани, и когда в начале 1735 года донской атаман Д. Ефремов приехал к Дондук-Омбо для переговоров об условиях, на которых последний вернется к Волге, то простолюдины, видя его, "...руки свои поднимали на небо, прося бурханов, дабы они по-прежнему могли перейти к Волге, понеже тамо им жить зело голодно".

Как уже было замечено, И. Ф. Барятинский отказался от преследования ушедших на Кубань, считая, что подобное предприятие "за дальними и безводными и в протчем во всем неудобными местами весьма многотрудно и убыточно", а более всего потому, что "постигнуть их, противников, в российских границах будет немочно, ибо они уведав о походе на себя войска, уйдут далее в турецкие пустые места". Переход к уговорам, в том числе через посредничество кабардинских владельцев, не дал желаемого результата. Дондук-Омбо и Четер выставили условиями своего возвращения возврат улусов, отнятых у П. Тайшина и других бывших союзными им нойонов, проезд для переговоров с ними Дармы-Балы или Галдан-Данжина и присылку "милостивого письма", подписанного лично императрицей Анной Иоанновной. Подобные условия, наносившие ущерб правительственному авторитету, не были приняты, и вопрос остался открытым.

Более того, по мере развития событий выяснилось, что как группировка Дондук-Омбо, так и Доржи Назаров с

сыновьями, откочевавший со всеми улусами за Яик, отвергают контроль правительства в переговорах с ханской стороной о примирении. Так, на призыв Шакур-ламы возвратиться к Волге и дать в верности правительству присягу, Доржи Назаров ответил, "что он российским кланятца не будет", а с ханом помирится по собственному желанию, когда тому будут благоприятствовать обстоятельства. В том же духе, если не еще более резко, высказывался и Дондук-Омбо.

Амбиции владельцев указывали лишь на то, что они потеряли чувство реальности. Времена, когда калмыцкие феодалы решали внутренние дела по собственному усмотрению, все более отходили в область недостижимых мечтаний; царское правительство имело достаточно возможностей не допустить их возврата. Ханской стороне было твердо заявлено, что примирение с Дондук-Омбо без посредничества и контроля со стороны правительства "за правдивой не причетца и вы с ним в сообщение допущены не будете".

Что касается вершителей судеб ханства, они все больше увязали в собственных неурядицах. В оставшихся при Волге улусах далеко было до долгожданного успокоения. Здесь все более накалялись отношения между группировками хана и Доржи Назарова, неоднократно доходившие в период 1733—34 гг. до вооруженных столкновений и взаимных грабежей улусов. Участились побегі отдельных владельцев и зайсангов со своими людьми к Дондук-Омбо. Положение в этот период стало настолько критическим, что Шакур-лама при встрече с генерал-майором А. И. Таракановым, заменившим в июне 1733 г. И. Ф. Бярятинского, с горечью вынужден был признать: "Хотя де о самом себе и о своем народе говорить бы мне и не пристойно, однако же де принужден сказать правду: ныне де мы стали не люди — собаки, друг другу не верим и меж собою едимся и сами де все видим, что погибаем, да за несогласием и непостоянством исправитца не можем".¹⁴³ В довершение бед с начала 1734 г. активизировался Дондук-Омбо, его отряды стали приходить к Волге и отбивать целые аймаки из владений хана.

В Петербурге с возрастающим беспокойством следили за событиями в Калмыцком ханстве, и наблюдение это все более убеждало в неспособности Церен-Дондука из-за отсутствия авторитета в среде владельцев и волевых качеств руководителя, даже при поддержке правительства,

навести порядок и должным образом справляться с возложенными на него обязанностями. В головах высших сановников, ответственных за калмыцкие дела, медленно, но неуклонно зрел план соответствующих перестановок в руководящих кругах ханства. Признаком начавшегося поворота явилось "отпущение грехов" ряду бывших соратников Дондук-Омбо.

Первым из них был прощен Бату. Узнав о счастливом повороте в судьбе брата, П. Тайшин в марте 1734 г. через А. И. Тараканова обратился с письмом к императрице Анне Иоанновне, где, предварительно постаравшись оправдаться в своих поступках, просил "вину всемилостивейше... отпустить", обещался впредь быть послушным, в чем и присягал. Грамотой от 1 апреля того же года он прощался во всех винах; "и для наивящего получения того... прощения и получения ж милости в возвращении улусов" своих предписывалось ему прибыть лично ко двору.¹⁴⁴ Весьма важно отметить, что ему предлагалось написать к Дондук-Омбо, "...увещевая ево к возвращению от противности и к прошению в вине своей прощения", ссылаясь на свой и брата Бату пример, что он и исполнил. О Дондук-Омбо речь впереди, а для самого П. Тайшина "наивящее получение прощения и милости" обернулось задержанием при дворе, где он и окончил свои дни в начале 1737 года.

Непрекращающиеся столкновения владельцев и вызываемые ими хаос и смятение в калмыцких улусах, а более всего неизбежность новой войны России с Турцией заставили правительство поторопиться с реализацией намеченного плана: в возможно кратчайший срок, не останавливаясь перед максимально возможными уступками, вернуть Дондук-Омбо с Кубани, стабилизировать обстановку в Калмыцком ханстве и тем самым подготовить почву для активного использования военных сил калмыков в борьбе с Турцией и ее вассалами.

Предварительные трехкратные переговоры посланца И. П. Измайлова Мурзая Булатаева показали, что Дондук-Омбо склонен к возвращению на прежние кочевья "паки в родданство" России. Вместе с М. Булатаевым в Астрахань прибыли представители Дондук-Омбо, которые были посланы губернатором в столицу. Кроме того, указом Коллегии иностранных дел от 17 августа 1734 года к Дондук-Омбо был направлен донской старшина Д. Ефремов, бывший с ним в личном знакомстве. Старшина должен был, — согласно обширной инструкции, состоявшей из 11 пунктов, —

заехать в Кабарду и взять с собой одного или двух кабардинских владельцев, родственников Дондук-Омбо по жене Джан: грамота к ним о посредничестве при переговорах, с обещанием за то богатых подарков, была послана с Д. Ефремовым.

Хотя переговоры и были небезуспешными, Дондук-Омбо медлил с откочевкой и продолжал выторговывать себе все новые уступки и привилегии, общую направленность которых он, не мудрствуя лукаво, раскрыл в беседе с посланцами, заявив, что "...он на Кубани медлеет для того, чтоб ему в российское подданство итти на таком договоре, чтоб ныне при нем обретающимися улусы хана... и протчих владельцев ему... завладеть вечно, и когда такими многими улусы завладеет, то де уже и ханом быть может, чего он весьма желает".¹⁴⁵

Правительство вновь пошло навстречу. И. П. Измайлов получил указ от 20 марта 1735 г., который был ответом на требования Дондук-Омбо. Так как по всему видно, говорилось в указе, что Дондук-Омбо человек умный и "каманду может содержать твердо и по имеющему в том народе кредиту к тому способен", а Церен-Дондук "слаб и безсилен... и того народа в добром согласии и к нам в верности содержать не мог", решено Дондук-Омбо "учинить главным над калмыки правителем".¹⁴⁶ Как видим, под давлением обстоятельств правительству пришлось по ходу развития событий скорректировать взятый по отношению к ханской власти в Калмыкии политический курс и на время смириться с возможностью ослабления контроля над ней и усилением ее самостоятельности.

Воспользовавшись уступчивостью правительства, Дондук-Омбо потребовал удаления из улусов Церен-Дондука, Шакур-ламы и Дондук-Даши. Особенно непримиримо он вел себя по отношению к последнему. Если его не уберут из улусов, откровенничал он, то сам его буду убирать так, как "и напред сего они, калмыцкие владельцы, между собою некоторых искореняли".

Мы еще вернемся ниже к его деятельности по искоренению неугодных ему нойонов, а здесь отметим, что первые двое под благовидными предлогами были заманены В. П. Беклемишевым в Царицын и 28 октября 1735 года со свитой в 23 человека отправлены в Петербург, откуда им уже не суждено было вернуться. По отношению же к Дондук-Даши у правительства были свои замыслы.

Тем временем Дондук-Омбо, добившись желаемого,

начал откочевку с Кубани 30 мая 1735 года. На первых порах он весьма медленно продвигался к Волге, ожидая известия о судьбе Церен-Дондука, и лишь узнав о его задержании, согласился на встречу с И. П. Измайловым для принесения присяги в верности Российскому правительству.

14 ноября 1735 г. их встреча состоялась, причем наедине с губернатором, в отдельной палатке Дондук-Омбо объявил, что с текстом присяги он согласен, кроме пункта о Дондук-Даши, "которому за ево противности того не учиню, чтоб не отмстить". После подобного заявления он подписал присягу и поставил свою печать. Возвратившись в общую ставку, он присягнул перед собравшимися по калмыцкому обычаю, а после него присягнули остальные нойоны.

Почему же Дондук-Омбо не понравился пункт присяги, касавшийся вопроса о взаимоотношениях его с Дондук-Даши, и каково было отношение правительства к последнему? Дело в том, что во многом идя навстречу недавнему "ослушнику" и вручая ему управление ханством, царизм не забывал о известном "балансе" сил среди калмыцких феодалов и был озабочен созданием противовеса новому управителю в лице авторитетного, сильного улусами и послушного центральной власти владельца. Таковым и был Дондук-Даши.

Потому-то на просьбу Дондук-Омбо об удалении его из улусов правительство ответило отрицательно. Астраханскому губернатору и его помощнику по калмыцким делам В. П. Беклемишеву секретными указами предписывалось всячески охранять Дондук-Даши от возможных нападений нового главы ханства и стараться всеми мерами примирить обоих между собой. Лишь в крайнем случае, если примирение не удастся, взять его в один из нижеволжских городов и содержать "во всяком довольстве", известив о том немедленно.

Несмотря на все предпринятые меры, примирить соперников не удалось. Так как война с Турцией стала реальностью, а Дондук-Омбо успешно действовал против неприятеля на Кубани, решено было пожертвовать Дондук-Даши. Грамотой от 22 февраля 1737 г. ему было предложено откочевать со всеми собственными улусами к новопостроенной Оренбургской крепости.

Ввиду отказа Дондук-Даши от переселения в указанное место обер-коменданту Астрахани (в это время происходила смена губернаторов) А. Т. Юнгера предписывалось

посоветовать ему уйти вверх по Волге за р. Самару и, найдя там подходящие места, расположиться кочевьем. При этом ему нужно было объяснить, что перевод этот временный и зависит от сложившейся ситуации, а после он может получить "особливую милость" и возвращен обратно. Если же он и от этого откажется, то сказать, что он отпускается и к Далай-ламе со вспоможением в пути, "а когда будет время", то он будет вызван обратно. Дондук-Даши лично соглашался на перекочевку за р. Самару, но только не знал, как ему довести туда в целости улусы. Он опасался и не без оснований, что они его не послушаются, прежде всего брат Бодонг, тяготевший к Дондук-Омбо, и с ним не пойдут, а начнут перебегать к противникам и его "неволею с собою утащат".¹⁴⁷

Пока шли переговоры, в Петербурге было получено письмо Дондук-Омбо с отказом идти в очередной кубанский поход, пока не будет удален его "великой... недруг". Обеспокоенное правительство приказало, если не удастся договориться по указанным выше пунктам, заманить Дондук-Даши в Астрахань и содержать до окончательного решения. Дело кончилось тем, что он был задержан в Астрахани, а в октябре 1737 г. отправлен ко двору. Однако улусы его приказано было собрать и содержать вблизи Астрахани, защищать их от разорения и ни в коем случае не допустить захвата их Дондук-Омбо.

Последний в течение 1736—1739 гг. успешно действовал на кубанско-крымском театре военных действий против Турции, ввиду чего грамотой от 3 марта 1737 года был пожалован в ханы. Если военные действия хана и помощь русской армии приветствовались правительством, то его деятельность внутри ханства чем дальше, тем больше вызывала беспокойство. Не ограничившись высылкой из улусов бывшего хана, главы духовенства и Дондук-Даши, он методически продолжал искоренять неугодных ему владельцев, заменять зайсангов, выдвигая новых из простолюдинов, которые становились верной его опорой. Подобные действия вызывали недовольство обиженных и накапливали в ханстве горячий материал, могущий вспыхнуть при малейшем поводе. Понимая это, Дондук-Омбо пристально наблюдал за своими недругами и держал при них верных людей для "присмотра".

В то время как хан опасался владельцев со стороны, против него выступил старший сын Галдан-Норбо, оттесняемый отцом от власти в угоду сыну Рандулу от ханши Джан.

Отправленный в августе 1738 года в поход против казахов, Галдан-Норбо попытался обратить вверенное ему войско против отца. Однако, хотя мятежника и поддерживали влиятельные нойоны Бай и Лекбей, основная масса войска и другие крупные владельцы не пошли за ним. Благодаря оперативно принятым как ханом, так и местной российской администрацией мерам Галдан-Норбо вынужден был помириться с отцом. В результате этих событий пострадали владельцы Лекбей, Бату с сыном и сам Галдан-Норбо, по просьбе хана сосланные или заточенные в ряде приволжских городов, где они и скончались, а Бая с ханом удалось примирить лишь в январе 1740 года.

Правительство, с возрастающим беспокойством следившее за действиями Дондук-Омбо, решило наконец принять соответствующие меры по ограничению самовольной деятельности его. Указом от 10 сентября 1739 года для пребывания в улусах во все летнее время, а зимой в городах, ближайших от ставки хана, был направлен полковник Л. В. Боборыкин с приданными ротой драгун и двумястами волжских казаков. Инструкцией от того же числа ему вменялось в обязанность наблюдать, чтобы хан управлял согласно отправляемым к нему указам и грамотам, по своей присяге и по прежним калмыцким правам и обычным.

Особо предписывалось следить, чтобы хан не обижал владельцев и не отнимал принадлежащие им улусы ни под какими "вымыслами". Если хан под предлогом непослушания начнет требовать поимки того или иного владельца, а будет видно, что делает он это из ненависти к нему или для искоренения владельцев, "как то уже в самом деле примечено", то без особого указа ничего не предпринимать. Кроме того, указывалось охранять от притязаний хана улусы Дондук-Даши, находящиеся при Астрахани и Царицыне в "смотре тамошних командиров". Л. В. Боборыкин прибыл в Астрахань и приступил к своим обязанностям 31 декабря 1739 года.

Однако дни Дондук-Омбо были уже сочтены. 21 марта 1741 года он умер, назначив своим наследником десятилетнего сына Рандула, а до его совершеннолетия опекушкой жену Джан. Кроме того, он уведомил российское правительство, что о пожаловании сына в ханы просил Далай-ламу.¹⁴⁸ Названные кандидатуры не устраивали правительственные круги. Особо там не понравилось обращение покойного без правительственного ведома непосред-

ственно к главе буддийской церкви. Для более действенного контроля и влияния на ход событий к калмыцким делам были привлечены, кроме Л. В. Боборыкина, астраханский губернатор М. М. Голицын, царицынский комендант П. Ф. Кольцов, вызванный из Саратова В. П. Беклемишев, в 1737 году отстраненный от названных дел по просьбе Дондук-Омбо. Ими было замечено, что, кроме ханши Джан и владельцев Бодонга и Сербета, "прочие все калмыки" желают ханом или наместником Галдан-Данжина, последнего из оставшихся в живых сына Аюки-хана.¹⁴⁹

В Коллегии иностранных дел против кандидатуры Галдан-Данжина возражений не было, и в указах на места предлагалось поддержать его, а Джан с детьми при случае схватить и отослать под конвоем в ближайший город. Но события на некоторое время вышли из-под контроля российских властей. Ханша Джан, поддерживаемая названными выше владельцами, а также зайсангами, в свое время назначенными Дондук-Омбо из простолюдинов и боявшимися потерять свои аймаки при возвращении к прежним владельцам, старалась удержать власть в руках своей семьи.

В происшедшем 27 июня 1741 года сражении между группировками Джан и Галдан-Данжина последний потерпел поражение, причем сам он, владельцы Бай (сын Доржи Назарова) и дядя Бая Убаши были убиты. После убийства Галдан-Данжина правительство, и ранее склонявшееся к подобной мысли, окончательно остановилось на кандидатуре Дондук-Даши, тем более, что об этом просила в письменном виде Дарма-Бала, да и из донесений местных властей стало известно, что он пользуется в народе "кредитом", т. е. влиянием и уважением. Дондук-Даши был вызван из места своего вынужденного пребывания ко двору, где ему и было объявлено о назначении наместником ханства.

Недавние уступки ханской власти, вызванные конъюнктурными соображениями, и, как следствие их, весьма самостоятельные действия Дондук-Омбо оставили при дворе неприятные воспоминания. В одном из правительственных указов по этому поводу говорилось, что Д. Ефремов "с убытком казне нашей онного Дондук-Омбу перевел с Кубани по-прежнему на Волгу, сверх того, по его требованию, с некоторым к стороне нашей предосуждением, поручено было ему главное надо всем калмыцким народом правление и по его собственной воле улусов ему забрание и

владельцем разделение".¹⁵⁰ Назначая Дондук-Даши наместником, царское правительство приняло меры, которые бы содействовали дальнейшему ограничению местной калмыцкой власти и гарантировали активное вмешательство в дела ханства и невозможность возврата времен, подобных времени правления Дондук-Омбо.

МИРАЖИ И РЕАЛЬНОСТИ УСОБИЦ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТАМ ГЛАВНЫХ УЧАСТНИКОВ

В событиях 1723—1741 гг. главной фигурой, вокруг которой совершались события в Калмыцком ханстве, был Дондук-Омбо. В одном из своих посланий Коллегии иностранных дел он, перечисляя свои заслуги, со скрытой гордостью напоминал, что уже в 13 лет участвовал в походе фельдмаршала Б. П. Шереметева против восставшей Астрахани. Названный поход относится к 1706 г., значит, Дондук-Омбо родился в 1693 году. Несколько другую дату называл Церен-Дондук, сообщая В. П. Беклемишеву, что после смерти отца, а Гунчжаб умер в 1702 г., Дондук-Омбо остался семи, а брат его Бокшурга четырех лет. Кроме природных данных на характер Дондук-Омбо оказала несомненное влияние та тревожная обстановка, в которой проходило его детство.

Его отец долгое время находился в неприязненных отношениях со старшим братом Чакдорчжабом. Такому положению в немалой степени способствовало то обстоятельство, что Аюка из всех своих многочисленных сыновей открыто отдавал предпочтение именно Гунчжабу и вынашивал планы сделать его своим преемником на ханском престоле, отдав ему большую часть улусов. Вполне возможно, что только преждевременная смерть любимца помешала хану претворить в жизнь свои намерения. Накаленная обстановка завершилась событиями 1701 г., проложившими непроходимую пропасть между братьями, так что, по свидетельству того же Церен-Дондука, они "друг к другу до смерти не ездили". Дондук-Омбо переживал накал событий вместе с дедом у яицких казаков, в обстановке неизвестности, тревоги, а порою и отчаяния.

Еще более сложные времена наступили для него после смерти отца. Судя по всему, Чакдорчжаб имел замысел извести весь корень ненавистного брата. Такой вывод можно сделать из свидетельства Церен-Дондука, что "в то время оных внучков, а моих племянников день и ночь бе-

регли".¹⁵¹ Время показало, что Чакдорчжаб тревожился не зря и оказался провидцем, когда, по сообщению Габан Шараба, в минуту откровенности досадливо воскликнул племяннику: "Противодышущий мой дух ты удержишь!" Если Чакдорчжаб и умер своей смертью, то в событиях 20—30-х гг. XVIII в. многие сыновья и внуки его пострадали от рук злопамятливового племянника. Врожденные ли качества, впечатления ли беспокойного и сурового детства сыграли роль, но Дондук-Омбо вырос жестоким, решительным, упорным и вместе с тем осторожным и подозрительным человеком, никогда не забывавшим нанесенных ему обид. Не лишен он был способностей политика, военачальника и администратора, которыми пытался воспользоваться в своей недолгой и беспокойной жизни.

Большое влияние на становление Дондук-Омбо оказал дед, взявший его под свою заботливую опеку и перенесший на него любовь к его отцу. Нет сомнения, что Аюка старался передать восприимчивому и способному внуку уроки своей долгой и богатой событиями жизни. В эти уроки входили и те наставления, которые самому хану были в свое время преподаны и вбиты в голову его дедом — Дайчином. С большой долей вероятности можно утверждать, что традиция политического и жизненного поведения от Дайчина через Аюку перешла к Дондук-Омбо, и последний действовал исходя из их опыта. Кроме того, в некоторых его действиях явно ощущаются далекие отголоски импульсивных, непродуманных поступков прапрадеда Хо-Орлюка. Опыт опытом, однако результаты деятельности Дондук-Омбо оказались иными, чем можно было ожидать. Они и не могли быть другими, потому что общая обстановка как в России, так и в самом ханстве если и не кардинально, то существенным образом изменилась, о чем будет сказано позже, сейчас же вернемся к нашему герою.

Дед рано начал приобщать Дондук-Омбо к военно-политическим делам, посылая его в походы и беря с собой на переговоры с русской администрацией. Начав с посильной помощи Б. П. Шереметеву в подавлении Астраханского восстания 1705—1706 гг., он продолжил свою службу участием в походах, организованных правительством в 1708 г. против восставших башкир и булавинцев. В 1710 г. Дондук-Омбо вместе с Чиметом и Четером во главе 10 000-го войска стоял заставой по Дону против возможных турецко-крымских набегов на южные уезды России. Во время Прутского похода в 1711 г. Петр I отправил часть войск

под командой Ф. М. Апраксина против кубанских татар, вассалов Турции. В помощь адмиралу, действовавшему пока на суше, Аюка выделил 20 000-й калмыцкий корпус, доверив командование корпусом Чакдорчабу и Дондук-Омбо.

Так же рано начал Дондук-Омбо принимать участие и в дипломатических акциях хана. 5 сентября 1710 г. в 200 верстах выше Астрахани в устье р. Даниловки хан Аюка встретился с казанским губернатором П. М. Апраксиным и имел с ним переговоры, в результате которых были составлены договорные статьи. Дондук-Омбо вместе с такими авторитетными нойонами, как Чимет и Четер, участвовал непосредственно в переговорах и утвердил договор подписью и печатью.

Короче говоря, когда разразились события 1723 г., связанные с интригами доживавшего последние месяцы хана Аюки, Дондук-Омбо был уже опытным военачальником и политиком, успевшим проявить свои таланты и характер. Поэтому неудивительно, что именно ему дед доверил главное командование 20 000-м войском, которое должно было нанести решающий удар по позициям Досанга. Несмотря на противодействие А. П. Волынского, Дондук-Омбо удалось справиться с поставленной перед ним задачей; разгромить нежелательного претендента на ханский престол и отнять у него до 6000 кибиток подвластных.

Однако Дондук-Омбо не собирался быть статистом, а тем более благодетелем, добывающим для других ханские регалии. Если кто-то из его ближайших родичей и надеялся таскать его руками каштаны из огня, вскоре горько разочаровался. Мы никогда не узнаем, кого Аюка в глубине души считал наиболее достойным своим преемником, какие переживал он колебания и сомнения, мысленно оценивая недостатки и достоинства сыновей и внуков. Несомненно одно: если он остановил свой выбор на сыне Церен-Дондуке, то он не мог не думать о самом способном своем внуке, к которому питал несомненную слабость. Если он и не решился предпochсть внука перед сыном, не желая нарушать обычая, тем не менее он видел его равным последнему, активно участвующим в управлении ханством. Об этом говорит и последняя воля Аюки, наказавшего Дарме-Бале, чтобы она Церен-Дондука и Дондук-Омбо содержала в равенстве.

Вполне возможно, что Дондук-Омбо в последние годы жизни деда искусно скрывал свои истинные помыслы и

намерения, и Аюка искренне считал, что внук, будучи "в равенстве" с его сыном, будет его верной опорой в делах управления ханством, не покушаясь вместе с тем на ханский престол. Повторяю, если Аюка так считал — он жестоко ошибался. Как только хан умер и был сожжен его труп, Дондук-Омбо начал действовать. Он кинулся в борьбу не жалея головы, но и в самые сложные моменты не терял ее, а постоянно рассчитывал свои возможности и внимательно анализировал меняющуюся обстановку. В его распоряжении были людские и материальные ресурсы сравнительно крупных (около 7 тысяч кибиток) и богатых скотом Бага- и Икицохуровских улусов, он пользовался явной или скрытой поддержкой ряда нойонов и более чем симпатией Дармы-Балы.

Вместе с тем остается поразительным фактом то обстоятельство, что этот расчетливый человек как-будто вовсе не принимал во внимание планы российского правительства и его реакцию на свои действия. Между тем он должен был быть хорошо осведомленным о негативном отношении к своей личности как центра, так и представителей местной русской администрации. Достаточным для этого было уже то, что он своими действиями в ноябре 1723 г. насторожил правительство и приобрел стойкого недоброжелателя в лице А. П. Волынского, который также относился к разряду людей, не забывавших и не прощавших личных обид. Неприязненно относился к нему и В. П. Беклемишев, называвший его в переписке с центром не иначе как "плутом".

Можно думать, что столь не свойственное ему поведение объясняется двумя причинами. Во-первых, он рассчитывал на скрипучую медлительность российской государственной машины. Такое предположение позволяет сделать следующий характерный факт. По свидетельству В. М. Бакунина, после разгрома Церен-Дондука 9 ноября 1731 г. Дондук-Омбо долгое время оставался на луговой стороне Волги и не торопился куда-либо отходить. По слухам, свое поведение он объяснял тем, "что ему от россиян опасаться нечего для того, что они собираются по три года, а когда и пойдут, то стоят на одном месте по три месяца". Во-вторых, в свете вышесказанного он надеялся на быстроту своих действий. Немаловажной причиной, заставившей его рисковать и идти внутри Царицынской линии, было намерение быстрее связать себя узами Гименея с Дармой-Балой и, пользуясь ее поддержкой, стать фактическим главой хан-

ства, поставив правительство перед свершившимся фактом.

Действительно, сразу же после вхождения в линию Дондук-Омбо без промедления предложил давно уже не юной ханше руку и сердце. Но, получив отказ, он в сердцах воскликнул провожавшим его из кибитки ханши людям, что только надеясь на женитьбу и перешел через линию, а если бы знал об отказе, никогда бы не сделал этого, "однако ж де и ныне об уходе промышлять будет".¹⁵² О позиции Дармы-Балы речь ниже, здесь же необходимо отметить, что не последнюю роль в расстройстве намечавшейся свадьбы сыграли В. П. Беклемишев и Шакур-лама. Позднее Дондук-Омбо рассчитался с ними: первый по его настоянию был отстранен от руководства "Калмыцкими делами", а второй задержан и отправлен ко двору, где и окончил земные дела.

После провозглашения Церен-Дондука наместником ханства его основному сопернику пришлось в очередной раз оглядеться и оценить свои возможности в новой обстановке. Правительство и его представители на местах были явно против него, Дарма-Бала, Шакур-лама и Яман занимали сторону хана, Доржи Назаров и ряд других нойонов сохраняли нейтралитет. В такой ситуации Дондук-Омбо пришлось, хотя бы на время, присмиреть, но его плохо скрываемое спокойствие никого уже не могло обмануть. Как российские власти, так и ханская сторона достаточно хорошо были осведомлены о тайных переговорах его с кабардинскими князьями и правителями кубанских татар, в частности, с братьями Бахты-Гирея. Не нужно было большого ума, чтобы разгадать цель этих переговоров — подготовка плацдарма для ухода из пределов России.

Понимая, что строптивый нойон, снедаемый жаждой власти, не успокоится, пока не добьется своей цели, и русская администрация, и ханская сторона все больше склонялись к плану физического устранения Дондук-Омбо. Задуманное сделать было трудно, так как последний, для которого также не были секретом намерения противников, денно и ночно держал возле себя 1000 воинов, а податными льготами привлек на свою сторону симпатии своих подвластных. Несколько лет стороны пристально и настороженно следили друг за другом, сохраняя хрупкую тишину. Она была нарушена звоном оружия 9 ноября 1731 г. в урочище Сасыколи.

Сжигая за собой мосты, Дондук-Омбо исходил из трез-

вого анализа обстановки. Объявление непопулярного среди нойонов Церен-Дондука ханом оттолкнуло от последнего Доржи Назарова с сыновьями, эркетеневских зайсангов во главе с Яманом, Петра Тайшина и брата его Бату. Перевес сил внутри ханства оказался явно на стороне Дондук-Омбо. На момент вооруженного столкновения между группировками калмыцкой знати поблизости от их кочевий не было российских воинских команд, способных быстро и эффективно воздействовать на зачинщиков смуты, к этому же времени Дондук-Омбо удалось, видимо, договориться с кубанскими султанами и мурзами о приеме и содержании его на Кубани в случае преследования со стороны российских войск.

Ему удалось со сравнительно небольшими потерями ускользнуть на Кубань, откуда он начал шантажировать и хана, и российское правительство. В одном из писем на имя И. Ф. Барятинского, которое было получено уже А. Таракановым, оправдывая свой уход в турецкие владения, Дондук-Омбо отмечал: "Обычай де есть меньшим больших боятца". А. Тараканов, соглашаясь с этой бесспорной истиной, вместе с тем напоминал, что нужно "притом и тот обычай помнить и твердо содержать, что меньшим большим во всем повиноватца и во всяком послушании быть надлежит". Как раз эту очевидность упрямо не хотел признавать Дондук-Омбо.

Шли месяцы, годы, а Дондук-Омбо продолжал упорствовать, и все предпринимавшие правительством меры заполучить его с улусами не давали желаемого результата. Тогда вновь стали подумывать о старом замысле — убить непокорного нойона. Генерал-аншеф В. Я. Левашов, возвращаясь в столицу из низового корпуса (располагавшегося на присоединенной к России территории Персии), по просьбе хана имел с ним встречу 22 сентября 1733 г. напротив Черного Яра. В разговоре с ним Церен-Дондук заметил, что он мириться со своим соперником и кочевать с ним рядом боится, так как тот может его убить. В. Я. Левашов с циничной прямоотой посоветовал своему собеседнику поступать в подобных случаях по примеру своего отца, Аюки, "чтоб не он, но противники бы его прежде помирили, причем и Дондук-Омбо, когда примирятся, блиско прикочует, чтоб и оного он, хан, прежде себя успешил на другой свет отпустить". Сказанному, по сообщению В. М. Бакунина, "хан безмерно был рад, но на себя крепко надеется в том не мсг". Хан сомневался недаром: мимолет-

ная радость закончилась для него большим горем и крушением всех надежд.

Как мы видели, надвигавшаяся война с Турцией и постоянные неурядицы в самом ханстве заставили правительство на время отступить перед упрямым нойоном. Сделав хорошую мину при плохой игре, оно попыталось представить начавшиеся переговоры об условиях возвращения Дондук-Омбо к Волге как "высочайшую милость и вины... отпущение" пришедшему "в чювство" подданному.¹⁵³ Выторговав все возможное, в том числе и верховную власть в ханстве, Дондук-Омбо вернулся к родным пенатам. Итак, можно было бы сказать: счастливая звезда негасимо мерцала над его головой, и он одержал победу. Но это была "Пиррова победа".

Междоусобицы нойонов, вызванные борьбой за власть, дорого обошлись калмыцкому народу. В сентябре 1743 г. Дондук-Даши представил правительству красноречивый реестр людских потерь за время усобиц 20—40-х гг. XVIII в. Если учесть, что после смерти Дондук-Омбо усобица была непродолжительной и не сопровождалась большими жертвами, приходится основную их часть отнести ко времени 20—30-х гг., т. е. ко времени активной деятельности Дондук-Омбо. Подсчеты нового наместника ханства, который и сам внес немалую лепту в свару собратьев, выглядят следующим образом:

Владельцы и улусы	Было кибиток до 1723 г.	Осталось
1. Чакдорчжаб	более 11 000	3438
2. Церен-Дондук	8 000	3673
3. Галдан-Данжин	6 000	2312
4. Доржи Назаров	8 000	2000
5. Шабинеры	5 000	2000
6. Дербетские	4 000	3000
7. Хошутские	3 000	500
Всего	45 000	16923 ¹⁵⁴

Хотя здесь не названы потери ряда других улусов, в частности цохуровских, но и без этого реестр является кровавым и неоплатным счетом к недомыслию и паразитизму калмыцкой знати. Как тут не согласиться с В. П. Бекле-

мишевым, в сердцах характеризовавшим нойонов следующими словами: "Народ несмысленной и неразумительной, к тому же своевольной и упрямой и кроме воровства (здесь: непослушания — М. Б.) ни к чему не потребнай".¹⁵⁵ Относя эти слова к части нойонства, мы должны решительно отместить попытку руководителя "Калмыцких дел" распространить эту характеристику на весь калмыцкий народ.

Но вернемся к Дондук-Омбо. Развернутая им борьба за ханский титул в течение 10 лет лихорадила ханство и привела к катастрофическим результатам. Если даже подсчеты Дондук-Даши неточны, общее положение не вызывает сомнений. О сокращении населения улусов и об обнищании большей части оставшихся говорят многочисленные документы того времени. Положение существенно не улучшилось и после того, как честолюбивый властолюбец достиг вожделенной цели. Подозрительный хан за каждым степным холмом видел опасности и заговоры. Убрав из улусов своих главных соперников и противников — Церен-Дондука, Шакур-ламу и Дондук-Даши, он стал добираться до своих недавних союзников, прошедших вместе с ним через кубанские мытарства.

Характерны в этом смысле показания Бату. 2 января 1737 г. он беседовал с астраханским вице-губернатором Ф. И. Соймоновым на квартире последнего. На вопрос: мирно ли между собой живут владельцы? — Бату ответил, что все нойоны находятся с Дондук-Омбо "в великой дружбе" (мы скоро увидим характер этой дружбы), только улусные люди "все злобятца" на хана, а больше всего на его сына Галдан-Норбо, "к чему и он, Бату, весьма от сердца своего склонен" за убийство его племянника Чидана, Досангова сына. По уверению Бату, все улусные люди только и ждут ссоры между Лубжей и Дондук-Омбо, в случае чего все могут выступить против хана. Злоба против него нарастала еще и потому, что почти у каждого владельца он отобрал улусы.

Бату предупреждал Ф. И. Соймонова, чтобы правительство добилося в скором времени возвращения отнятых улусов, в противном случае может вспыхнуть новая усобица, "ибо хотя и он, Бату, с ним, Дондук-Омбою, и дружбу имеет", однако за племянника и за улусы "в сердце своем злобу великую держит". Дондук-Омбо, по словам недавнего стойкого союзника хана, сам обо всем знает, а потому и держит при каждом владельце своих верных соглядатаев, а у него, Бату, живет ханский зайсанг Кашка будто бы для

дел и никуда от него не отстает, да и сейчас при нем в квартире. "Дружба" Бату с Дондук-Омбо закончилась тем, что последний 10 ноября 1738 г. арестовал Бату с его сыном, обвинив в поддержке Галдан-Норбо, и отправил в Астрахань, где они оба умерли. Такая же участь постигла и некоторых других нойонов. Даже родной старший сын хана — Галдан-Норбо, сосланный в Казань, умер далеко от родных степей 27 июля 1740 г.

К концу жизни с каждым днем слабевший от легочной болезни Дондук-Омбо и сам, наверное, со смешанным чувством страха и недоумения видел вокруг себя озлобленность и пустоту: ни друзей, ни соратников, ни близких родичей. Почему же так произошло? Ведь он мечтал добиться мощи и самостоятельности ханства, поднять авторитет и непререкаемость ханской власти. Результатом же его деятельности явилось дальнейшее ослабление ханства, широкое вмешательство царского правительства во внутри- и внешнеполитическую жизнь улусов, сокращение прерогатив ханской власти, все более подменяемой распоряжениями российской администрации.

Нет сомнения, что логика планов Дондук-Омбо неизбежно толкала его, с одной стороны, на сопротивление вмешательству российского правительства, а с другой — на устранение возможных своих соперников из среды нойонов. Но ведь и Аюка действовал в том же ключе и добился больших успехов в установлении единовластия и большей самостоятельности по отношению к правительству. Это так, но объективные условия, о которых говорилось в соответствующей главе, способствовали замыслам Аюки, а Дондук-Омбо шел во многом против этих условий. На протяжении своей бурной и сравнительно короткой (48 лет) жизни он одержал немало побед, самой главной из которых являлось достижение ханской власти вопреки воле царского правительства и приостановление наступления на автономию ханства, но все эти победы в целом обернулись победами для него одного. Он опоздал родиться для общего блага и торопился жить для себя. Совершенно уверенно можно сказать: когда он умер 21 марта 1741 г. большинство населения ханства вздохнуло с облегчением.

Габан Шараб с нескрываемым восхищением говорит в своем труде о ряде ойратских владелиц, оставивших память в потомстве своими неординарными поступками и глубокомысленно-пророческими высказываниями. Женщи-

на, о которой пойдет речь ниже, несколько не уступала им, являясь второй ключевой фигурой — после Дондук-Омбо — в событиях 20—30-х гг. XVIII в. Этой женщиной была ханша Дарма-Бала. Пока не удастся установить ее отца, но утверждение И. Я. Златкина, что она дочь Цэван-Рабдана, ошибочно, потому что не кто иной, как сама Дарма-Бала, сообщает нам, что он был ее двоюродным братом.¹⁵⁶

В 1746 г. в письме к Дондук-Даши она напоминала, что ей уже 70 лет, значит она родилась примерно в 1676 г. Нам ничего не известно о ее жизни на родине, в Джунгарии. В конце XVII в. в ее судьбе произошел резкий поворот. Она была просватана за сына Аюки Гунделека (Хурдн-Делек) и отправлена на Волгу. Когда же она прибыла в калмыцкие улусы? В. М. Бакунин свидетельствует, что впервые берега Волги Дарма-Бала увидела в 1697 г., а так как к этому времени жены Аюки-хана — Эренцен и Уанджал — умерли, а с Абуханой он разошелся, то Гунделек так и не заполучил свою невесту — на ней женился сам хан. Косвенный намек на время очередного изменения семейного положения хана содержится в письме к нему Б. А. Голицына от 1701 г., где князь упоминает, что Аюка, живя без жены, "промыслил" новую.

При жизни мужа Дарма-Бала не проявляла активности, да и Аюка, видимо, не допускал ее до серьезных дел. В 1745 г. Замьян просил содействия В. Н. Татищева в возвращении выделенных ему Аюкой подвластных, которых удерживали другие нойоны. Губернатор обратился за разъяснениями к Дарме-Бале. Ханша ответила, что отцу просителя Назарбеку были выделены кибитки, но сколько и какие, она не знает, так как муж с ней по таким делам не советовался. Шотландцу Д. Беллу, видевшему ханшу в 1722 г., бросился в глаза ее "благопристойный и кроткий вид". Судя по последующим событиям, Дарма-Бала обладала деятельной и страстной натурой, но умела до времени искусно скрывать душевные бури. Все разом и кардинально изменилось 19 февраля 1724 года.

Уже в день смерти хана В. П. Беклемишев отправил известие А. П. Волынскому в столицу, что "калмыцкие улусы все покочевали к лине (царицынской — М. Б.), только де они в великом сумнении, опасаясь того, чтоб ханскую жену кто из владельцев не увез к себе и не женился бы на ней". Дарма-Бала вдруг оказалась в центре внимания и правительства, и всего ханства; фигурой, от поведения которой слишком много зависело как в планах Санкт-Пе-

тербурга, так и в планах некоторых крупных нойонов. Как часто бывает в жизни, слишком большое внимание породило массу предположений и домыслов о поведении и намерениях ханши. Пошли гулять слухи, что ее секретарь Намки-гецуль "в великой милости у ханской жены и зело близок, на которого есть поречение, что он и галан ее (любовник — М. Б.)", что она уже "блудитца" с Дондук-Омбо "и многие уже вещи ханские роздала ему" и "что она и к сыну своему неласкова".¹⁵⁷

Кроме сплетен, часть которых, правда, имела под собой основания, были и более серьезные вопросы, на которые надо было дать скорый ответ. На ее глазах разворачивалось соперничество за власть между сыном, Дондук-Омбо, Досангом, а позже она узнала и о той роли, которую отводило правительство Доржи Назарову. К кому примкнуть, на кого опереться и сделать ставку, чтобы не оказаться на обочине политической жизни ханства? Было от чего растеряться, и, судя по всему, на первых порах она действительно растерялась. Ее тогдашнее состояние тонко подметил Яман, человек умный и наблюдательный. В беседе с А. П. Волынским 3 сентября 1724 г. он следующим образом характеризовал поведение нойонов и Дармы-Балы: "Владельцы ныне все люди молодые, а страху де себе никакова не видали и тако де бесятца, и сами не знают, что делают, а старых и добрых людей не слушают. А ханская жена человек яко безглавной (т. е. без мужа — М. Б.) и для того манит всем, и кого видит сильного, того партию и держит, а Черен-Дундук, как молодой человек, хотя несколько и сомневался, однако ж он, Яман, и Шахур-лама к тому ево привели, что уже об нем не надобно сомневатца".¹⁵⁸

Однако Дарма-Бала быстро приходила в себя и уже в скором времени показала, что ей не особо и нужен "глава", когда у нее своя голова на плечах. Первым ее ироничную пронизательность испытал А. П. Волынский, который, готовясь к провозглашению Церен-Дондука наместником, посетил ее 8 сентября 1724 г. Войдя в кибитку, он вежливо поздоровался с ней. Ответив ему тем же, ханша вдруг заметила, "что господин губернатор ныне перед прежним стал жирен, а она исхудала". "Господин губернатор, — прилежно фиксировал секретарь, — ей сказал, что дай боже ей здоровье, а когда она будет здорова, тогда будет и не худа".

После легкой словесной разминки перешли к более серьезным делам. А. П. Волынский довел до ее сведения,

что повелением Петра I сын ее должен быть объявлен наместником ханства впредь до указа, и чтобы он в верности дал "реверс" за своею подписью, да и другие владельцы принесли бы присягу. Выслушав губернатора, ханша деланно рассмеялась и обратилась к своим приближенным: "Ничего де не видя уже велят и подписыватца". Дарма-Бала потребовала императорской грамоты, "а бес того де она детей своих к присяге приводить не будет". Так как у губернатора требуемой грамоты не было, 9 сентября он сам сочинил ее. Ханшу провести оказалось трудно: отвозивший грамоту В. П. Беклемишев передавал губернатору, что ханша, приняв ее, с нескрываемой иронией говорила: "Знатно де бережно везена, пакет нов и печать на нем как новая". В связи с этим случаем мы узнаем, что Дарма-Бала была грамотной, так как "роspечатав пакет, прочла приложенную копию на калмыцком языке".

Ханша, так же, как Дондук-Омбо и Доржи Назаров, отсутствовала на провозглашении сына наместником 20 сентября 1724 г. Если два названных нойона имели все основания уклониться от неприятной для них процедуры, то поведение Дармы-Балы могло бы вызвать недоумение, если бы не ряд обстоятельств. Они хорошо были известны и царской администрации, и широким кругам ханства. Из всех слухов, носившихся по поводу ханши, верными были два, что она более чем равнодушна к Дондук-Омбо и недолюбливает старшего сына. Вступление Церен-Дондука в должность наместника высветила еще одну черту в линии ее поведения: она резко отрицательно относилась к вмешательству российского правительства во внутренние дела ханства.

Сразу после съезда на р. Сапуновке Дарма-Бала приехала к сыну и вместо полагавшихся по ситуации поздравлений набросилась на него с упреками. Она обвиняла Церен-Дондука в том, что он не поддерживает ее, а переметнулся на сторону Досанговой группировки. Особенный ее гнев вызывал тот факт, что сын прислушивается к советам губернатора и беспрекословно их выполняет. Осыпая сына упреками и проклятиями, она расплакалась, драла себе лицо и волосы и, выдрав пучок волос, бросила их на сына, сказав при этом, "что оное дранье по смерти взыщется на нем, Черен-Дундуке". Мать не ошиблась, она накаркала несчастье сыну.

Обвиняя сына во всех смертных грехах и, в частности, в непослушании ей, ханша более всего играла на публику.

Церен-Дондук всю жизнь испытывал к матери боязливую почтительность. Будучи от природы лишенным особых талантов и решительности, к тому же отдавшись во власть Бахуса, он доверил ведение дел матери, и ее *орьга* вплоть до лишения сына ханского звания была одним из центров политико-административной жизни ханства. Об этом хорошо было известно всем, и в первую очередь тем, кому это нужно было знать по должности.

В 1727 г. В. П. Беклемишев констатировал, что Церен-Дондук никакого авторитета и власти не имеет и без воли матери ничего предпринять не может и что у него даже нет собственной печати, а всей важной перепиской ведает Дарма-Бала. Другие сведения также говорят о второстепенной роли хана. Когда перед приездом китайского посольства 1731 г. В. П. Беклемишев вручил Церен-Дондуку правительственную грамоту, регламентирующую прием послов, и приготовился выслушать ответ, он его не дождался. Хан молча прочитал грамоту и сказал, что посоветуется с матерью и тогда даст ответ.

До начала 30-х гг. ничто не омрачало ее отношений с Дондук-Омбо, хотя разговоры о их возможной женитьбе постепенно затихли. Если верить осведомителям, снабжавшим в избытке царскую администрацию различными сведениями и слухами, порою высосанными из пальца, в 1728 и 1729 гг. ханша дважды предупредила Дондук-Омбо о готовящихся против него акциях, вплоть до убийства, причем действовала в ущерб интересам сына. В свете сказанного неудивительно, что Дарма-Бала испытывала прямо противоположные чувства к Джан и пользовалась любым поводом для компрометации ее. Когда Дондук-Омбо серьезно заболел в 1725 г., Дарма-Бала приставила к нему "некакую бабу волшебницу", а та по указке ханши объявила больному, что он испорчен от жены своей "черкески". Дондук-Омбо, и сам подозревавший, что он "испорчен от кого-нибудь отравой", обещал это дело расследовать. Очевидно, расследование было положительным для Джан, так как никаких последствий для нее не имело.

Но ничто не вечно под луной. Первый холодок в отношениях между Дармой-Балой и Дондук-Омбо пробежал в 1730 г., а морозом побило их чувства сражение при Сасыколях. После разгрома и разграбления улусов ханша с женами сыновей бежала в Саратов, откуда в скором времени была переведена к сыну под Царицын. В 1729 г. умер ее младший сын Галдан-Церен (другое имя — Баранг-Церен),

события 1735 г. унесли и старшего сына. Окончательный удар по ее влиянию и честолюбивым планам был нанесен в 1741 г., когда был убит последний остававшийся в живых сын Галдан-Данжин, реально претендовавший на власть в ханстве. Оплакав и сыновей, и не сбывшиеся надежды, Дарма-Бала затихла.

В последний раз эта "знатная персона и мать народа" (каковой она, несмотря ни на что, почиталась в улусах) испытала превратности судьбы в 1745 г. В этот год до правительственных чиновников дошли слухи, что Дарма-Бала завязала сношения с правителем Джунгарии Галдан-Цереном, прося взять ее к себе. Кроме того она, видимо, не совсем пунктуально исполняла предписания грамоты к ней от 22 сентября 1742 г., где, между прочим, говорилось: "Как тебе самой, так и зайсангам твоим в правление улусов не вступать и ни в какие улусные дела не мешаться, но жить при твоей старости спокойно и довольствоваться нашим жалованьем. Сверх того, для лутчаго твоего удовольствия и пропитания повелели мы... наместнику ханства ис пожалованных ему после Галдан-Данжина улусов по жизнь твою определить от четырех (сот — М. Б.) до пятисот кибиток".

В 1745 г. по письмам Дондук-Даши, недовольного ее возродившейся активностью, она была вызвана ко двору, но в пути остановлена и определена на жительство в Саратов "под честным караулом" и без права переписки. В сентябре 1746 г. Дондук-Даши довел до сведения Елизаветы Петровны, что старая ханша "меня просит, чтоб я хотя не для ея, но для бурханов и закона и памянутуя отца и деда моего и для их спасения выпросил ея к себе и кости ея погреб".¹⁵⁹ Идя навстречу его просьбе, правительство распорядилось отправить ее в улусы со 100-рублевым ежемесячным жалованием. 14 августа 1747 г. она была уже в Астрахани, откуда в тот же день на выделенной ей специально "покойной" коляске отправилась к наместнику. Умерла она 6 декабря 1759 г.

В событиях второй четверти XVIII в. самыми беспомощными и недалекими оказались многочисленные сыновья Чакдорчжаба, если исключить из их числа Дондук-Даши и его малолетних братьев. В то время как основные их соперники расчетливо копили силы и обзаводились союзниками, они, обладая совместно большим количеством подвластных, погрязли в выяснении отношений между собой, взаимно разоряя друг друга. Еще при жизни отца

старшие сыновья начали грызню из-за выделения им отдельных владений. Баксадай-Доржи, не дождавшись решения вопроса, "зделал своеволие, бывшего ханского сына Гунделека улусом завладел, которая Гунделекова жена была за Чапдержапом увел и с улусом с собою". Речь идет о знакомой нам Даши-Бирюнь, которую Чакдорджабу не без труда удалось оторвать от сына.

Во время раздела взрослых сыновей разгневанный отец не хотел давать частей Баксадаю-Доржи и Нитар-Доржи; первому за его самовольство, а второму за то, "что все дела его вредительны". Однако за них поручились Аюка и Церен-Дондук, поэтому им выделили соответственно 500 и 200 кибиток.¹⁶⁰ Но часть сыновей осталась недовольна разделом и многие из них кривили душой, когда обещали отцу перед смертью его жить дружно и когда перед сожжением его тела поклялись безобидно разделить оставшиеся улусы. Правда, в последующей ссоре братьев не последнюю роль сыграли хан и их потенциальные соперники за власть, в первую очередь Дондук-Омбо.

Первые же неудачи сбили с толку Досанга и он заметался: то уповал на помощь А. П. Волынского, то скрытно действовал против него, прикрываясь братом Нитар-Доржи, то мирился с братьями и соперниками, то нападал на них. Нитар-Доржи вовсе пустился во все тяжкие, не рассчитывая ни своих возможностей, ни реальной обстановки. Его жизненное кредо выражено им в словах, сказанных В. М. Бакунину при их последней встрече на этом свете, которая для представителя губернатора была далеко не приятной. Избив будущего сочинителя исторического труда о калмыках, Нитар-Доржи пояснил, "что за то он ево, Бакунина, и бьет, что он их уговаривал мириться, чего де никогда не зделается, и они того не желают, а желают тем и кормиться, что розбивать и воровать, в чем и воспитаны".¹⁶¹

Вступив в открытую борьбу не только с враждебными нойонами, но и с царской администрацией во главе с А. П. Волынским, Нитар-Доржи сам себе подписал смертный приговор. Старший брат, действовавший его руками и понявший, что зашел слишком далеко и расплата близка, пожертвовал младшим братом, который был заманен в его кибитку и по его приказу задушен, после чего тело было отправлено губернатору. Другой путь избрал Баксадай-Доржи, решивший целиком положиться на волю правительства и с его помощью достичь желаемых целей, главной из которых был ханский титул. Реализуя свои замыслы,

27 ноября 1723 г. на р. Алгаре вблизи Красного Яра он впервые заявил А. П. Волынскому о желании креститься.

Его намерение было встречено резко отрицательно дедом и всеми ближайшими родичами, так что его с большими предосторожностями и только водным путем удалось отправить ко двору. 15 ноября 1724 г. в Соборной Троицкой церкви Санкт-Петербурга при большом стечении духовных иерархов и знати состоялась церемония крещения Баксада-Доржи в православную веру. Обряд крещения исполнил тверской архиерей Феофилакт, восприемником был сам Петр I. Так из официальной документации исчез ламаист Баксада-Доржи и появился христианин Петр Петрович Тайшин. "Во время крещения положен на него, Петра, крест золотой да надета на него зделанное из его императорского величества казны ис Коллегии иностранных дел платья шуба соболья покрыта золотою парчею по кафейной земле, полукафтаны парчевое золотное по лазоревой земле, шапка соболья верх бархатной, рубаха с порты, штаны, чулки, сапоги. Купель была с водою большая с лица в круг и к оной купели и в купель приступки о трех ступенях обиты красным". После службы П. Тайшин взят в дом Петра I "и был при столе его величества, при том же были духовные особы и министры".¹⁶²

В марте 1725 г. П. Тайшин вернулся в улусы и сразу же навестил старшего брата. Досанг, по совету зайсангов, "принял ево публично неласково" и набросился на него с попреками. П. Тайшин как мог отбивался от неприятных вопросов старшего брата и, наконец, заявил, что он "предается в волю Дасангову и какую веру велит ему содержать, то е де он и будет". В ответ Досанг заявил, "что ежели он... не хочет отстать своего владенья, то б он паки веровал в Далай-ламу и во знак де оного при них, цорже (архимандрите) поклонился б их бурханом и вместо б креста бурхана на себя надел, что де он, Петр Та/й/шин, и учинил".¹⁶³

Никаких особых выгод от своего крещения П. Тайшин не получил. Более того, он рассорился с братьями, так что вынужден был на время уйти из улусов под покровительство царской администрации. Во время очередного передела наследства Чандорчжаба ему не хотели выделять добавочной части, потому что он теперь "русский" и пусть его содержит российское правительство. В немалой степени поводы для неприязни подавал сам П. Тайшин своим поведением. Как сообщает В. М. Бакунин, его крещение Досангу и Нитар-Доржи "было весьма противно, ибо они опасались

лись, чтоб он при помощи российской всеми их улусами не завладел, и неволею не крестил, а к такой их опасности он Петр Тайшин и сам подал причину, гордостию своею пред ними и угрожая им, желал над ними первенствовать".

Не получив желаемого из рук правительства, П. Тайшин после смерти Досанга в октябре 1730 г. сменил ориентацию и в решающем столкновении 9 ноября 1731 г. оказался с братом Бату и племянником Чиданом на стороне Дондук-Омбо. Позже он сам признавался, что они с Дондук-Омбо разбили Церен-Дондука, не желая видеть его ханом, а "проча ханство" каждый сам себе. В другом письме на имя канцлера он пытался доказать свое право на ханский титул, но получил ответ, что Церен-Дондук ему дядя, и "мимо ханского сына" назначать ханом внука "не надлежит". Из-за трений с Дондук-Омбо по поводу отобранных у хана улусов и по ряду других причин он не пошел с ним на Кубань и вернулся к Волге.

Здесь его ждал не тот прием, на который он рассчитывал. 23 февраля 1732 г. П. Тайшин виделся с И. П. Измайловым, который имел намерение арестовать его, но не смог этого сделать из-за большой охраны нойона. Хотя он обещал присягнуть на верность, вернуть захваченных у хана людей, ему не дали выполнить обещанное. Ханские улусы у него были отняты, а собственные подвластные разорены и разбиты подошедшими к Астрахани отрядами И. Ф. Барятинского. Спасаясь от них, П. Тайшин сдался коменданту Красного Яра, жена его была задержана на луговой стороне Волги и доставлена в Астрахань. Просидев более двух лет в заключении, потеряв двух сыновей и дочь, он был отправлен ко двору, 29 августа 1734 г. представлен Анне Иоанновне и, стоя на коленях, просил прощения. Вице-канцлер А. И. Остерман объявил от имени императрицы о "наивящем в винах его прощении". Жена его, Церен-Янжа, в ноябре того же года была крещена и стала Анной Тайшиной. Восприемниками ее были сама Анна Иоанновна и А. И. Остерман. Умер Петр Тайшин в начале 1737 г.

Наиболее трагичной представляется в описываемых событиях фигура главы калмыцкого духовенства Шакурламы. Он был сыном зайсанга из "табун отоковых" улусов, т. е. из владения Доржи Назарова, и 10-летним мальчиком отправлен в Тибет для обучения духовным наукам. Прожил он там больше 20-ти лет и, по словам В. М. Бакунина, "обучился тангутского языка и другим наукам, духовным их чинам принадлежащим и был ламою в тамошнем одном

монастыре, называемом Шакур и губернатором над провинцею, тому монастырю подчиненною". Вернулся он обратно на Волгу в 1718 г. В начавшихся после смерти Аюки междоусобицах он сразу же принял сторону Церен-Дондука и до конца не изменил ему. Это его решение привело к тому, что, поддерживая официального правительственного избранныка, он действовал в русле правительственных распоряжений и поддерживал мероприятия представителей местной царской администрации.

Подобное его поведение не могло не быть замечено противниками Церен-Дондука, и они время от времени распускали о нем различные домыслы и слухи, которые, естественно, доходили и до российских властей. Так, один из осведомителей передавал В. М. Бакунину, что якобы Шакур-лама (Шахур-лама) по прибытии на Волгу объявил Аюке волю Далай-ламы, чтобы калмыки откочевали из России "к своему однозаконному, которому ни есть" правителю. Аюка и его приближенные якобы решили откочевать в Джунгарию и вели с ее правителем соответствующие переговоры, но замыслы были разрушены ссорой детей Чакдорчаба и смертью Аюки.¹⁶⁴

Другой известный осведомитель Монколон доносил А. П. Волынскому, что в улусах распространено большое сомнение насчет Шакур-ламы, потому что после его приезда происходят у них великие несчастья, а именно: в первом году по его приезде Чакдорчаб был в "несогласии" со своими детьми и потому разделил им свои улусы, во втором году умерли Чакдорчаб и Бюкюнгин-лама (глава духовенства до Шакур-ламы), в третьем году умер сам Аюка, в четвертом году снова "великое несогласие". Кстати, сведения Монколону помогают уточнить свидетельство В. М. Бакунина о годе появления Шакур-ламы в ханстве. Получается, что он приехал из Тибета в 1720 или 1721 г. 1721 год упомянут, правда, косвенно и в другом документе.¹⁶⁵

Какие бы подозрительные слухи насчет Шакур-ламы ни распространялись, практические действия говорили о его проправительственной ориентации, и представители царской администрации продолжали пользоваться его услугами, и в первую очередь, в деле воздействия на Церен-Дондука и Дарму-Балу. Обрисовывая свое положение В. П. Беклемишеву в беседе 15 февраля 1727 г., Шакур-лама говорил, что он находится в постоянном страхе из-за неизменной поддержки Церен-Дондука, так как противники последнего могут, "взбесясь", разорить его улус, а самого

убить. Остался верен себе Шакур-лама и в столкновении 1731 г. Он лично присутствовал на ханской стороне в сражении 9 ноября, а после разгрома "по довольному по степи беганию пристал напоследок к некоторому небольшому числу вместе собравшемуся из своих улусов около Саратова" и с ними вышел к Царицыну.

До 1735 г. ханская группировка улусов, в том числе и Шакур-лама, прожила в постоянном напряжении, подвергаясь моральному и военному нажиму со стороны Дондук-Омбо и старших сыновей Доржи Назарова. В эти годы глава духовенства в беседах с представителями российского правительства неоднократно резко негативно отзывался о состоянии дел в ханстве и политике ведущих нойонов. Между тем развязка приближалась. Решив назначить Дондук-Омбо наместником ханства и выполняя просьбы последнего, правительство решило убрать из улусов Церен-Дондука. 22 октября 1735 г. В. П. Беклемишев заманил хана, Шакур-ламу и Галдан-Данжина в Царицын. Хотя правительство особо и не желало убирать из улусов лояльно настроенного главу духовенства, но Шакур-лама сам изъявил желание сопровождать хана ко двору, куда они и были отправлены 28 октября. 3 марта 1737 г. в грамоте к Дондук-Омбо разрешалось отправить к Далай-ламе не более 40 посланцев, и среди них несколькими духовным лицам с прахом умершего Шакур-ламы. Церен-Дондук же умер в Санкт-Петербурге 1 февраля 1738 г.

ВЕРТИКАЛЬ ОБЩЕСТВА: НА ДНЕ

В 1987 г. во втором номере журнала "Советская этнография" была опубликована статья историка А. И. Карагодина "Унаган боголы (об эволюции форм зависимости у монголоязычных кочевников)". На наш взгляд, наряду с выводами, не вызывающими особых сомнений, в статье имеются спорные моменты. На некоторых из них в дальнейшем придется остановиться, так как они затрагивают вопросы, являющиеся предметом и нашего внимания. Разумеется, сказанное вовсе не значит, что в результате мы получим бесспорные ответы на затронутые проблемы; это еще одно мнение — и только.

Представляется, что А. И. Карагодин неправ, когда он, основываясь на единичном факте, взятом к тому же из документа конца XVIII в., когда было ликвидировано Калмыцкое ханство и характер отношений правительства с

нойонами резко изменился, утверждает, что "нойоны, обращаясь к российскому царю, также именовали себя албату" (с. 65). Отсюда автор делает следующий вывод: термин албату "не может служить для обозначения однородной группы, сословия" (с. 66). Названные утверждения нуждаются в существенном уточнении, так как более поздние явления без всяких оговорок распространяются на более раннее время.

Во всех просмотренных мною письмах ханов и наместников ханства, обращенных к русским царям и императорам, употребляется выражение "верный подданный" — "итэ-гэлтэй харийаату". *Харийаату* означает "подчиненный, подвластный", без обязанности платить подать, чего калмыки во времена ханства действительно не делали. Если же хотели в этом сочетании сказать о подвластности и податной обязанности, то употреблялось выражение — "харийаату албату",¹⁶⁶ но оно не применялось правителями ханства в обращениях к правительству. Правда, отдельные представители калмыцкой знати в своей переписке применяли иногда более уничижительные выражения. Шакур-лама в письме к В. П. Беклемишеву, говоря о Дондук-Омбо, выразился: "Ныне как я великого государя холоп, так и он великого государя холоп" — "би чиги цагаан хани китад, тэрэ чиги цагаан хани китад". Такие пассажи надо воспринимать не более как риторический прием и не делать из них далеко идущих выводов.

Спору нет, термин "албату" применялся для обозначения подданного вообще того или иного нойона. Вместе с тем понятие "албату" всегда подразумевало зависимость, связанную с податной обязанностью, и применялось для обозначения особой сословной группы. Если следовать логике рассуждений А. И. Карагодина и обратиться за примером к русской истории, то можно придти к выводу, что в русском обществе феодальной эпохи слово "холоп" не может обозначать однородной группы, сословия. Ведь князья, бояре, воеводы и другие категории населения обращались к царю со словами "холоп твой челом бьет". Однако не нужно доказывать, тем более историку, что в России долгие века существовало сословие собственно холопов, делившихся к тому же на ряд категорий.

Впрочем, об албату уже говорилось, здесь же мы попытаемся, насколько позволяют источники и рамки работы, рассмотреть происхождение и положение самых бесправных и угнетенных слоев калмыцкого общества времен хан-

ства. Как уже говорилось, к ним относились *цоохоры, китады, мухула и абганеры*. Если о китадах и мухула на основе имеющихся источников можно составить достаточно четкое представление, то этого не скажешь о цоохорах и абганерах. Габан Шараб сообщает (это сообщение в тех же выражениях повторено Б.-У. Тюменем), что участники составления Уложения поклялись, между прочим, не делать цоохорами монголов и людей одной кости (ойратов). Известный переводчик труда ученого эмчи (перевод опубликован А. В. Бадмаевым в "Калмыцких историко-литературных памятниках в русском переводе") передает понятие "цоохор" через русское "холоп", "холопство".

Сведения о цоохорах, хотя, к сожалению, редкие и неясные, встречаются и в архивных материалах. В 1743 г. В. Н. Татищев просил наместника, чтобы он Бордока из батутов "содержал... в милости". 25 сентября Дондук-Даши извещал губернатора, что он "ему следующую пользу учинил. Оной Бордок напред сего был у людей во крестьянстве, а ныне я за добрые ево поступки от того крестьянства выключил и учинил ево с протчими в равенстве свободным" — "тэрэ урда кюнэй цоохор кюн санчи".¹⁶⁷ Таким образом, здесь русский переводчик передал сущность зависимости "цоохор" как "быть во крестьянстве".

В 1765 г. наместник Убаши сетовал, что в правительственных указах о крещении калмыков ничего определенного не говорится "о холопях и крестьянах", которых хозяева покупают за деньги и скот или же они передаются им в наказание за воровство и другие преступления. Если же таких людей "знатные и достаточной капитал имущия наши люди лишены будут, то нам и во всем надежды никакой быть не может".¹⁶⁸ И в этом документе слово "цоохор" передано как "крестьянин". Кто же такие "цоохоры", что означало их "крестьянство", какова степень их зависимости от господ и какими путями они в нее попадали?

А. И. Карагодин в указанной выше работе уделяет много внимания проблеме происхождения и положения цоохоров. Пытаясь определить их происхождение, он высказывает предположение, что это скорее были люди без "рода-племени, защиты коллектива", в том числе пленные. Однако этому предположению противоречит хотя бы тот факт, приводимый самим автором, что бухусовский зайсанг из числа своих аймачных, бухусовских же калмыков, "три семьи людей сделал собственными крестьянами" — цоохорами. Упоминавшийся наместником бывший "крестьянин"

Бордок, принадлежавший к батутам, также не был человеком без рода-племени.

Среди прочих рассуждений А. И. Карагодина обращают на себя внимание два. Во-первых, ему "представляется вполне вероятным происхождение слова "сахар" от "цоохор". *Цахарами* же, по его мнению, были поселения вокруг нойонских ставок, где селилась владельческая дворня. Мне плохо знакомы материалы XIX в., поэтому не берусь судить о положении в этой области в указанное время. Вместе с тем сам же автор приводит мнение П. И. Небольсина, что "цагаром" являлось "собрание кибиток близ владельческой ставки", и утверждение Ф. И. Леонтовича, который включал в "цагар" не только служителей, но и воинов и "владельческих думцов", т. е. чиновников и советников (с. 68—69).

Сторонние наблюдатели могли допускать неточности, объясняя сущность сахаров и их населения, но если даже в XIX в. они и были поселениями владельческой дворни, то дело обстояло по-другому в XVIII в. В 1766 г. наместник Убаши жаловался астраханским властям на казаков Ветляницкой станицы, которые, не довольствуясь захватом пастбищных угодий на правом берегу Волги, еще и на луговой стороне в урочище Цаган-Аман, где издавна отец его и он сам кочевали осенью, всю траву выкосили, чем нанесли ему "всекрайнюю обиду". Расследование показало, что наместник прав, причем казаки выкосили травы именно в том месте, "где цахир наместников садится".¹⁶⁹ Упомянутый здесь "цахир" есть не что иное как "сахар". Под "цахиром" в XVIII в., а возможно, и раньше, понималась вся совокупность кибиток, составлявших ставку хана или нойона.

Сюда входили *орьга* самого владельца, кибитки служебные, чиновных зайсангов, хурульные и различных служителей. В состав последних входили *котечинеры*, *каанары* — охранники, аймачные калмыки, выполнявшие по очереди повинности по обслуживанию владельческой ставки, *шабинеры* хурульные и т. д. Если речь шла о ставке хана или наместников ханства, то в совокупность кибиток цахира входили кибитка, где заседало *Зарго*, кибитки *заргучеев*, а также служителей базара при ставке, который, по крайней мере, с 40-х гг. XVIII в., функционировал постоянно. Были ли в это время в составе цахира цоохоры, сведений нет, но даже если они и были, то терялись в массе прочего населения.¹⁷⁰ Это обстоятельство позволяет считать предположение о происхождении понятия "сахар" от "цоохор"

необоснованным, да и в лингвистическом отношении такой переход также сомнителен.

Во-вторых, А. И. Карагодин считает, что "с образованием категории цахаров успешнее развивалась первая форма феодальной земельной ренты — отработочная. От краткосрочного, эпизодического (поочередного) использования труда аймачных калмыков нойоны, крупные зайсанги и хурулы переходили к постоянному использованию труда лично зависимых людей, прежде всего цоохоров" (с. 69). Оставляя в стороне более чем спорный вопрос о земельной ренте в кочевом обществе, что увело бы нас в сторону, необходимо сказать, что ни в XIX, а тем более в XVIII в. не наблюдается резкого роста количества цоохоров, чтобы феодалы могли существовать за счет использования преимущественно их труда. Далее, все население владельческих улусов было лично зависимо от своего нойона, а не одни только цоохоры, и труд албату, шабинеров и т. д. использовался не эпизодически, а постоянно. Другое дело, что при ставке нойона аймачные калмыки могли работать поочередно, а постоянная их эксплуатация производилась через систему ежегодных податей и повинностей. Из-за очевидности этого обстоятельства я не буду приводить примеры, специалистам они хорошо известны.

В работе А. И. Карагодина есть и другие спорные моменты, особенно настойчивое противопоставление категорий "хуучин албату" и "орулх албату", но здесь нет возможности далее останавливаться на них. Вместе с тем он безусловно прав, относя "цоохоров" к лично зависимому населению. Правда, создается впечатление, что автор считает анализируемую им категорию калмыцкого населения принадлежностью лишь нойонов, зайсангов и хурулов. Это не так: зажиточные калмыки также имели в своей собственности холопов и цоохоров; не случайно Дондук-Даши говорил о Бордоке, что тот был "у людей в крестьянстве". Прав А. И. Карагодин и тогда, когда сравнивает положение цоохоров, китадов и мухула с положением крепостного и даже раба. Но в чем различие между цоохором и, скажем, китадом?

Утверждение А. И. Карагодина, что "крестьянами" же калмыки обычно называли холопов, рабов" (с. 67), является обмолвкой или недоразумением. Калмыки называли цоохоров цоохорами (китадов китадами и т. д.); термином "крестьяне" калмыцкое слово "цоохор" переводили русские переводчики, искавшие соответствия социальным категориям

калмыцкого общества в русской действительности. Одни переводчики, более добросовестные и дотошные, пытались поточнее передать русскими понятиями суть социального положения той или иной сословной группы калмыков, другие, не долго думая, подгоняли различия и оттенки под одно наименование.

В связи со сказанным чрезвычайно важно следующее обстоятельство. Если понятия "китад" и "мухула" за редкими исключениями переводились как "холоп" и "холопка", то в отношении "цоохор" наблюдаются колебания. Это слово переводилось и как "крестьянин", и как "холоп", и, по свидетельству А. И. Карагодина, как "дворовый". Вместе с тем, при всех колебаниях, явное предпочтение отдавалось понятиям "крестьянин", "быть во крестьянстве". Значит, переводчики чувствовали разницу в положении цоохоров и китадов в калмыцком обществе XVIII в. Русский человек того времени под "крестьянином", если речь шла о зависимости, мог в первую очередь подразумевать крепостного крестьянина, а под "холопом" — раба.

Сказанное позволяет предположить, что социальный статус калмыцкого "цоохора" мог быть сравним с положением русского крепостного крестьянина. Разумеется надо помнить, что положение того и другого было сравнительно похожим, но не идентичным. Цоохоры были лично зависимыми людьми частных лиц: от нойона до зажиточных простолюдинов. Улусные люди, например, албату, тоже были лично зависимы от своего нойона, но не как частного лица, а как владельца улуса, главы мини-государства. При разделах и переделах улусов любой улусный человек мог быть передан другому нойону, но цоохоры и китады — нет. Так же обстояло дело и с другими хозяевами цоохоров.

В 1742 г. подал жалобу В. Н. Татищеву зайсанг Джамба, прадед которого, по его словам, воспитал хана Аюку и его братьев, а он сам был дядькой — воспитателем сына Дондук-Омбо Галдан-Норбо. После смерти Дондук-Омбо Джамба стала расправляться с их семьей. Отца Джамбы убили, братья его пропали в бегах, а у него самого "владеемый мною оток аймачных людей отдали аймачному человеку, а аймак моих собственных холопей оставили при мне, а ныне в те мои аймак холопей и отоковый аймак вступается Дарма-Бала и не отдает, и из них некоторые сами хотят вернуться" — "оток аймаггий мини аймаг кюндю огбо, китад аймаггийин мини бэйэду мини огчи бэлэй. Одоо Тайици Абгай цоохор аймаг оток аймаг хойорийин нийин мини.

Заримийини оролцоод оку биши, заримни эбэрээн гарани би гэнэй".¹⁷¹ Как видим, даже при довольно суровом гонении на эту семью собственных холопов у них не отняли. Кроме того, очень важно в калмыцком тексте обратить внимание на тот факт, что своих холопов Джамба в первом случае называет китадами, во втором случае цоохорами.

Эта терминологическая неустойчивость может говорить об одном: в рассматриваемое время положение цоохоров и китадов сближалось, нивелировалось, и они превращались в однородную крепостную массу, зависимую от частных лиц. Если албату были обязаны податями и повинностями, котечинеры личной службой и услугами, шабинеры содержали духовенство и хурулы, то цоохоры, очевидно, были работниками своих хозяев, причем в основном не по дому, а, так сказать, в поле — пасли скот, доили его, стригли шерсть и т. п. Отличались они от китадов-рабов, видимо, и путями, какими попадали в зависимость, по крайней мере в более раннее время. Скорее всего цоохорами становились несостоятельные должники и люди, нанесшие тем или иным преступлением материальный ущерб. Они и отдавались, возможно, кредиторам и потерпевшим для отработки долга или возмещения ущерба.

Выдвинуть такое предположение позволяют некоторые свидетельства источников. В 1763 г. в Астраханскую губернскую канцелярию с просьбой о крещении обратилась калмычка Кишикта. Обстоятельства, приведшие ее к принятому решению, были следующие. Жила она с родителями в Багацохуровском улусе и после смерти отца "по бедности их" была взята насильно "в услужение" калмыком того же владения Бюлгунбаем, потому что отец ее должен был ему лошадь и корову. Отработала она восемь лет, и все эти годы Бюлгунбай и его домочадцы "как сначала начали ее употреблять во все услуги, яко настоящую холопку, а она, как выше показано, не точно ево холопка, но взята им по усилию за долг, которой чрез помянутые леты она уже заслужила".¹⁷²

Габуна Цюрюмова к решению креститься подтолкнули действия родного дяди Аюша, у которого он в разное время взял две лошади, одну из которых во время болезни отдал "духовным чинам за приносимую об нем молитву богам", а другую продал, чтобы иметь средства для пропитания. Когда он выздоровел, дядя за обе лошади стал требовать платежа 8 рублей, а так как должник не мог их выплатить, кредитор "вознамерился укрепить ево, Габуна,

себе в холопство силою".¹⁷³ В другом случае некто Тарбаджи совершил воровство, за что "в штраф отдан был в холопство". Во время болезни хана Аюки Тарбаджи просил об освобождении от холопства, "желая ему выздоровления, и Аюка-хан ему, Тарбадже, состоящему в четырех душах (семьи — М. Б.), увольнительное за печатью своею письмо дал"...¹⁷⁴

К великому сожалению, многие документы, в которых говорится о холопстве, услужении, дворовых людях, составлены только на русском языке и поэтому, как свое положение обозначали по-калмыцки допрашиваемые и просители — остается неизвестным. По ряду косвенных данных можно думать, что цоохорами становились только калмыки, и их положение было обратимо, то есть они могли восстановить свой прежний социальный статус. Они как бы находились в промежуточном, неопределенном, "пестром" (цоохор) положении: при благоприятном стечении обстоятельств они могли выйти из личной зависимости, а могли и окончательно стать полными холопами — китадами.

Еще более сложна проблема происхождения и социальной сущности абганеров. В упоминавшейся работе А. И. Карагодин связывает существование абганеров только с Дербетским улусом. По его мнению, после того как большая часть улуса в 1786 г. была причислена к казенному ведомству, "образовались как бы две группы дербетов: с одной стороны, основная масса улуса, составлявшая одно время казенный Дербетовский улус, а с другой — часть калмыков этого же улуса, но принадлежавшая дербетовским нойонам на правах родового имения". Эта последняя часть, по мнению нашего автора, "и получила в дальнейшем название абганеров". Наконец, продолжает А. И. Карагодин, "факты свидетельствуют, что основное ядро абганеров составили *орулх албату* (торгоутовского происхождения), а также оруды некалмыцкого населения: татары, адыги (черкесы), казахи и др." (с. 66—67).

У. Э. Эрдниев любезно предоставил мне возможность (за что приношу ему искреннюю благодарность) ознакомиться с неопубликованной статьей "Абганеры — удельное владение дербетовских нойонов", написанной им в соавторстве с А. И. Карагодиным. В ней также проводится взгляд, что абганеры являются принадлежностью только дербетских улусов, что образовалась эта группа зависимого населения после раздела улуса в 1786 г. и что абганеры были "природными подвластными" дербетских "бага-ной-

онов" — то есть "малых", мелкопоместных нойонов младшей линии дербетского владельческого дома. Окончательный вывод гласит: "Итак, абганеры представляли собой родовое имение дербетовских бага-нойонов, в данном случае Тундутовых, полученное ими по наследству от ближних родственников".

Отдельные утверждения уважаемых авторов страдают неточностью, а в некоторых случаях и вовсе неверны. Начать хотя бы с того, что дербетские улусы делились на две части — на больших и малых дербетов — задолго до 1786 г. Деление улусов и отоков на большие и малые было традиционным в калмыцком обществе, и нет особой нужды доказывать этот непреложный факт. Тем не менее приведу один пример. В 1756 г. разыскивался бежавший из Чугуева крещеный калмык Зара. По этому поводу был запрошен дербетский нойон Тундат, который ответил, что разыскиваемый "в ево аймаке у знакомых ево людей две или три ночи переначевав, отбыл в большие дербети".¹⁷⁵

Ошибочно, далее, утверждение, что после смерти в 1774 г. (а не в 1772 г.) последнего представителя старшей нойонской линии Цебек-Убаши в Санкт-Петербурге, правителями всех дербетов стали "бага-нойоны" Ценден-Доржи и Тундат. Последний, будучи старше Ценден-Доржи, умер сравнительно молодым 16 августа 1765 г.¹⁷⁶ и участвовать в управлении "большими" дербетами не мог. Так называемые, "малые" нойоны, потомки Тойна и Дайчин-Хошучи (сыновья Далай-Батыра), имели своих подвластных — хотя и в небольших количествах — и до передачи Большедербетского улуса в казенное ведомство. Правнук Тойна Солом-Доржи, по свидетельству Досанга, имел в своем владении в 1723 г. около 300 кибиток.¹⁷⁷

1749 г. был несчастлив для дербетских нойонов. 10 февраля умер Солом-Доржи, через четыре дня такая же участь постигла главного нойона Лабан-Дондука, а 10 марта умер от оспы старший сын Лабан-Дондука Сампил-Норбо, содержавшийся близ Черкаска в кибитке, куда он бежал, поссорившись с отцом. У Лабан-Дондука остался малолетний сын Галдан-Церен, за которого правила мать Аба, дочь Досанга. У Солом-Доржи было шесть сыновей, из которых на момент смерти отца в живых оставалось трое — Джал, Тундат и Ценден-Доржи. Между братьями не обошлось без столкновений, вызванных разделом отцовского наследия, причем наибольшую активность проявил Тундат. Во-первых, еще при жизни отца он добился, чтобы

ему выделили равную часть с Джалом, хотя последний как старший имел право на "гаргу" — добавочную часть. Во-вторых, он прибрал к своим рукам и те 125 кибиток, которые отец выделил младшему сыну Ценден-Доржи совместно с мачехой Эсенью.¹⁷⁸ Только 23 июня 1735 г. при посредничестве наместника и руководителя "Калмыцких дел" Н. Г. Спицына удалось примирить братьев и окончательно разделить между ними подвластные кибитки.

Исходя из ошибочного представления о разделении дербетов на две части только в 1786 г., наши авторы считают, что часть дербетов, выделившаяся как родовая принадлежность бага-нойонов и "получила в дальнейшем название абганеров". Как мы только что видели, малые дербеты как отдельная группа существовали давно, и у нас нет никаких оснований считать, что они все тогда назывались абганерами. С другой стороны, раз малые дербеты издавна были подвластными бага-нойонов, они не могли быть получены "по наследству от ближних родственников". Ссылки на то, что Чучей Тундутов и его родственники называли своих людей "природными подвластными", "родовой принадлежностью", "исключительной собственностью", подчеркивая этим их, так сказать, "абганерство", являются несостоятельными. Этим они отделяли своих подвластных от казенных улусов, предупреждая возможность взятия туда же части и их подвластных. Да и другие нойоны, в частности, торгутские, также называли своих подвластных "родовой принадлежностью", "исключительной собственностью" и т. п., хотя речь вовсе не шла об абганерах.

Тем не менее никто не отрицает, что в дербетских улусах были абганеры, но они были частью общей массы улусных людей, составляя, к тому же, значительное их меньшинство. Более того, абганеры не составляли исключительную принадлежность дербетских улусов. Так, за 1744 г. сохранилось документальное свидетельство, что у торгутов также был "улус абганеров", которым владел племянник наместника Баахан-Лабанг, сын Данжина-Доржи.¹⁷⁹ Кстати, сами авторы приводят пример с багацохуровским зайсангом Санжи-Ракбой, аймак которого во время его отсутствия был передан его родственнику, "калмыку из абганеров" Ладжи (а не Лиджи, как у У. Э. Эрдниева и А. И. Карагодина).¹⁸⁰ Это еще одно доказательство того факта, что в торгутских улусах также были группы абганеров.

Наконец, в "Кратком описании калмыцкого народа", составленном в 1816 г. за подписью главного пристава

Ваценко, говорится: "Калмыкские владельцы управляют своими улусами, состоящими из аймаков, кои простираются наиболее до 300 кибиток, и из собственных крестьян, абганерами называемых, на правах помещичьих. Первые зависят от зайсангов и хурулов (монастырей), а последние непосредственно от владельцев".¹⁸¹ Как видим, и Ваценко свидетельствует, что абганеры были не только у дербетских "бага-нойонов", но у всех калмыцких владельцев.

После всего сказанного остается самый главный вопрос: каково же происхождение абганеров, почему их отделяли от основной массы зависимого улусного населения, называя "собственными крестьянами" нойона? К сожалению, приходится признать, что известные на данный момент скудные и разрозненные сведения из источников не позволяют с достаточной уверенностью ответить на поставленный вопрос. По этому поводу выдвигается несколько предположений, каждое из которых является довольно проблематичным. Наиболее распространенное из них, оно проводится в работе У. Э. Эрдниева и А. И. Карагодина, видит в абганерах древний, "родовой" удел того или иного владетельного нойонского дома, в отличие от подвластных, приобретенных в ходе дальнейшего исторического развития. Короче говоря, абганеры — потомки древнейшей части подвластного нойону улуса, его ядро, вокруг которого группировались вновь приобретаемые подданные, входившие ранее в другие улусы. Однако здесь невольно напрашивается вопрос, на который трудно найти удовлетворительный ответ: почему именно эта удельная, "родовая", древняя часть оказалась на положении "крестьян", "собственных" крепостных?

Можно выдвинуть и другую версию: абганерами становились, по крайней мере в более раннюю эпоху, военнопленные, доставшиеся по разделу добычи лично нойону; улусные люди, совершившие преступление против личности нойона и его домочадцев и, наконец, люди купленные лично владельцем за деньги или в обмен на скот. Подобные люди поэтому не входили в состав обычных, так сказать, улусных и аймачных подвластных, подчиняясь, как это зафиксировано в справке главного пристава Ваценко, лично нойону. Но и эта версия может вызвать ряд вопросов, на которые также трудно ответить. Проблема нуждается в дальнейшем изучении с обязательным расширением источниковой базы.

В самом угнетенном и бесправном положении находи-

лись рабы, называемые в русских официальных документах и в переводах писем калмыцкой знати холопами и холопками. Собственно калмыцкая терминология для обозначения рабов мужского и женского пола имела разные понятия: первые назывались "китад", а вторые "мухула". Правда, русские переводчики допускали, хотя и редко, колебания и в передаче понятий "китад" и "мухула". В переводе письма нойона Нингбы (племянник Дондук-Омбо) за май 1743 г. выражение "китад кюн" переведено как "дворовый человек",¹⁸² а выражение "орус мухулайигаай-иса" в письме наместника передано как "от русских служителейниц",¹⁸³ но такие колебания редки.

Рабами становились пленные. Одна кубанская татарка, вышедшая из улусов для крещения, показывала на допросе: "...По взяти в плен досталась она, Уксажин, в аймак наместника ханства калмыцкого Дондук-Даши бывшего зайсанга Бордона калмыченину Цагану, а оной Цаган по приводе её в калмыцкой улус отдал ее дяде своему, того ж Бордонова аймаку калмыченину Дакбе, у которого она, Уксажин, жительство имела по сё время в холопстве".¹⁸⁴ Другой кубанский татарин Чаукай Алиев "достался в калмыцкой улус зайсанга Гумеджапа калмыченину Дегеню, у которого жил во услужени по сё время".

Еще более сложным путем попала в холопство русская женщина. По ее словам, "мать моя родная была пленница от русских людей, а с которого города того я за малаледством сказать не могу. И по взяти в плен в калмыки выдана была в замужество за вольным калмыком, а по смерти оно-го калмыка и матери моей взял меня в холопство Галдан-Данжина владения калмык Дондук Геленов. А зовут меня Цацыком".¹⁸⁵ Необходимо сразу же отметить, что не все пленные становились холопами, да и положение раба в калмыцком обществе было по многим показателям далеким от положения классического античного раба или раба американских плантаторов XVIII—XIX вв.

Вот перед нами показания Никифора Васильева, взятого в плен на Дону. В скором времени после пленения он стал жить у одного гелюнга, который женил его на калмыцкой девушке. С ней он жил 12 лет и имел двух дочерей. По согласию с женой, которая изъявила желание креститься, Н. Васильев добровольно пришел в Черный Яр для предварительных переговоров. Семья пока оставалась в улусе, а при ней его собственной скотины: 1 верблюд, 5 лошадей, 6 коров с телком и 21 овца с ягнятами.¹⁸⁶

Еще более показательна судьба Урус-Шарапа, который прикочевал в марте 1748 г. к Енотаевску с семьей и родственниками, всего "в 52 душах обоего пола и 8 кибитках". При них имелось различного скота 539 голов, из которых гнавшиеся за ними калмыки отогнали 130 лошадей с жеребятами. При выяснении обстоятельств дела оказалось, что Урус-Шарап по происхождению русский, взятый в малолетстве в плен из Бесергеновской станицы во время подавления восстания К. А. Булавина. Впоследствии он был продан приехавшему из Джунгарии гелюнку, который повез его с собой. По дороге, будучи уже за Яиком, Урус-Шарап сбежал от него, прихватив с собой 8 лошадей и 500 рублей. Вернувшись в улусы, он объявил о своем побеге хану Аюке, который, ничего у него не отобрав, приказал жить в улусах "повольно".

Живя в Эркетеневском улусе, Урус-Шарап женился и обзавелся собственным хозяйством. Зайсанг Яман, выделив на имя Далай-ламы часть собственного скота, поручил уход за ним Урус-Шарапу. Когда последний решил креститься и возвратиться на Дон, наместник Дондук-Даши стал требовать возвращения всего скота, который вывела с собой семья Урус-Шарапа. Мы оставляем в стороне дальнейшие детали дела беглеца. Нам главное обратить внимание на тот факт, что пленный мог "выбиться в люди" и иметь крепкое хозяйство.¹⁸⁷

Кроме пленных в названную социальную группу попадали лица, совершившие преступление и не сумевшие расплатиться с пострадавшим за нанесенный материальный или физический ущерб. В этом случае преступник выдавался пострадавшему и становился "холопом", "собственным человеком" последнего. Кроме того, холопов приобретали за долг, с которым не мог расплатиться должник, а также путем покупки за деньги или в обмен на скот. Об этом со знанием дела свидетельствовал никто иной как наместник Убаши, писавший в 1765 г. представителю царской администрации: "...у нас холопи и холопки покупаемы бывают за деньги и скот, притом и такие в холопстве бывают, которые причинят какое воровство или явное злодейство и за то в штраф достаются".¹⁸⁸

Слова наместника подтверждаются и другими архивными материалами. Некто Тарбаджи, о котором упоминалось выше, украл вещи и скот у керетева Меаму Норбо, за что "в штраф отдан был в холопство". Во время болезни Аюки Тарбаджи просил об освобождении от холопства,

"желая ему выздоровления, и Аюка-хан ему, Тарбадже, состоящему в четырех душах (семьи — М. Б.), увольнительное за печатью своею письмо дал с тем, что где он пожелает, там бы и жил".¹⁸⁹ Зайсанг Сандык Чюрюмов купил у одного наместникова подвластного целую семью, состоящую из родителей и двух сыновей, за 3 верблюдов, 4 лошадей, трех коров, 1 барана и за одну девушку-калмычку.¹⁹⁰ Особенно разителен факт, что гелюнг Сетерту Дамбо купил за собственный свой скот 19 кибиток людей, да "особо два человека холостых".¹⁹¹

Наконец, в холопство кому-либо мог отдать своих подвластных владелец. Например, калмык Байху из владения вышедшего из Джунгарии в 1759 г. нойона Лозон-Джапа, жаловался астраханской администрации, что владелец отобрал у него весь скот и имущество и отдал в холопство тринадцатилетнюю дочь и жену, и все это только за то, что Байху выдал свою старшую дочь замуж вопреки воле нойона.

Холопы употреблялись на различных работах в хозяйстве и по дому хозяина. Они могли иметь семью, скот и имущество, но положение их целиком зависело от воли господина, который в любой момент мог отобрать скот и имущество, а самого холопа и его семью продать вместе или поодиночке. В 1762 г. пришел в Енотаевск с семьей для крещения 47-летний Кобенъ Очиров. Оставшись в 13 лет сиротой, он был продан своим зайсангом в другой аймак гелюнгу Лузану, который женил его на своей холопке, от которой он имел трех сыновей и трех дочерей. Незадолго до побега в Енотаевск хозяин одну дочь холопа отдал в приданое за своей дочерью, а потом вознамерился продать и остальных детей Кобеня Очирова. Спасаясь от распродажи, семья решила креститься, что и было сделано, и они отправлены в Ставрополь-на-Волге к другим крещеным калмыкам.¹⁹² И последнее, что касается холопов: их могли иметь как господствующие сословия, так и зажиточные простолюдины.

Часть II. ДОРОГИ В БУДУЩЕЕ

ТИХИЙ ПОВОРОТ

Период междоусобиц, затянувшийся не без влияния действий царизма, и весьма жесткое правление Дондук-Омбо оставили после себя ряд негативных последствий и проблем. Они, в сочетании с правительственными мероприятиями, продиктованными во многом опять-таки сложившимся в ханстве положением, и определили ход дальнейшего развития. Вражда, подозрительность и взаимные обиды, поднятые столкновениями нойонов и близкими к диктаторским методами управления покойного хана, улеглись не сразу, и новому главе калмыцких улусов пришлось столкнуться с ними буквально с первых шагов своей деятельности.

Дондук-Омбо, страдавший непомерной жадностью единоличной власти и в той же мере нетерпимостью к возможным соперникам, порою причисленным к таковым лишь расстроенной фантазией самого хана, не останавливался и перед физическим устранением их. К тому же эту его подозрительность активно поддерживала ханша Джан, прокладывая дорогу к власти своему старшему сыну. К концу короткого, но насыщенного событиями правления Дондук-Омбо во всех улусах едва могла набраться дюжина взрослых владельцев, способных принимать самостоятельные решения, да и не все из них могли опираться при этом на силу своих владений. Остальные пребывали в младенческом, а в лучшем случае в том возрасте, когда больше думают о невинных детских шалостях. Новые столкновения, происходившие непосредственно после смерти Дондук-Омбо, вырвали из их рядов еще нескольких авторитетных представителей.

В среде оставшихся продолжалась борьба за перераспределение улусов, причем крупные и умудренные опытом нойоны, пользуясь несовершеннолетием или слабостью прочих, порою ущемляли интересы последних, не останавливаясь перед нарушением устоявшихся прав и

обычаев на этот счет. Отношения в этой сфере осложнялись позицией определенной части зайсангства, которое стало к этому времени играть значительную роль во внутренних делах ханства.

Во время борьбы за ханскую власть, в обстановке частых столкновений, разброда и неразберихи, немало зайсангов поменяло своих владельцев вследствие принуждения или по собственной инициативе. Новые хозяева, стремясь прочнее привязать таковых к себе, шли на определенные уступки им, а те привыкали к более свободному своему положению и уже неохотно взирали на перспективу ухудшения его, что неминуемо бы произошло, вернись они к законному владельцу, которому не было нужды ублажать принадлежавших по закону подвластных. Тем более понятно нежелание зайсангов, в свое время покинувших своих владельцев по собственной воле, идти к прежним хозяевам в случае новых перераспределений улусов: они не без оснований опасались гонений за совершенную в прошлом измену.

Более того, Дондук-Омбо, как во время борьбы за власть, так и будучи ханом, постоянно был озабочен созданием себе прочной опоры и с этой целью устранял неугодных ему зайсангов и назначал на их место других, часто избирая из среды простолюдинов. Именно их имел в виду В. Н. Татищев, когда не без язвительности указывал Бодонгу, что "...владеют улусами деда, отца и братьев ево уже холопы их". Естественно, что и эти зайсанги не хотели изменения сложившегося положения, боясь потерять неожиданно полученные привилегии.

Во время междоусобной борьбы многие хотоны, части аймаков, аймаки и даже изрядные части некоторых улусов оказались оторванными от своих прежних хозяйственно-административных единиц. На новом месте, в улусе не "своего" владельца, они не кочевали компактной группой, а зачастую распределялись по разным аймакам. Можно твердо сказать, что у рядовой массы подобных "чужаков" не происходило существенных изменений в их социально-экономическом положении, и они довольно равнодушно относились к перемене владельца. Но что было в общепринятом для простолюдинов, у представителей господствующего слоя, особенно пострадавших, это вызывало бурю недовольства: каждый из них старался вернуть бывших подвластных, причем предметом ожесточенных споров становилась каждая кибитка.

Российское правительство также считало, что в Калмыцком ханстве нужно водворить старый порядок: воссоединить разрозненные части улусов и аймаков, закрепить их за законными владельцами, о чем и повелевали указы и грамоты в соответствующие места. Однако было небезызвестно, что наличие в ханстве большого числа нойонов, к тому же равных примерно по количеству подвластных, почти с неизбежностью вело к взаимным претензиям и столкновениям, перераставшим в междоусобицы.

Со своей стороны новый глава ханства стремился объединить под своей рукой возможно большее количество улусов, владельцы которых большей частью погибли в междоусобной борьбе и не оставили прямых наследников. Если бы наместнику удалось осуществить свой замысел, он стал бы намного сильнее прочих нойонов, даже и вместе взятых, и легко бы мог пресекать их своеволие, что реально гарантировало бы уменьшение междоусобных столкновений и т. п.

Нетрудно заметить, что в лице наместника проявилась уже упоминавшаяся тенденция к централизации, усилению верховной власти в ханстве, могущей контролировать и пресекать сепаратистские устремления отдельных нойонов, в лице которых проявлялась прямо противоположная первой тенденция. Таким образом, перед царизмом вновь встала проблема: каким образом контролировать дела в ханстве и добиваться желательных для себя результатов — путем ли действия через сильную центральную власть в ханстве или же путем игры на противоречиях группировок феодальной верхушки Калмыцкого ханства? Как и прежде, более приемлемым был выбран второй путь, тем более, что еще свежа была в памяти деятельность Дондук-Омбо. Каким бы путем ни решило действовать царское правительство, нужно отметить, что если в период правления хана Аюки мы видели сравнительно широкую самостоятельность ханства, если в последующий за ним период Дондук-Омбо удалось на время остановить наступление на автономию, то со времени Дондук-Даши мы вступаем в период неуклонного и все расширяющегося ограничения ханской власти, активного вмешательства царизма во внутреннюю жизнь ханства.

Для успокоения начавшихся после Дондук-Омбо очередных столкновений нойонов и для провозглашения нового наместника был направлен тайный советник В. Н. Таищев, знаменитый историк и видный государственный

деятель. Ему было поручено после провозглашения взять с наместника, нойонов и со знатных представителей зайсангства и духовенства публичные присяги в верности российскому правительству, а после этого передать во владение наместнику, сверх собственного, улусы бывшего хана Церен-Дондука и Галдан-Данжина, у которых не осталось прямых наследников. Ханшу Джан вместе с сыновьями рекомендовалось взять в плен; если же это не удастся, то оставить ее в принадлежавшем ее мужу Багацохуровском улусе. Бодонгу, если он перестанет поддерживать Джан и придет в покорность, намечалось отдать во владение вместе с младшими братьями все отцовские улусы. Прочих владельцев, гласил циркуляр, "каждого оставить при собственных их улусах, и которые из оных ханом Дондук-Омбою были забраны, оные им возвратить".

В случае неповиновения отдельных нойонов, а в первую очередь ханши Джан, планировалось применить вооруженную силу, для чего В. Н. Татищеву придавалась тысячная команда донских казаков, а также были отправлены указы к командующим царицынской линией и оренбургской экспедицией, астраханскому губернатору, донскому и яицкому атаманам об оказании, в случае надобности, помощи регулярными и нерегулярными войсками.¹ В. Н. Татищев выехал из столицы раньше Дондук-Даши и 5 сентября 1741 года прибыл в Царицын; в окрестностях которого имел встречи и беседы с некоторыми нойонами, оних предупредил, что если кто из них будет противиться ему и правительственным указам, того "рука всероссийского двора везде достать может, где б кто ни был".

После подобного профилактического предупреждения он стал организовывать съезд калмыцкой знати, для чего прибыл 22 октября в Селитренный городок на р. Ахтубе, куда 28 числа того же месяца приехал и Дондук-Даши. Если со стороны большинства нойонов не ожидалось особого сопротивления намеченным мероприятиям, то поведение Джан и ее сторонников, Бодонга и Сербета, вызывало серьезные опасения. По всему было видно, что Джан не собирается возвращать добровольно улусы, отобранные в свое время ее мужем у других нойонов. После двукратной личной встречи со строптивой ханшей в ее улусах В. Н. Татищев и определенные ему в помощь В. П. Беклемишев и Л. В. Боборыкин пришли к выводу, что она лишь тянет время, чтобы дожидаться на Волге льда и перейти на правобережье, откуда ей было способнее, в случае вооруженного нажима, уйти в Кабарду к своим родственникам.²

После подготовительных мероприятий 16 ноября 1741 года в урочище Харабали состоялось провозглашение Дондук-Даши наместником ханства и взятие присяг. Джан на церемонии отсутствовала, ограничившись посылкой малолетнего среднего сына Асарая и некоторых приближенных из числа зайсангов и духовенства. Правда, она дала присягу перед специально к ней посланным капитаном Супоневым 18 ноября. В этот же день был приведен к присяге и Бодонг, из-за болезни — трудно сказать: мнимой или настоящей — находившийся в ставке Лабан-Дондука.

Условия, на которых Дондук-Даши назначался наместником, состояли из шести пунктов и были им подписаны с приложением печати еще во время пребывания при дворе. Он обещал служить верно и прилежно и во всем подчиняться указам правительства; не иметь никаких самостоятельных контактов со всеми неприятелями России, а если и будут от таковых посланцы, о них давать знать и отвечать им по предписаниям сверху. Как и все прочие бывшие до него ханы, он отказывался от приема в улусы крещеных калмыков. Кроме этих, обычных в присягах калмыцких ханов пунктов, добавились обязательства содержать Дарму-Балу "во всяком удовольствии", не мстить за прежние ссоры, передать брату Бодонгу в случае послушания улусы Чакдорчжаба и отдать в аманаты сына Асарая.³ Касательно последнего пункта, он не впервые предъявлялся калмыцким правителям и впервые лишь от Дондук-Даши сумели добиться его исполнения.

Пока шло провозглашение наместника и приглашенные обильно угощались на торжественном обеде горячительными напитками и различными редкими в степи яствами, а случившиеся тут простолюдины имели возможность выпить по чарке водки и вволю заесть ее мясом за расставленными на открытом воздухе столами, пока старая ханша Дарма-Бала безутешно рыдала во время обеда, обняв приехавшую внучку — дочь Церен-Дондука, оплакивая свои несбывшиеся давнишние и столь недавние надежды, пришла весть, что Джан снялась лагерем и двинулась к своим улусам. Эта весть встревожила собравшихся: обед оказался скомканным и все участники его разошлись по своим кибиткам.

Каковы бы ни были конкретные замыслы Джан на тот момент, претворению их в реальность не в последнюю очередь мешали раздоры, начавшиеся в ее улусах. Многие из насильственно присоединенных отказывались подчи-

няться ее распоряжениям и искали способа отойти от нее. Сербет, защищая интересы Джан, пытался удержать пришедшие в неповиновение улусы, имел с ними вооруженное столкновение, потерпел поражение, был схвачен и доставлен к В. Н. Татищеву.⁴ Волнения в улусах, арест Сербета и двойственная позиция, занятая Бодонгом, за которого Джан хотела выйти замуж, ослабляли позиции мятежной ханши и ее сторонников.

Ознакомившись поближе с обстановкой в ханстве, В. Н. Татищев и его помощники В. П. Беклемишев и Л. В. Боборыкин рядом донесений в Коллегию иностранных дел описали ее, прибавив свои соображения насчет приведения ее в желаемое состояние. В письме от 16 ноября 1741 года они сообщали, что "довольно в Дондук-Даше приметили, как он всеми мерами домогается все улусы к себе присвоить", и добавляли свое мнение, что если наместник "один всеми улусами завладеет, з пользою сходно быть не может". В другом сообщении В. Н. Татищев размышлял: если желательно усиление Дондук-Даши, сделать это в данный момент нетрудно, но тогда нужно будет подумать над вопросом, каким образом устроить дело так, "чтоб его власть, в случае премежности, опасною быть не могла?".

Что касается основного соперника наместника на тот момент, они вынуждены были признать, что "ханши Джана поступки так нам странны, что мы о ее намерениях подлинно дознаться не можем". Тем не менее они весьма точно обрисовали положение в ее улусах, где влиятельные круги разделились на три группировки. К первой принадлежали обиженные еще Дондук-Омбо или самой ханшей и старавшиеся всевозможными мерами, в том числе и нарочно распускаемыми слухами, порою не имевшими под собой никакой почвы, принудить Джан вместе с семьей бежать из улусов. Другая состояла в основном из зайсангов, возведенных в это достоинство бывшим ханом из простолюдинов и подвластных татар; из опасения лишиться привилегий и аймаков в случае перемены власти и раздела улусов, они советовали ханше уйти со всеми улусами из пределов влияния русского правительства. И, наконец, третья группа, в которой преобладало духовенство, занимавшая нейтралитет, советовала ханше подчиниться воле правительства.⁵ Проведенные мероприятия и представления В. Н. Татищева были в основном одобрены правительством, а указом от 31 декабря 1741 года он был назначен астраханским губернатором с подчинением ему и "Калмыцких дел".

Вскоре после воцарения Елизаветы Петровны В. Н. Татищев получил указ Коллегии иностранных дел от 18 января 1742 года за подписью новых "сильных персон" — А. М. Черкасского и А. П. Бестужева-Рюмина. В нем предписывалось отдать наместнику улусы Церен-Дондука и Галдан-Данжина и содержать его в дальнейшем так, "чтоб он других владельцев был немного посильнее, а сверх того других улусов ему к себе забирать не допускать". Зайсангов, которые Джан "подают противные советы", переловить и вместе с Сербетом отправить в Казань. Внукам Дондук-Омбо — сыновьям Галдан-Норбо, Асархо, позднее принявшему имя Цебек-Доржи, с братьями — выделить часть из улусов деда и до совершеннолетия поручить надзор за ними их матери и знатным из духовенства и зайсангов, а кочевать определить при том владельце, при котором В. Н. Татищев посчитает нужным для "равновесия в калмыцком народе". Если Бодонг по усмотрению губернатора будет арестован, то улусы его отца наместнику не отдавать, а передать младшим братьям.⁶

События в ханстве продолжали развиваться в нежелательном для правительства направлении. 21 января 1742 года Джан с группой преданных ей зайсангов и 500-ми кибитками подвластных, состоявших в основном из томутов, потомков смешанных браков казахов, башкир и калмычек, исповедовавших ислам, бежала в Кабарду. По пути томуты покинули ее и ушли на Кубань в количестве 400 кибиток. Остальные улусы за ней не пошли, но царскую администрацию тревожили носившиеся слухи, что некоторые из зайсангов и духовных желают последовать ее примеру. Опасения усилились после того, как Бодонг с сыном и с немногими людьми 12 марта ушел вслед за ханшей.

Будучи в Кабарде, Джан вступила в переписку с персидским шахом, который находился в это время походом в Дагестане. Судя по позднейшим ответам на допросах ее приближенных зайсангов, она просила заступничества шаха перед российским правительством. Дальних последствий переписка не имела. Не добившись желательных результатов, в начале июля Джан вернулась к Астрахани и остановилась на Болдинском острове, откуда несколько раз ездила со своим братом, сопровождавшим ее из Кабарды, и Бодонгом на прием к В. Н. Татищеву. Приемы эти, сопровождавшиеся обильными угощениями, были внезапно прерваны, так как Бодонг, по не вполне понятным при-

чинам оставив Джан на указанном острове, с тремя ее детьми и со 150 человеками бежал в ночь на 21 июля 1742 года. 30 июля он тайно переправился на правый берег Волги, вошел в Багацохуровский улус и увел на левобережье до 500 кибиток. Организованная В. Н. Татищевым погоня сумела догнать их на полпути от Волги к Яику, в Рын-песках, и отбить часть людей, сам Бодонг успел уйти.

После побега Бодонга ханша Джан была задержана в Астрахани. В. Н. Татищев приказал изолировать ее, а находившихся при ней зайсангов арестовать. Стараясь вызволить ее, Бодонг, скитавшийся в степях между Волгой и Яиком, ставил условием своего возвращения ее освобождение, однако в том успеха не имел. Тогда он вновь перешел на правый берег Волги и вместе с детьми Джан — Асараем и Додби — ушел в Кабарду. Джан же с сыном Рандулом и дочерьми была отправлена в Москву и там крещена под именем княгини Веры Дондуковой. В 1743 г. Асарай и Додби были привезены из Кабарды в Астрахань и отправлены к матери, куда в сентябре того же года был отвезен и младший сын Дондук-Омбо — Джубасар. Все они также были крещены. С некоторыми из них нам еще придется встретиться. Бодонг же, проскитавшись два года в Кабарде и на Кубани, в июле 1744 г. вернулся в улусы. Трения его со старшим братом, наместником ханства, не прекратились, хотя Бодонг и дал официально клятву в верности. Дело кончилось тем, что Дондук-Даши арестовал Бодонга в июне 1745 г. и, продержав некоторое время под караулом при своей ставке, передал русским властям, которые отправили его на жительство в Архангельск.

Еще во время пребывания Джан с ее сторонниками в Кабарде Дондук-Даши в сопровождении нойонов Бамбара и Замьяна по вызову правительства 13 мая 1742 г. выехал ко двору, где дважды, 17 июня и 16 сентября, будучи на аудиенции у Елизаветы Петровны, делал представления по калмыцким делам. Несколько писем с просьбами и представлениями он направил также в Коллегию иностранных дел, коей были подчинены калмыцкие дела. 5 ноября он был отпущен в улусы.

Дондук-Даши просил построить при Волге крепость, где бы он мог жить в зимнее время, а летом по-прежнему кочевать с улусами. С подобной просьбой он обращался к правительству и раньше, в 1741 г. Письмом в Коллегию от 6 июля 1742 г. наместник просил составить особое право для разбора дел, возникающих между калмыками и рус-

ским населением, о чем говорилось в первой книге. Далее новый наместник просил оставить в его полном ведении внутрикалмыцкие дела, как они были у его предшественников, и лишь об особо важных он обязывался доносить вначале для рассмотрения правительству и исполнять по его рекомендациям. Наконец, он желал, чтобы его противников в улусах, которые поддерживают Джан и Бодонга, В. Н. Татищев арестовывал по его представлениям, причем назвал трех духовных лиц, которые "ныне известные и главные злодеи", между которыми был и не раз упомянутый в данной работе эмчи Габан Шараб.⁷

Следствием данного визита явился указ В. Н. Татищеву от 11 ноября 1742 г., в котором говорилось, что принято решение калмыцкий народ "единаче успокоить, чтоб всегда для того наших войск не утруждать". Для подобного успокоения мыслилось калмыцкие улусы "содержать в соединении и под управлением наместника ханства Дондук-Даши", от которого, по мнению Коллегии, если с ним обращаться "с умеренностью" и содержать сына в аманатах, непослушания ожидать не приходится. Его лояльность виделась правительству и в том, что если его предшественники не только в города, но и в специальные лагеря для встречи с местной администрацией не ездили "и спесивились", то Дондук-Даши ездит в города без всякого отказа. Ему же в заслугу ставилось и его желание жить в зимнее время в крепости. Здесь сразу же отметим, что наместник вскоре отказался от своего намерения, но так как постройка крепости между Астраханью и Черным Яром и без того входила в планы правительства, таковая — крепость Енотаевская — была вскоре построена, где проживал управляющий "Калмыцкими делами" с приданной драгунской ротой и прочим служебным штатом.⁸

Нужно отметить, что говоря о соединении и едином управлении, царизм подразумевал, что все владельцы должны подчиняться власти наместника лишь по делам, требуемым интересами правительства, будучи в остальном полновластными хозяевами в своих улусах. Предпринятые в дальнейшем с благими намерениями меры не уменьшали, а увеличивали число владельцев, запутывая и без того сложные отношения между ними и сея, тем самым, семена новых раздоров.

Служивший предметом раздоров со времени смерти Дондук-Омбо Багацохуровский улус 27 августа 1743 г. был разделен между внуками и детьми бывшего хана. 1816

кибиток, доставшиеся в наследство князьям Дондуковым с их матерью, были временно отданы под опеку наместника.⁹ В связи с исполнением задуманного "соединения" особые трения вызвал вопрос о дербетских улусах. По просьбе наместника правительство указало им кочевать совместно со всеми прочими улусами. Однако главный дербетский правитель Лабан-Дондук упорствовал и под разными предложениями оттягивал соединение и держался ближе к Дону. Да и другие нойоны не спешили подчиняться указаниям наместника и передавали властям различные слухи о его намерениях и действиях, стараясь дискредитировать его в глазах правительства.

Кроме того наместник жаловался, что они внутри своих улусов "чинят великие непорядки", а когда он пытается их удержать, они его не слушаются, заявляя, что они и сами таковых же владельцев дети и своими подвластными будут управлять по собственному усмотрению. Ввиду такого положения наместник просил подобного рода владельцев или же отдать под его полную власть, или же вовсе от него "отрешить", чтобы он уже за них перед правительством не отвечал. Раздосадованный, он в одном из писем представителю местной администрации прямо заявил: "Хотя я над своими и командир, однако ж без вашего позволения собою ничего сделать не могу".¹⁰

Неудивительно, что наместник ханства был в постоянном глухом раздражении, будучи лишенным реальной власти и вынужденный оглядываться на отношение к своим поступкам правительства и местной царской администрации. В связи с этим у него начались трения с В. Н. Татищевым, которые особенно усилились после того, как сын его Асарай, проживавший аманатом в Астрахани, умер 16 августа 1744 г. Ко всему прочему вскоре поползли слухи о подготавливаемом наместником уходе из российского подданства. Слухи эти часто были инспирированы недоброжелателями наместника из среды нойонов и зайсангов. Так по одному из разбирательств хошутский нойон Галдан-Норбо был уличен в клевете на наместника, высечен плетьюми в Коллегии иностранных дел и отстранен от управления улусом. Однако слухи не прекращались.

Более того, находившийся при "Калмыцких делах" в Енотаевске подполковник Н. Г. Спицын со всей ответственностью доносил в мае 1745 г., что наместник действительно решил уйти со всеми улусами в пределы Персии. Причиной такого решения калмыцкой верхушки Н. Г. Спи-

цын считал распространившиеся в улусах слухи, что Вере Дондуковой с детьми будет отдан их улус и что они будут жить в Енотаевске, а также, что все калмыки будут окрещены.

Обеспокоенное правительство решило вновь прибегнуть к ранее неоднократно применявшемуся средству: разделить калмыков на две части. С этой целью указом Коллегии иностранных дел от 19 ноября 1744 г. было велено разрешить дербетским нойонам со всеми их улусами кочевать особо, содержать их от остальных улусов в безопасности и стараться отвести их подальше от основной массы калмыков. И это после того, как буквально годом раньше тому же Н. Г. Спицыну указывалось: Лабан-Дондука с наместником "согласить и улусы их сблизить". Подобные колебания правительственной политики не способствовали стабилизации положения в ханстве.

В. Н. Татищеву за время его деятельности с 1741 по 1745 гг. удалось в основном выполнить правительственные указания и создать условия для активного вмешательства царской власти во все стороны жизни Калмыцкого ханства, что на освещаемом этапе считалось уже возможным делать без особого риска вызвать противодействие, влекущее нежелательные последствия.

Правда, правительство предостерегало В. Н. Татищева от слишком поспешного и мелочного регламентирования внутрикалмыцких дел. Так, в указе от 14 апреля 1742 г. говорилось с характерной для правительственных документов терминологией: "что принадлежит до калмыцких внутренних малых грабительств, оные вам так отвращать, чтоб из того в калмыцком народе нового смятения быть не могло", так как подобные мелкие ссоры разбирали их ханы по своим законам. Если же ныне вдруг ту их вольность отнять, то многие из народа, видя, что от Дондук-Даши "против прежних прав" взят в аманаты сын, будут думать и опасаться, чтоб со временем через него не "похотели мы и всю их вольность отнять". В заключение советовалось "на иное и сквозь перстов смотреть".¹¹

Несмотря на подобные предупреждения, местная царская администрация продолжала вмешиваться во внутрикалмыцкие дела по различным поводам, даже во время ссор и разводов нойонов со своими женами. При таких обстоятельствах не приходится говорить о бдительном надзирании за внешними связями калмыцких феодалов, которые в рассматриваемое время хотя и сократились, но продолжали существовать.

Из сказанного видно, что политика царского правительства по отношению к Калмыцкому ханству продолжала оставаться двойственной, причем крайние полюсы ее отстояли друг от друга на весьма почтительном расстоянии. Происходило это потому, что царизм на протяжении довольно длительного времени пытался совместить две плохо совмещаемые политические линии. С одной стороны, опасаясь чрезмерного усиления власти ханов или наместников, царское правительство не давало им полной воли над прочими владельцами, а иногда и прямо противопоставляло им кое-кого из числа последних. С другой стороны, не желая чрезмерного разброда и своеволия нойонов, ввиду необходимости проведения через калмыцкую центральную власть нужных мероприятий, царизм в определенные моменты старался ее усилить. Эта двойственность и переходы от одной крайности в другую усилились во время Дондук-Даши, что не могло не быть замеченным со стороны последнего и не вызвать его недовольства. Не могли не заметить подобного обстоятельства и остальные владельцы и не преминули им воспользоваться, лавируя между двумя властями.

В связи с этим характерен следующий случай. В 1756 г. некоторые дербетские зайсанги вступили в конфликт со своей владелицей Абой, управлявшей улусом от имени малолетнего сына. В конфликт вмешался полковник Н.Г.Спицын и вынес свое решение. Зайсанги остались им недовольны и обратились за посредничеством к наместнику. Последний, вынужденный прислушиваться к мнению царской администрации, обратился к астраханскому губернатору А.С.Жилину, который ответил, что дело уже решено Н.Г.Спицыным и вторично его пересматривать нет нужды. Видимо, до крайности обозленный письмом губернатора, наместник прислал довольно резкий ответ, который заканчивал весьма резонным вопросом: "Буде же в происходимых между калмыками делах полковник разобранье чинить будет, то для чего великая государыня меня всем калмыкам наместником быть определила?"¹² Вопрос остался без вразумительного ответа.

Здесь уместно будет еще раз напомнить, что к обозначенным выше проблемам, являвшимся одновременно и предметом отношений российского правительства с калмыцкими владельцами, и причиной разногласий между ними, во время наместничества Дондук-Даши добавился ряд новых — социально-экономических, хозяйственных и

правовых, которые ранее или вовсе не возникали, или же, если и возникали, не носили столь злободневный характер. Их решение и урегулирование вызвали дополнительные разногласия и споры и не способствовали улучшению обстановки.

В свете сказанного, особенно о направлении и поворотах правительственной политики, неудивительно, что царское правительство на длительное время законсервировало наместничество Дондук-Даши и не спешило объявлять его ханом. Однако наместник, ставший таковым далеко не в юных летах, постарел, к тому же он страдал мочекаменной болезнью, приступы которой усилились во второй половине 50-х годов. В такой ситуации становилась вероятной скоропостижная смерть, что и произошло на самом деле позднее. Учитывая уроки прошлого опыта, правительство решило объявить Дондук-Даши ханом, а к его сына его Убаши — наместником ханства, чтобы лишить в будущем возможных претендентов на власть оснований для поползновений на нее.

21 марта 1757 года Елизавета Петровна подписала указ о назначении Дондук-Даши ханом, а сына его — наместником ханства. Канцлер А.П.Бестужев-Рюмин сообщил об этом Дондук-Даши письмом от 11 мая 1757 года с тем, однако, уточнением, что официальное провозглашение его будет произведено астраханским губернатором А.С.Жилиным "впредь".

Успокоив наместника, правительство не торопилось с официальным провозглашением. Между тем были приняты меры, призванные обеспечить порядок в улусах в случае внезапной смерти наместника. По представлению Коллегии иностранных дел Военная коллегия указала генерал-фельдмаршалу А.Б.Бутурлину, командующему войсками юга России, в случае возникновения междоусобицы после внезапной смерти наместника оказать вооруженную помощь Н.Г.Спицыну, не переписываясь с центром; добавить к имеющемуся при Царицыне драгунскому полку еще один и расположить его в удобных местах, чтобы во время необходимости "можно было оной без упущения времени к действию употребить". Указы, повелевающие помогать Н.Г.Спицыну "без всяких отговорок и переписок", были посланы в апреле 1757 г. к А.С.Жилину, царицынскому коменданту, атаманам донских и волжских казаков. ¹³

Провозглашение же Дондук-Даши ханом и сына его наместником ханства состоялось спустя год, 30 апреля 1758 г., в Соляном займище ниже Черного Яра. Растроганный хан пожелал на этом месте поставить памятный столб с вырезанными на камне по-русски и по-калмыцки надписями и просил у А.С.Жилина содействия: просимый столб был поставлен.¹⁴ Дондук-Даши сравнительно недолго пользовался данными ему привилегиями и умер 21 января 1761 года.¹⁵

Вопреки ожиданиям и принятым правительством мерам, события, последовавшие в Калмыцкой степи после смерти Дондук-Даши, вновь вызвали беспокойство и вынудили уделить им пристальное внимание. События эти были вызваны несколькими причинами. Одна из них возникла вследствие очередного правительственного решения о дербетских улусах. Выше упоминалось, что указом от 19 ноября 1744 года им было разрешено кочевать отдельно от остальной массы калмыков и не подчиняться власти наместника. В силу этого указа дербетские улусы перешли кочевать на Дон. Однако ввиду ограниченности свободных земель они постоянно конфликтовали с казаками из-за потравы сенных угодий, взаимного отгона скота и т.п.

Коллегия иностранных дел в указе к Н.Г.Спицыну от 11 марта 1756 года была вынуждена признать, что "хотя и наперед сего, по тогдашним калмыцким обращениям, такожде старание прилагаемо было о содержании калмыцких улусов в разделении, однако же в том столько же мало успеху было, как ныне", потому что "и наперед сего разделяемые между собою калмыцкие владельцы собою и против здешняго намерения соединялись и смирялись". Исходя из этого, а также потому, что "содержание дербетовых улусов на Дону соединено с разорением Донского войска, а инде нигде оным улусам в тамошней стороне к кочеванию удобных мест, кроме Волги, нет", Коллегия иностранных дел указала дербетские улусы весной 1757 года перевести с Дона на Волгу. От того же числа была послана грамота к наместнику с сообщением о решении насчет дербетских улусов, что они впредь должны "кочевать по нагорной и по луговой стороне реки Волги, где ты, наш верноподданной наместник ханства, как и протчим владельцам по вашему древнему обыкновению назначивать будешь".¹⁶

Однако дербетские владельцы под разными предлогами уклонялись от соединения с ханом, не подчинялись его распоряжениям и неоднократно обращались к местной царской администрации и к самому правительству с просьбой об отдельном кочевании, не забывая обвинять хана в различных, часто надуманных прегрешениях. Незадолго до смерти Дондук-Даши приказал силой перевести дербетские улусы внутрь своих улусов, находившихся в то время на р. Куме. Главный дербетский нойон Галдан-Церен находился со своим отрядом на заставе от казахов, где было и ханское войско. Узнав от матери Абы, что их улусы насильно присоединяют к хану, он со своим отрядом ушел с заставы и прибыл к Царицыну, прося коменданта впустить его в линию. Последний обратился к Н. Г. Спицыну. Пока между ними шла переписка, умер хан. Галдан-Церен, пользуясь замешательством ханской стороны, писал своих родственников силой возвратить улусы. Госчанские потерпели неудачу. Оджа, жена Галдан-Церена и дочь умершего хана, с частью людей ушла к брату, наместнику.¹⁷ Так было положено начало трениям между наместником Убаши и дербетскими нойонами, которые вновь отошли с улусами к Дону.

Еще больше взволновали царскую администрацию, а потом и правительство действия Цебек-Доржи, внука Дондук-Омбо. 31 января 1761 г. он ушел из своего улуса с братом Аксахалом и немногими людьми, а 3 февраля прибыл в Черкасск, где объявил наказному атаману И. М. Иловайскому, что один из его приятелей при ханской ставке тайно уведомил его о решении наместниковых ближних зайсангов умертвить его, "дабы от него никакого о прежних наследных его багацохуровых, да и сверх того торгоутовых улусах иску и помешательства происходить не могло". Несмотря на предпринятые наместником попытки помириться с Цебек-Доржи и вернуть его в улусы, последний на них не откликнулся и с разрешения правительства выехал ко двору.¹⁸

Трудно сказать, правдивы ли были слухи о намерении умертвить Цебек-Доржи, но нет сомнения в том, что приближенные наместника не беспочвенно ждали от него претензий на бывшие дедовские улусы, так как он в письме к Н. Г. Спицыну прямо заявил: "Есть ли ж объявить о природе и обыкновении, то я в равном состою чине, как Убаша, понеже Аюки-хана я внук (в действительности праправнук — М. Б.)... есть ли по-калмыцким судебным

правам было, то я имею по суду свою часть улусов Багацоохур взять, да сверх того Аюки-хана и Церен-Дондука оставшие улусы, пополам разделя, взять же".¹⁹ Постепенно к Цебек-Доржи от наместниковых улусов отошли брат его Кирип и родственники — икицохуровские нойоны Асархо и Маши, и все они вместе с 30 августа по 2 сентября перешли с улусами за Дон, где уже кочевали дербетские улусы. Таким образом, по вине владельцев калмыцкие улусы вновь оказались расколотыми на несколько враждующих группировок.

В правительственных кругах возникли новые прожекты по вопросу о мерах по управлению калмыками. В указах соответствующим лицам на местах признавалось, что наместник не имел особых причин к умертвлению Цебек-Доржи и что последний сбежал для того, чтобы удобнее было хлопотать об отдаче ему во владение той части цохуровых улусов, которые при взятии Дондуковых ко двору были поручены Дондук-Даши. Тем не менее, раз уже он бежал из улусов, предписывалось далее, "неволею и без всякого рассмотрения назад отсылать его не можно, особливо при нынешних в калмыцком народе обстоятельствах, по которым благовременной случай настает здесь рассмотреть, каким образом впредь калмыцкой народ содержан быть имеет". Для этой же цели решено было разрешить дербетскому Галдан-Церену со всеми родственниками кочевать отдельно, так как, по мысли правительства, непременно относясь к наместнику и будучи потому противовесом ему, он может содействовать планам введения в Калмыцком ханстве новых порядков.

События же в калмыцких улусах продолжали обостряться. Пользуясь создавшейся обстановкой и молодостью наместника, перестали подчиняться его распоряжениям нойоны Яндык — дядя наместника, Бамбар — внук Доржи Назарова, и хошутский Замьян, которые были в натянутых отношениях еще с отцом наместника. В середине 1762 г. вышли из повиновения улусы Эркетеневский и часть Багацохуровского; именно та, которая в свое время была выделена князьям Дондуковым и временно отдана под надзор Дондук-Даши. Последних на такой шаг подтолкнули слухи о скором возвращении в улусы В. Дондуковой с детьми, и слухи эти имели основания.

После смерти Дондук-Даши В. Дондукова обратилась в Коллегию иностранных дел с прошением о пожаловании ей с детьми собственного мужа — Дондук-Омбо — улуса и

улусов, оставшихся после младших сыновей Аюки-хана Церен-Дондука и Галдан-Данжина. Далее она просила разрешения жить в Енотаевске, где бы ей построить дом на казенные средства; детей, Алексея и Иону, оставляя по-прежнему на военной службе, отпускать бы попеременно в Енотаевск для управления, по слабости ее здоровья, теми улусами. В заключение она приводила доводы, которые якобы дают ей основание претендовать на улусы Церен-Дондука и Галдан-Данжина.²⁰

Прибывший ко двору Цебек-Доржи со своей стороны также выставил претензии на весь Багацохуровский улус (думая, что Дондуковым как крещеным не будет отдана их доля) и на половину оставшихся от названных сыновей Аюки-хана улусов. Более того, он просил дозволения кочевать отдельно от наместника и подчиняться непосредственно Коллегии иностранных дел. 8 декабря 1761 года он подал канцлеру прошение икицохуровского Асархо, который обвинял бывшего хана в отнятии наследственных 600 кибиток, наместника Убаши в удержании при отходе его за Дон 800 кибиток и просил их вернуть.²¹

Происшедшая в это время известная смена царствования, пришедшая на престол Екатерину II, в определенной мере повлияла на правительственные планы по управлению калмыками. Исходя из того факта, что проводимое до сих пор разделение калмыков на группировки с целью успешного претворения намеченных мероприятий в общем не оправдало себя, решено было отказаться от подобного метода. Поэтому письмом канцлера М. И. Воронцова от 12 августа 1762 г. дербетскому Галдан-Церену было отказано в отдельном от других улусов кочевании, все спорные вопросы предписывалось разрешать через Зарго и бригадира А. Д. Бехтеева, назначенного к "Калмыцким делам" вместо Н. Г. Спицына. Правда, Галдан-Церену разрешалось приехать ко двору и представить на рассмотрение свои просьбы.

Цебек-Доржи также было отказано во всех его домогательствах, а чтобы лишить его предлога для новых просьб, решено было отпустить В. Дондукову со старшим сыном Алексеем в Енотаевскую крепость, обставив их отпуск соответствующими условиями и обязательствами, гарантирующими недопущение нежелательных поступков с их стороны. Во владение двум ее сыновьям (остальных уже не было в живых) отдавалась часть Багацохуровского улуса, выделенная при разделе 31 августа 1743 г. в пользу

сыновей Дондук-Омбо от нее. Передаваемый им улус должен был кочевать по-прежнему со всеми прочими улусами, подчиняться общим для всего ханства распоряжениям наместника и решениям Зарго. Дондуковы не могли жить в своем улусе, а имели право собирать с него через своих зайсангов лишь обычную подать, какую собирали владельцы со своих подвластных. Чтобы раз и навсегда покончить с их притязаниями на часть улусов, оставшихся после Церен-Дондука и Галдан-Данжина, взамен их пожалованы были братьям по 1000 душ крепостных каждому в российских губерниях.

Мать же их отправлялась в Енотаевск с окладом 2000 рублей в год и с постройкой дома для нее за казенный счет, с обязательством не вмешиваться в дела калмыцких улусов, не иметь никаких сношений с кабардинцами и прочими соседними с калмыками народами и соблюдать христианские обряды.²²

Правительство понимало, что проведенные мероприятия не успокоили тех, кого они касались, и недовольство их не рассеялось, а потому искало такого решения, которое бы могло, с одной стороны, уменьшить их претензии и волнения, а с другой — умерить власть наместника и подчинить его распоряжениям сверху. По этому поводу в Коллегии иностранных дел был разработан и подан для рассмотрения Екатерине II доклад о мерах, кои бы способствовали достижению поставленных целей.

Автор доклада В. М. Бакунин, указав, что Убаши просит подтверждения в наместничестве, советовал подтвердить его в этом звании, вручив при этом соответствующие атрибуты власти, какие давались его предшественникам. Далее он утверждал, что калмыцкий народ, якобы склонный к беспокойству, удерживается от того лишь властью своих ханов, но эти последние "не во всем, как подданным принадлежало бы, к здешним повелениям послушными оказывались". "По самое настоящее время, — продолжал автор доклада, — не было случая и удобства к приведению их как подданных к точному повиновению и к совершенному своевольства их обузданию". Ныне, по мысли составителя доклада, при "несовершеннолетстве наместника и когда он остается еще неподтвержденным", появился удобный случай "нечувствительным образом силы и власти его убавить", а вместе с тем и владельцев, "для содержания в сем народе спокойствия, оставить в настоящем повиновении к их калмыцкому правительству". Таковую возможность он усматривал в реорганизации Зарго.

Оставляя без изменений функции и прерогативы Зарго и количество его членов, решено было изменить порядок выбора *заргучеев*, т. е. судей. Если ранее в состав этого органа входили знатные представители зайсангов и духовенства из числа наиболее приближенных к хану и обязательно из лично ему принадлежащих улусов, то теперь предполагалось назначать членов Зарго от всех крупных улусов, пропорционально численности населения их. Назначенные подобным образом заргучеи должны были решать все дела с ведома наместника по большинству голосов. Если же по какому-либо делу голоса разделятся поровну, тогда заявлять о том наместнику и находящемуся при "Калмыцких делах" российскому командиру, которые такие дела будут уже рассматривать сообща и по общему соглашению выносить решение. Если же и они не придут к общему соглашению, о таком деле доносить в Коллегию иностранных дел и ждать ее указаний.

Чтобы зайсанги, определенные в Зарго, как можно меньше зависели при принятии решений от давления со стороны своих владельцев, решено было, оставляя выбор их на усмотрение последних, перемену или же отстранение судьи от должности вывести из компетенции как владельцев, так и самого наместника, и поставить в зависимость от решения Коллегии иностранных дел. Правда, владельцам оставлялось право просить Коллегию о перемене того или иного судьи в случае справедливого недовольства на его действия. Чтобы еще более уменьшить зависимость заргучеев от своих владельцев, им назначалось жалование по 100 рублей в год. С каждого назначаемого в Зарго предлагалось брать присягу "в должной верности и к надлежащему своих владельцев почтению".

От реорганизации Зарго автор доклада ожидал не только приведения власти наместника "в тесные пределы", но и максимального ограничения сношений его с заграничными правителями, так как он будет остерегаться доноса на себя со стороны зайсангов других владельцев, ему ничем не обязанных. С другой стороны, и "заграничным народам, — уверял составитель, — столько как прежних ханов уважать его нужды не будет, когда ему по малой его силе" невозможно станет подчинять весь калмыцкий народ своим распоряжениям. Наконец, предлагалось платить наместнику по 1000 рублей в год, а хлебом жалования не платить ввиду его дороговизны.²³

Доклад Коллегии иностранных дел в общих чертах был утвержден Екатериной II и на основе его была составлена и отправлена на имя наместника, владельцев, зайсангов, духовенства и всего калмыцкого народа грамота все от того же 12 августа 1762 года, которою Убаши подтверждался в своем звании, доводилось до сведения решение о судьбе Дондуковых и т. д. Членов Зарго предписывалось выбрать в следующей пропорции: от наместниковых улусов трех зайсангов, из шабинеров одного духовного или зайсанга, из всех "цохуровых", из так называемых, "табун отоковых", которыми владели потомки Доржи Назарова, дербетских и хошутских улусов по одному зайсангу, что вместе составляло восемь человек. Дополнительно указывалось, что если ни судьи, ни наместник с российским командиром при "Калмыцких делах" и с теми же судьями не смогут придти к единому мнению по вопросу, не терпящему отлагательства, то собирать в Зарго близко кочующих нойонов и знатных зайсангов и решать дело с общего с ними совета. Выбор председательствующего в Зарго передавался на усмотрение наместника и владельцев. Дела предписывалось решать по древним калмыцким законам и обычаям.

Нововведением являлось предписание решать в Зарго бракоразводные процессы владельцев с их женами, причем по таким делам разрешалось добавлять, сверх членов суда, столько людей с обеих сторон, сколько потребуется для точного и безобидного решения дела. Указанное новшество вводилось потому, что к тому времени участились случаи, когда владельцы по тем или иным причинам покидали своих жен, и более всего из-за неприязненных отношений с родственниками последних, о чем говорилось в первой книге. Наконец, в компетенцию Зарго входило и назначение мест кочевания тому или иному владельцу со своими улусами, что было и раньше.²⁴

Как и ожидалось, мероприятия правительства вызвали недовольство и брожение в среде господствующих слоев Калмыцкого ханства, да и среди части простого народа. В этом брожении причудливо переплелись различные направления и оттенки: недовольство наместника и его приближенных ограничением их власти в связи с введением нового положения о Зарго и другими мерами, которые также ущемляли их самостоятельность; ставшее уже привычным стремление части владельцев, в первую очередь дербетских, выйти из подчинения центральной власти в

ханстве и кочеватьюсобой группой; взаимные иски владельцев по поводу незаконно присвоенных подвластных людей; недовольство некоторых владельцев отказом правительства в их претензиях; неприятие факта управления крещеными князьями Дондуковыми некрещеными калмыками; замыслы част власть имущих, пользуясь моментом, силою или другими хищрениями перетянуть на свою сторону новых подвластных и, наконец, просто стремление к воровству и грабеж под шумок. Однако за этой мешаниной различных настроений, побуждений и действий в конечном счете просматривался один повод — общее недовольство господствующих слоев калмыцкого ханства все нарастающим ограничением их самостоятельности.

Правительство не могло не принять подобного обстоятельства и старалось особо не фиксировать наступление на права степных феодалов. Так, например, в указе астраханскому губернатору Н. А. Бекетву от 21 августа 1764 г. подчеркивалось, "что калмыцкий народ... требует во обращении своем разных предосторожностей, приходя в разврат (т. е. волнение — М. Б.) излишним попусшением и излишнюю строгостью, а еще более явным уничтожением их древних обыкновений, напотив того, исподволь и легкими способами надежнее к многому доведен быть может".²⁵ Логика событий, вытекающая из общей природы абсолютизма, социально-экономического развития Российской империи — и в первую очередь всероссийского рынка — неизбежно вела к нивелировке политических статусов входящих в нее народов, к подчинению их центральной власти, к деформации традиционных форм хозяйства, быта, культуры и т. п., а значит, соответственно, к изменениям в социальной сфере.

Исторический вызов для господствующих кругов Калмыцкого ханства заключался в необходимости встраивания в новые реальности, в умении перестроиться, принять наступление нового как сигнал для корректировки курса. Эпоха требовала не трагедийно-драматического, а реалистического пафоса и адекватных в практических усилий. Истинная, а не надуманная, трагедия заключалась в неспособности трезво оценить складывающуюся обстановку. К сожалению, правящая верхушка ханства чем дальше, тем больше склонялась к разыгрыванию трагедийного сценария. По их мнению, у них оставался силу кочевого образа жизни, единственный шанс избежать ломки устоявшегося и привычного. Они не хотели использовать его, не просчи-

тав возможные последствия и не сделав попытку заглянуть хотя бы в ближайшее будущее. Выбор последнего калмыцкая знать начала вслепую.

Трудно сказать, понимала ли она глубинность происходящих перемен, улавливала ли их объективную неизбежность? Вполне вероятно, что интуитивно она это чувствовала. В первую же очередь наместник и его сторонники увидели то, что было более понятно, лежало на поверхности: усиление вмешательства российского правительства во внутренние и внешние дела ханства, постепенный переход непосредственного управления в руки царской администрации и свертывание ряда прав и привилегий нойонов. В 40—60-е гг. XVIII в. царизму "исподволь и легкими способами" удалось достичь ряда давно желаемых целей: назначение по своему усмотрению правителей ханства, сокращения внешнеполитических связей, регулирования отношений между нойонами вплоть до вмешательства в их семейные отношения и т. д. Это был сравнительно спокойный, тихий, но очень существенный поворот в характере русско-калмыцких отношений. Если поворот был тихим, то последствия его были громкими.

НОВЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Выше уже отмечалось, что длительное соседство и все расширяющиеся непосредственные контакты с оседлым населением, общий ход развития экономики Российского государства, социально-экономические и политические процессы внутри ханства не могли не отразиться на хозяйственной деятельности калмыков. Действительно, в XVIII в. в среде их все шире распространяются нетрадиционные для кочевников хозяйственные занятия. Рассмотрение этих процессов мы начнем с земледелия.

Первое известное мне документальное упоминание, свидетельствующее о начале распространения земледельческих работ в ханстве, относится к 1711 г. 2 апреля этого года хан Аюка просил астраханского коменданта М. И. Чирикова прислать колесо чигирное (чигир — водоподъемное сооружение), железо, лес и плотников, "чтоб зделать совсем чигир, поливать просо и табак".²⁶ Из текста неясно, кто разводил названные культуры для хана: собственно калмыки или астраханские татары? Дело в том, что на первых порах для крупных нойонов, если они заводили пашни, возделывали землю, следили за посевами и собира-

ли урожай подвластные им или же нанятые татары. Бывало и так, что они обучали навыкам земледелия калмыков, а те затем уже самостоятельно занимались разведением земледельческих культур, в основном сводившихся к табаку, просу, арбузам и дыням.

Например, в ноябре 1743 г. В. Н. Татищев по представлению Дондук-Даши велел справиться у пожилых татар: занимались ли калмыки сеянием арбузов и дынь при хане Аюке за Красным Яром? Опрошенные показали, что там действительно выращивали для хана названные бахчевые едисанские татары.²⁷ Тот же Дондук-Даши сообщал в январе 1752 г. губернатору И. А. Брылкину, что в прошлом году один юртовский татарин "пахал у меня пашню" и, прося вновь отпустить его с семьей к нему, добавлял: "А мне он надобен токмо для показания нашим на время".²⁸ Нет сомнения, что калмыки перенимали навыки и опыт земледельческих работ у своих оседлых соседей, а научившись, продолжали подобные занятия уже самостоятельно и не в столь малых размерах, как принято думать. Об этом говорят недвусмысленные сведения из источников.

В сентябре 1729 г. Досанг жаловался астраханским властям, что со времен отца кочевал вблизи Красного Яра, и раньше "покойно... жили", а ныне красноярские жители "на траве нам кочевать не велят и не дают моим калмыкам ничево сеять".²⁹ Позже Дондук-Даши извещал В. Н. Татищеву, что отец его, т. е. тот же Чакдорчжаб, владел "пашнями" в урочище Сасыколи. Тут же он добавлял, что в урочище Сасыколи, Монтохое и по р. Еруслан "многих владельцев калмыки пашни хотя и пахали, но оные... за худобою земли все оставлены".³⁰ Летом 1738 г. жена Дондук-Даши Церен-Деджит (муж ее в это время был отозван ко двору) обратилась в Астрахань за содействием для перевода к ней ее "пахотных" людей из урочища Харлакту. Она же сообщала, что названные люди денег для платежа долга русским заимодавцам прислали мало, "а объявляют, что как с севом уберутся, то де они сами быть хотели".³¹

Весьма интересно письмо бригадира А. Д. Бехтеева, управляющего "Калмыцкими делами" в начале 60-х г. XVIII в., к нойону Шеаренгу. Последний доводил до сведения бригадира, что вода "в урочище Ергенях" вряд ли годится для "сеяния жита", а пригодна скорее для разведения табака. На это А. Д. Бехтеев ответил, "что для одного табака занимать тамошние места, да и вам тамо с улусами быть, ка-

жется не для чего, и никакой в том пользы быть не может".³² Данное свидетельство примечательно, кроме прочего, тем, что показывает, как быстро люди Шеаренга, а они все были выходцами из Джунгарии, переняли навыки земледелия, если их нойон мог уже говорить о сеянии жита, т. е. ржи (или ячменя).

В 1742 г. Дондук-Даши при личной встрече с В. Н. Татищевым обращал его внимание на тот факт, что в морских косах южнее Красного Яра кочевали его "убогие", т. е. бедные, подвластные, и сеяли они близ своих жилищ просо и табак. Ныне же, по словам наместника, астраханские купцы Лошкарев и Кобяков завели в тех местах рыбные ватаги и, чтобы отдалить от них калмыков, посеянное ими просо и табак весь сожгли.³³ Видимо, притеснения продолжались, так как позднее он опять обратился к русским властям по поводу 1000 кибиток кочующих в Мочагах и сеющих издавна пшено, арбузы и дыни, прося дать им охранные письма, чтобы им не причиняли обид и не мешали заниматься земледелием. Просимые письма были даны.³⁴

Пашни и огороды заводили не только группы калмыков совместными усилиями, но и отдельные семьи обрабатывали своими силами подходящий участок. В июне 1764 г. к А. Д. Бехтееву обратился Ботыик из Эркетеневского улуса в связи с тем, "что на имеющуюся ево в урочище Черной гряде для сеяния арбузов, дынь и протчих овощей пашню ведомства зайсанга Баранга калмыки, Тапки-гёцюль с товарищи, озорнически пуцают свой скот и оными посеянной овощ неоднократно был потоптан". У просителя было данное от бригадира письменное разрешение на занятие участка, которое он и показывал обидчикам и их зайсангу, на что последние отвечали, что он должен иметь подобное же письмо и от наместника.

А. Д. Бехтеев отправил к провинившимся толмача В. Казачкова с выговором за потраву огорода и с запрещением впредь совершать подобные поступки. Касательно вопроса о письмах, руководитель "Калмыцких дел" твердо заявил, что "хотя надобно им от наместника брать письма, однако по сей притчине, что земля государева, данные от меня, яко российского командира, письма более в том действия иметь должны, и для того никому, хотя б и одни от меня оные даны были, спорить не надлежит".³⁵

О том, что в деле разведения огородов Ботыик был не одинок и что эти огороды существовали на протяжении многих лет, говорит и следующий случай. В апреле 1765 г.

к А. Д. Бехтееву обратились некие Мухулай и Аракба, прося дозволения отлучиться из калмыцкого войска, стоявшего караулом против возможных набегов кубанских и крымских татар. Свою просьбу они мотивировали тем обстоятельством, что "имеют издавна... при Волге для сеяния овощей пашни, к чему ныне наступило уже время (т. е. наступило время полевых работ — М. Б.)". Бригадир счел нужным письменно просить командира войска нойона Эмегена-Убаши дать такое разрешение.³⁶

В 1756 г. Дондук-Даши завел для себя близ Лебяжинского форпоста в Коровьей Луке постоянный "сад", а точнее всего огород, где выращивались все те же табак, дыни и арбузы. Огород этот существовал и в 1771 г., когда после ухода наместника Убаши Замьян добился передачи его в свое владение. Просьбу свою Замьян мотивировал тем, что огород и прежде "в порядке не был, а теперь, без присмотра, может окончательно погибнуть".³⁷ Можно думать, что говоря о непорядочном содержании ханского огорода, он покривил душой, так как источники показывают, что его прежние владельцы заботились о нем и не раз обращались к астраханским властям и управляющим "Калмыцкими делами" с просьбами оградить огород и находящихся при нем работников от неприязненных действий соседнего русского населения.³⁸

В рассматриваемое время отдельные группы калмыков стали заниматься и сенокошением. Это в первую очередь относится к *бодокчеям* с их служителями. Бодокчеи, призванные совместно с представителями русской администрации улаживать отношения калмыков с соседним населением, вынуждены были жить постоянно при городах, базарах, ватагах и т. п. Для обслуживания хозяйственных и бытовых нужд при них находилось определенное, смотря по степени знатности бодокчея, количество семей простолюдинов и служителей с имуществом и скотом. Если летом они еще могли содержать скот на подножном корме, то на зиму вынуждены были заготавливать сено и практиковать полустойловое содержание животных. О подобном порядке говорит случай с черноморским бодокчеем, который со своими людьми оказался в 1758 г. в тяжелом положении, потому что те луга, где они ежегодно заготавливали на зиму сено, оказались выкошенными казаками, несшими службу в Черном Яру.³⁹

Отдельные аймаки по разным причинам годично, а иногда и по несколько лет кочевали на одном и том же месте,

чаще всего вблизи Волги. Такие группы тоже заготавливали на зиму сено, если не для полного прокорма, то хотя бы для подкормки скота в особо снежные зимы. Таковым был аймак зайсанга Нохоя, который летом 1757 г. самовольно выкосил луга близ Каменского форпоста, где косили для своих нужд форпостные казаки. Всего было накошено 20 стогов, как это видно из рапорта черномырского коменданта Н. Г. Спицыну.⁴⁰ Ежегодно заготавливали сено и те калмыки, которые постоянно проживали при огороде наместника в Коровьей Луке.⁴¹

О том, что сенокосение стало привычным делом для некоторых калмыков, говорит случай с Габуном Чюрюмовым из улуса Цебек-Доржи. Он в поисках заработка в 1764 г. ушел из улуса "сам собою" к Астрахани, где нанялся косить у аульного татарина Исмаила сроком на один месяц за питание и плату в три рубля. По указанию хозяина косил он с тремя татарами за р. Болдой с полмесяца, а затем, заболев, взял расчет.⁴²

С середины 60-х г. XVIII в. в среде калмыцкой знати появились желающие жить полуоседло или оседло. С этой целью они стали просить правительство построить им в удобных местах дома, поблизости от которых они мыслили завести огороды, сады, пашни и т. п. По этому поводу в Коллегии иностранных дел, где присутствовал и астраханский губернатор Н. А. Бекетов, рассматривался более общий вопрос: полезно ли будет в перспективе поселение всех калмыков оседло или же лучше стараться обоседлить лишь некоторую их часть? Коллегия пришла к выводу, что полное обоседление калмыков невыгодно, так как, занимая пустующие степи, они служат прикрытием "здешним пограничным жилищам от соседних варварских народов". Обоседленную часть предполагалось расположить во вновь созданных поселениях и крепостях по Волге для умножения нерегулярных войск, несущих сторожевую службу.⁴³

Правительство, прекрасно понимая, что удовлетворение просьб нойонов — а среди них были дербетский Галдан-Церен, дяди наместника Яндык и Басурман-Тайджи, Бамбар, Замьян и т. д. — могло не на шутку встревожить наместника и других нойонов, не склонных порывать с привычным бытом, не спешило идти навстречу пожеланиям просителей. Да и сами они выступили с подобными предложениями в силу сложившихся обстоятельств: ссора с наместником, борьба за подвластных и т. п. Вряд ли они все были убежденными сторонниками перехода на оседлость.

Вместе с тем, каковы бы ни были субъективные побуждения их, они создавали благоприятную атмосферу для перехода части калмыков к занятию земледелием. На том этапе, в силу ряда обстоятельств, указанные нойоны, кроме Замьяна, не получили удовлетворения своих желаний.

Интерес знати к земледелию не диктовался прямой необходимостью, то есть недостатком в продуктах питания или невозможностью их купить. Продукция заведенных ими "пашен" нужна была им лишь для разнообразия их стола. Заводили они огороды, видимо, и с целью меньше зависеть от русского рынка и, в какой-то мере, подражая верхам местной царской администрации. Бедняки обращались к земледелию, чтобы поддержать свое скудное существование, тем более что этому способствовала их оседлая или полуоседлая жизнь из-за потери скота. Зажиточные и средние слои простых калмыков, у которых было достаточно скота, как правило, не занимались земледелием, да оно было для них и затруднительно. Они имели столько скота, что нельзя было не кочевать на значительные расстояния, и в то же время не было возможности выделить из своей среды людей, которые бы могли безотлучно находиться при заведенных пашнях.

Благотворную роль в переходе кочевников к земледельческим работам играло влияние соседнего оседлого населения, и влияние это не ограничивалось теми двумя моментами, о которых упоминалось выше, но определялось и прямой поставкой орудий труда и семян. Однако при расширении калмыцкого земледелия затрагивались интересы соседнего населения: хозяев рыбных ватаг, форпостных казаков и т. п. На этой почве происходили взаимные ссоры и недоразумения, чему в немалой степени способствовала неразмежеванность земель.

Не всегда и сами калмыки одобряли переход своих собратьев к земледелию. Особенно ревниво к этому относились верхи калмыцкого общества, так как перешедшие к земледелию в определенной мере отрывались от своих хозяйственно-административных единиц и даже временами переставали подчиняться распоряжениям своих владельцев. Об этом говорит пример жены Дондук-Даши: для перевода к ней ее "пахотных" людей астраханские власти вынуждены были направить воинскую команду.⁴⁴ Как только дела земледельцев поправлялись и они обзаводились скотом, особенно вьючным, как хозяева принуждали их к возврату к кочевой жизни. Более того, нередко поправив-

шие свои дела семьи сами бросали занятие земледелием, возвращаясь к кочевому скотоводству. Несмотря на указанные обстоятельства, ростки нового продолжали пробивать себе дорогу.

Калмыцкое хозяйство прошлого в силу специфики экстенсивного кочевого скотоводства было уязвимо со стороны капризов природы и превратностей политической обстановки: стихийное бедствие в виде суровой снежной зимы, эпизоотии и т. п., длительные междоусобицы, удачный набег врагов приводили к значительному обнищанию населения, появлению большой массы "скудных", то есть потерявших весь или почти весь скот семей. Впрочем, надо заметить, что некоторое количество таких "скудных" семей существовало в калмыцких улусах постоянно и в относительно благоприятные периоды.

Если их число не превышало определенного уровня, то в поисках работы и пропитания они рассасывались в остальной массе населения, нанимаясь для работы к владельцам, зайсангам, зажиточным единоверцам, а то и просто кормясь "христа ради" у родственников и "междвор". Для понимания дальнейшего процесса необходимо сразу же оговориться, что при определенных благоприятных обстоятельствах часть "оскудавших" калмыков могла снова обзавестись скотом и вернуться к прежнему положению. Такому возврату способствовали и некоторые обычаи, обязывавшие зажиточных родственников оказывать помощь своим менее удачливым сородичам. Дело резко менялось при длительности влияния неблагоприятных обстоятельств. В таком случае обнищавшая масса, не находившая себе применения внутри своего общества, должна была искать другие выходы. В такие периоды отчаявшиеся люди в поисках спасения шли на любые крайности, вплоть до продажи детей и т. п.

Начиная со времени прихода в Россию и вплоть до смерти хана Аюки в 1724 г., калмыки находились в сравнительно благоприятных условиях. Если и случались в эту пору неурядицы и стихийные бедствия, влекшие обеднение части населения, то калмыки справлялись с положением за счет собственных ресурсов, а в какой-то мере путем удачных набегов, так как они тогда обладали сравнительно крупной военной силой, позволявшей чувствовать себя в своем регионе на равных с другими кочевыми народами.

Как мы видели, начавшиеся после Аюки длительные междоусобные столкновения претендентов на ханскую

власть, надолго расколовшие калмыков на несколько враждующих феодальных группировок, привели как к уменьшению населения в улусах, так и к обнищанию значительной его части. В июле 1742 г. тогдашний наместник ханства Дондук-Даши, будучи при царском дворе, подал прошение, где, между прочим, говорилось, что до 1724 года калмыков вместе с подданными им татарами было 70 тысяч, а ныне осталось чуть более 20 тысяч, да и те находятся в крайнем убожестве.⁴⁵ В другом случае, о котором говорилось выше, в 1743 г. он же утверждал, что осталось к этому времени 16923 кибитки. Большое сокращение населения улусов и его обнищание подтверждает и В. Н. Татищев, доносивший правительству в 1744 г., что при Аюке было около 70 тысяч кибиток калмыков и более 30 тысяч кибиток татар, "а ныне всех тридцати тысяч нет, и тех более бесскотных".⁴⁶ Разумеется, к названным цифрам нужно относиться критически, они относительны, но, думается, в целом они верно отражают сложившееся к сороковым годам XVIII века положение.

В довершение всего огромный падеж скота вызвала суровая зима с 1739 на 1740 год, когда кочевавшие по Куме улусы вынуждены были рубить ветви с деревьев для корма скоту. Сообщая об этом, хан Дондук-Омбо признавал, что теперь большинство калмыков может спастись от голодной смерти, питаясь рыбой. Понимал это и новый наместник ханства Дондук-Даши. Естественно, простолюдины, не дожидаясь указаний сверху, сами обратились к спасительному для них рыбному промыслу. В первой книге уже отмечалось, что рыболовство как подсобная отрасль хозяйства существовало у калмыков давно, и они с момента прихода на Яик и Волгу ловили там рыбу, но ранее оно не носило такого массового и систематического характера, каким стало с конца 30-х — начала 40-х годов, и не вызывало особых беспокойств у живущего здесь русского населения. Теперь же со стороны последних посыпались жалобы, начались нежелательные столкновения на этой почве. Особенно забеспокоились рыбопромышленники, владельцы откупных и подрядных вод.

Правительство вынуждено было начать урегулирование возникших проблем. По его указаниям астраханские губернаторы В. Н. Татищев и И. А. Брылкин — первый в 1742, а второй в 1746 году — совместно с соответствующими лицами астраханской губернской администрации вырабатывали положения о правилах и сроках ловли рыбы калмы-

ками. Не останавливаясь на них подробно, отметим, что общая их направленность защищала интересы казны, местного купечества, рыбопромышленников и владельцев откупных и т. п. вод.

Так, калмыкам разрешалось с 1 мая по 1 октября и зимой до вскрытия воды ловить рыбу различными удочками, сомовыми сетями и неводами не более 100 сажень длины. Однако и в это время на Волге разрешалось ловить лишь по берегам, а не по середине реки, где обычно шла, так называемая, красная рыба. В октябре и ноябре, когда бывал главный ход рыбы, калмыкам в Волге и в больших протоках вообще запрещалось заниматься ловом. Им предоставляли довольствоваться малыми протоками, заливами и озерами. Запрещалось ловить рыбу в казенных учугах и в тех протоках, где шла рыба из моря в реки. Строгому запрету в обоих положениях подвергнулся лов рыбы осетровых пород.

Так как ожидалось, что калмыки не ограничатся ловом рыбы только для пропитания, а начнут торговлю ею, то, предупреждая посягательство с их стороны на интересы местного купечества, предписывалось такую торговлю производить частиковой рыбой лишь среди калмыков, а в города продажную рыбу не привозить. Дондук-Даши, недовольный таким предписанием, заявил В. Н. Татищеву, что калмыки ныне весьма "скудны" и если запретить свободную торговлю рыбой, то они на необходимые свои нужды денег достать не смогут, а будут "с великим вредом продавать детей за границу или грабить". Не добившись желаемого результата, наместник в сердцах заявил губернатору: "Когда по Волге земля, вода, трава и лед все к русским принадлежит, то подданным ея императорского величества, нашим калмыкам, чрез какой способ исправиться я не знаю".

В ответ на это В. Н. Татищев предложил наниматься калмыкам на различные работы и тем поправлять свое положение. Наместник на то возразил, что бедных так много, около одной Астрахани, по его словам, было около 10 тысяч бесскотных кибиток, что всем наняться негде. Между тем, жизнь вносила свои коррективы в постановления власть имущих. Калмыки, несмотря на запрещения, продолжали тайно привозить и продавать в приволжских городах рыбу, рыбий клей и т. п., отчего происходили различные споры, да и пошлинные деньги пропадали втуне.

Ввиду этих обстоятельств в постановление 1746 года

были введены соответствующие изменения. Всех "скудных" калмыков, которые живут от Круглинского острова (выше Астрахани) до моря, разрешалось по договоренности наместника с губернатором определить на все промыслы, где "сколько требуется или вместить можно". На каждую ватагу для наблюдения порядка предписывалось определить зайсанга или иного старосту. Помещенным таким образом на промыслах калмыкам разрешалось своими или взятыми у промышленника снастями ловить в тех откупных водах всякую рыбу и отдавать по договорной цене хозяину ватаги. Рыбу, не годную для хозяина ватаги, можно было продавать калмыкам где удобнее, а для продажи русским и татарам привозить в Астрахань на рыбный плот (место, где хранилась и продавалась рыба) и продавать по вольной цене. Пошлины с продаваемой рыбы брать не у продавцов-калмыков, а у покупателей. В других же местах продавать запрещалось. Если же хозяин учуга или ватаги не хотел по тем или иным причинам брать у калмыков красную рыбу, то ее можно было отдавать в казну по договорной цене. Примерно такие же правила действовали и для занимающихся рыболовством на Яике; правда, там калмыки ловили больше для казны.⁴⁷

Изученные документы показывают, что в указанное время калмыки начали широко заниматься рыболовством, причем это занятие шло в двух направлениях: с одной стороны, они собственными силами и средствами ловили лично для себя, с другой — в поисках заработка, нанимались на учуги и ватаги к рыбопромышленникам, ловили для казны. В последнем случае они могли ловить собственными орудиями лова или же брать их у нанимателей.

Как наместник ханства, так и царская администрация считали такой наплыв калмыков на рыбные промыслы явлением временным, надеясь, что бедняки заработают деньги, обзаведутся скотом и вернуться к прежнему образу жизни. Конечно, не подлежит сомнению тот факт, что часть калмыков сумела выпутаться из беды и покинуть ряды "скудных". Об этом говорит относительное уменьшение к концу 60-х годов количества кочующих по Волге на лодках и живущих на ватагах.

Тем не менее приходится констатировать, что очень и очень многим не удалось этого сделать, да и из улусов время от времени выбрасывались новые партии "скудных". Среди занимавшихся рыбным промыслом были такие, которые работали по многу лет и не могли не только

заработать деньги, но и расплатиться с долгами. Так аймачные люди зайсанга Махали из улусов самого наместника Убаши занимались ловом по подряду на ватаге купца Скворцова 10 лет, а все равно оставались должниками.⁴⁸ Один из подвластных владельца Моомут-Убаши на 35 году жизни решил креститься, причем на допросе поведал, что живет "с самого его малолетства при протчих калмыках близ моря, астраханского Спасова монастыря при учуге, имянуемом Чурке, по найму у астраханского купца Василья Варварова".⁴⁹

Такое положение было следствием нескольких причин. Оставляя в стороне обманы рыбопромышленников, недостаточные уловы и т. п., остановимся на одной из них, исходившей от самой калмыцкой верхушки. Беседуя в 1742 г. с наместником, В. Н. Татищев указывал, что при существующих порядках "поправить скудных" невозможно, хотя бы и всех их разместить по ватагам. По словам губернатора, как только такие люди заработают кое-какие деньги, то "пришед манжики выманивают", да и владельцы с зайсангами грабят их "немилоостиво". Видимо, В. Н. Татищев имел основания так говорить, ибо наместник ничего не сумел на это возразить. Нужда в деньгах среди калмыцких феодалов нарастала и соответственно увеличивались и поборы. Причем собранные деньги чаще всего не шли на производительные цели, а тратились на роскошества. Много денег перепадало и духовенству, которое, пользуясь набожностью Дондук-Даши, по малейшему поводу совершало пышные молебны, во время которых ему дарились крупные суммы: тот же В. Н. Татищев со знанием дела утверждал, что только во время поминок по сыну наместника роздано было духовным до 9 тысяч рублей, а всего со времени вступления наместника на подобные цели было затрачено более 30-ти тысяч рублей, причем деньги и подати собирались со скудных наравне с прочими.⁵⁰

На ватагах и прочих подобных местах могли найти работу примерно до двух тысяч человек, а ищущих работы ради пропитания и заработка денег было намного больше, да и, очевидно, не все из них желали заниматься рыболовством. Такие люди с разрешения своих владельцев или зайсангов, с соответствующими отпускными свидетельствами, в одиночку или целыми семьями, а в редких случаях и целыми аймаками, выходили в приволжские города и села, где и нанимались на различные работы.

Диапазон подобных работ был весьма широк: от пасть-

бы личного или общественного скота русского населения до найма для битья "подлинявших лебедей".⁵¹ Сюда же входили разгрузка и погрузка судов, причем зачастую с сопровождением их на значительные расстояния, вплоть до Нижнего Новгорода, бурлачество, весельная и земляные работы, рубка леса, труд в садах, ломка соли и прочие работы в "услужении", то есть по дому нанимателя. Какую бы из названных работ мы ни взяли, везде калмыки подвергались суровой эксплуатации и нередко оставались обманутыми нанимателями. Для наглядности приведем несколько примеров.

В 1745 году 100 человек калмыков нанялись тянуть, предварительно загрузив его, судно с солью астраханского купца Ф. И. Кобякова от Царицына до Дмитриевского (Камышин). Так как этого числа людей не хватало, то приказчик купца обещал нанять дополнительное количество русских работников, чего не сделал, почему калмыкам пришлось работать с дополнительной, не предусмотренной договором нагрузкой. Кормил он их также не по договору, отчего нанявшиеся должны были тратить на еду собственные деньги, а если и кормил, то тухлыми осетрами или же пустыми щами.⁵²

В 1748 г. калмыки нанялись на земляные работы в Енотаевской крепости, причем по условиям найма они должны были работать по желанию, кто сколько дней захочет. Однако когда некоторые пожелали уйти, их стали насильно удерживать. Кроме того, при измерении вырытой земли их обманывали, занижая объем.⁵³ В том же году астраханский купец Курочкин нанял сопровождать суда до Нижнего Новгорода и Макарьевской ярмарки 600 человек, которым не доплатил 443 рубля.⁵⁴

В 1751 году жаловался некто Сунзу с двумя сыновьями, что нанялись они пасти скот донского старшины К. Сидорова и были в работе шесть лет. По условиям найма хозяин обещался за каждый год работы давать Сунзе по одной трехлетней кобыле, а двум сыновьям его по 10 рублей каждому. Однако за все годы он дал всего одну кобылу, а остальное платить отказался: таким образом он остался должен 120 рублей денег и 5 лошадей. Более того, после срока окончания пастбы К. Сидоров нанял всех троих вместо своих родственников на военную службу, обещая дополнительно выплатить каждому по 23 рубля, а заплатил всем троим всего 15 рублей, одну лошадь и разную поношенную рухлядь.⁵⁵

Уже упоминавшийся купец Ф. И. Кобяков нанял в 1756 году 45 человек для рубки дров и поставки их на трех судах в Астраханский селитренный завод. При расчете, придравшись к потере трех якорей, хотя по договору за пропажу с судна чего-либо они не отвечали, он удержал 120 рублей. Кроме того, заготовленные дрова измерялись "против договорной меры и настоящей казенной сажени со излишеством".⁵⁶ Подобные примеры можно было бы умножить.

После сказанного выше может сложиться впечатление, что калмыцкие феодалы приветствовали отход бедноты из улусов на заработки. Действительность была сложнее. Отход калмыков в целом был нежелателен для владельцев и был терпим ими по необходимости. Дело в том, что хотя и были установлены правила ухода бедняков из улусов с фиксацией его и выдачей отпускного свидетельства, однако правила часто нарушались, и многие уходили без разрешения и ведома своих начальников. Таковых при кочевой жизни обнаружить и взять вовремя на учет было трудно, и они, пользуясь этим, прекращали платить подати и т. д.

Другие же уходили не потому, что не могли содержать себя в улусах, а стремясь избавиться от кабалы своих владельцев и зайсангов, а порою и вообще не желая продолжать кочевую жизнь. Короче говоря, определенная часть калмыков на время, порою довольно длительное, выходила из-под влияния и эксплуатации своих хозяев, что подрывало интересы последних. Кроме всего прочего, для феодальных кругов ханства существовала еще и та опасность, что их подвластные, подолгу живя в новых условиях, могли к ним привыкнуть и не возвратиться в улусы, а это сделать было нетрудно — стоило принять христианство. С этой точки зрения для феодалов более приемлемым было бы такое положение, когда "скудные" калмыки занимались бы ловлей и продажей рыбы, но не по найму и без длительных контактов с русским населением, а изолированно и с непосредственным подчинением калмыцким должностным лицам. Ввиду этого неудивительно, что при малейшей возможности они старались вернуть своих подданных в улусы или же изолировать их от русского влияния. Об этом говорят факты.

Так уже в сентябре 1743 года Дондук-Даши послал четырех зайсангов для сбора кочующих по Волге на лодках "скудных" калмыков и препровождения их на жительство в Мочаги и морские косы, с приказанием строго наказывать

тех, кто не подчиниться. Если кто из этих людей задолжал русским людям, гласил приказ, и не может заплатить, тому отдавать в заклад или в оплату сыновей и дочерей, а оставшимся переселяться в Мочаги. Если же кто находится по найму в работе, таковых оставлять до окончания срока найма, а жен и детей перевести в показанные места. Кто не имел лодок и купить было не на что, должен был продавать детей и, купив лодку, кочевать по воде в те же места⁵⁷.

В 1752 году наместник приказал всех калмыков, живущих при городах, ватагах и учугах, забрать в улусы. Причину такого решения он четко выразил в письме к И. А. Брылкину, заявив, что "как для искоренения воровства", так и для того, "что обыкновенно владельцам и зайсангам своего владения людей для взятъя податей и всяких потребностей" лучше содержать при себе. Однако приказчики на ватагах и учугах не отдавали посланным для сбора людям нанятых калмыков. Раздосадованный наместник спрашивал губернатора; где и у каких народов видано подобное, чтобы владельцы не могли забрать своих людей да еще и обязаны докладывать, для чего они им требуются. Здесь же он разъяснял, что погодно и помесечно быть в работе с запискою дозволено, но чтобы только жен и детей их там не было, а жили бы в улусах⁵⁸. Здесь ясно видно стремление привязать отходников к улусам, так как имея семьи там, они неминуемо должны были возвращаться к ним.

Еще одну важную причину настойчивого требования возврата семей отходников в улусы можно увидеть в письме наместника к губернатору А. С. Жилину от 25 мая 1757 года. В нем он писал, что приказал семьи всех живущих при русских городах и селах "для пропитания и в работах" вернуть в улусы, так как такие люди, подолгу живя среди русских крестятя, "отчего и нам великое затруднение происходит"⁵⁹.

До сих пор рассматривались ситуации, связанные с отходом обедневших калмыков из улусов на заработки, а то и просто для одного пропитания. Но каково бы ни было количество последних в тот или иной период, все же основная масса калмыков продолжала заниматься привычными занятиями, основанными на кочевом скотоводстве, и не покидала улусов. Однако и здесь появились определенные изменения, которые не могли не наложить характерный отпечаток на традиционное хозяйство калмыков, не внести новые грани в социальные отношения. Происхо-

дившие в России социально-экономические сдвиги оказывали воздействие и на Калмыцкое ханство. Калмыцкое хозяйство приспособлялось к характеру всероссийского рынка, в степь начали проникать денежные отношения.

В рассматриваемый период здесь, как показывают источники, почти все испытывали нужду в деньгах, а в первую очередь феодальные круги. Не имея возможности сразу же предложить в обмен на деньги необходимый эквивалент в виде скота и продуктов скотоводства, как простые калмыки, так и представители господствующих слоев входили в долги, иногда довольно большие. В разделе о повинностях албату уже говорилось об этом; приведу еще несколько примеров.

Упоминавшийся внук Доржи Назарова Бамбар имел долги, доставшиеся по наследству от деда и отца и превышавшие 1000 рублей. Стремясь избавиться от настойчивых домогательств кредиторов, он вновь занял необходимую сумму под проценты, для отдачи которой вынужден был даже продавать своих людей. Владелец Солтон, племянник того же Доржи Назарова, взял в долг у астраханского жителя армянина В. С. Шарабашева 1500 рублей. Так как Солтон медлил с расплатой, то наместник, которому доучал кредитор, решил половину денег, собираемых на Солтона в счет подати с его улуса, отдавать в уплату долга и, как он уведомлял И. А. Брылкина, "онные деньги в каждой год прикажу собирать и привозить к себе, а я буду посылать к бодокчию..., а он, объявляя вам, будет ему, Шарбашу, в уплату тех денег отдавать"⁶⁰.

Об увеличившейся роли денег говорит и тот факт, что Дондук-Даши в 1745 году "для пользы улусов... определил со общаго всего калмыцкого народа согласия" не брать впредь подати натурой, а заменить их единым денежным сбором и выражал надежду, "что деньгами подать учинена, уповаю, что и ея императорское величество все милостивейше опробовать (апробировать — М. Б.) соизволит". Свое решение наместник объяснял тем обстоятельством, что "прежде положения на калмык денежных податей, под претекстом наших владельческих потребностей, сверх надлежащих наших оброков определенные к тому зайсанги збирали для своей корысти излишняя подати, отчего некоторые и одолжали". Теперь же, с ребяческой наивностью утверждал наместник, "наши улусы все тем стали быть довольны и радуются"⁶¹.

Как показывают источники, это решение никогда после-

довательно не проводилось в жизнь. и взимание податей натурой (скотом, шерстью, кошмами и т. п.) продолжалось и позже. Однако, не вызывает сомнения и тот факт, что наряду с этим они брались и деньгами, причем часто в комбинации: половину податей брали натурой, а половину деньгами. Но нередко бывали случаи, когда вся подать бралась деньгами, причем весьма обременительная для податных.

В 1742 году Дондук-Даши сделал раскладку по сбору податей с Багацохуровского улуса "по гривне с лошади, да по алтыну с барана"⁶². Кроме того, по случаю поминовения умершей жены он собрал в этом же году "со всех улусов с каждой скотины по десяти копеек"⁶³. Естественно, не оставлен был в стороне и Багацохуровский улус, который, таким образом, заплатил как бы вдвойне. В 1748 году астраханскому губернатору стало известно через донского войскового старшину Д. Ефремова, что дербетский владелец Сампил-Норбо "наложил на улусных своих калмык необыкновенной и наперед сего у них небывалой денежной побор".

При сложившемся положении в улусах, когда подати частью, а в некоторые годы и в некоторых случаях и целиком, стали браться деньгами, да и на необходимые для домашнего быта и хозяйства покупки нередко уже требовались деньги, так как не всегда удавалось получить нужные товары путем прямого обмена на скот и продукты скотоводства, не удивительно, что, как уже упоминалось выше, простолюдины также постоянно нуждались в деньгах. Если же в случае чрезвычайных и срочных владельческих поборов и т. п. их не оказывалось под рукой, приходилось брать в долг. Причем необходимо отметить, что брались деньги в долг не только на стороне — у русских, армян, татар и прочих жителей соседних городов и сел, но и внутри улусов, у своих же калмыков, так как к тому времени там появились лица, которые имели у себя постоянно деньги, иногда в приличном количестве.

Так как нередко случалось, что деньги занимались без достаточного письменного засвидетельствования или же просто под честное слово, то со временем "Калмыцкие дела", Астраханская контора татарских и калмыцких дел и другие соответствующие учреждения оказались вынуждены ежедневно заниматься исковыми делами между калмыками и остальным населением. Правительство, извещенное о сложившемся положении, сочло необходимым принять соответствующие меры.

По этому поводу из Сената в Астраханскую губернскую канцелярию был послан указ от 13 июня 1748 года. Пункт первый указа гласил, что разрешается между калмыками и юртовскими татарами, "и которые с ними ж обяжутся из россиян, также из индейцев и других иноверцов", давать в долг деньги и товары, а заимодавцам платить в установленные сроки лишь занятую сумму, без процентов.

Заемные письма указывалось составлять вне улусов только в двух местах: в Астраханской конторе татарских и калмыцких дел и в Кизлярской канцелярии. Если же кому случится брать заемное письмо в улусах, то владелец соответствующего улуса должен был на таком письме засвидетельствовать факт займа, в удостоверение чего приложить свою владельческую печать. Составленные подобным образом заемные письма должны были предъявляться не позже месяца после их составления для фиксации в Астраханскую контору татарских и калмыцких дел или в сподручном по близости городе в воеводскую канцелярию. Без соблюдения вышеуказанных формальностей заемные письма считались недействительными и судебного разбирательства по ним не производилось.

В том же случае, когда по заемным письмам, составленным с соблюдением всех формальностей, должник не расплатиться в установленный договором срок и на него будет жалоба от кредитора, то с должника предписывалось взыскать занятую сумму и сверх ее по силе 30-го пункта Вексельного устава за каждый после просрочки месяц взыскивать по три деньги с каждого рубля⁶⁴. Конечно, этот указ не прекратил долговые споры, но в какой-то мере упорядочил подобные дела.

Развитие денежных отношений в Калмыцком ханстве вызывало различные явления, порождаемые как желанием иметь средства для получения денег, так и пустить их в дело, у кого они скопились в достаточном количестве. В 1758 году к губернатору А. С. Жилину обратились с жалобой астраханские "фабриканты", что армянин П. Григорьев с позволения хана Дондук-Даши один по дешевой цене скупает в улусах у калмыков "хлопчатую бумагу", а потом втридорога перепродает жалобщикам и последним приходится покупать, так как калмыкам никому, кроме П. Григорьева, продавать "хлопчатую бумагу" не велено⁶⁵.

При наведении соответствующих справок оказалось, как писал в 1764 году новый астраханский губернатор Н. А. Бекетов, что "наместник имеет отяготительную подвласт-

ному народу торговлю, отдавая из корысти своей на откуп армянам и татарам в улусах в разных местах скупать у калмыков в одни руки скотское сало, кожи и прочее". Таковая отдача на откуп происходила в двух местах: в состоящем при наместнике передвижном базаре и на калмыцком же базаре на луговой стороне в урочище Митинском, выше Черного Яра.

Руководитель "Калмыцких дел" А. Д. Бехтеев, отвечая на мнение губернатора, что указанная отдача на откуп явно противоречит "имянным ея императорского величества о коммерции указам", констатировал тот факт, что о таких указах ни наместник Убаши, ни бывшие до него ханы "понятия не имеют, и те указы, да и все другие, которые до их народа собственно не относятся, к ним никогда не присылаются, а оставлены они, калмыки, во всем на своих правах и вольностях"⁶⁶. Решено было такое положение исправить. По неоднократным представлениям и требованиям губернатора наместник Убаши вынужден был письмом от 9 января 1767 года сообщить, что он разрешил на Митинском и при Астрахани калмыцких базарах торговлю "калмыцкими собственными" продуктами вольную, то есть отменил откупы⁶⁷.

В рассматриваемое же время в среде калмыков появились лица, занимавшиеся, имея на то довольно солидные капиталы, ранее не свойственными для степняков торговыми операциями, которые иногда приходили в столкновение с интересами русских торговцев. В 1749 году к губернатору И. А. Брылкину обратились с жалобой астраханские "обыватели и мясники". Дело заключалось в том, что у калмыков, приезжающих для торговли из степи на калмыцкий базар при Астрахани, живущие при том базаре калмыки-торговцы, не допуская русских, скупали весь пригнанный скот по дешевой цене, а уж потом продавали желающим по дорогой, ими самими установленной цене. Жалобщики настойчиво просили запретить подобную перекупку и разрешить хозяевам скота продавать его "повольною ценою"⁶⁸.

И. А. Брылкин обратился к Дондук-Даши, чтобы он запретил указанную практику. Наместник на это ответил, что "наперед сего не имея такого обыкновения (т. е. такая практика ранее не была распространена — М. Б.), оное мы не запрещали". Здесь же он указал на тот факт, что у приезжающих в улусы торговцев русские и прочие "асламы" (т. е. перекупщики) также, не допуская свободной торговли,

весь товар у них скупают и потом продают калмыкам по дорогой цене, "отчего протчему народу такое ж неудовольствие происходит".

На это И. А. Брылкин весьма неубедительно ответил, что русским и татарам запрещать подобную практику не следует, так как они, покупая на деньги или выменивая на товары скот в улусах, пригоняют его для продажи в города, а чтобы они тот скот в улусах покупая или выменивая у калмыков, калмыкам же в тех улусах продавали, никогда не было слышно. В источниках нет сведений, чем кончилось это дело, но наместник остался при мнении, что он не думает, "чтоб великая государыня указала русским и татарам торговать свободно, а калмыкам в том запретить, ибо все мы великой государыни равно подданные"⁶⁹.

Уже упоминалось, что среди калмыков в это время появились торговцы, которые пускали в оборот довольно большие суммы. Правда, подобные люди не были застрахованы от произвола владельцев и зайсангов. Для примера приведу дело дербетского Эцисен-Зундую. Он был служителем у владелицы Оджи, жены Галдан-Церена, и торговал на свои деньги. В 1760 году он ездил на Урюпинскую ярмарку, где закупил вино и табак. На возвратном пути некий зайсанг в сопровождении четырех человек, обвинив Эцисен-Зундую в намерении уйти вместе с Оджей в торгутские улусы (в то время Оджа, дочь Дондук-Даши, была в натянутых отношениях с мужем), ограбил его.

При разбирательстве этого дела оказалось, что у него взято было Оджей из занятых им под проценты денег 598 рублей 80 копеек, да из занятых без процента взято той же Оджей 136 рублей 50 копеек. Кроме того, у него же было занято разными калмыками 582 рубля 35 копеек, всего же получается, что у него было взято 1317 рублей 65 копеек. Несмотря на это, он еще имел достаточно денег, чтобы купить на ярмарке большую партию вина и табака⁷⁰. Случай с Эцисен-Зундую еще раз подтверждает факт развития денежных отношений в Калмыцком ханстве в XVIII веке.

ДОНДУК-ДАШИ

Как мы помним, у старшего сына хана Аюки Чакдорчжаба было восемь жен. Не уверен, будет ли это интересно читателям, но все же позволю себе привести их имена и происхождение; Джал-хошутка; Тарбаджи (Талбаджит) —

хошутка; Габиль — дербетка, дочь Мунко-Темира; Цаган-Лама — хошутка, дочь Цецен-хана, двоюродная сестра мужа по матери; Джизага (Зажига) — хошутка, была ранее замужем за Чакдорчжабовым дядей Замсой; Бату — хошутка, вдова троюродного брата Аюки Чимета; Даши-Бирюнь — джунгарка, вдова Гунделека; Хандаза — вдова ногайского мурзы Кучюка. От этого, прямо скажем, непривычного для нас количества жен Чакдорчжаб имел 12 сыновей. Самый старший Бату был рожден от наложницы, но считался полноправным нойоном; от Джал — Досанг, Баксадай-Доржи, Нитар-Доржи и Гунцук-Джап: последний был "нем и безумен". От Габилы родились Дондук-Даши, Бодонг, Солом-Допчин, Доржи-Раши, Яндык, Басурман-Тайджи и, наконец, от Цаган-Ламы — Данжин-Доржи.

Если вспомнить, что по обычаю и по законам 1640 г. отец должен был выделить каждому сыну в наследство часть улусных людей, то, принимая во внимание количество детей, надо признать, что перед многодетным Чакдорчжабом стояла нелегкая задача. Он всячески оттягивал раздел, но взрослые сыновья все настойчивее требовали выделения им улусов. Когда они от просьб перешли к попыткам силой захватить причитающуюся им часть, Чакдорчжаб по совету отца в 1721 г. отделил взрослых сыновей. Напомню, что Бату досталось 400 кибиток, Досангу — 1000, Баксадаю-Доржи — 500, Нитару-Доржи — 200, Дондук-Даши — 400 и Данжину-Доржи — 400. Остальные дети продолжали жить с отцом, у которого еще оставалось более 4000 кибиток.

Дондук-Даши остался крайне недовольным выделенной ему частью и, по словам Досанга, отказывался ее брать. Его недовольство можно понять, так как по обычаю старшим сыновьям от разных жен полагалась большая часть, чем прочим братьям, даже если они и были старше возрастом. Между тем Баксадай-Доржи, второй сын старшей жены, получил на сто кибиток больше, а Бату, сын наложницы, — равную с Дондук-Даши долю. Более того, оставалось неясным положение младших братьев, среди которых Бодонг был уже взрослым. После смерти отца Дондук-Даши явился главным застрельщиком семейной ссоры, требуя добавки себе подвластных и выделения наследственной доли своим родным по матери братьям.

В костер междоусобия, вспыхнувший в 1723 г., действия Дондук-Даши подкинули дополнительную охапку хвороста, отчего губительное пламя взметнулось еще выше.

Как мы видели, его недовольством умело воспользовались хан Аюка и Дондук-Омбо, заинтересованные в ослаблении Досанга, одного из претендентов на ханский престол. Присутствие в битве на р. Берекети 24 ноября 1723 г. в рядах ханских войск Бату, Дондук-Даши, Бодонга и Данжина-Доржи вбило крепкий клин в отношения детей Чакдорчжаба, надолго оттеснило их клан от борьбы за верховенство в ханстве и явилось личной трагедией Досанга, потерявшего все надежды на ханский титул. В конечном счете именно на Берекети были заложены предпосылки будущего крещения Баксадая-Доржи и трагической гибели Нитар-Доржи.

После событий на Берекети Дондук-Даши настойчиво продолжал добиваться своего, несколько раз нападал на улусы старшего брата, пытаясь отбить людей и скот, но особых успехов не добился, а 30 января 1724 г. сам был разбит Нитаром-Доржи. Ввиду этого он несколько изменил свою тактику и 20 сентября 1724 г., получив от Шакур-ламы заверение, что А. П. Волынский не предпримет против него репрессивных мер, приехал на провозглашение Церен-Дондука наместником ханства, где признал себя виноватым в ссоре с Досангом и обещал впредь жить с ним в миру. Досанг с своей стороны, после церемонии провозглашения наместника ездил в ставку Дармы-Балы, "где пропили с Черен-Дундуком и з Дундук-Дашею чрез всю ночь".⁷¹ Он же, Досанг, 24 сентября помирился при посредничестве ханши с Дондук-Омбо и прочими враждебными ему владельцами.

В самом начале декабря 1724 г. к ханше съехались Церен-Дондук, Досанг, Дондук-Омбо, Дондук-Даши, Бату и Данжин-Доржи. Речь на встрече шла о примирении детей Чакдорчжаба и о новом разделе их улусов. Ханша, наместник и Дондук-Омбо предложили братьям неразделенные отцовские улусы поделить следующим образом: Досангу, Баксадаю-Доржи и Нитару-Доржи ничего не прибавлять; Гунцук-Джапу к имеющимся у него 100 кибиткам прибавить еще сотню; Дондук-Даши прибавить 600 кибиток, Бату и Данжину-Доржи — по 100; Бодонгу и Досангову сыну Чидану дать по 400 кибиток, а четырем младшим братьям Дондук-Даши — 800 кибиток. После выполнения этих условий Досангу обещали помирить его с братьями и соединить их с ним. Хотя выдвинутые предложения были невыгодны Досангу и его братьям от одной матери, но он, укрепля сердце, согласился, так как у него не оставалось иного выхода.⁷²

Казалось, что проблемы братьев улажены и между ними установился мир, снимавший напряжение во всем ханстве. Однако, вскоре ящик Пандоры вновь открылся. В начале марта 1725 г. Досанг, собрав 7000 человек, разгромил улусы Бату, Дондук-Даши и Данжина-Доржи якобы за то, что они в нарушение договора не хотели кочевать совместно с ним. Разгромленные братья обратились за содействием к наместнику и Дондук-Омбо, которые не замедлили принять ответные меры. Пожар междоусобия запылал вновь.⁷³ В последующих событиях Досанг и Нитар-Доржи пустились во все тяжкие, что, как мы видели, закончилось гибелью Нитар-Доржи от руки старшего брата.

Откупившись от полного разгрома убийством Нитар-Доржи, Досанг стал искать пути к примирению со своими соперниками. Трудность примирения заключалась в том, что Дондук-Омбо вел речь о выделении Досангом соответствующих частей Бату, Данжину-Доржи и младшим братьям, а также требовал, чтобы они продолжали кочевать с ним, Дондук-Омбо. Досанг же с этим согласиться не мог. Что же касается Дондук-Даши, то во второй половине 20-х гг. его позиция претерпела изменения. Он с возрастающим подозрением наблюдал за действиями Дондук-Омбо, претендовавшим на власть над его младшими братьями, в связи с чем отношения двух недавних союзников все более охлаждались. Досанг, ухидивший от своих соперников на Дон, вернулся обратно в ноябре 1726 г., помирился с Дондук-Даши и примкнул к наместнику. Постепенно в ханстве складывались две противоборствующие группировки калмыцкой знати — наместника, с одной стороны, и Дондук-Омбо, с другой. При всех колебаниях Досанг и Дондук-Даши примыкали к группировке наместника.

Итак, мы вкратце познакомились с началом активной политической деятельности Дондук-Даши. Даже при довольно снисходительном взгляде видно, что она была не совсем удачной, хотя с точки зрения нойонской психологии и не лишена некоторой логики. Большая часть его действий в 20-х гг. была продиктована стремлением получить в свое владение как возможно большее количество подвластных кибиток. Этого же он желал для своих младших братьев, которых надеялся удерживать под своим управлением, по крайней мере до их совершеннолетия. Ослепленный своей главной целью на тот момент, он не замечал или не хотел замечать негативных последствий своих поступков. Затеянная им тяжба с братьями от другой

матери привела к разгрому большей части наследственных улусов, ослабила их семейный клан и надолго выбила его из борьбы за верховенство в ханстве.

Союзничество его и ряда его братьев с Дондук-Омбо усиливало последнего, а к чему это вело, стало очень скоро очевидно. Кроме прочего, Дондук-Омбо переманил на свою сторону младших братьев Дондук-Даши, а также Бату и Данжина-Доржи. Только после этого началось отрезвление Дондук-Даши, и только тогда он, видимо, вспомнил, что род Гунчжаба всегда был недоброжелателен роду Чакдор-чжаба. Начался отход его от своего недавнего союзника. Охлаждению отношений Дондук-Омбо и Дондук-Даши способствовали, по всей вероятности, и все усиливающиеся жестокость, авторитарность и авантюренность действий первого. По складу своего характера Дондук-Даши не склонен был к такому поведению.

Некоторым ошибочным или недальновидным поступкам нашего героя способствовала, быть может, его молодость. В связи с этим необходимо заметить, что после смерти Аюки самостоятельными владельцами стали многие молодые нойоны, а молодости свойственны горячность и поспешность. Это обстоятельство не раз подчеркивал в своих донесениях А. П. Волынский, об этом не раз с сокрушением и опаской говорили старые нойоны и зайсанги. Яман в беседе с А. П. Волынским в 1724 г., затронув вопрос о причинах междоусобиц, резонно заметил, что не в последнюю очередь это вызвано тем, что "владельцы ныне все люди молодые, а страху де себе никакова не видали, и тако де бесятца, и сами не знают что делают, а старых и добрых людей не слушают".⁷⁴

По словам осведомителя Байсхулуна, в 1728 г. "Дундук-Омбо призывал Доржу (Назарова — М. Б.) к себе в партию, и Доржа де ему сказал: ты де человек молодой, а я де старой и ежели де мне тебя слушать, ты де меня до чего-нибудь доведешь. Живи де ты как знаешь, а я де стану так жить, как и преж сего живал".⁷⁵ Возвращаясь к взаимоотношениям Дондук-Омбо и Дондук-Даши, надо отметить, что самое главное, что навсегда развело недавних союзников по разные стороны предназначенного им судьбой сосуществования на этом свете, это решение Дондук-Даши положиться целиком на волю правительства. И здесь, как оказалось позже, Дондук-Даши не ошибся, по крайней мере, лично для себя.

Поворот в поведении его оказался во многом неожи-

данным для окружающих, в том числе и для Дондук-Омбо. Досанг, один из непримиримых противников Дондук-Омбо, умер в конце октября 1730 г. Оставшиеся его братья в очередной раз пошли на сближение с мятежным нойоном. 30 августа 1731 г. Дондук-Омбо с удовлетворением писал: "А прежде сего, когда у зюнов (т. е. наследников Чакдор-чжаба — М. Б.) была ссора, и тогда я был стороны ханской, а теперя з зюневыми я в совете живу".⁷⁶ Действительно, незадолго до сражения на Сасыкбли Бату, Петр Тайшин, Дондук-Даши, Данжин-Доржи кочевали совместно с Дондук-Омбо, вызывая своими действиями подозрения и злобу ханской стороны. Что касается Дондук-Даши, здесь многоопытный Дондук-Омбо ошибался: это был последний благоприятный отзыв его о своем будущем враге.

В столкновении 9 ноября Дондук-Даши не участвовал, оправдываясь позже тем, что не устоявшийся лед помешал ему перейти со своими войсками на луговую сторону. 10 ноября 1731 г., то есть через день после сражения на Сасыколи, В. П. Беклемишев получил от него запоздавшее письмо, которым он предупреждал о походе Дондук-Омбо и его союзников против ханской группировки и сообщал, что он идет на помощь Церен-Дондуку. Здесь же он осуждал действия П. Тайшина, которому, по его мнению, как крещеному нечего соваться в калмыцкие дела, "а буде хрест покинул и не боитца вашава царя, то мы будем делать кому бог даст".⁷⁷

До назначения кубанского упрямца наместником ханства Дондук-Даши жил довольно тихо, выполняя без отговорок те или иные распоряжения правительства и разделяя общую судьбу улусов ханской группировки, мечущейся между двух огней, поджигаемых то Дондук-Омбо с юга, то сыновьями Доржи Назарова с востока. Между тем, он и в это тревожное время не забывал о своих владельческих интересах. В конце 1732 г. он силой присоединил к себе улус вдовы Досанга Соломы, которая безуспешно напоминала царским властям, что по калмыцким правам и обычаям улус ее должен был перейти к П. Тайшину, так как он родной по матери брат Досанга. Пока Бату не был прощен за поддержку Дондук-Омбо, его небольшим улусом также владел Дондук-Даши. В эти же годы и Бодонг довольно послушно кочевал со старшим братом, который в первой половине 30-х гг. настолько усилился, что, по сообщению В. П. Беклемишева в Коллегию иностранных дел от 12 марта 1734 г., у него только воинов насчитывалось более 6000 человек.⁷⁸

Правда, и в эти годы случались большие или малые неприятности, наносившие ему прямой или косвенный материальный и моральный ущерб. 3 марта 1733 г. на Кубань ушел с 200 кибитками брат Данжин-Доржи. В конце января — начале февраля на его улусы напал сам Дондук-Омбо, захватил весь Багацатановский улус с 2000 кибитками, принадлежавший упоминавшейся выше Соломе, и большой аймак собственных подвластных Дондук-Даши и увел их на Кубань. В мае 1734 г. на его младшего брата Солом-Допчина напал сын Дондук-Омбо Галдан-Норбо. Допчин с людьми отбилсЯ только с помощью русского отряда. Вскоре после этого Бату и племянник Чидан ушли к Дондук-Омбо. Однако все это были цветочки неприятностей, крупные ягоды созрели 14 ноября 1735 г.

10 ноября этого года губернатор И. П. Измайлов стал лагерем "на половине Сарпы и Аксаю в Россошах". 13 числа туда же подкочевал Дондук-Омбо, а 14 ноября, сопровождаемый братом Бокшургой, Бату, Лубжей и зайсангами, встретился с губернатором для принесения присяги на звание наместника ханства. После встречи в 20 саженях от ставки и разговоров о здоровье и т. п., И. П. Измайлов взял Дондук-Омбо за руку, намереваясь идти к шатру. В этот момент без пяти минут глава ханства мастерски разыграл театральную сцену, рассчитанную на публику, заявив, что есть владельцы старше его и их нужно почитать и указал на Бату. Тогда И. П. Измайлов правой рукой взял руку Дондук-Омбо, а левой — Бату и таким образом подвел их к шатру. Мы видели, как позднее Дондук-Омбо "уважил" седины Бату, но уже здесь, во время разговора с глазу на глаз с губернатором, он начал атаку на брата Бату — Дондук-Даши, объявив его своим смертельным врагом.⁷⁹

Для последнего наступили тяжелые времена. Его соперник не упускал ни одного подходящего случая, требуя убрать из улусов или принять иные меры к "великому мне недругу". 5 апреля 1736 г. Дондук-Омбо оповещал И. П. Измайлова, что идет походом "в турецкую сторону" и просил защищать в его отсутствие улусы от Дондук-Даши, который, кстати сказать, вовсе не собирался на них нападать. Далее он предлагал или убрать Дондук-Даши в какой-либо город или содержать при нем 1000 русских солдат. 20 июня 1736 г. в столице было получено письмо на имя А. И. Остермана, где глава ханства описывал свои военные успехи на Кубани, сообщал об угоне людьми Дондук-Даши 600 лошадей из его улусов и заканчивал послание навяз-

чивым пожеланием: "И ныне ежели бы оного Дондук-Дашу для кочевания от меня отвели во отдаленные места, и то б мне было приятно".⁸⁰

Уже отмечалось, что от жестких методов правления Дондук-Омбо страдали многие нойоны, зайсанги и простолюдины. Хан, обладавший хорошими полководческими способностями, очень успешно действовал против вассалов Турции на Кубани и в Крыму в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. Ввиду этого правительство и местная российская администрация часто закрывали глаза на его проделки и старались удовлетворять все его требования и просьбы, если они в корне не противоречили политике правительства и не подрывали его авторитета. Даже Дарма-Бала, почитавшаяся "знатной персоной и матерью народа" и к которой Дондук-Омбо в целом относился благожелательно, вынуждена была жаловаться судье Ф. Черкесову в 1736 г.: "Что после присяги (с Дондук-Омбо — М. Б.) от людей моих взято, ничего не возвращено, а что от Дондук-Омбинской стороны хотя одна лошадь пропадет, то наступя на горло правят", то есть требуют розыска и возвращения.⁸¹

Несмотря на сказанное, правительство твердо решило защитить Дондук-Даши, имея на него свои виды, о которых я говорил выше. Правда, оно предлагало ему в целях его же безопасности и для успокоения хана, на время откочевать со своим улусом на выбор или к Оренбургу, основанному в 1735 г. в устье р. Ори или к Самаре, или же на время уехать к Далай-ламе. Дондук-Даши, как мы видели, затруднялся выполнить просьбу правительства и в одном из писем даже заявил, что получив повторный указ идти для житья к Оренбургу "себя почитаю яко мертва". Он пытался при посредничестве брата Бодонга и Доржи Назарова примириться с Дондук-Омбо, но тот на все попытки заявлял, что им вместе не ужиться.

Много хлопот доставлял брату Бодонг, занимавший двусмысленную позицию, надеясь после ухода Дондук-Даши завладеть его подвластными, в связи с чем подбивал улус брата не следовать за ним к Самаре и Оренбургу. Когда стало ясно, что улусные люди не пойдут с ним на новое место жительства, Дондук-Даши 2 августа 1737 г. прислал к А. Т. Юнгеру зайсанга Намсу с просьбой отправить его ко двору. 6 августа он приехал в сопровождении 17 зайсангов в Астрахань и был поселен в доме, где ранее проживал вице-губернатор. Однако душа его была неспокойна, он

страшился неизвестности. Задумав побег, он отпросился на охоту в сопровождении караульных солдат на Болдинский остров, где неожиданно три его служителя подвели ему "особливую лошадь с седлом", на которой он и усакал от караульных.⁸²

Окончательно надломил его волю и желание сопротивляться неблагоприятным обстоятельствам все тот же Бодонг, который, усыпив бдительность брата, подговорил почти весь его улус и 11 сентября увел его от Дондук-Даши на луговую сторону, где соединился с Бату: владельческие инстинкты подавляли братские чувства. Отчаявшийся Дондук-Даши вновь оказался в Астрахани, откуда 6 октября 1737 г. был отправлен ко двору в сопровождении 13 зайсангов, одного гелюнга и 12 слуг. Улус его позже был собран под смотрение его жены Церен-Джиты. После продолжительного пребывания при дворе, осенью 1739 г. Дондук-Даши был отправлен на жительство в Красноярскую крепость Закамской линии, куда выехала и жена 18 июня 1739 г. Улусы его были расположены частью при Астрахани, частью при Царицыне в "смотреии тамошних командиров" со строгим предписанием никому из владельцев ни в коем случае их не отдавать.⁸³

Смерть Дондук-Омбо 21 марта 1741 г. и гибель Галдан-Данжина 27 июня того же года круто изменили судьбу невольного изгнанника. 15 августа он вновь был в Санкт-Петербурге, где встретился с В. Н. Татищевым, с которым в присутствии секретаря Коллегии иностранных дел В. М. Бакунина были обговорены некоторые детали предстоящих в улусах действий, связанных с провозглашением Дондук-Даши наместником ханства. Жена его прибыла в Царицын 6 сентября, взяла в свои руки временное управление их собственным улусом и расположилась кочевьем внутри линии близ р. Мечетки. Сам Дондук-Даши выехал из Санкт-Петербурга 15 сентября 1741 г. и лишь 28 октября встретился с В. Н. Татищевым в Селитренном городке недалеко от Астрахани. Здесь он сразу же окунулся в гущу дел.

В. Н. Татищев взял его в курс последних событий, рассказал об обстановке в улусах, показал полученные им письма ханши Джан и других нойонов. Затем он посоветовал Дондук-Даши не подавать вида, что он уже назначен наместником ханства, "и являлся бы ласково и нисходительно ко всем, и не принял бы себе за обиду, что я его как простаго владельца принимать буду для того чтоб другие

владельцы требовать излишнего не могли". Вслед за этим Дондук-Даши провел переговоры с посланцем ханши Нима-гелюнгом. В ответ на настойчивые вопросы посланца о том, кто будет ханом, какая судьба ожидает Джан и ее детей, не отнимут ли у них улусы, не возьмут ли их "под караул", Дондук-Даши дал уклончивые объяснения.⁸⁴

Между тем в неравном противоборстве нового наместника ханства и овдовевшей ханши появилась весьма интересная сюжетная линия. 29 октября Нима-гелюнг имел секретную беседу с В. Н. Татищевым через переводчика дворянина Ф. Черкесова, во время которой заявил, что для достижения мира и успокоения в улусах лучшее средство женить Дондук-Даши на ханшах Джан и Деджит — вдове Церен-Дондука. В. Н. Татищев, получивший дипломатическую закалку еще во времена Петра I, ответил собеседнику, что в принципе согласен и будет об этом писать в Коллегию иностранных дел, хотя имел категорическое предписание правительства не допустить подобной брачной комбинации.

На следующий день В. Н. Татищев разговаривал на эту тему с Дондук-Даши, тот ответил, что если со стороны Джан поступит предложение, он со своей стороны отказываться не будет, "и оное чинить будет под видом, только б ее тем захватить". Как видим, если бы даже Джан захотела выйти замуж, у нее ничего бы не вышло, так как ни правительство, ни Дондук-Даши не устраивал подобный поворот событий и Джан вместо брачного ложа легко могла попасть "под караул". Если Дондук-Даши не прельщала перспектива женитьбы на вдове своего непримиримого противника, то чар женской половины потомства Дондук-Омбо не избежало неожиданное лицо — сын В. Н. Татищева Евграф. Летом 1742 г. В. Н. Татищев спрашивал у посланца Джан, можно ли его сыну свататься за ханшину дочь, так как "он о том пишет и объявляет, что понравилась". Услышав ответ, что без совета с Дармой-Балой Джан вряд ли примет сватовство, В. Н. Татищев отказался от своего намерения.⁸⁵

Вернемся к ноябрьским дням 1741 года. В. Н. Татищев, а вслед за ним необъявленный, но уже назначенный наместник ханства и другие нойоны перевели свои ставки в урочище Харабали, ближе к группировке Джан, чтобы здесь провести съезд знати для официального провозглашения наместника. 10 ноября В. Н. Татищев, В. П. Беклемишев и Л. В. Боборыкин были в гостях у Джан по ее просьбе. После

бесед с нею В. Н. Татищев вынес впечатление, что "она человек острого разсуждения, а притом некоторых довольно искусных советников имеет". Он пытался выяснить намерения Джан насчет замужества, но получил ответ, что этот вопрос еще не решен.

11 ноября Нима-гелюнг привез письмо с рядом условий, при клятвенном обещании выполнения которых Джан соглашалась на замужество. Эти условия включали, среди прочих, обязательства "содержать ее яко честную жену в нелицемерной любви", детей ее почитать "яко своих рожденных". Дондук-Даши на условиях, выдвинутых ханшей, присягать отказался, сославшись на то обстоятельство, что "по их книгам сей год к браку несчастлив". После ряда переговоров Дондук-Даши присягнул перед посланцами Джан по двум пунктам, которые посоветовали ему В. Н. Татищев и В. П. Беклемишев: во всем как ныне, так и впредь он будет поступать по воле всероссийского двора; ханшу с детьми не обидит и не умертвит. Так и не сумев до конца распутать калмыцкие узлы противоборства и интриг, В. Н. Татищев решил провести церемонию провозглашения наместника.

16 ноября 1741 г. в урочище Харабали было многолюдно и красочно. Ближе к полудню В. Н. Татищев, Дондук-Даши и напротив их В. П. Беклемишев поехали к специальному шатру в коляске цугом, а Л. В. Боборыкин верхом. В шатре сели в кресла: В. Н. Татищев по правую, а Дондук-Даши по левую сторону, полковники по правую сторону на стулья, а возле них сели владельцы на ковры. Приехавшую чуть позже Дарму-Балу Дондук-Даши и другие нойоны встретили с почтительностью у входа; она по обычаю села на левой стороне на ковер. Глава духовенства Абу-гелюнг вручил Дондук-Даши и Дарме-Бале по небольшому белому платку, что считалось знаком благословения.

При чтении "дипломы" наместника ханства на русском и калмыцком языках Дондук-Даши стоял, потом присягал и подписался под текстом присяги с приложением печати. На него были надеты шуба и шапка собольи, сабля "оправная", то есть украшенная драгоценными камнями. Во время его поздравления был произведен 21 выстрел из пушек и беглый огонь из "мелкого ружья". После прочтения грамоты "верным подданным калмыцким владельцам и их духовным и зайсангам и всему калмыцкому народу" присутствующие вновь расселись по своим местам, только теперь В. Н. Татищев сел с левой, а наместник с правой

стороны. Во время торжественного обеда приехала ханша Деджит с дочерью, что вызвало неудержимые рыдания Дармы-Балы, о чем уже упоминалось. Как оказалось, приезд вдовы Церен-Дондука был не случаен. После обеда Деджит с дочерью пошли в гости к Дондук-Даши, по просьбе которого с пиршественного стола были отправлены к нему баран, ведро вина, ведро меду и из собственных запасов В. Н. Татищева виноградное вино и конфеты.⁸⁶ Угощение не прошло даром: после смерти в 1742 г. Церен-Джиты именно Деджит стала новой женой Дондук-Даши и матерью Убаши, речь о котором нам еще предстоит.

Торжества прошли, наступили будни. Наследство новому главе ханства досталось тяжелое; враждебные отношения между группировками улусов; интриги в среде владельцев, часть которых, обиженная еще Дондук-Омбо, требовала возвращения отнятых улусных людей; обнищание значительной части простолюдинов и, как следствие этого, разброд их по разным местам в поисках работы и пропитания. Судя по некоторым высказываниям Дондук-Даши в первые месяцы наместничества, намерения его были благими. В одном из разговоров с ним В. Н. Татищев напомнил, что Дондук-Омбо "получаемую от всероссийского двора в жалованье муку отдавал калмыцкому народу за великую цену из роста, отчего калмыцкой народ пришел в наивящее разорение и скудость". Дондук-Даши вслед за своим собеседником осудил поступок своего предшественника и заверил, что он "сам намерен столько о исправлении убогих прилежать, сколько его возможности будет".⁸⁷

Если даже и предположить, что наместнику не терпелось засучив рукава взяться за водворение порядка в ханстве и поднятие благосостояния подвластных, ему это удалось не сразу. Вначале сумятицу в улусах сеяла Джан со своими сторонниками, а потом наместника вызвали ко двору, куда он выехал 13 мая 1742 г. Только вернувшись в самом конце этого года, он смог вплотную заняться накопившимися делами, тем более, что Джан и ее сторонники уже не могли ему мешать. Приступая к управлению ханством, Дондук-Даши хорошо представлял, какие трудности его ожидают. В письме к А. И. Остерману от 29 ноября 1741 г. наместник напомнив, что он "наперед сего вам доносил персонально, что улусные люди за убожеством своим стали весьма лукавы", с некоторой долей искусственной скромности заявил, что его предшественники, Церен-

Дондук и Дондук-Омбо, были умнее его, да и народ был тогда в лучшем материальном положении, чем ныне. Однако, продолжал автор, и они наш народ не могли привести в надлежащий порядок и успокоение, "а по ним мне при нынешнем крайнем убожестве народа весьма то учинить будет трудно, о чем и ныне, о том повторяя, доношу, ибо наш калмыцкий народ заподлинно упал и находитца в крайнем убожестве".⁸⁸

Для поднятия "упавшего" народа наместник неоднократно просил правительство и местную царскую администрацию о разрешении его подвластным свободной рыбной ловли по Волге, озерам и протокам. Много хлопот доставляло размещение обедневших калмыков на рыболовные ватаги, учуги и промыслы. Проявлял Дондук-Даши и заботу о земледелии в улусах, защищая в письмах и устных представлениях своих "пахотных людей" от притеснений местного российского населения. Он и сам лично не чужд был интереса к земледелию, разведя для своих нужд "сад" в урочище Коровья Лука. Заботился он и о предоставлении калмыкам свободной торговли рыбой в российских городах и селах, о международной торговле скотом, где цены на него, особенно на лошадей, были выше российских. Боролся он и против повышения пошлин на калмыцкие товары. 2 мая 1744 г. он писал В. Н. Татищеву: "Многие люди мне объявляют, что с калмык наших, как с ездящих на своих лодках, так с тулупов, с овчин, с мерлушак и с рыбы имание денег и пошлин пред прежним наипаче умножилось, а понеже напред сего такова обыкновения не бывало, тако ж и ныне в том вновь указа не имеется". На этом основании наместник просил запретить подобную практику.⁸⁹

Выше говорилось, что в XVIII в. в ханстве развивались денежные отношения и уже было не редкостью взимание податей деньгами. В связи с этим все большее количество калмыков, от феодалов до простолюдинов, занимало различные суммы как внутри ханства, так и у соседнего российского населения. Этим пользовались ростовщические элементы, взимая огромные проценты. Наместник пытался бороться с этим злом, приводившим значительную часть населения улусов к большим долгам и обнищанию. 24 июня 1745 г. он писал В. Н. Татищеву, что до него дошло известие о правительственном указе, по которому взимание процентных денег якобы запрещено, а должна взиматься только занятая сумма. Если это так, заканчивал наместник, немедленно меня уведомите.⁹⁰

Правительство и местная администрация вынуждены были реагировать на жалобы и представления наместника. В 1745 г. астраханский губернатор И. А. Брылкин приказал пошлину, взятую за табак, вернуть обратно калмыка, а впредь взимать ее с тех, кто покупает у калмыков табак.⁹¹ Указом Коллегии иностранных дел от 10 апреля 1747 И. А. Брылкину предписывалось "дабы с калмык, которые ныне при их вольностях содержатся, с продажной и покупной ими в городех Астраханской губернии с коз и других товаров пошлин не требовать и не брать".⁹² По поводу долговых денег и процентов с них последовал указ Сената от 13 июня 1748 г., о котором говорилось в главе о новых хозяйственных явлениях.

Во время междоусобиц и в период безвластия из-за смены правителей ханства многие простолюдины покнужили свои улусы и аймаки и "все розно разошлись". Как правитель ханства и как владелец Дондук-Даши не мог терпеть такого положения и уже в апреле 1743 г. приказал всех разбредшихся собрать и водворить по их прежним административным единицам, с назначением над ними деятелей.⁹³ Требование каждому "жить в своей части, или левой или правой, или средней" было внесено в законы, составленные наместником в дополнение к законам 160 г. Здесь же перечисляются штрафы за самовольное кочевание вне своих сообществ. В сентябре того же года наместник послал 4 зайсангов для сбора кочующих по Волге на лодках "скудных калмык" с целью препровождения и на жительство в Мочаги и морские косы, чтобы там они пребывали компактными группами, что облегчало контроль за ними и взимание податей.⁹⁴ Подобные мероприятия проводились наместником и позже, хотя они не могли полностью прекратить отход.

Проявлял Дондук-Даши определенную заботу и о нравственности своих подвластных. Так, он пытался уменьшить пьянство в улусах. 6 октября 1743 г. он просил В. Н. Титчева запретить торговцам ввозить вино в улусы. Далее он предлагал указать всем продавцам казенного вина, чтобы они без писем с его печатью никому из его подвластных водку и вино не продавали.⁹⁵ 16 февраля 1747 г. он вновь просил И. А. Брылкина запретить продажу в улусах спиртных напитков.⁹⁶ Еще до получения письма наместник И. А. Брылкин 20 января 1747 г. запретил продавать в разоз вино в улусах. Указом Коллегии иностранных дел от 29 сентября 1747 г. запрещено было донским казакам вольт

в улусы для продажи вино.⁹⁷ Однако предпринимаемые меры не останавливали ни торговли вином в улусах, ни употребления его калмыками. Более того, в 1757 г. Н. Г. Спицын уведомлял наместника, что на Митинском базаре калмыки занимаются продажей вина из-под полы, отчего находящийся там кабак почти не посещается. Так как кабацкие сборы в Астраханской губернии находились на откупе П. И. Шувалова, "сильной персоны" при дворе Елизаветы Петровны, Н. Г. Спицын просил наместника запретить его подвластным продавать вино во всех местах без исключения.⁹⁸

Дондук-Даши правил в то время, когда все больше расширялись хозяйственные, торговые и бытовые контакты калмыков с соседним российским населением. Будучи в своей основе мирными, они сопровождались отдельными спорами, столкновениями и даже уголовными преступлениями. Регулирование названных отношений было одной из немаловажных забот наместника. В первой книге говорилось, как упорно и долго он добивался от правительства составления особого права, призванного регулировать отношения калмыков с соседним населением. Как мы видели, несмотря на подготовительные мероприятия, требуемое право так и не было составлено, вину за что наместник возложил на В. Н. Татищева. В связи со сказанным приходилось наместнику, часто вместе с руководителем "Калмыцких дел", каждый конкретный случай рассматривать и улаживать особо, что отнимало массу времени и порождало длительную переписку.

Итак, Дондук-Даши приходилось заниматься массой различных дел и в связи с этим издавать большое количество распоряжений и установлений. Были ли они все действительными, оказывали ли они благотворное влияние на состояние подвластных? Сведения из ряда источников говорят о том, что часть из них носила формальный характер и не срабатывала. Более того, некоторые действия наместника были разорительны для подвластных. В октябре 1744 г. знатный зайсанг Бордон имел длительную беседу с В. Н. Татищевым. По мнению Бордона, одной из причин "оскудения" простолюдинов является то обстоятельство, что "ныне по их закону нет такова дня, чтоб по случаю какого-либо несчастья молебны не были, на которое скота немало исходит". В. Н. Татищев подхватил тему: "Как слышу от многих знатных и умных калмыков в разговорах, что от этих молитв великое калмыцкому народу разорение чинится".

Из дальнейших слов губернатора мы узнаем, что со времени вступления Дондук-Даши в управление на различные молебны затрачено было свыше 30000 рублей.⁹⁹

В марте 1745 г. в улусах побывал управитель "Калмыцких дел" коллежский ассесор Ф. Черкесов, имевший беседы с различными лицами. Один из них, Эби-гелюнг, на вопрос, почему калмыки продают много "ясырей", назвал среди причин и тот факт, что "от наместника определенные судьи всякой богатеть хочет, а наместник судей не очень в страхе содержит, и таким образом принуждены и холопей продавать". Другой собеседник Ф. Черкесова зайсанг Шонхолдок заявил: "Калмыки в крайнее убожество от великих податей пришли, и столько де наместнику не зберут, сколько зборсчики себе набрали. Посмотри де тех калмык, как набогателись, которые с наместником вверху задержаны были (во время пребывания Дондук-Даши при дворе и Закамской линии — М. Б.), ныне оные все зайсанги стали, и цохуровы богатые улусы почти скудными сверстали, и ныне де многие улусы в великих долгах находятся".

На замечание Ф. Черкесова, почему же ты и другие зайсанги не доносите об этом наместнику, Шонхолдок с большой долей безнадежности ответил: "Разве ты обычая наместникова не знаешь, ежели кто о чем ему предложит, тотчас резолюцию учинит, а исполнится ли тот приказ, до того ему дела нету и хотя он сам о чем услышит, то молчит, якобы то до него не касается. Некоторые зайсанги ему о том представляли и от него приказ есть о податях рассмотрение учинить, но только при нем бывшие вверху калмыки до того не допускают и что хотят, то и делают, и так за слабостию его калмыки приходят в разорение".¹⁰⁰

Под свежим впечатлением от бесед Ф. Черкесов представил В. Н. Татищеву свои соображения. Калмыцкий народ, отмечал он, "от слабости Церен-Дондука в междоусобицы пришел в разорение, и ныне же от слабости наместника как бы и последние в разорение не пришли". Самые богатые цохуровские улусы отдал наместник "беспутным людям", а те, желая скорее нажиться, разоряют их всеми мерами. Наместник же ныне "больше себя приклонил к набожеству, нежели к правлению улусами", в Зарго приказал заседать Бодонгу и бывшим с ним в ссылке людям, которые решают дела по своему произволу, "отчего калмыки великое стонание о своем разорении имеют и поправиться надежды не видно".

Не лучше ли было бы, продолжал свои рассуждения Ф.

Черкесов, женить кого-либо из русских на крещеной дочери ханши Джан (как в случае с Евграфом Татищевым, так и здесь речь идет о старшей дочери Бунигаре, в крещении — Надежде; младшая Делек-Любовь умерла в Москве в 1744 г.), и ее, как наследницу всех отцовских улусов, с мужем отпустить жить в улусах. Если с ними объединить Дарму-Балу и внука Дондук-Омбо Асархо (будущий Цебек-Доржи) с их улусами, то можно убавить силы наместника и Бодонга, а "улусы в состояние облегчением податей привести", заключал коллежский ассесор.¹⁰¹ В. Н. Татищев довел предложения Ф. Черкесова до сведения правительства.

В ответ он получил указ Коллегии иностранных дел, в пункте четвертом которого выражалось несогласие с мнением Ф. Черкесова. По мнению правительства, предложения его нельзя было реализовать потому, "что не токмо русскаго человека калмыцким владельцем учинить обще всем калмыком будет противно, но и Дондук-Омбину дочь мимо братьев и племянников ея наследницею улусом определить чрез калмыцкие правы и обыкновении кажется неудобно, а паче что вы никакого мнения вашего при том не представили".¹⁰² Дело, не получив продолжения, заглохло. Впоследствии Надежда вышла замуж за крещеного ротмистра Ивана Дербетева и жила в Ставрополе-на-Волге.

Дондук-Даши, естественно, не знал о вышеприведенной переписке, но и без этого его отношения с В. Н. Татищевым ухудшались с каждым днем. В письме на имя императрицы от 6 марта 1745 г. он открыто заявил о недовольстве поступками губернатора и просил грамоты посылать ему через кого-либо другого. Летом этого же года вместо В. Н. Татищева был назначен генерал-лейтенант Д. Ф. Еропкин. Наместник не преминул и ему заявить, что его предшественник "издавна нападает на взятки и делает не по силе указов". В конце своего письма Дондук-Даши обронил фразу, объясняющую основную причину недовольства наместника и его трения с местной царской администрацией: "Хотя я над своими и командир, однако ж без вашего позволения собою ничего сделать не могу".¹⁰³

Справедливости ради необходимо сказать, что неурядицы, имевшие место в ханстве в период правления Дондук-Даши, вызывались не только его нерасторопностью и непродуманностью принимаемых им решений. Многое зависело от поведения остальных нойонов, от степени их подчиненности распоряжениям наместника. Между тем не

все нойоны были ему послушны, часто находя защиту от него в лице представителей губернской администрации. Тому же Д. Ф. Еропкину наместник разъяснял письмом от 2 октября 1745 г., что некоторые владельцы, и в первую очередь дербетские, взятками склоняют на свою сторону русских чиновников, а последние в ложном свете представляют правительству действия наместника.

Подобные владельцы, продолжал наместник, "оставя прежних отцовских своих братьей, не слушая их, ото всего отрешили и слов их к лутчей пользе не слушают, а между собою некоторых недобрых людей главными учреждают и чинят великие непорядки". Когда я их пытаюсь удерживать, они меня не слушаются, заявляя, "что мы сами таковых же владельцев дети, как и ты, и своих подлых (простых — М Б.) людей мы будем под своим смотрением иметь". В заключение наместник просил "тех противников малых владельцев" или отдать под его полную власть, или же от него "вовсе отрешить".¹⁰⁴

Набожность наместника, о которой говорилось выше, была, как кажется, в первую очередь вызвана семейными несчастьями, обрушившимися на него в первые годы его правления. В 1742 г. умерла жена Церен-Джит, а 16 августа 1744 г. такая же участь постигла содержавшегося в Астрахани аманатом 10-летнего сына Асарая. Утешением наместнику могло служить то обстоятельство, что в том же 1744 г. вторая жена его Деджит родила ему сына Убаши. Она умерла в 1755 г., а в следующем году Дондук-Даши женился на младшей родной сестре умершей — Церен-Джал, известной в источниках также и под именем ханши Найджитун.

Интересны обстоятельства последней женитьбы наместника. 15 января 1758 г. астраханский губернатор А. С. Жилин получил письмо нойона Яндыка, младшего брата Дондук-Даши. Среди прочих жалоб в письме Яндык сообщал, что его вторую половину, заявив, что "она хану женою быть потребна", от него отобрали, "а меня самого за чело века не признавают".¹⁰⁵ Речь шла о Церен-Джал. Сама она позже, уже после смерти Дондук-Даши, будучи обижаема пасынком, который к тому же доводился ей родным племянником, в общих чертах обрисовала Н. А. Бекетову события прошлых лет. Воспитывая своего малолетнего сына Эмеген-Убаши, рассказывала ханша Найджитун, она вдовствовала, а потом вышла замуж за Яндыка, "с которым по достоинству ево прокладное и веселое житье имела".

Однако Дондук-Даши насильно с ним разлучил и взял меня в жены.¹⁰⁶ Впоследствии ханша Найджитун ушла вместе с Убаши в Джунгарию.

Что касается Дондук-Даши, он постепенно оправился от невосполнимых семейных потерь и, как кажется, отрешился от чрезмерной набожности. Если в первые годы наместничества он действительно слишком передоверился приближенным зайсангам, то позднее крепко взял в свои руки бразды правления. 28 февраля 1755 г. Н. Г. Спицын доносил Коллегии иностранных дел, что "он, наместник ханства, всякие дела сам собою исправляет и почти никого в совет себе не приемлет".¹⁰⁷ О том, что наместник вновь почувствовал вкус к жизни говорит и его несколько необычная просьба к канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину: "Прошу пожаловать приказать нарисовать мне находящимся на сем свете великим государствам и знатым местам ландкарту с надписью на калмыцком языке". В ответ канцлер сообщал 7 сентября 1748 г.: "Ландкарту круга земного, состоящую в пяти листах, при сем к вам посылаю, а здесь оную на калмыцкой язык переводить некогда".¹⁰⁸ Надо надеяться, что "ландкарта" не осталась лежать втуне, и наместник получил кой-какие познания о далеких и неведомых странах.

Хотя Дондук-Даши временами проявлял недовольство ограничением его власти и противоречивостью правительственных распоряжений, особенно в части его отношений с другими нойонами, в целом он не выбивался из русла правительственной политики. При дворе, несмотря на временами возникавшие подозрения о намерениях наместника, ценили его лояльность, что не раз отмечалось и в указах местной администрации. В конце 1742 г. Елизавета Петровна пожаловала наместнику свой портрет, "убранной драгими камнями".¹⁰⁹ Тем не менее, как уже говорилось, указ о назначении его ханом был подписан 21 марта 1757 г., а официальное провозглашение состоялось лишь 30 апреля 1758 г.

Сделано это было не столько ради собственно Дондук-Даши, а более всего ввиду того обстоятельства, что в последние годы жизни, как выше было уже отмечено, у него участились приступы застарелой урологической болезни, что могло кончиться внезапной смертью. Неопределенность в вопросе о его преемнике могла в последнем случае вновь вызвать столкновения претендентов; в связи с этим и решено было одновременно провозгласить его

сына наместником ханства. В связи с названной болезнью в источниках имеется единственное, да и то довольно расплывчатое упоминание о внешнем виде Дондук-Даши. Лекарь Гольдман 14 марта 1746 г. осматривал наместника и после анализа мочи ("урины") сделал заключение, что в "урине" "явилась такая материя, от которой родится может камень, почему видится, что у него при попущении урина в пузырьной шее приключается резь от той материи когда оная умножается, ибо он натурою человек многокровой и движение недостаточное имеет".¹¹⁰

Правительство как в воду смотрело: случилось именно так, как оно и предполагало. Дондук-Даши скоропостижно скончался вечером 21 января 1761 г. в урочище Бугута севернее р. Кумы, в 200 верстах южнее Астрахани. Ничто, казалось, не предвещало роковой развязки. Незадолго до смерти хан играл в карты, потом ужинал и пил чай. Вскоре после ужина он по нужде сходил в "желом" (джолум) и, придя в кибитку, приказал послать за лекарём: "Я де не очень здоров". Прибывший в скором времени лекарь уже не застал хана в живых.¹¹¹ Узнав о его смерти, все, кто располагался близ его ставки, в том числе ханша Церен-Джал (Найджитун) и сын Убаши, откочевали в другое место. На другой день тело хана было сожжено, причем присутствовали на церемонии только представители духовенства.¹¹²

Получив рапорт поручика А. Дудина, на место происхождения выехал из Енотаевска тогдашний руководитель "Калмыцких дел" генерал-майор Н. Г. Спицын. Ни к наместнику Убаши для выражения соболезнования, ни к Н. Г. Спицыну не приехали багацохуровский Цебек-Доржи и дербетский Галдан-Церен. Начинался новый виток межэтнонских "разборок". Бывшего хана они уже не могли тревожить — он свои земные дела закончил. Подводя их краткий итог, зададимся вопросом: каков был конечный результат? Несмотря на ряд негативных моментов в поведении Дондук-Даши, особенно в 20-х годах, в целом его деятельность по управлению ханством была положительной. Он понимал, что социально-экономические процессы, происходившие в ханстве в его правление, нравились они ему или не нравились, являются реальностью, к которой надо приспособляться.

Ограничение его власти и расширяющееся вмешательство русской администрации во внутренние дела ханства также не могли ему нравиться, но ему хватало благополу-

мия не доводить свое недовольство до открытого неповиновения, которое могло вызвать ответную силовую реакцию правительства. Это привело бы к ненужным материальным потерям и людским жертвам. Я далек от мысли приукрашивать образ Дондук-Даши, но послушаем хорошо осведомленного по долгу службы современника. В 1756 г. канцлер А. П. Бестужев-Рюмин просил наместника снарядить 8-тысячное калмыцкое войско и, предупреждая возможные отговорки, указывал, что по сравнению с началом 40-х годов "ныне здесь известно, что с того времени калмыцкой народ весьма поправился, и как протчаго скота, так особливо и лошадей у них умножилось".¹¹³ Имеющиеся в источниках свидетельства позволяют безоговорочно поддержать мнение канцлера о положении калмыков к концу правления Дондук-Даши.

РОКОВАЯ РАЗВИЛКА

Ход истории неостановим. Прошли многие десятилетия с той поры, когда калмыки впервые появились в приволжских степях. Появление новых поколений, родившихся и выросших на берегах Волги, укоренили в умах калмыков представление, что их родина — именно эти степи. Такое убеждение уже с конца XVII — начала XVIII вв. было характерно не только для народных масс, но и для подавляющей части феодальной знати. Чакдорчжаб, говоря об уходе брата Санчжаба (Санжип) в 1701 г. в Джунгарию, писал на имя Петра I, что "сам от отечества не мог отъехать и кочевал при Волге благополучно".

Когда в 30-х гг. XVIII в. хошутский нойон Лекбей, боясь репрессий правительства за непослушание указам, предложил Доржи Назарову бежать за Яик, последний в гневе воскликнул: "Куда нам бежать из этой степи, здесь я родился и на этой же степи отец мой похоронен!" — и приказал стащить Лекбея с лошади. Последний с трудом отделался легким испугом. Особенно хорошо об отношении калмыков к Волге и о ее значении в их жизни сказал зайсанг Яман в беседе с А. П. Волыньским 22 ноября 1724 г.

Отвечая на вопрос губернатора о предполагаемых намерениях ханши Дармы-Балы, Дондук-Омбо и ряда других нойонов уйти в Джунгарию, Яман высказал предположение, что, быть может, подобные слухи имеют под собой почву. Но неужели они не могут рассудить, продолжал

Яман, где они найдут такое привольное и покойное место, как Волга? Многие из нойонов и зайсангов бывали и даже подолгу жила в разных местах: в Крыму, на Кубани, в Хиве и Бухаре, у китайских границ, в Джунгарии и Тибете — "однако ж, где б кто ни был, Волги нет лутче, которую они все матерью почитают".¹¹⁴

В связи с последними словами Ямана непроизвольно возникает вопрос: как же случилось, что в 1771 г. большая часть тогдашних калмыков навсегда покинула свою мать, поменяв ее, как впоследствии оказалось, на довольно неприветливую мачеху? Многие исследователи истории Калмыкии пытались ответить на заданный вопрос. Дореволюционные историки основное внимание обращали на субъективные моменты: молодость наместника Убаши, интриги нойонов, легкомысленность, якобы присущую калмыкам и т. п. Наиболее вдумчивые из исследователей, и здесь в первую очередь надо назвать А. С. Пушкина, уже в то время обратили внимание на злоупотребления царской администрации как основную причину ухода.

Советские историки, анализируя причины откочевки, указали на сокращение пастбищных территорий вследствие земледельческо-промысловой колонизации приволжских степей, наступление царского правительства на автономию ханства, ущемление прав и привилегий феодальной знати. В "Очерках истории Калмыцкой АССР", в которых наиболее последовательно освещаются указанные выше причины ухода, в заключение утверждается: "В этих условиях вполне естественно, что инициатива откочевки целиком и полностью исходила от узкой группы крупнейших и наиболее богатых калмыцких феодалов, что именно эта группа выступила в роли организатора заговора, чтобы обманным путем заставить широкие народные массы следовать за ними в далекую Джунгарию". Сказанное в "Очерках", разумеется, правда, но не вся. Причины откочевки и глубже, и шире, что мы и попытаемся показать в данном разделе.

К сожалению, наряду с признанием приволжских степей "привольной и покойной" родиной, а Волги — "матерью" своей, в умах калмыцких феодалов параллельно существовало убеждение, что у них есть универсальная возможность сохранять свои свободы и привилегии от притязаний российского правительства. Калмыцкая знать, как неоднократно указывалось выше, чрезмерно уповала на особенности кочевого образа жизни, на мобильность

своих улусов, которая, по их мнению, давала возможность при неблагоприятном стечении обстоятельств или при чрезмерном нажиме правительства уйти из-под его влияния, сменить территорию обитания.

За полтора века пребывания калмыков в составе России царскому правительству, путем различных методов и средств — от осторожных и гибких до резко прямолинейных — удалось добиться существенных результатов в достижении главной цели: ликвидации относительной самостоятельности Калмыцкого ханства и подчинения калмыков действию общероссийских законов. Различные ограничения, явившиеся как бы ступенями на пути к названной цели, начались в первую очередь с ограничения самостоятельных связей ханства с рядом зарубежных государств и народов. Под все усиливающимся контролем и давлением калмыцкая знать, скрепя сердце, сворачивала их. Начиная с сороковых годов XVIII века эти связи едва ли не ограничивались редкими посольствами в Тибет, религиозный центр ламаистов.

Уменьшение политических связей дополнилось со второй четверти XVIII века подобной же политикой и к торговым отношениям с границей. С 50-х годов последние почти совсем прекратились, по крайней мере в открытой форме, вызвав большое недовольство калмыков, так как скот их ценился там, особенно на Северном Кавказе (который тогда еще не входил в состав России) часто дороже, чем в соответствующих российских местах. Так, в 1750 г. в ответ на запрещение посылать своих людей для торговых дел на Кубань, Дондук-Даши с плохо скрываемым раздражением допытывался у губернатора И. А. Брылкина: ведь русские и другие купцы ездят с торгом в другие государства в мирное время, почему бы и калмыкам, таким же российским подданным, не ездить? Вразумительного ответа он так и не дождался.¹¹⁵

Более осторожно вел себя царизм в вопросах, касающихся внутренней жизни ханства. Вначале он ограничивался вмешательством в назначение главного правителя ханства и в урегулирование междоусобных столкновений. По мере общего укрепления Российской империи, расширения ее пределов, улучшения положения на юго-восточной границе европейской части государства, установления и упрочения абсолютизма, правительство все меньше стало осторожничать и перешло к более решительному тону в отношениях со здешними народами, в том числе и с

калмыками. В отношении последних проводилась все же более умеренная политика ввиду подвижного образа их жизни и возможности откочевки, подозрения на подготовку которой возникали время от времени.

Тем не менее, вмешательство в указанную сферу увеличивалось, пока не стало отчетливо заметным, что, по крайней мере в некоторых областях внутренней жизни калмыцкого общества, начался процесс прямой замены функций местной власти соответствующими представителями царской администрации. В первую очередь это касалось таких вопросов, как перераспределение улусов и аймаков, решение судебных дел и контроль за их исполнением, выдача паспортов и подорожных в случаях временных отъездов калмыков из улусов для найма на работы и торговли, выдача увольнительных от податей (тарханных) писем и пр., вплоть до вмешательства в бракоразводные процессы нойонов.

Впоследствии, уже начав уход и имея возможность говорить без обиняков, знать во главе с наместником прямо указывала как на одну из причин предпринятого ими шага то, "что они во всем их поведении прежних своих прав и законов лишились, а принуждены были исполнять одни российские повеления и без российского пристава во обществе своем по внутренним делам ничего делать власти не имели".¹¹⁶

Показательной в этом смысле была реорганизация Зарго. Новые правила о нем, являясь еще одним и весьма существенным ограничением самостоятельности калмыцкой власти, введенные к тому же в период обострения недовольства и брожения как в среде феодалов, так и среди части трудовых масс, были встречены отрицательно и усилили смятение в ханстве. Не имея возможности не принять их, знать ханства стала пассивно бойкотировать новое Зарго, под всякими предлогами обходя его и предпочитая улаживать взаимные конфликты вне его стен. Не оживило деятельности и не подняло авторитета Зарго и назначение указом от 8 мая 1765 года одним из судей влиятельного нойона Цебек-Доржи.

Упомянутый бойкот имел парадоксальные для калмыцкой знати результаты: вялая работа Зарго вызывала недовольство ищущих решения спорных дел простолюдинов, которые все чаще стали обращаться к руководителю "Калмыцких дел", то есть к представителю царской администрации. Подобная практика еще больше увеличивала коли-

чество калмыков, которые, видя местную власть ограниченной в "тесных пределах", стали прямо обращаться к русским властям, форсируя, таким образом, уже наметившийся процесс оттеснения власти калмыцкой знати властью царских чиновников.

Недовольство знати вызывала и христианизация калмыков: бесчисленные просьбы с ее стороны о прекращении подобной практики не возымели действия. В частности, в 1714 г. около 76 семей, подговоренных демчеем Тугусом, приняли православие и переселились на р. Терешку на правом берегу Волги севернее Саратова, где им отвели "порозжую землю" для поселения и занятия земледелием. Аюка, выведенный из равновесия, в довольно резкой форме заявил Д. Е. Бахметеву, что подобными действиями его хотят "отогнать от Волги". Кстати, говоря о христианизации нельзя не отметить тот существенный момент, на который почему-то не обращали внимания исследователи, что калмыцких феодалов беспокоила не только потеря того или иного количества подвластных. Основная причина резко отрицательного отношения их к христианизации кроется в том, что возможность ухода эксплуатируемых из-под власти своих господ уменьшала уровень эксплуатации, заставляла последних идти на уступки, короче — ослабляла позиции нойонов и зайсангов.

В этом моменте крылось еще одно немаловажное противоречие политики царизма, вызывавшее недовольство калмыцкой знати. С одной стороны, в процессе урегулирования взаимоотношений калмыков с соседним населением правительство требовало от владельцев принятия соответствующих, иногда довольно жестких мер в отношении своих подвластных: тут оно было заинтересовано в действенности власти калмыцких господ. С другой стороны, упорно и последовательно проводя политику христианизации, наотрез отказываясь выдавать желающих креститься, какой бы социальный статус они не занимали у себя в улусах, и тем самым предоставляя, помимо своей воли, калмыцкому трудовому люду лазейку для пассивной борьбы со своими угнетателями, оно подрывало устои власти калмыцкой знати. Последняя не могла не видеть подобно-го обстоятельства, примеры чего приводились выше.

С неодобрением воспринимала знать ханства некоторые социальные и хозяйственные изменения, начавшиеся в калмыцком обществе со второй четверти XVIII в. и ощутимо проявившие себя уже в 50—60 годах. Новые явления

— отход обедневших масс на заработки в города и села, на рыбные промыслы и длительное проживание их вне улусов, проникновение в Калмыцкую степь новых видов хозяйственной деятельности, а ввиду всего этого более интенсивное влияние русского населения — в определенной мере деформировали социально-экономический и хозяйственно-бытовой уклады, традиционное общественное сознание, на которых зиждилась власть кочевой знати.

Перед последней вставала необходимость приспособления к новым условиям, смены устоявшихся форм господства, чего она, в основной массе консервативно настроенная, не хотела или не могла совершить. Показательна в этом отношении реакция наместника и его ближайшего окружения на указ от 21 марта 1765 г. об удовлетворении желания владельца Замьяна, решившего перейти на оседлость. При подаче указа было замечено, что наместник и бывшие при нем Цебек-Доржи, судьи Зарго и некоторые знатные зайсанги встретили эту весть "не токмо с неудовольствием, но и с немалою прискорбностью".¹¹⁷

В том же году наместник имел личную встречу с Н. А. Бекетовым в Астрахани, где был хорошо "трактван" обедами и ужинами, с интересом наблюдал за танцами в губернаторском доме и любовался ночным фейерверком. Во время деловых встреч снова зашел разговор о Замьяне. Губернатор завел речь о преимуществах оседлой жизни, на что наместник ответил, что они, по привычке, кочевую жизнь считают лучше оседлой, "да и совсем такая новость (поселение Замьяна — М Б.) калмыцкому народу кажетца весьма странною, будучи по высочайшим повелениям на своих правах". На все дальнейшие доводы наместник кратко ответствовал, "что он, повинаясь высочайшему повелению..., оставляет то желающим, как то и владелец Замьян похотел, а в протчем они остаютца на прежнем основании".¹¹⁸

В эти же годы приобрел злободневность еще один существенный вопрос, ускоривший принятие решения, разрубающего, по мнению принимавших его, гордиев узел стоявших перед ними проблем. Со времени прихода на Волгу, особенно с 60-х годов XVII века, когда российским правительством были приняты благоприятные для калмыков решения о территории их кочевий, они на протяжении долгого времени не испытывали особого недостатка в ней, кочуя от предгорий Северного Кавказа до Самары с юга на север и от Урала до Дона с востока на запад, переходя временами даже за границы означенного ареала.

Шло время. Крестьянская и помещичья колонизация земель юга; увеличение населения в низовьях Дона, Волги и Урала с развитием тут земледелия; постройка в 1717 году Царицынской укрепленной линии, выше которой пропуск калмыцких улусов был вначале ограничен, а с 50-х годов XVIII века вообще запрещен, кроме экстренных случаев; создание Волжского казачества с центром в Дубовке — все это существенно сократило территорию кочевий. Положение еще более усугубилось в связи с поселением в те же годы на землях Саратовского Заволжья и вблизи Царицыны иностранных колонистов и возникновением по р. Иргизу поселений раскольников.

Говоря об этом, необходимо подчеркнуть, что отторгались или затруднялся доступ к самым обильным кормами и водами местам. Степная же часть, к которой отсылали калмыков при территориальных спорах, была плохо обеспечена и тем и другим. Не удивительно, что на этой почве участились взаимные столкновения калмыков с соседним оседлым населением и жалобы в центральные учреждения с обеих сторон. Разбавившие жалобы чиновники отмечали, что во многих случаях обиженной стороной являлись калмыки и что положение весьма серьезное.

Так, руководитель "Калмыцких дел" И. А. Кишенской в доношении губернатору 7 августа 1767 г., приведя массу примеров хищений лошадей и рогатого скота у калмыков, сообщал, что, боясь подобных случаев, они в этом году не кочевали в верхних местах левобережья Нижнего Поволжья, а скучились в низовьях, отчего в кормах и водопоях для скота испытывали большой недостаток. И. А. Кишенской следующим образом резюмировал свои наблюдения: "Калмыцкий народ и без такого чинимаго им от русских людей озлобления, по притчине заводимых ныне на луговой стороне для иностранцев селеней в тех местах, в которых они с начала прихода в российское подданство кочевье имели и всем во оных привольством довольствовались, а ныне от того всекрайнее притеснение терпят, в немалой колебленности находятца, представляя в том несносное свое неудовольствие и оскорбление".¹¹⁹ О земельной тесноте красноречиво говорил и наместник Н. А. Бекетову при упоминавшейся встрече в 1765 г.

Создавшееся положение побудило правительство сделать шаг к урегулированию земельных отношений конфликтующих сторон. По этому поводу Коллегией иностранных дел был подан Екатерине II "всепопданнейший док-

лад" о необходимых мерах, но дело подвигалось чрезвычайно медленно.¹²⁰ И здесь в перспективе, если бы все калмыки продолжали оставаться на занимаемой территории, выход был опять-таки, видимо, в изменении традиционных форм хозяйствования, то есть в переходе к интенсивным методам скотоводства (стойловое содержание, а значит заготовка сена, переход хотя бы на частичную оседлость и т. п.).

Принятию рокового решения, можно думать, способствовала обстановка на родине предков калмыков, где Джунгарское ханство было разгромлено Цинской империей в 1758 году, а население почти полностью уничтожено. На эти пустующие, по мысли калмыцкой знати, земли и решено было переселиться, причем она надеялась, очевидно, на милости маньчжурского двора за привод новых подданных. Определенную роль, судя по всему, сыграла и агитация высшего ламаистского духовенства Тибета. Взятый наместником при уходе и бежавший по пути коллежский комиссар М. С. Везелев показывал, что будучи в плену слышал от многих калмыков, что уход их предпринят "не по одному с российской стороны к ним неудовольствию, а более по подзыву боготворимого ими Далай-ламы", который еще во времена Дондук-Даши прислал на Волгу "подзывную грамоту".¹²¹

В обрисованной выше обстановке и созрел в головах некоторых представителей калмыцкой знати замысел откочевки из пределов Российской империи. С достаточной долей уверенности можно утверждать, что первоначальная инициатива исходила не от самого наместника, а родилась в его ближайшем окружении — в среде наиболее знатных представителей зайсангов и духовенства во главе с Даши-Дондуком и главным ламой Лоузанг-Джалчином. С ними, очевидно, с самого начала был заодно и Цебек-Доржи. Подозрение на Лоузанг-Джалчина, как на одного из первых инициаторов ухода, падает еще и потому, что, по показаниям астраханского татарина Мустафы Абдулова, по приходе в Джунгарию лама стал доказывать, "якобы по его старанию и склонению калмыцкой народ побег из протекции российской в китайскую сторону зделал, да и по его предводительству тамошних мест достиг, желая в воздаяние за то получить себе главное в сем народе начальство".¹²²

Цебек-Доржи также имел причины быть недовольным правительством и наместничеством Убаши; достаточно

вспомнить его действия и притязания сразу после смерти Дондук-Даши. В связи с этим вполне возможно, что он надеялся по переселении в Джунгарию заполучить улусы, на которые он безуспешно претендовал в России, и отобрать власть у Убаши. Что касается настроений Даши-Дондука, то еще к марту 1765 г. относится случай, недвусмысленно характеризующий их. В этом месяце его сын Ибан (Иван), возвращаясь домой после встречи с Н. А. Бекетовым, заехал по пути к Замьяну. Последний, будучи в ссоре с наместником и его окружением и желая знать положение дел в ненавистном стане, усиленно поил Ибана. Тот, охмелев, разболтался и стал осыпать Замьяна неосторожными упреками. Между прочим, он сказал: "Чего для нас вредишь? Соединись с нами; если соединишься, то мы общественной пользой довольствоваться будем, токмо де мы, как ты, близ русских жить не станем".¹²³ Нет никакого сомнения, что и отец Ибана придерживался подобного направления мыслей. Что касается Замьяна, он поспешил обо всем слышанном от своего гостя письменно сообщить губернатору.

Кто бы ни подал первым губительную идею, о нужды выдвинутый замысел был поддержан рядом влиятельных нойонов и зайсангов. Начались тайные совещания с деталях задуманного. В ряде дореволюционных работ говорится о горячих речах, произносимых участниками совещаний. Особенно эмоциональные и безупречные с точки зрения ораторского искусства выступления перед своими единомышленниками приписываются Цебек-Доржи.¹²⁴ Это все не более, чем публицистический прием самих авторов исторических сочинений. Совещания заговорщиков происходили тайно, никаких записей, естественно, не велось, а все участники подобных собраний ушли в Джунгарию, унеся с собой и тайну своих разговоров.

Хотя названные совещания при наместнике и происходили с надлежащими предосторожностями, в узком кругу посвященных, все же произошла, как сейчас говорят, утечка информации. Первое детальное сведение о совещаниях заговорщиков и о предмете обсуждений содержалось в письме Замьяна к Н. А. Бекетову от 28 февраля 1767 г. Автор письма сообщал, что посланец в Санкт-Петербург Дондук-Джамцо дал знать заговорщикам, якобы у России с Китаем война и будто китайское войско уже подошло к р. Ори, "где есть одно древо". Нойоны Цебек-Доржи, Бамбар, Шеаренг, Яндык и Басурман-Тайджи, а также несколь-

ко зайсангов якобы решили получить через специально посланного в Оренбург разведчика точные сведения, и если китайское войско действительно так близко, со всеми улусами идти с ним на соединение. Более того, если слухи и ложны, все равно уходить к китайским границам.¹²⁵

Зная отношения Замьяна с наместником и рядом знатных нойонов, упоминаемых в письме, Н. А. Бекетов решил до времени положить письмо под сукно, не давая ему дальнейшего хода. Однако события продолжали стремительно развиваться, вызывая все большую тревогу губернатора. Ввиду начала войны с Турцией, 31 декабря 1768 г. к наместнику была отправлена грамота о наряде 20-тысячного войска на помощь русским армиям, действующим в Крыму и Молдавии. В начале февраля следующего года Замьян вновь уведомил Н. А. Бекетова, что, получив грамоту, нойоны Цебек-Доржи и Еремпель (хошутский владелец, тесть наместника Убаши), зайсанги Даши-Дондук и Гелдей, а также лама Лоузанг-Джалчин, "почитая столь большой наряд в дальнее место себе за несносность, имели при наместнике совет уйти к китайской границе", к чему усиленно призывали и наместника.¹²⁶

Вскоре после второго сообщения Замьяна в руки губернатора попало письмо дочери зайсанга Гелдея Джулжин к старшему брату, бодокчею в Астрахани. Брат этот, Цой Лоузанг — гецуль, был приверженцем Бахуса и, будучи пьяным, показал письмо переводчику А. П. Ворони-ну. Неудивительно, что оригинал письма попал в руки губернатора, а тот копию его отправил в Енотаевск, к управляющему "Калмыцкими делами" И. А. Кишенскому. Отправительница письма была женой мелкого владельца, выходца из Джунгарии, кочевавшего совместно с Бамбаром, внуком Доржи Назарова. Джулжин сообщала слухи, распространяющиеся в Бамбаровом улусе, о намерении калмыков откочевать в Джунгарию и просила, если брату что-либо известно на этот счет, уведомить и наставить ее.¹²⁷

Замьян и позже продолжал сообщать губернатору о всех подозрительных действиях наместника и его окружения, причем любил заканчивать свои письма глубоко-мысленными сентенциями и притчами. Первое послание в 1767 г. он закончил осуждением заговорщиков, которые "подобной богу ея величества государыниному излиянну к ним щедрую милость не могли снести", и уподоблял их "зыблющему древу, приносящему многоплодия и не сне-

щему того плода подламывающему". В письме от 1770 г. он привел старинную калмыцкую притчу: "Безрогая коза увидела коз с рогами и, позавидовав их рогам, почувствуя у себя того недостатка, употребила свое старание, чтоб и ей сыскать роги, но только та коза желаемых рог не нашла, но еще, к несчастью, что обыкновенно близ тех рог бывают уши, и те потеряла" — в заключение Замьян выражал пожелание: "Весьма б хорошо, ежели б не я сей пословицы был примером".¹²⁸

Кроме сообщений Замьяна и письма Джулжин в начале 1770 г. поступили новые сведения о подготовке ухода. На этот раз они исходили уже от рядовых калмыков, по тем или иным причинам подвергшихся допросам в Яицком городке или захваченных в плен казахским Нурали-ханом во время отгона скота. По их показаниям выходило, что уход намечен на конец февраля — начало марта 1770 г. Что именно на эти числа первоначально был намечен уход, подтверждают и сведения Замьяна, который при личной встрече с Н. А. Бекетовым 14 марта оповещал, что в начале года у наместника два дня сряду шел секретный совет, после чего были отправлены люди для переправления улусов на левобережье Волги. Улусы уже подошли к переправам, но внезапный приезд к Убаши И. А. Кишенского расстроил замыслы и посеял среди заговорщиков сомнения, не проведет ли последний о их намерениях. Слухи и толки о затеваемом предприятии настолько в это время, видимо, умножились, что о них многие информаторы узнавали путем случайно подслушанных разговоров.

Неоднократные представления Н. А. Бекетова И. А. Кишенскому с рекомендациями провести тщательные тайные розыски и наблюдения по указанному поводу имели следствием успокоительные ответы последнего, что "очевидных к такому умыслу знаков как от самого наместника, так и от его зайсангов не предвидит, кроме к усердию с волею государниною сходственных", и предположения, что дошедшие до губернатора слухи исходят "от каких-либо бездельников".¹²⁹

Губернатор продолжал тревожиться. 15 апреля 1770 г. он отправил донесение в Коллегию иностранных дел с перечислением всех полученных сведений, которые он охарактеризовал как не беспочвенные при создавшейся обстановке, так как "калмыки чувствуют тягость от частых при настоящей войне в разные места нарядов и от продолжительного их на одной горной стороне (на правобережье

Волги — М. Б.), вопреки прежнего их обыкновения, содержания". Во избежание нежелательного хода событий Н. А. Бекетов предлагал вызвать ко двору главных зачинщиков, к каковым относил нойонов Цебек-Доржи, Бамбара, Еремеля, Шеаренга, зайсанга Даши-Дондука и ламу Лоузанг-Джалчина, и произвести следствие.

Вопреки ожиданиям ответ был настолько обескураживающим, что, думается, отбил охоту у губернатора впредь делать такие представления и связал его инициативу. В "рескрипте", подписанном Н. Паниным и А. Голицыным, достаточно резко отвергались подозрения и предложения Н. А. Бекетова. Приведя массу вполне, казалось бы, логичных доводов против подозреваемого ухода, всю вину за появившиеся слухи авторы ответа возлагали на "пронырство владельца Замьяна и соглашение с ним переводчика Воронина".

Не удивительно, гласил вывод "рескрипта", что Замьян из-за своего безмерно беспокойного и честолюбивого характера "ищет зделать смущение" в калмыцком народе, чтобы тем легче освободиться от подчинения наместнику и Зарго, "но удивительно то, что вы допустили калмыку собою овладеть, давая веру без всякой разборчивости всем его клеветам".¹³⁰ Понятно, что после этого дело на время заглохло; подозреваемые также не делали шагов, подтверждающих подозрения, а принимали активное участие в военных действиях и довольно пунктуально исполняли правительственные распоряжения.

Между тем, складывавшаяся обстановка стала благоприятствовать планам заговорщиков. Из-за суровой зимы с 1767 на 1768 год в улусах был большой падеж скота, а оставшийся пришел в крайнее истощение. Не успели калмыки оправиться от этого несчастья, как в 1768 г. последовал запрет продавать хлеб с нарушением правил торгового устава, то есть запрещалась продажа по пути с судов на калмыцких переправах и других неустановленных местах. По доношению И. А. Кишенского губернатору от 22 октября 1768 г. "особливо же ныне по такому крайнему в хлебе оскудению больше всех претерпевает наивящую нужду калмыцкий народ".¹³¹

Чтобы удобнее было привлекать калмыцкие отряды для участия в военных действиях, лето 1769 и 1770 годов всем улусам приказано было провести на правобережье Волги, хотя в это время основная часть их всегда кочевала на луговой стороне. Долгое пребывание всех улусов на

одном месте повлекло новый большой падеж скота из-за крайнего истощения пастбищ, что еще сильнее разожгло недовольство народа, уже раздраженного территориальными утеснениями, хищениями скота со стороны местного оседлого населения, несправедливым и волокитным рассмотрением судебных дел в канцеляриях нижеволжских городов и большими наборами в армию.

В этом смысле весьма характерны показания двух калмыков-казаков, И. Логинова и Анчика Хашки, в Яицкой войсковой канцелярии в начале 1770 г. Первый, будучи в Кулагинской крепости, подслушал разговор приехавших из улусов гостей (те были в кибитке, а Логинов — снаружи) о том, "что они, калмыки, берутся в государеву службу большим числом, отчего пришли в изнурение и крайнее разорение, и на называемой их праздник Цаган-Сару намерение имеют бежать в Зюнгарию". Анчик Хашка, гостивший в Ондоновом (брат Бамбара) улусе, слышал от некоей "Ульзиной женки", что им "ныне жить приходится разорительно и весьма тяжело, понеже наших мужьев берут немалым числом в государеву службу", держат улусы на одном месте, не пуская на луговую сторону, отчего "множество скота повалилось, да все мы приходим в разорение и убожество, и когда б де мой муж был не в походе, а находился при улусах, лутче бы нам итти от того изнурения в Зюнгарию".¹³²

Недовольством простолюдинов решила воспользоваться знать и побудить своих подданных поддержать давно зревший замысел. Приведя различные резонные доводы, наместник добился в конце 1770 г. разрешения перевести большинство улусов на левобережье Волги, что благоприятствовало расчетам заговорщиков, и они решились действовать. Под видом обороны от набегов казахов Убаши собрал 5-тысячное войско и расположил его в Рын-песках, в низовьях междуречья Волги и Урала. Бамбар и Шеаренг находились со своими улусами вблизи р. Урала и, видимо, производили необходимую разведку, готовя пути к уходу.

Наместница Манидара, мачеха Убаши ханша Найджитун в декабре 1770 г. и в самом начале 1771 г. рассылали в разные стороны посланцев, которые должны были принудить кочевавшие на правобережье улусы к переходу на левобережье и отбирать хороших лошадей, якобы для собранного против казахов войска. Перед самым уходом наместник, Цебек-Доржи, Бамбар, Еремпель, Даши-Дондук и Лоузанг-Джалчин три дня подряд вели длительные секрет-

ные совещания. Видя это, не посвященные в заговор знатные зайсанги недоумевали: "Какие то секретные советы происходят?". Вскоре все разъяснилось.

3 января 1771 г. был неожиданно арестован находившийся при ставке наместника капитан А. Дудин со всей подчиненной ему воинской командой. Убаши выступил перед собранным войском и объявил, что будто получил правительственное повеление отдать в заложники своего, пяти знатных владельцев и ста знатных же зайсангов сыновей и отправить 10000 подданных для зачисления в солдаты русской армии. Вследствие этого, уверял наместник, он и решил покинуть пределы России, и, по показаниям очевидцев, "слезно просил, дабы в том калмыцкий народ был с ним согласен".

В этот же день Бамбар и Шеаренг с урочища Белту были отправлены с 10000-ми воинов к р. Уралу с поручением отогнать у яицких казаков конские табуны, чтобы лишить их возможности преследования, и приготовить близ Гурьева переправы через реку. Крупные отряды во главе с нойонами отправились склонять улусы к откочевке от Волги под предлогом якобы разгрома кочевий на правобережье пришедшим туда турецким войском, и такой же опасности, угрожающей и здешним улусам.

5 января 1771 г. началось общее движение улусов к Яику (р. Урал) и здесь обнаружилось, что далеко не все разделяли замыслы заговорщиков, понимая гибельность предпринятого шага. Многие очевидцы позднее показывали, "что кроме согласных с наместником владельцев, протчие, а особливо подлой (простой — М. Б.) народ никакой к тому склонности не имеют и с великою прискорбностью и негодованием покочевали".¹³³ Против ухода были икицохуровские нойоны Асархо и его племянник Маши, хошутский Теке, брат знаменитого Габан Шараба Шампин-эмчи и др. Иллюзии, существовавшие у части народных масс, что с уходом из России удастся преодолеть невзгоды, очень скоро рассеялись, но было уже поздно. Вернуться назад было уже невозможно, так как сзади шли верные наместнику войска, подгоняя медливших и колебавшихся, а вокруг рыскали отряды казахских феодалов, отгоняя скот и забирая в плен людей.

Начавшаяся откочевка большей части улусов застала врасплох центральные правительственные органы и администрацию на местах. Н. А. Бекетов находился в столице, а И. А. Кишенской в Енотаевске, на правом берегу Волги:

последний не смог предпринять активных действий из-за неустановившегося льда на реке, да и не был готов к ним. Не имея возможности остановить уход при самом его начале, как правительственные органы, так и астраханские власти обратились с распоряжениями и просьбами к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу и Войску Яицкому.

И. А. Рейнсдорп получил извещение И. А. Кишенского 24 января и, в свою очередь, сделал необходимые распоряжения: яицким казакам всеми силами препятствовать переходу калмыков через Яик, командующему сибирским корпусом принять соответствующие меры. От него же были посланы письма казахским хану Младшего жуза — Нурали и султану Среднего жуза — Аблаю с предложением, в случае перехода калмыков через Яик, встретить их с оружием в руках и принудить к возвращению.

Однако время было упущено. Основные силы калмыков переправились через Яик с 18 по 20 января на пространстве от Гурьева городка на юге до крепости Калмыковой на севере. Малочисленные гарнизоны тамошних крепостей и форпостов не сумели оказать им противодействия; более того, сами подверглись нападению. Получив известия об этом, И. А. Рейнсдорп и командующий оренбургским корпусом генерал-майор И. К. Давыдов отправили собранные казачьи части вслед за беглецами в степь. Им удалось задержать Эркетеневский улус и несколько мелких групп, оставших от основной массы. Кроме того, после перехода Яика повернули назад икицохуровские улусы Асархо и Маши.¹³⁴

Остальные продолжали путь с большой поспешностью, что катастрофически сказывалось на состоянии людей и скота. Возвращавшиеся назад калмыки утверждали: "Скот у них почти весь без остатку от бывших в зимнее время великих снегов и случившейся от онаго гололедицы пропал, да и достальной в крайнем изнурении и несостоянии, отчего многие калмыки идут пешие, оставляя престарелых и молодых людей, кои пешком итти не в силах, без всякаго призрения". Недовольство народа стало всеобщим, и хотя он почти весь желал вернуться, но не имел возможности это сделать, особенно из-за боязни казахов, "дабы при возвратном побеге не могли подвержены быть им жертвою". Как утверждали те же очевидцы, "если б де сведения о приближении к ним российских войск, то непременно весь подлой народ к ним уклонился".¹³⁵

И. А. Рейнсдорп и И. К. Давыдов, выполняя правительственный указ от 25 января, отправили 17 апреля из Орской крепости в погоню за ушедшими корпус под командованием полковника Траубенберга, состоящий из 2600 казаков и башкиров и тысячного драгунского полка с шестью пушками. Немного позже из Оренбурга был направлен вслед Траубенбергу подполковник Могутов с корпусом в 3500 казаков. В свою очередь, хан Нурали еще 1 февраля выступил против калмыков, письменно пригласив султанов Среднего и Большого жузов как возможно быстрее присоединиться к нему. С 18 по 23 марта между калмыками и казаками хана Нурали произошли столкновения на р. Ембе, показавшие недостаточность сил последнего, ввиду чего он прекратил решительные действия и стал поджидать подхода Траубенберга и султанов, продолжая следовать за беглецами.

18 апреля к Нурали приехали три посланца с письмом Убаши, в котором утверждалось, что с самого прихода калмыков в российское подданство не было таких притеснений со стороны правительства, какие начались с недавних пор, отчего они не пожелали более "над собою иметь начальства российского, а желая видеть своих единоконников и прежние нашего пребывания места, покочевали от России". В заключение наместник, напомнив о выгодах мирных взаимоотношений, просил не препятствовать их движению, а во взаимных претензиях разобраться мирным путем.

В ответном письме Нурали, сделав краткий экскурс в историю калмыцко-казахских отношений и отметив, что в них были и мирные и немирные периоды, перечислил ближайшие по времени столкновения. Далее он ставил в известность, что все три казахских жуза, объединившись с российскими войсками, будут преследовать калмыков хотя бы и полгода и неминуемо окружают и загонят их на прежнее местожительство. Заканчивая советом возвратиться на Волгу, он брал на себя посредничество в переговорах с правительством о прощении наместника и его ближайшего окружения.

А в этом окружении было неспокойно. Среди знати, участвовавшей в уходе, очень скоро возникли разлад, колебания и уныние, которые увеличивались по мере нарастания тягот пути. Уже 30 января астраханский юртовский татарин Аджигелде, сумевший бежать из плена, показывал, что "Шеаренг неохотно согласился к побегу в рассужде-

нии прежней на него богдыхана китайского злобы, который постарается его истребить" по приходе в Джунгарию.¹³⁶ Другой беглец сообщал, что наместник сожалеет о предпринятом уходе и жалуется на Бамбара и Цебек-Доржи, склонивших его на этот шаг. Упомянувшийся М. С. Везелев, будучи в плену слышал, что знатный зайсанг Ондон уговаривал Убаши вернуться, на что наместник отвечал, что если на это согласятся другие владельцы, то и он обратно пойдет.

21 апреля Нурали отпустил к наместнику двух посланцев, оставив одного у себя, в сопровождении своих людей с ответным письмом. Находившийся при хане специальный посланец Н. А. Бекетова, князь из астраханских татар Нурадыл Урусов, отправил с ними одного калмыка, посланного губернатором с письмами к наместнику и некоторым владельцам. Ответа от уходивших никто не дождался. Во время отправки письма к Нурали, наместник, по показаниям очевидцев, отправил подобное же письмо султану Аблаю, а также предполагал вскорости отправить посланцев в Пекин с просьбой о принятии в подданство.¹³⁷

5 мая Траубенберг соединился с отрядами хана Нурали в районе р. Сары-Тургай, а преследуемые были от них впереди примерно в 200 верстах. 6 мая объединенные силы продолжали движение, проходя в день по 40—50 верст, но расстояние до уходивших улусов существенно не сокращалось. 12 мая Траубенберг дойдя до р. Терсакан, отказался от дальнейшего преследования, мотивируя свое решение недостатком провианта и фуража и крайним изнурением лошадей. Вслед за ним прекратил движение и Могутов.

Маршрут беглецов в первые несколько месяцев позволял с большой долей вероятности предположить, что они идут в те места, где располагались их предки до перехода в Россию, то есть в районы озера Зайсан, верховья Иртыша и т. д. Исходя из этого считали, что они пройдут севернее озера Балхаш и будут переправляться через р. Иртыш между устьями рек Бухтармы и Курчума и окажутся в верстах 150—200 от крепости Усть-Каменогорской. В расчете на этот вариант на сибирских линиях подготавливался воинский корпус, куда были направлены и отряды из Оренбурга. Однако путь, избранный калмыками, перечеркнул эти расчеты, так как они, отойдя недалеко от р. Терсакан, резко повернули на юг, держа направление на северо-западную оконечность Балхаша.

Примерно в середине июня они прошли горы Ортау и

вскоре были настигнуты объединенными силами казахских феодалов всех трех жузов. Атакованные в безводной и песчаной местности близ р. Ширин-Шилик, калмыки вынуждены были сесть в осаду и вступить в переговоры. Во время переговоров, на третью ночь осады, они внезапным ударом прорвались из окружения. Здесь необходимо заметить, что действия султана Аблая оставили большие подозрения как у хана Нурали, так и у российских властей.

Нурали прямо обвинял его в сговоре с наместником ввиду обещанных "девицы", холопей, богатых даров "и по опасности от соседних китайцев, с которыми он, Аблай, сношение имеет". С утверждением Нурали перекликается и сообщение Нурадыл Урусова, которому удалось разведать, что будто бы за год до ухода калмыков Аблаю было сообщено от маньчжурского двора, чтобы он не препятствовал проходу калмыков, если начнется их уход. Данное обстоятельство позволяет предположить, что между калмыцкой знатью и китайским правительством могли быть установлены предварительные контакты.¹³⁸

Изнуренные пятимесячной непрерывной и поспешной кочевкой, частыми нападениями казахов, потерявшие массу людей, скота и имущества, калмыцкие улусы, попав в районе Балхаша в бескормные и безводные местности, пришли в еще большее расстройство; к тому же из-за недоброкачественной воды начались поварные болезни. Хотя после прорыва осады основные силы всех трех жузов возвратились в свои кочевья, выделенные для преследования и отъема добычи отряды продолжали тревожить калмыков. С трудом последним удалось дойти до р. Или и, вновь потеряв большое количество людей и скота от нападения казахов и поспешной переправы, через восемь месяцев после начала откочевки достигнуть намеченных пределов.¹³⁹

5 января 1771 г. калмыцкий народ навсегда раскололся на две части. Вольно или невольно каждая из них выбрала свой путь в истории, тем самым обретая свое будущее. Близорукий и авантюристичный шаг феодальной знати имел трагические последствия для ушедшей, а в большей мере насильно уведенной части калмыцкого народа. До границ Джунгарии, согласно заслуживающих доверия источников, дошло менее половины ушедших, причем в плачевном состоянии из-за потери почти всего скота и имущества. Очевидцы, наблюдавшие их на новом местожительстве, в один голос утверждали, что простолюдины

негодуют на своих господ, которые "безумным своим рассуждением, побегом из природного и всеми довольствиями украшенного своего отечества России, как себя, так и их гибели довели".¹⁴⁰ В задачу данной работы не входит рассмотрение их дальнейшей судьбы; здесь мы оставим их и вернемся на Волгу, чтобы проследить за событиями в оставшихся улусах и за мероприятиями царского правительства по отношению к ним.

Во время откочевки наместника и его сообщников на правобережье Волги остались все дербетские улусы, нойоны Яндык и Замьян с частью своих людей, отдельные группы подвластных наместника, из-за бедности кочевавшие в Мочагах. Часть калмыков из разных улусов, кочевавших на левобережье, в том числе и из улуса князя А. Ф. Дондукова, также не пошла за наместником и скрывалась в разных потаенных местах. Определенное количество калмыков принимало участие в военных действиях, в основном на Северном Кавказе в корпусе генерала И. Ф. де Медема. Немного позже с Яика были возвращены Эркетеневский и Икицохуровский улусы.

Здесь мы подошли к вопросу о численности кибиток (семей, или, можно сказать, дворов), ушедших с Убаши и оставшихся при Волге. Проблема эта неоднократно занимала внимание исследователей. Никаких иных данных, кроме официальных, фигурирующих в правительственной переписке с местной администрацией, мы не имеем, и нам приходится оперировать ими. В 1767 г. правительство потребовало от наместника сведений о количестве кибиток, находящихся под его управлением, т. е. в составе ханства. В декабре этого же года оно получило сообщение, что всего находится при Убаши 41523 кибитки.¹⁴¹ Разумеется, сюда не входили донские, ставропольские, терские и другие группы калмыцкого населения, находившиеся за чертой юрисдикции ханства. По подсчетам астраханской администрации, получившей сведения в основном из рук владельцев, обнаружилось всех оставшихся 11258 кибиток.¹⁴² Исходя из переписи 1767 г. нетрудно подсчитать, что с наместником ушло 30285 кибиток. Таковы цифры: далеки ли они от истины — сказать трудно.

Вернувшийся в Астрахань Н. А. Бекетов, убедившись, что ничего реального для возвращения беглецов предпринять не сможет, занялся наведением порядка среди оставшихся. 14 февраля он распорядился всех калмыков, принадлежавших ушедшим нойонам (после подсчетов таковых

оказалось 5007 кибиток) передать Замьяну, Яндыку, А. Ф. Дондукову и Теке. Они были предупреждены, что все эти люди отдаются им не во владение, а для присмотра до будущего правительственного распоряжения. Впоследствии, в начале 1773 г. эти 5007 кибиток были разделены между оставшимися нойонами "в награждение", причем львиная доля досталась Яндыку (842 кибитки), Замьяну (754 кибитки) и А. Ф. Дондукову (2000 кибиток).¹⁴³

Рядом донесений в центр губернатор предлагал провести меры, необходимые, по его мнению, для наведения порядка и спокойствия в оставшихся улусах. В донесении от 17 февраля 1771 г. он выдвинул предложение создать для них исполнительно-распорядительный орган, состав и функции коего были бы определены с общего согласия владельцев. Оставшихся от ушедших нойонов людей он предложил разделить по оставшимся владельцам, что и было сделано. Всех татар и туркменов, бывших под управлением наместника, губернатор мыслил отделить от калмыков и приписать к астраханским аульным татарам или же поселить на иных особых правах.

В ответном письме от 13 мая 1771 г. граф Н. И. Панин в принципе соглашался с необходимостью проведения предлагаемых Н. А. Бекетовым мер, но дал понять, что все это оставляется до решения самой Екатерины II. Граф советовал приложить между тем старание, чтобы владельцы впредь больше полагались на решения губернатора, а в этом деле помощником губернатору может быть князь А. Ф. Дондуков, "как по природе своей владелец калмыцкой, а по усердию и закону своему наш человек". Ввиду этого князю "препоручено быть может безприметное над протчими владельцами надзирание, а потом и явное, с учреждением его и главным над ними начальником".¹⁴⁴

Выполняя указание графа, Н. А. Бекетов назначил А. Ф. Дондукова временно "над владельцами... главным начальником", исключая дербетские улусы, которые были оставлены на особом положении. Известие о назначении князя с большим неудовольствием было воспринято Яндыком. Более того, как доносил бывший в его улусе пристав М. Лепехин, не только сам владелец, но и "подвластные ево за великое неудовольствие признают, так что уже они и калмыцкого звания лишены". Очевидно, неудовольствие последних было вызвано тем обстоятельством, что А. Ф. Дондуков был крещеным, и назначение его воспринималось как предвестие крещения всех оставшихся улусов.

Яндык затеял с губернатором переписку, с весьма прозрачным намеком сокрушаясь по поводу определения над оставшимися, "имея к тому принадлежащего человека..., не принадлежащего". Выразив в связи с этим свою "прискорбность", он уже без обиняков заметил: "А что вы изволите наупомануть, что он, князь, фамилии ханской, оное хотя правда, но и я тож фамилии не незнатной".

Губернатор прямо и резко ответил, что князь поставлен не таким главным, чтобы сам собою мог что-либо предпринять, а лишь потому, что самому ему, губернатору, из-за занятости нет возможности вникать во все мелкие дела, которые и будут в ведении А. Ф. Дондукова. Для пресечения нежелательных толков к Яндыку с разъяснениями и уговорами ездил специальный посланец губернатора, после чего обидевшийся владелец на время уgomонился. Эпизод этот не прошел мимо внимания правительства и повлиял на окончательное решение о форме управления оставшимися калмыками.¹⁴⁵

Правительственное решение о судьбе калмыков затянулось: в связи с этим Яндык, все еще питавший иллюзии на свой счет, и его подвластные неоднократно приставу М. Лепехину "проговаривали", что так долго "нет повеления, на каком основании оставшим от побегу калмыкам находится".¹⁴⁶ Между тем губернатором, также ожидавшим "высочайшего повеления", были проведены необходимые на первый случай меры. 1 марта был снят со своего поста И. А. Кишенской, ликвидированы возглавляемые им "Калмыцкие дела", а все делопроизводство передано во вновь образованную Калмыцкую экспедицию при Астраханской губернской канцелярии. Всем улусам, кроме дербетского, предписано было кочевать постоянно на правобережье Волги, а дербетский улус чуть позднее был переведен на луговую сторону для заслона низовьев Волги от возможных нападений казахов. В это же время была начата перепись оставшихся калмыков, являвшаяся подготовкой к последующему разделу их по наличным владельцам.¹⁴⁷

19 октября 1771 г. Екатерина II подписала указ на имя астраханского губернатора по поводу дальнейшего положения калмыцкого народа. По этому указу звание ханов и наместников упразднялось, а вместе с этим ликвидировалось и само ханство с его относительной автономией. Отныне все владельцы должны были управлять своими улусами независимо друг от друга и все вместе подчиняться непосредственно астраханскому губернатору. Для раз-

бора и исполнения судебных дел при Астрахани создавалось "общенародное калмыцкое правление", под которым подразумевалось Зарго, порядок выбора и функции которого решительно менялись даже по сравнению с положением о нем 1762 года. Теперь оно должно было состоять всего из трех судей, выбираемых из зайсангов, по одному от "каждого владельческого поколения", т. е. от феодальных группировок торгутов, дербетов и хошутов. Обязанностью их являлось выражение мнения по делам, присылаемым к ним для рассмотрения от губернатора или Калмыцкой экспедиции. Решение их было не окончательным, а консультативным, и могло быть изменено по усмотрению губернатора; короче, голоса их имели совещательный характер.¹⁴⁸

В связи с новыми правилами о Зарго в указе была намечена программа не только относительно норм судопроизводства, но и вообще дальнейшей правительственной политики в отношении калмыков. В ответ на предложение губернатора опираться в судебной практике с калмыками на законы 1640 года было сказано, что применение этого весьма старого собрания законов не будет соответствовать современному состоянию калмыцкого общества. К тому же серьезные уголовные дела возникают в основном не между собственно калмыками, а между ними и соседним населением, поэтому подобные дела должны решаться на основании общероссийских законов.

Для разбора же внутрикалмыцких дел на основании их собственных законов губернатору достаточно будет помощи членов Зарго, к мнению которых он может прислушиваться постольку, поскольку "оныя с настоящею справедливостию соглашаемы быть могут". Далее определенно указывалось, что в принципе "стараться надобно, чтоб со временем калмыки и в том, что собственно до них одних касается, равным образом здешним законам... последовали..., в чем толь меньше теперь трудности видится, что и собстаенныя их дела от решения ево, губернатора, зависямы будут".¹⁴⁹

Этим же указом всех татар, бывших под властью калмыцких ханов и наместников, предписывалось выбрать из улусов и "приписать в ведомство астраханское" с временной льготой, чтобы они легче могли свыкнуться с новым образом жизни. Выполняя данное указание, Н. А. Бекетов определением от 12 декабря 1771 года предписал татар и томутов приписать к астраханским аульным, а туркменов к

кизлярским аульным же татарам "в ясак", с возложением на них земской (подводной) службы, освободив от несения ее на три года.¹⁵⁰

В конце того же 1771 г. поползли слухи о готовящемся побеге оставшихся калмыков, причем основное подозрение падало на Эркетеневский и дербетские улусы, что повлекло за собой принятие определенных мер. Параллельно астраханская администрация занималась разделом между владельцами оставшихся от ушедших кибиток. В конце 1772 г. по настоянию губернатора ко двору были вызваны наиболее деятельные, а потому вызывавшие подозрения нойоны Яндык, Асархо и 16-летний дербетский Цебек-Убаши, ни один из которых не вернулся в родные степи.

Мы не будем всего этого касаться — это предмет уже других исследований. В заключение зададимся вопросом: какие последствия для оставшейся части калмыцкого народа имели роковые решения части недалековидной феодальной знати ханства во главе с наместником? Во-первых, калмыки лишились своей государственности с ее относительной автономией, резко сократилась численность калмыцкого населения, упала их военная активность и сократилась помощь, которую они оказывали русской армии.

Во-вторых, резко снизился их экономический потенциал, так как ушли в основном наиболее обеспеченные скотом и имуществом улусы, а это, кроме прочего, повлекло снижение как внутриулусной, так и внешней торговли с соседним населением, увеличивая натуральный характер хозяйства. Сильно сократились территории кочевий и пастбищ, что не могло не отразиться на структуре и динамике общего поголовья скота. Было заторможено развитие новых интенсивных форм хозяйствования — земледелия, сенокосения и т. п., которые наметились в XVIII в., особенно с середины его. Новое возрождение их началось только с 30—40-х гг. XIX в.

В-третьих, велики были моральные и культурные потери: была увезена несомненно имевшаяся литература оригинального и переводного характера и другие культурные ценности религиозного и светского происхождения. Кто знает, сколько было Габан-Шарабов, труды которых имели хождение в то далекое время и не дошли до нас, будучи увезены или потеряны и брошены в ходе долгого и трудного пути? Сколько мы потеряли джангарчей и сказителей, тем самым прервав исполнительские традиции?

Уже перечисленного достаточно, чтобы вспомнить притчу о безрогой козе, поведенную губернатору нойоном Замьяном. Его неумные собратья по классу уподобились ей, втянув, к сожалению, в свою авантюру и народные массы, которые, как всегда, и пострадали в первую очередь. Тем временем в улусах на Волге жизнь шла своим чередом. Еще не улеглись страсти, поднятые событиями 1771 г., как уже совсем рядом, на Яике, вспыхивали первые зарницы будущей пугачевщины, а еще дальше собиралась гроза 1812 г. Но все это было потом, и было в этом "потом" и плохое, и хорошее; и еще надо подсчитать, чего из них было больше. Но идти вперед надо было и тогда, и ныне, потому что впереди — вспомним В. Г. Короленко — огни надежды.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Книга первая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Л.Л.Викторова. Основные этапы формирования монгольских этнических общностей // "Проблемы алтаистики и монголоведения", вып. 1. Элиста, 1974, С. 204.

2. Г.О.Авляев. К вопросу об этнических связях и взаимодействиях ойратов и их потомков — калмыков с тюркским населением Саяно-Алтайского нагорья и Южной Сибири// "Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий". Тезисы докладов областной научной конференции по этнографии. Омск, 1984, С. 110-113.

3. Г.С.Горохова. "Алтан Тобчи" Лубсан Данзана как источник по средневековой истории ойратов// "Проблемы этногенеза калмыков". Элиста, 1984, С.19.

4. И.Я.Златкин. История джунгарского ханства, изд.2. М., 1983, С.32.

5. Н.А.Казакова. "Татарским землям имена" // "Куликовская битва и подъем национального самосознания". Л., 1979, С.253-256.

6. Цит. по : У.Э.Эрдниев. Калмыки. Историко-этнографические очерки, изд.3. Элиста, 1985, С.31.

7. В.В.Бартольд. Сочинения. Том 2, часть 2. М., 1964, с.69.

В.Г.Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т.2. М.-Л., 1941, С. 187-189,125,206-207.

8. Г.О.Авляев, В.П.Санчилов. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии / к проблеме этногенеза калмыков // "Проблемы этногенеза калмыков". Элиста, 1984. Вариант подобного взгляда Д.А.Павлова см. в книге "Проблемы монгольской филологии". Элиста, 1988.

9. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи ("Золотое сказание"). Перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н.П.Шастиной. М., 1973, С. 61, 97, 151.

10. С.В.Бахрушин. Научные труды, т.III. М., 1955, С.36-37.

11. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1607-1636: Сб. документов. М., 1959, С.28-29. Приводимые в дальнейшем сведения о событиях первых десятилетий русско-калмыцких отношений, если они специально не оговариваются, взяты из этого же сборника.

12. Центральный государственный архив древних актов. Фонд 119 "Калмыцкие дела" (далее: номер фонда без указания названия и места хранения), 1691. №3, л.12.

13. М.Л.Кичиков. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Образование калмыцкого государства в составе России. Элиста, 1966.

14. Ф. 119. 1636. д.1, л. 25-27, 58, 65.

15. Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1636-1654. Сб. документов. М., 1974, С. 180-181.

16. Все известия и цитаты из Габан-Шараба. Батур-Убаши Тюменя, "Биографии Зая-Пандиты" и материалов Г.С.Лыткина даются по кн.:

"Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе". Элиста, 1969.

17. *С.Ю.Неклюдов*. Устное предание в становлении исторической литературы монгольских народов. — В кн.: "Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии". М., 1988, С. 52-54.

18. Центральный государственный архив Республики Калмыкия — Хальмг Тангч. Фонд 36 "Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе" (далее: номер фонда без упоминания названия и места хранения), д. 15, л.24.

19. Фонд 36, д.307, л. 809-810.

20. Там же, д. 15, л.175.

21. Фонд 33 "Калмыцкая канцелярия", опись I, д.66, л.2.

22. Фонд 36, д.373, л.483-486.

23. Там же, д.319, л.718-719.

24. *П.И.Небольсин*. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852, С.8.

25. Фонд 36, д.384, л.46.

26. Там же, д. 308, л.114; д. 339, лл. 198-199, д. 178, л.49.

27. Там же, д. 346, л. 112-125.

28. Там же, д. 161, л. 1005-1008.

29. Там же, д. 52, л.273.

30. *И.А.Житецкий*. Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884-1886 гг.). М., 1893.

31. *В.Г.Тизенгаузен*. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т.II, М-Л., 1941, С.16.

32. Фонд 119, 1699 г., д.9, л.2.

33. Фонд 36, д. 174, л. 387, 390.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Фонд 36, д. 41, л. 233.

2. *Иакинф (Бичурин)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, с.150.

3. Цит. по: Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967, с.130.

4. *Джиованни дель Плано Карпини*. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Редакция, вступительная статья и примечания Н.П.Шастиной. М., 1957, с.37. Далее все сведения Плано Карпини и Гильома де Рубрука даются по этому изданию без постраничных сносок.

5. Ф.36, д.121, л.112.

6. *В.Тизенгаузен*. Указ.соч., т.1, с.12.

7. Ф.36, д.419, лл. 11-13, 32.

8. Ф.35, д.169, л.11-12.

9. *И.Я.Златкин*. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на

10. Ф.36, д.41, л. 33.79.

11. Ф.35, д.179, л. 150-151.

12. Ф.119, 1692, д.1, л. 43.

13. Ф.36, д.55, л. 148 об.- 149.

14. Там же, д. 220, л.352.

15. Там же, д.33, л. 29.

16. Там же, д.35, л.301; д.319, л.1232.

17. Там же д.39, л.180,185.

18. Там же, д.118, л. 1194-1197 об.

19. Там же, д.161, л.378-378 об.
20. Там же, д. 152, л.235.
21. Ф.119, 1701, д.9, л. 3-4; 1705, д.5, л.1 об.
22. Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР (далее — архив ЛОИИ), ф. 178 "Астраханская приказная палата", д. 9935, л.1.
23. Книга Марко Поло. М., 1956, с.88.
24. *Чулууны Далай*. Монголия в XIII-XIV веках. М., 1983, с. 90-91.
25. Ф.36, д.307, л.78.
26. Там же, д.373, л. 228.
27. Там же, д.159, л. 150.
28. Архив ЛОИИ, ф.178, д.7476, л.1-2.
29. Ф.119, 1692, д.2, л.27-28.
30. Ф.36, д.409, л.285.
31. Ф.119, 1683, д.7, л. 49-54.
32. Кабардино-русские отношения, т.II. М., 1957, с.3.
33. Архив ЛОИИ, ф.178, N12902, л.3.
34. Русская историческая библиотека, т.34. Донские дела, книга 5. Петроград, 1917, столбец 7. Последующие несколько известий взяты из этого же сборника.
35. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов, т.1. М., 1954, с.26-28, 30-31.
36. Акты относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР), т.V, СПб., 1867, с.169.
37. Ф.119, 1683, д.7, л.23.
38. Ф.36, д.36, л.80.
39. Там же, д. 65, л.122.
40. Там же, д.329, л. 380-381.
41. *К. И. Костенков*. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. С. 30.
42. Очерки истории Калмыцкой АССР... С. 62.
43. *И. Я. Златкин*. История Джунгарского ханства... С. 50.
44. Очерки... С. 62.
45. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 40—41.
46. *П. И. Небольсин*. Указ. соч. С. 8—9.
47. Ф. 36, д. 55, л. 225 об.
48. Там же, д. 152, л. 52 об.
49. Там же, д. 110, л. 366 об.
50. Там же, д. 180, л. 287 об.
51. *Б. Я. Владимирцов*. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. М—Л., 1934. С. 97.
52. Ф. 36, д. 185, л. 212.
53. Ф. 36, д. 21, л. 42
54. Там же, л. 43.
55. Там же, д. 284, л. 56.
56. Там же, л. 100, 102.
57. *Ф. А. Бюлер*. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. — Отечественные записки, 1846. Т. 47. № 7. С. 21.
58. *Б. Я. Владимирцов*. Указ. соч. С. 132.
59. Там же. С. 134.
60. *И. Я. Златкин*. Указ. соч. С. 46.
61. Там же. С. 49—50.
62. Там же. С. 275.
63. *А. И. Чернышев*. Общественное и государственное развитие ойратов в XVII в. М., 1990. С. 60.

64. К. Ф. Голстунский. Указ. соч. С. 57—58.
65. Там же. С. 59.
66. Ф. 36, д. 383, л. 56 (377) — в деле двойная нумерация листов.
67. Там же. д. 329, л. 1053.
68. Ф. 35, д. 36, л. 282.
69. Ф. 36, д. 356, л. 446.
70. Там же. д. 161, л. 1005—1005 об.
71. П. И. Небольсин. Указ. соч. С. 7—8.
72. К. И. Костенков. Указ. соч. С. 92.
73. Б. Я. Владимирцов. Указ. соч. С. 137.
74. Там же.
75. П. И. Небольсин. Указ. соч. С. 7.
76. Б. Я. Владимирцов. Указ. соч. С. 170.
77. И. Я. Златкин. Указ. соч. С. 275.
78. Русско-монгольские отношения 1607—1636... С. 23.
79. Ф. 36, д. 242, л. 43—44.
80. Там же. д. 15, л. 105.
81. ЦГА РК—ХТ, Фонд Р—41, оп. 1, д. 3, л. 217, 221.
82. К. Ф. Голстунский. Указ. со. С. 62.
83. Там же. С. 109.
84. Ф. 36, д. 5, л. 118.
85. Там же. д. 15, л. 456.
86. Там же. д. 307, л. 763.
87. К. Ф. Голстунский. Указ. соч. С. 109.
88. Ф. 36, д. 312, л. 454; д. 329, л. 940.
89. Ф. 35, д. 28, л. 134.
90. К. Ф. Голстунский. Указ. соч. С. 57—58.
91. Там же. С. 63—64.
92. М. Г. Новолетов. Калмыки. Исторический очерк. СПб., 1884. С. 63.
93. Там же. д. 15, л. 105.
94. Там же. д. 18, л. 1 об.
95. Ф. 119. 1693, д. 1, л. 1-4.
96. Там же. 1700, д. 1, л. 35.
97. Там же. 1701, д. 4, л. 6.
98. Архив внешней политики России, фонд 119 "Калмыцкие дела", 1725, д. 2, л. 229 об.

Книга вторая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Архимандрит Гурий. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. т. 1, ч. 1. Казань. 1915. С. 184.
2. Н. Н. Пальмов. Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России. Астрахань, 1922. С. 29.
3. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Сборник документов и материалов, т. 1. М., 1978. С. 468—470.
4. Акты Московского государства. т. III, СПб., 1901. С. 461.
5. Центральный государственный архив Республики Калмыкия—Хальмг Тангч. Фонд 36 "Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе" (далее номер фонда без указания названия и места хранения (д. № 2, лл. 17, 53. Нумерация дел всех использованных в книге архивных фондов дается по первым описям.

6. Материалы по истории Башкирской АССР. часть 1. М.-Л., 1936. С. 181.
7. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 23.
8. Центральный государственный архив древних актов. Фонд 119 "Калмыцкие дела" (далее номер фонда без указания названия и места хранения), 1671 г., д. № 2, л. 41—48.
9. Там же, 1676 г., д. № 5, л. 18—20 об.
10. Там же, 1715 г., д. № 6, л. 12.
11. Памятная книжка на 1895 г. Астраханской губернии. Год XII. Астрахань, 1895 г. С. 58—59.
12. Ф. 36, д. № 403, л. 569—571.
13. Там же, д. № 19, л. 294.
14. Ф. 119, 1632 г., д. № 1, л. 21.
15. Ф. 36, д. № 177, л. 21 (в журнале разговоров разным, содержащейся по иностранной экспедиции 1744 года — в деле журнал идет после листа 294 с особой нумерацией листов).
16. ЦГА РК—ХТ, ф. 35 "Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии" (далее указывается лишь номер фонда), д. № 37, л. 38.
17. Ф. 36, д. № 364, л. 44.
18. Там же, д. № 303, л. 236.
19. ЦГА РК—ХТ, ф. 33 "Калмыцкая канцелярия" (далее лишь номер фонда), д. № 24, л. 46—47.
20. Там же, л. 24.
21. Ф. 36, д. № 251, л. 62.
22. Ф. 33, д. № 89, л. 22.
23. Ф. 36, д. № 351, л. 491.
24. ЦГА РК—ХТ, ф. 1 "Главный пристав при калмыцком народе" (далее лишь номер фонда), д. № 97, л. 100.
25. Ф. 36, д. № 355, л. 23.
26. Ф. 35, д. № 169, л. 163.
27. Ф. 36, д. № 427, л. 78.
28. Ф. 36, д. № 353, л. 491.
29. Там же, д. № 15, л. 197.
30. Там же, д. № 38, л. 200.
31. Там же, д. № 41, л. 178.
32. Там же, д. № 307, л. 686, 723.
33. Там же, д. № 390, л. 304.
34. Там же, д. № 226, л. 345.
35. Там же, д. № 219, л. 209.
36. Ф. 1, д. № 33, л. 30.
37. Б. Я. Владимирцов Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 141.
- И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства. Издание второе. М., 1983. С. 267.
38. Ф. 36, д. № 133, л. 35—36.
39. Там же, д. № 182, л. 76.
40. Там же, д. № 248, л. 482—483.
41. Там же, д. № 73, л. 48.
42. Там же, д. № 50, л. 148.
43. Ф. 119, 1712 г., д. № 6, л. 3—4.
44. Ф. 36, д. № 15, л. 10.
45. Там же, д. № 161, л. 58.

46. Там же, д. № 15, л. 325, 335.
47. Там же, д. № 36, л. 259.
48. Там же, д. № 386, л. 201.
49. Там же, д. № 364, л. 409—410.
50. Ф. 35, д. № 15, л. 171, 175—178.
51. Ф. 36, д. № 178, л. 40.
52. Там же, д. № 177, л. 23.
53. Там же, д. № 284, л. 46 об. — 47.
54. Там же, д. № 190, л. 271—273.
55. Ф. 35, д. № 134, л. 51.
56. Ф. 36, д. № 294, л. 249—250.
57. Там же, д. № 33, л. 54—57.
58. Там же, д. № 44, л. 127—128.
59. Там же, д. № 17, л. 171.
60. Там же, д. № 140, л. 36.
61. Там же, д. № 320, л. 109.
62. Там же, д. № 356, л. 458—459.
63. Там же, д. № 177, л. 34—35.
64. Там же, д. № 150, л. 169—171.
65. Там же, д. № 356, л. 506.
66. Там же, л. 565.
67. Там же, д. № 364, л. 312.
68. Там же, д. № 374, л. 224.
69. Там же, д. № 242, л. 8.
70. Там же, д. № 277, л. 104—111.
71. Там же, д. № 143, л. 54.
72. Там же, д. № 364, л. 313.
73. Там же, д. № 373, л. 493—494.
74. Там же, д. № 159, л. 150.
75. Там же, д. № 277, л. 104—111.
76. Там же, д. № 373, л. 1107.
77. Ф. 35, д. № 113, л. 104.
78. Там же, д. № 162, л. 93.
79. Там же, д. № 189, л. 158, 209.
80. Ф. 36, д. № 145, л. 61.
81. Там же, д. № 152, л. 176.
82. Там же, д. № 181, л. 209.
83. Там же, д. № 15, л. 243—244.
84. Там же, д. № 180, л. 162.
85. Там же, д. № 363, л. 68.
86. *И. Г. Георги*. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. IV. СПб., 1799. С. 6.
87. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II. С. 353.
88. Ф. 36, д. № 363, л. 18.
89. Там же, д. № 366, л. 224.
90. Ф. 35, д. № 17, л. 119.
91. Ф. 36, д. № 1, л. 14.
92. Там же, д. № 69, л. 95.
93. Там же, д. № 259, л. 124.
94. Там же, д. № 291, л. 2.
95. Там же, д. № 174, л. 208 об.
96. Там же, д. № 33, л. 189—190.
97. Там же, д. № 176, л. 42.
98. Там же, д. № 303, л. 236.

99. Там же, д. № 61, л. 56.
100. Там же, д. № 236, л. 528.
101. Там же, д. № 17, л. 172—173.
102. Там же, д. № 33, л. 203.
103. Там же, д. № 22, л. 7.
104. Там же, д. № 49, л. 25.
105. *П. Небольсин*. Указ. соч., С. 109.
106. Ф. 1, д. № 161, л. 60.
107. Ф. 36, д. № 72, л. 285—286.
108. Там же, д. № 75, л. 115.
109. Там же, д. № 36, л. 257.
110. Там же, д. № 52, л. 179.
111. Там же, д. № 44, л. 179.
112. Там же, д. № 162, л. 154.
113. *К. И. Костенков*. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб., 1870. С. 41.
114. Ф. 36, д. № 82, л. 227 об.
115. Там же, д. № 277, л. 108.
116. Ф. 1, д. № 114, л. 26.
117. Ф. 36, д. № 174, л. 366.
118. Там же, д. № 57, л. 467.
119. Там же, д. № 174, л. 366.
120. Ф. 1., д. № 161, л. 15 об.
121. Ф. 36, д. № 66, л. 152.
122. Там же, д. № 115, л. 107.
123. Там же, д. № 65, л. 122.
124. Там же, д. № 71, л. 20.
125. Там же, д. № 163, л. 421—422 об.
126. Там же, д. № 62, л. 141.
127. Там же, д. № 388, л. 139—146.
128. Там же, д. № 294, л. 281.
129. Ф. 35, д. № 185, л. 391, 399, 403, 405, 407.
130. Ф. 36, д. № 50, л. 136.
131. Там же, д. № 49, л. 153—154.
132. Там же, д. № 115, л. 252.
133. Там же, д. № 407, л. 760.
134. Ф. 34, д. № 60, л. 21.
135. Ф. 36, д. № 159, л. 150.
136. Ф. 35, д. № 185, л. 391.
137. Ф. 36, д. № 20, л. 365—370.
138. Полное собрание законов Российской империи, т. VII, № 4660.
139. Ф. 36, д. № 36, л. 77.
140. Там же, д. № 49, л. 362—367, 369—376.
141. Там же, л. 78—82, 88—90, 109, 114, 167—168, 174.
142. Там же, л. 227.
143. Там же, д. № 66, л. 37.
144. ЦГА РК—ХТ. фонд 27 "Астраханская контора калмыцких и татарских дел" (далее лишь номер фонда), д. № 8, л. 21—25.
145. Ф. 36, д. № 77, л. 20.
146. Там же, д. № 75, л. 58—59.
147. Там же, д. № 93, л. 4—6, 26—35.
148. ЦГАДА, ф. 16, "Внутреннее управление" (далее лишь номер фонда), д. № 619, л. 100.
149. Ф. 36, д. № 129, л. 108, 117.

150. Там же, д. № 166, л. 43—44.
151. Там же, д. № 41, л. 233.
152. Там же, д. № 15, л. 50.
153. Там же, д. № 11, л. 7.
154. Там же, д. № 161, л. 1013.
155. Там же, д. № 26, л. 201.
156. Там же, д. № 15, л. 185.
157. Архив внешней политики России (далее: АВПР), ф. 119 "Калмыцкие дела", оп. 1, 1723, № 6, л. 179 об.-180.
158. Там же, л. 176 об.
159. Ф. 36, д. № 220, л. 259—260.
160. АВПР, ф. 119, 1720 г., № 7, л. 4; 1725 г., № 2, л. 257.
161. Там же, 1723 г., № 6, л. 501.
162. Там же, 1724 г., № 14, л. 68 об.
163. Там же, 1723 г., № 6, л. 449—449 об.
164. Ф. 36, д. № 15, л. 210—211.
165. Там же, л. 195, 244.
166. А. М. Позднеев. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911. С. 7.
167. Ф. 36, д. № 174, л. 208—208 об.
168. Там же, д. № 379, л. 79—80.
169. Там же, д. № 386, л. 138—139.
170. Там же, д. № 253, л. 439; д. № 320, л. 37; д. № 329, л. 107; д. № 355, л. 23; д. № 356, л. 472; д. № 391, л. 428; д. № 426, л. 36.
171. Там же, д. № 152, л. 239.
172. Там же, д. № 234, л. 446.
173. Там же, д. № 357, л. 78.
174. Ф. 35, д. № 116, л. 120.
175. Ф. 36, д. № 294, л. 237.
176. Там же, д. № 376, л. 173.
177. АВПР, ф. 119, 1723 г., № 6, л. 24.
178. Ф. 36, д. № 243, л. 16—17.
179. Там же, д. № 177, л. 315 об.
180. Ф. 1, д. № 24, л. 37 об.
181. Там же, д. № 161, л. 15 об.
182. Ф. 36, д. № 161, л. 602, 604.
183. Там же, д. № 176, л. 173—174.
184. Там же, д. № 221, л. 307.
185. Там же, д. № 69, л. 95.
186. Там же, д. № 323, л. 295.
187. Там же, д. № 221, л. 135—136.
188. Там же, д. № 373, л. 809.
189. Ф. 35, д. № 116, л. 120.
190. Ф. 36, д. № 232, л. 44.
191. Там же, д. № 356, л. 458—459.
192. Там же, д. № 339, л. 168—169.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Ф. 16, д. № 619, л. 100—101.
2. Ф. 36, д. № 132, л. 6, 17, 25, 112—114, 118—119, 124—125.
3. Там же, № 135, л. 77—78.
4. Там же, д. № 132, л. 153—155, 157, 166, 170.
5. Там же, д. № 133, л. 28, 32—34, 35—39.
6. Там же, д. № 150, л. 1—4.

7. Там же, л. 119—126, 172—175.
8. Ф. 16, д. № 601, л. 1—6 об.
9. Ф. 36, д. № 161, л. 1005—1008.
10. Там же, д. № 194, л. 32.
11. Там же, д. № 150, л. 63.
12. Там же, д. № 289, л. 56—57.
13. Там же, д. № 306, л. 74—75.
14. Там же, д. № 307, л. 438, 530, 547; д. № 310, л. 86.
15. Там же, д. № 329, л. 116.
16. Там же, д. № 294, л. 127—128, 206—207.
17. Там же, д. № 329, л. 116, 155—163.
18. Там же, л. 225, 228.
19. Там же, л. 234—235.
20. Там же, д. № 346, л. 106—111.
21. Там же, л. 135—147.
22. Там же, л. 131—153.
23. Там же, л. 98—105.
24. Там же, л. 112—125.
25. Там же, д. № 360, л. 278—279.
26. ЦГАДА, фонд 407 "Казанская губернская канцелярия", д. № 876, л. 72.
27. Ф. 36, д. № 174, л. 39.
28. Там же, д. № 265, л. 6.
29. Там же, д. № 36, л. 435.
30. Там же, д. № 167, л. 256.
31. Там же, д. № 103, л. 14, 62.
32. Там же, д. № 356, л. 457.
33. Там же, д. № 142, л. 125.
34. Там же, д. № 181, л. 317—318.
35. Там же, д. № 356, л. 317—318.
36. Там же, д. № 362, л. 204.
37. *Н. Н. Пальмов* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 5. Астрахань, 1932. С. 33.
38. Ф. 36, д. № 288, л. 386—387; д. № 294, л. 510; д. № 326, л. 400.
39. Там же, д. № 312, л. 359.
40. Там же, д. № 301, л. 299.
41. Там же, д. № 326, л. 400.
42. Там же, д. № 357, л. 78.
43. Там же, д. № 359, л. 261—270.
44. Там же, д. № 103, л. 14.
45. Там же, д. № 150, л. 126.
46. Там же, д. № 177, л. 35. Большинство татар во время междоусобий откочевало на Кубань и в Крым, выйдя из-под власти калмыцких ханов.
47. Там же, д. № 154, л. 33, 37; д. № 210, л. 161—166; д. № 140, л. 35—36.
48. Там же, д. № 339, л. 522.
49. Там же, д. № 363, л. 44.
50. Там же, д. № 140, л. 35—36; д. № 177, л. 34—35.
51. Там же, д. № 271, л. 525.
52. Там же, д. № 194, л. 41.
53. Там же, д. № 226, л. 429.
54. Там же, д. № 243, л. 81—82.
55. Там же, д. № 277, л. 88—89.
56. Там же, д. № 288, л. 319.
57. Там же, д. № 174, л. 88.

58. Там же, д. № 265, л. 17.
59. Там же, д. № 300, л. 207.
60. Там же, д. № 220, л. 317.
61. Там же, д. № 181, л. 350, 353.
62. Там же, д. № 142, л. 69.
63. Там же, д. № 152, л. 176.
64. Там же, д. № 231, л. 111.
65. Там же, д. № 307, л. 879—880.
66. Там же, д. № 351, л. 489.
67. Там же, д. № 383, л. 344.
68. Там же, д. № 236, л. 451.
69. Там же, д. № 245, л. 46, 48.
70. Там же, д. № 374, л. 354—355.
71. АВПР, ф. 119, 1723 г., д. № 6, л. 240.
72. Там же, л. 305, об. —306.
73. Там же, л. 352—352, об. —365.
74. Там же, л. 176 об.
75. Ф. 36, д. № 42, л. 577.
76. Там же, д. № 41, л. 186.
77. Там же, л. 315.
78. Там же, д. № 69, л. 406.
79. Там же, д. № 77, л. 391—397.
80. Там же, д. № 83, л. 10—11.
81. Там же, д. № 82, л. 28.
82. Там же, д. № 94, л. 302.
83. Там же, д. № 108, л. 754; д. № 117, л. 1; д. № 120, л. 124.
84. Там же, д. № 132, л. 73—74.
85. Там же, д. № 140, л. 159.
86. Там же, д. № 132, л. 153—155.
87. Там же, л. 203.
88. Там же, д. № 150, л. 10.
89. Там же, д. № 180, л. 3.
90. Там же, д. № 185, л. 344—345.
91. Там же, д. № 210, л. 102.
92. Там же, д. № 219, л. 58.
93. Там же, д. № 163, л. 512.
94. Там же, д. № 174, л. 88.
95. Там же, д. № 174, л. 254.
96. Там же, д. № 217, л. 72.
97. Там же, д. № 219, л. 130.
98. Там же, д. № 312, л. 368.
99. Там же, д. № 177, л. 328—329.
100. Там же, д. № 181, л. 209, 212—213.
101. Там же, л. 214—215.
102. Там же, д. № 183, л. 85—87.
103. Там же, д. № 194, л. 32.
104. Там же, л. 27 (карандашная нумерация)
105. Там же, д. № 307, л. 204.
106. Там же, д. № 351, л. 609.
107. Там же, д. № 279, л. 45.
108. Там же, д. № 230, л. 378, 387.
109. Там же, д. № 167, л. 9.
110. Там же, д. № 211, л. 95—95 об.
111. Там же, д. № 329, л. 116.

112. Там же, д. № 330, л. 62.
113. Там же, д. № 294, л. 307 об.
114. АВПР. ф. 119, 1723 г., д. № 6, л. 299—299 об.
115. Ф. 36, д. № 246, л. 246.
116. Там же, д. № 431, л. 16.
117. Там же, д. № 375, л. 219—221.
118. Там же, д. № 379, л. 57.
119. Там же, д. № 388, л. 120—125.
120. ЦГАДА, ф. 16, д. № 619, л. 121—124.
121. Ф. 36, д. № 431, л. 15—16.
122. Ф. 35, д. № 25, л. 663.
123. Ф. 36, д. № 368, л. 414.
124. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период.

С. 214—215.

125. Ф. 36, д. № 418, л. 17—18.
126. Там же, д. № 418, л. 2; д. № 415, л. 38—40.
127. Там же, д. № 418, л. 22.
128. Там же, д. № 421, л. 5.
129. Там же, д. № 418, л. 11.
130. Там же, д. № 432, л. 13—23.
131. Там же, д. № 403, л. 573.
132. Там же, д. № 418, л. 41.
133. Там же, д. № 420, л. 84, 86—87.
134. Там же, д. № 420, л. 27—28, 53; д. № 435, л. 25. Ф. 35, д. № 6, л. 34—36, 84—85.
135. Ф. 35, д. 17, л. 114.
136. Ф. 36, д. № 426, л. 49.
137. Там же, д. № 431, л. 14, 20—21, 41—47.
138. Ф. 35, д. № 18, л. 17—18. 56.
139. Там же, д. № 18, л. 54—56; д. № 25, л. 660—664.
140. Там же, д. № 39, л. 161.
141. Ф. 36, д. 412, л. 55—56.
142. Ф. 35, д. № 72, л. 100.
143. Там же, д. № 37, л. 35—37.
144. Ф. 36, д. № 432, л. 72—75.
145. Ф. 35, д. № 12, л. 339, 354, 356, 360, 363.
146. Там же, д. № 18, л. 5.
147. Ф. 36, д. № 432, л. 102.
148. Ф. 35, д. № 25, л. 594, д. № 30, л. 51.
149. Там же, д. № 94, л. 84—85.
150. Там же, д. № 19, л. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
-----------------	---

Книга первая. Восхождение на гору Сумеру

Часть I. ВСЛЕД ЗА СОЛНЦЕМ

Лабиринты тысячелетий	0
Загадки века	0
Пути и распутия на запад	0
Далай-Батыр	0
Семейные отношения	0
Преступления и наказания	0
Хо-Орлюк	0

Часть II. НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Образование Калмыцкого ханства	0
Будни кочевников-скотоводов	0
О дарханах и... фальшивых пятаках	0
Охота и рыболовство	0
Трудный путь к взаимопониманию	0
О Мазан-Батыре и ратной службе	0
Административно-управленческая система	
Калмыцкого ханства	0
Камо грядеши?	0

Книга вторая. Обретение будущего

Часть I. НА ПЕРЕЛОМЕ

Хан Аюка: человек и политик	0
Вертикаль общества: верхи	0
Вертикаль общества: низы	0
Миражи и реальности усобиц	0
Миражи и реальности усобиц:	
штрихи к портретам главных участников	0
Вертикаль общества: на дне	0

Часть II. ДОРОГИ В БУДУЩЕЕ

Тихий поворот	0
Новые хозяйственные явления	0
Дондук-Даши	0
Роковая развилка	0

Библиографические ссылки	0
--------------------------------	---

Научное издание

Батмаев Максим Манчиевич

КАЛМЫКИ в XVII-XVIII веках
События, люди, быт

Книга первая. Восхождение на гору Сумеру
Книга вторая. Обретение будущего

Главный редактор *Д. Б. Дорджиева*

Редактор *И. Ф. Рвачев*

Художественный редактор *С. А. Бадендаев*

Технический редактор *К. П. Белова*

ЛР № 010037

ИБ № 1496

Сдано в набор 05. 08. 93. Подписано в печать 29. 10. 93.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 2.

Гарнитура Гельветика. Печать офсетная. Усл.печ.л. 20,16.

Усл. кр.-отт. 9,27. Уч.-изд.л. 23,12.

Тираж 10000 экз. Заказ 2695.

"С" 033.

Калмыцкое книжное издательство,

358000, г. Элиста, ул. Ленина, 243.

АПП "Джангар"

Республики Калмыкия — Хальмг Тангч.

358000, г. Элиста, ул. Ленина 245.

Батмаев М.М.

Б 283 **Калмыки в XVII-XVIII веках. События, люди, быт:**
В 2-х книгах. — Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.

ISBN 5-7539-0227-8

В настоящее издание включены обе книги: первая, ранее изданная и вызвавшая большой интерес читателей — "Восхождение на гору Сумеру" дополнена новой главой об административно-хозяйственном управлении в Калмыцком ханстве в XVII—XVIII вв., вторая — "Дороги в будущее" издается впервые. Основываясь на архивных материалах и исторических трудах дореволюционного и новейшего времени, автор высказывает свой взгляд на характер русско-калмыцких отношений того периода, обрисовывает портреты наиболее крупных личностей, оказавших влияние на события, раскрывает причины, вызвавшие трагический поворот в судьбе калмыцкого народа — разделение его и уход одной части из пределов Российского государства в 1771 г.

Б 0503020200 - 030
М 126(03) - 93 **7 - 92**

ББК 63.3 (2Р-6Ка)